

Репко С.И.

**ВОЙНА И ПРОПАГАНДА
(XV – XX ВВ.)**

Москва - 1999

УДК 311.9
ББК: 63.3
Р-63

Репко С.И. Война и пропаганда (XV-XX вв.) – М.: Издательство «Новости», 1999, Часть 1. – 436 с.

ISBN 5-7020-1148-1

Научная монография описывает шесть веков российской пропаганды на противника в войнах. Анализируется пропаганда против латинян (1461-1490), пропагандистская деятельность Ивана Грозного и Емельяна Пугачева, пропаганда на Францию и ее союзников (1802-1814), информационная война 1914-1917 годов, подрывная пропаганда большевиков (1918-1926), политическая работа среди войск противника, населения и военнопленных в войнах и военных конфликтах 1939-1947 годов.

УДК 311.9
ББК 63.3

© Репко С.И. Текст.

СОДЕРЖАНИЕ:

Пропаганда 1461-1490 годов.....	4
Ведение пропаганды в войнах 1500-1578 годов.....	11
Пропаганда в гражданской войне 1773-1774 годов	42
Пропагандистская война России в 1802-1814 годах	75
Пропаганда на иностранных языках в 1914-1917 годах.....	117
Пропаганда на войска интервентов на Северном фронте.....	146
Пропаганда на Западном фронте.....	178
Ведение пропаганды против казаков	187
Пропаганда для разложения церкви (1917-1925)	198
Ведение пропаганды на мусульман (1918-1926).....	224
Пропаганда на противника в военных конфликтах на Дальнем Востоке.....	243
Пропаганда в войне против Польши (1939)	258
Пропаганда на население и войска противника в войне против Финляндии	273
Пропаганда на противника в 1940 году	288
Подготовка и ведение пропаганды в 1941 году.....	302
Ведение пропаганды в 1942 году.....	321
Пропаганда на противника в 1943-1945 годах	344
Пропаганда на население зарубежных государств	377
Пропагандистская работа среди военнопленных.....	395
Приложения.....	418

Пропаганда 1461-1490 годов

В XV веке Россия вела войны почти постоянно, и во второй половине столетия интенсивность боевых действий увеличилась. В районе Москвы военные действия шли в 1404, 1408, 1439, 1445, 1446, 1452 и 1454 годах. На юго-западе от Москвы русские полки в 1422 году безуспешно осаждали Константинополь. На юго-востоке в землях Рязанского княжества и в районе Казани война шла в 1444, 1459, 1460, 1467-1469, 1478 и 1487 годах. К северу от Москвы на землях Великого Новгорода война велась в 1411, 1445, 1449, 1456, 1483-1499 годах. Основным стратегическим направлением противодействия внешней экспансии являлся Запад. В 1401, 1402 году война шла в смоленских землях, а в 1426- 1428 годах - в псковских землях против войск, стремившихся подчинить Россию римскому папе. Россия теряла земли в Восточной Европе под ударами латинских крестоносцев, в XIII веке поработивших славян Пруссии и продолжавших экспансию на Восток. В 1410 году объединенные силы славян разбили крестоносцев в Грюнвальдской битве, где от русских участвовал 51 полк из общего числа 91 полка. В результате разгрома погибли 18 тысяч, а 40 тысяч крестоносцев попали в плен (соотношение убитых и пленных 1 : 2,2). В 1413 году славянское княжество Литва для увеличения сил в борьбе с крестоносцами объединилось с Польшей. Однако после ряда военных неудач в 1415-1419 годах в Литве и Польше религия была реформирована по католическим догматам, а епископ перестал подчиняться православному митрополиту. В 1427 году Литва подчинила себе Псковское княжество, а с 1436 года на всей территории Литвы стала действовать латинская инквизиция.

В 1439 году на соборе христианских церквей во Флоренции представитель патриарха Византии подписал акт об унии с латинской церковью. Этот документ предусматривал подчинение византийской церкви римскому папе, реформу православия и признание догматов католической религии. Представлявший на соборе киевскую митрополию этнический грек митрополит Исидор подчинялся патриарху византийской церкви, поэтому 4 июля 1439 года он также подписал акт об унии, подчиняя духовенство и князей Руси власти римского папы. Но после возвращения Исидора в Москву великий

князь Василий 11 сместил его с митрополичьей кафедры и посадил под арест в Чудов монастырь. Это было равносильно объявлению Россией войны Византии. Запад продолжал экспансию на Русь тайными методами. Католическая Литва установила секретные связи с руководителями Новгородской республики. Чтобы помешать планам элиты Великого Новгорода перейти в подчинение католической Литвы, в 1471 году Москва начала военные действия против Великого Новгорода, продолжавшиеся до 1480 года.

Пропагандистская война Руси в XV веке дискредитировала католическое духовенство, которое в начале XV века помогало экспансии крестоносцев Ливонского ордена», а затем тайными методами осуществляло идеологическую экспансию. Авторами пропагандистских материалов являлись московские митрополиты, поскольку они возглавляли русскую церковь и были наиболее просвещенными людьми общества. Пропаганда велась в форме посланий князьям. Переписчики в Москве размножали тексты, а гонцы доставляли послания князьям. Четыре текста посланий опубликованы в «Истории русской церкви» митрополита Московского и Коломенского Макария (М.: Изд-во Валаамского монастыря, 1995, книга вторая, с.550-568). В текстах посланий отсутствуют даты составления, однако время написания текстов можно определить по косвенным признакам. Первый текст начинают слова: «Аз Федос худый раб Пресвятыя Троица и Отца и Сына и Святаго Духа...». По всей вероятности, автором текста является Феодосий, поставленный московским митрополитом в 1461 и смещенный в 1464 году. Вероятно, можно датировать это послание периодом правления митрополита Феодосия.

Второй текст является более подробным вариантом первого. По содержанию он отличается лишь гораздо большим количеством аргументов. Данный текст назван «Сязанье (спор, состязанье. - *Прим. ред.*) с латиною, вин числом 70». Вероятно, текст был подготовлен митрополитом Терентием, когда в Москве в период с октября 1472 до февраля 1473 года проводилось «состязанье о вере» с посланником римского папы кардиналом Антонио Поссевиным, доставившим невесту Зою Палеолог для царя Дмитрия Юрьевича, имевшего тронное имя Базилевс (Василий), что в переводе с греческого означало «царь». Два других послания составлены в

период с 1489 до 17 октября 1490 года, когда в Москве провели церковный собор против ереси. Вероятно, тексты готовили несколько авторов, в числе которых был архиепископ Великого Новгорода Геннадий, под руководством которого в 1497 году написали первый полный вариант текста Библии на славянском языке. (на русском языке текст Библии с Ветхим заветом впервые официально издан по постановлению Синода в 1875 году.- *Прим. ред.*). Два послания перечисляли факты нарушения догматов религии «латинами». Они были аналогичны тем обвинениям, которые упоминались на церковном соборе 1490 года, когда за ересь осудили на казнь дьяка посольского приказа Фёдора Курицына и других людей.

Для понимания особенностей содержания текстов посланий XV века приведем отрывок из вступительной части послания под названием «Стязанье с латиною », полный вариант которого в форме современного книжного печатного текста занимает около трех страниц. Приведенный текст переведен с древнеславянского языка. При чтении следует учитывать, что в то время понятие «латиняне» не соответствовало современному. В четвертом послании 1490 года «слепой латиною» назывались священнослужители всех церквей, которые с 1439 года входили в унию с римской католической церковью, разрешавшей ведение богослужения только на трех языках: греческом, иврите и латинском. К «слепой латине» автор послания XV века причислял римскую католическую церковь, армянскую и болгарскую церковь, которые он рассматривал, как еретические церкви, отступившие от догматов Нового завета.

Текст «Стязание с латиною...» гласит: «Когда Великий Константин от Христа принял царство и вера христианская начала оттоле более расти и распространяться всюду, и приложилось Римское царство ветхого Рима в Константинополь,¹ то из семи святых Вселенских соборов на седьмом Соборе папа великого старого Рима (Римский папа. - *Прим. ред.*) или сам приезжал на собор, или присылал своих епископов. Святые церкви имели единство и совокупность друг с другом, одинаково говорили и одинаково мыслили. Потом же захватили старый Рим немцы и обладали той

¹ Создание столицы Константинополь 29.8.1289 (330 н.э.) в г. Византий

землей. Через малое время старые правоверные люди, которые хранили и придерживались закона Христа, святых апостолов и святых отцов, отошли в мир иной. С их смертью неутвердившаяся в вере молодежь прельстилась немецкими обычаями, впала в многие различные вины, и поэтому за те вины они были похулены и отречены от божественного закона. По тем грехам видно, что они впали в иудейство, а с ними в ересь впали и многие советы других церквей. Они не захотели оставить творимое зло, поэтому были от нас отвержены. Евангелие же их почитается в великой церкви, как доброе и поклоняемое. Однако оно почитается на их обличение и на стыд, поскольку они не живут так, как велит Евангелие...» Далее в тексте послания перечисляются многочисленные вины «латинян», факты нарушения ими Нового завета и православных церковных обрядов.

В четырех посланиях периода 1461 - 1490 годов в общей сложности содержится 124 темы и призыва, среди которых призывы занимают 20,9 % (26). Интенсивность употребления призывов в посланиях неравномерна. Подавляющее большинство призывов (20) содержится в послании митрополита Феодосия. Вероятно, высокий эмоциональный накал послания в период 1461-1464 годов отражал непримиримую позицию этого главы русской церкви. Видимо, такая резко враждебная «латинам» позиция митрополита вызвала сильное противодействие Запада и привела к его быстрому свержению через два года после избрания на кафедру. По-видимому, именно об этом митрополите в источниках говорится, что ему выкололи глаза, отрезали язык, а затем казнили, как отступника. В трех остальных текстах 1472- 1490 годов призывов мало, и в основном применяется способ фактологической пропаганды, когда сознанием читателя манипулируют при помощи изложения многочисленных, специально подобранных фактов, которые завершаются 1-2 призывами.

Целями призывов является повышение авторитета православных священников, дискредитация «латинской» веры, защита православных обрядов и запрещение православным общаться с представителями другой конфессии. Среди 26 призывов упоминаются следующие: «Если кто говорит вам кроме нас, а не как мы, да будет проклят», «Если ангел пришел с неба благовестить нам, но не так, как мы благовестим, да будет проклят», «Берегись кривоверных и всех их

слов», «Не подобает, чадо, хвалить чужую веру», «Ты же, чадо, берегись их и свою веру непрестанно хвали», «Вере латыньской не преучайтесь», «Не поклоняйся», «Так как меня ты вопрошал, того ради молю тебя, имей преданья святых апостолов», «Не свойся к ним», «Бегай от них», «Блюда своих дочерей», «Не давай /дочерей/ за них» (за латинов. - *Прим. ред.*), «Не бери /в жены/ их дочерей», «Не братайся», «Не ешь с ним из одного блюда», «Не пей с ним», «Не целуй его /латинянина/», «Не принимай их брашна» (брашно - старославянское слово «пища», «снеть». - *Прим. ред.*), «Не скрывай в себе, но помоги правоверным», «Если видишь иудея, или сарацина, или болгарина, или еретика или латинянина, и от всех поганых всякого помилуй и от беды избавь», «Не достойно, чадо, человеку-христианину себя связать, но пусть будет связан отцом духовным», «От того же /от отца духовного/ разрешение прими», «И сказал бы ты в воскресенье не резать /животных/ и не есть их», «Бог мира да будет с вами», «Умри с дерзновением за веру Христову».

Целями воздействия тематики посланий являются: дискредитация служителей церковной иерархии «латинов», дискредитация прихожан латинских церквей, призывы к защите православия, призывы к православным не общаться с представителями другой религиозной конфессии. Наибольшее количество тем посвящено дискредитации прихожан латинских церквей, внушению того, что прихожане латинских церквей неправильно верят в Бога и неправильно живут. В текстах упоминают грехи того, что латины «неправо веруют и нечисто живут», «едят с псами и кошками», «пьют свою мочу», «едят львов и диких коней, и ослов, и удавленину и мертвечину, и медвежатину и бобровину и хвост бобров». Прихожан латинских церквей: обвиняют в нарушении правил и обрядов православной религии. Говорится, что они «в посты едят мясо», «в пятую неделю поста во вторник чернецы их («чернь», представители низших сословий общества. - *Прим. ред.*) едят лои» (лои - старославянское слово «сало». - *Прим. ред.*).

Послания обвиняют латинов в том, что «согрешив, они просят прощение не от Бога, а от попа», что они «не целуют икон и мощей святых», что латины «крест целуют, нарисовав на земле, и, встав, попирают его ногами». Представителей конфессии римской католической церкви послание также обвиняет в том, что они

«родившегося ребенка не называют именем святого, а просто родители дают ему имя». Особо подчеркивается отступление латинов от обрядов православия, что они «по субботам постятся как иудеи», что «в субботу они постятся, и, попостившись, едят молоко и яйца». Прихожан костелов обвиняют в том, что они «вступают в савльскую ересь, творят то, что иудеи».

Особенно подчеркивается, что грехом латинов является то, что «после смерти жены муж женится на ее сестре». Также в тексте приводится обвинение латинам, что «женщины их выходят замуж за братьев, за близких родственников». Послание содержит утверждение о том, что «многие злые дела у латинов, а вера их полна развращенной гибели». Кроме того, послание говорит, что «людям латинской и армянской веры не видеть жизни вечной». В числе обвинений латинам приводится то, что они «постригают бороды бритвой, а это отсечено от Моисеева закона и от Евангелия». Также среди грехов названо то, что латины «плюют на руку при крещении», «крестятся они пятью пальцами», «дают они детям зверские имена: Лев, Пардус». Латинов обвиняют в том, что они «святым иконам не кланяются и их не целуют», что они «в церкви лицом падают, крест рисуют пальцем и попирают его ногами». Осуждаются традиции латинов, при которых «жены их сидят во время службы на престоле». Примечательно, что в тексте за отступление от требований религиозных традиций латинов сравнивают с ворами и разбойниками, дискредитируют словами Христа: «Не всякий произносящий «Господи» войдет в царствие небесное. Не входящий в дверь есть вор, разбойник». В послании 1490 года верующих латинской, армянской и иудейской конфессии называют бранным словосочетанием «слепая латина».

На втором месте по количеству упоминаний стоят темы, призванные дискредитировать служителей культа «латинских» церквей. В числе обвинений такого рода приводятся данные о том, что «на войну ходят епископы и попы оскверняют руки кровью», что «епископы воюют, а господь это запретил: «Вложи нож свой в ножницу. Кто ударит тебя по щеке, обрати к нему другую». Послания осуждают латинских епископов за безнравственность: «епископы их женятся и попы имеют наложниц». Внимание обращается на отход епископов от традиций православия:

«запрещено у латин дьякам жениться, если хотят стать попами», «епископ носит перстень на руке, а Христос и апостолы этого не разрешали», «во время службы епископы опресноком (пресным хлебом. - *Прим. ред.*) служат и едят его как иудеи», «во время отпевания гроб они ставят в алтарь», «во время службы епископ не так говорит, как православные», «икон в церкви они не держат, а только распятие», «впадают они в Савльскую ересь, говорят, что дух святой исходит от Бога-Сына», «во время литургии они не то говорят, что говорят, что говорят православные», «изменили они слова апостола Павла».

Особо в посланиях подчеркиваются грехи пресвитеров, которые «в пост едят бобров, говоря, что это - рыба, так как бобр живет в воде». Много обвинений касаются отступлений епископов от традиций осуществления обрядов. Так, их обвиняют, что «при крещении епископы делают одно погружение в воду, как иудеи», «при крещении они сыпят соль в рот», «при крещении дает имя новорожденному мать, а не святой отец». Много прегрешений перечисляются в отношении обрядов латинцев. Епископов послания обвиняют в том, что «три раза в день они творят литургию», «во время службы все стоят в алтаре, а ведь прибожник только для святых отцов», «изображения святых икон они делают на мраморе и на помостах церковных», «не принимают они учение святых Василия Богослова и Григория Златоуста», «не кланяются они мощам святых и иконам». Особо подчеркивается жадность епископов, что они «умершего епископа держат непогребенным 8 дней, пока прихожане не придут с ним проститься и не принесут подарки». Латинских священников обвиняют в том, что они «умершему под тело кладут руки», «умершему очи, ноздри, уши затыкают воском».

Послания содержат подробное перечисление нарушений латинскими епископами слов Христа о хлебе. При этом подчеркивается, что Моисей говорил об опресноке (пресном хлебе), а Христос - о кислом хлебе. Для более подробного разъяснения разницы между этими двумя видами хлеба послание говорит о составных частях хлеба: «Мука - это тело, квас - душа, соль - ум, вода - дух живой». Это разъяснение призвано наглядно объяснить читателю суть отхода от учения Христа и дискредитировать служителей «латинских» конфессий. Епископов также обвиняют в

несториевой ереси, при которой «латины» сомневаются в постулатах о непорочности Марии Богородицы. В заключительных предложениях послания 1490 года о латинской церкви говорится самыми ругательными словами, сравнивая ее со срамной частью тела, что «латина» отвержена от церкви, «как уд сгнил отвергнутый неисцеленный».

Пропаганда 1461-1490 годов показывает, что руководство России в то время уже осознавало особый российский менталитет, противопоставляя себя и свой народ «латинам». Содержание посланий дискредитировало священнослужителей католической конфессии, постулаты и обряды «латинской» веры потому, что католические пресвитеры идеологически обосновывали войну против России, внедряли в сознание прихожан (воины также были прихожанами) враждебные России стереотипы, призывали прихожан к войне против православных христиан.

Ведение пропаганды в войнах 1500 – 1578 годов

В XVI веке Россия редкий год жила без войны. В начале века шли войны против Ливонского ордена (1501-1503), против населенного русскими людьми государства Литва (1500-1503, 1513-1522, 1527-1537), против Крымского ханства (1508, 1518, 1533). Во второй половине века боевые действия велись против Казанского ханства. Годы войны в источниках отличаются, поскольку в летописях новый год в тот период начинался с 1 сентября, однако имелась и другая традиция отсчета нового года - с 1 марта. С Казанским ханством войны велись в 1546-1554, 1571, 1576 годах. Три года (1555-1557) подавляли восстание в Поволжье. Еще три года (1582-1584) русские полки подавляли восстание Ногайской орды. На северной границе московские полки воевали со шведами в 1556, 1571, 1577 и 1579-1582 годах. Война против Ливонского ордена шла в 1558, 1559, 1569 годах. После распада Ливонии на три государства военные действия велись против Эстляндии, Курляндии и Лифляндии в 1571, 1573, 1577 и 1578 годах. Война против Литвы и объединившегося с 1570 года польско-литовского государства Речи Посполитой велась в 1563, 1564, 1579-1582 годах. О ходе боевых действий до нас дошли

скудные сведения, которые говорят о большом масштабе войн и о том, что в боях участвовали десятки тысяч воинов. Потери в сражениях были внушительными. В документах упоминалось, что в 1501 году под Мстиславцем московские полки разгромили войска Литовского княжества, которые потеряли убитыми 7 тысяч человек. В этот же год Ливония потеряла 40 тысяч человек убитыми и пленными. В 1581-1582 годах при осаде войсками короля Стефана Батория крепости Пскова захватчики потеряли только убитыми более 5 тысяч человек.

Русские исторические летописи сохранили сведения о ведении Московским государством пропагандистской войны с противником. В 1500 году великий князь Иван 111 перед объявлением войны Литве направил в Смоленск письмо к литовскому князю Александру (в то время в Литве говорили и писали по-русски. - *Прим. ред.*), в котором обосновал справедливость войны. Он заявил, что защищает в Литве православных христиан. Иван 111 обвинил князя, что в Литве русских детей силою крестят в «закон римский», что «дочь моя Елена (жена князя Александра. - *Прим. ред.*) слышит хулы на свою веру от епископа Вильны отступника Иосафа». В «складной грамоте» Иван 111 объявлял о сложении с себя клятвы крестным целованием о мире с Литвой. Грамота заканчивалась словами: «Хочу стоять за христианов сколько мне бог поможет». Московские послы уведомили князя Александра, что князья Чернигова и Рылска со своими землями добровольно присоединяются к Москве, и будут охраняться ее войсками. В последующих за этим военных действиях в 1500 году Москва захватила Брянск, Мценск, Серпейск. В 1512 году был захвачен находившийся в черниговских землях Путивль - вотчина Богдана Глинского, который был дедом матери будущего царя Ивана 1У (Грозного).

В царствование великого князя Василия 111 война в черниговских (северских) землях продолжалась. В 1508 году из Литвы после восстания в Москву перебежал князь Михаил Львович Глинский со своими братьями. В 1509-1511 годах М.Л. Глинский посылал датскому королю письма, настраивая его против литовского князя Сигизмунда 1 (1467-1548). Одно из писем перехватили литовцы, после чего в 1511 году Сигизмунд 1 жаловался в Москву Василию 111 и просил его казнить М.Л. Глинского. Сам Василий 111

также вел пропаганду. Накануне войны 1512 года он направил Сигизмунду 1 «складную грамоту», в которой обосновал справедливость войны против Литвы тем, что его сестра Елена (вдова князя Александра. - *Прим. ред.*) подвергалась притеснениям воевод городов Вильны и Троцка (современный г. Тракай в 40 км от Вильнюса. - *Прим. ред.*). Он писал, что у Елены забрали казну, отобрали людей ее двора, не дают управлять жмудскими волостями и городами, данными ей покойным мужем.

Во второй половине XVI века пропагандистская война усилилась. В 1560-1570 годах русские вели подрывную пропаганду, распространяя «глумливые письма» на русском языке, дискредитирующие великого князя Сигизмунда 11 Августа (1520-1572), который в 1530 году стал польским королем. Приехавший в 1572 году на переговоры в Москву посол Литвы Михайло Гарабурда пожаловался, что москвичи ведут подрывную пропаганду, и этого обвинения во время приема в царском дворце не отрицали. Царский дьяк Ондрей Яковлевич Щелкалов отвечал, что оскорбительные для короля письма сочинены служившими с 1565 до 1571 года в царском опричном дворе бывшими ливонскими дворянами Таубе и Крузе “в опровержение сигизмундова злословия”.

Посол Литвы не смог ничего возразить в ответ, потому что, во-первых, Таубе и Крузе в 1571 году бежали к Сигизмунду и использовались им как советники в войне против России. Во-вторых, ставший польским королем в 1548 году Сигизмунд 11 Август на протяжении многих лет сам засылал в российские монастыри, к московским боярам “подметные письма” и грамоты подрывного содержания с предложением бежать в Литву. Инициатором ответной пропаганды на Литву являлся царь Иоанн 1У, который, вероятно, редактировал тексты “глумливых писем”, как он редактировал летопись времени своего царствования. Письма, как правило, готовились несколькими дьяками из посольского приказа - аналога современного министерства иностранных дел, а также государевыми (царевыми) дьяками из опричного двора. По подписям авторов на обратной стороне документов в архивах известны имена авторов посланий. Среди них в различные годы упоминаются: великого князя дьяк Елиазар Цыплятев (подпись на грамоте 1519 года), царев дьяк Данило Выродков (1539), царя и великого князя дьяк Юрий Сидоров

(1551), глава посольского приказа, хранитель государственной печати дьяк Иван Михайлович Висковатый (1553-1570), а также дьяки: Борис Алексеевич Шекин (1555), Путаля Михайлов (1565), Арцибашев (1574); государев царев и великого князя дьяк Иван Дорофиев (1572), а также члены походной (воинской) Думы царевы дьяки Ондрей Яковлевич Щелкалов (подписи на документах 1563-1572 годов) и Василий Яковлевич Щелкалов (1572-1592), которые выполняли наиболее важные задания царя после казни в 1570 году дьяка И.М. Висковатого. Наряду с письмами на русском языке в посольском приказе писали письма на иностранных языках дьяк Иван Языков, владевший 4 иностранными языками (польским, французским, немецким и латинским), дьяк Федор Писемский, владевший 6 языками, дьяки Петр Сафронов и Михил Яковлевич Колымет, а также дьяки-иностранцы: Генрих Штаден (Гришка Жаден), Иоганн Таубе и Эллерт Крузе.

Для ведения подрывной пропаганды на иностранном языке в Москве много раз использовали взятых в 1560 году в плен ливонских дворян Иоганна Таубе и Элерта Крузе. Эти любимцы Иоанна Грозного получили в царском опричном дворе высокий чин думных людей. На службе у русского царя они не только занимались подрывной пропагандой против Ливонии, но в 1570 году также создавали в Европе благоприятное представление о политике Иоанна Грозного и мощи России. Так, в письмах к императору Священной Римской империи Максимилиану они писали о том, что "один Иоанн может изгнать турков из Европы, имея войско бесчисленное, опытное, непобедимое".

Для пропаганды с целью разложения противника царь Иоанн IУ, кроме ливонцев, также привлекал живших в Москве татарских сановников. Так, накануне переправы русских полков через Волгу 15 августа 1552 года татарский лазутчик доставил в город Казань написанные лояльным Москве царевичем Шах-Али послания к казанским вельможам, которые гарантировали их безопасность в случае выдачи русским войскам виновников мятежа. В письме к родственнику царевича - правителю Казани хану Едигеру предлагалось, чтобы он "не безумствовал в надменности, не считал себя равносильным великому Монарху Христианскому, смирился и приехал в стан к Иоанну без всякой боязни".

Вероятно, в редактировании и составлении наиболее важных посланий участвовал бывший архиепископ Великого Новгорода Макарий (1482 - 1563), избранный московским митрополитом в 1546 году благодаря поддержке суздальских князей Шуйских. Он до смерти оказывал значительное влияние на политику российского государства при номинально правившем страной Иоанне. Макарий с 1553 до 1563 года противодействовал английскому влиянию при царском дворе, приведшему в 1558 году к перевороту в высших эшелонах государственной власти России и изменению российской внешней политики с целью вооруженного «прорубания окна в Европу» на балтийском побережье для английского торгового флота. Макарий редактировал наиболее обширное русское литературное произведение XVI века «Великие Четьи Минеи» (12 томов), а также «Степенную книгу». Предположение об участии митрополита в редактировании царских посланий можно сделать потому, что в текстах грамот, «крепких заповедей» и писем приводится большое количество цитат из Ветхого завета, слова Иисуса Христа, апостолов, пророков, ссылки на высказывания отцов церкви из многочисленных источников церковной литературы.

Митрополит редактировал тексты царских грамот до 1563 года. После его смерти митрополитом под именем Афанасий стал бывший духовник Иоанна IУ, протопоп царского семейного Благовещенского собора. Летом 1564 года он, вероятно, редактировал царское послание во все города России об измене князя А.М. Курбского. Такое предположение весьма вероятно потому, что в тексте приводится огромное количество цитат текстов священных книг. Всего в первом послании Ивана IУ (во второй редакции) упоминаются 124 имени, из которых 75 - библейские персонажи. В тексте 23 раза приводятся слова Иисуса Христа, 4 раза упоминается Иуда, 3 раза - Моисей. Также в тексте 11 раз цитируются высказывания апостола Павла, 2 раза приводятся слова апостола Петра и один раз - апостола Якова. В тексте по одному разу упомянуты пророк Давид и пророк Исайя. В письме Иоанна Грозного 8 раз упоминается Израиль. Несомненно, что для составления подобного текста необходимо было отлично знать церковную литературу и проверять правильность цитирования священных текстов, что мог сделать лишь сам митрополит.

Сохранились тексты посланий Иоанн 1У Василию Грязному, царю и великому князю Симеону Бекбулатовичу, польскому королю Стефану Баторию (1581), английской королеве Елизавете (1570). Также имеются переписанные с оригиналов в XVІІ веке или цитируемые в зарубежных изданиях послания немецкому императору Карлу V (1547), английскому королю Эдуарду VІ (1554), крымскому хану Девлет-Гирею (1556), несколько писем польскому королю Сигизмунду ІІ Августу, литовскому послу гетману Ходкевичу (1563), бежавшему в Литву предателю князю Андрею Михайловичу Курбскому (1564), польскому послу Кротошевскому (1570), члену общины чешских и моравских братьев Яну Роките (1570), литовскому князю Александру Полубенскому (1579), польскому королю Стефану Баторию (1579), английской королеве Елизавете І (1582).

Имеются тексты писем Иоанна Грозного турецкому султану, носящие откровенно бранный характер, однако в 1957 году исследователями оспаривалось авторство этих документов и их подлинность по причине их неприличного тона. Наряду с ругательными посланиями султану сохранились упоминания о письмах совершенно другого рода, призванных создать у турецкой элиты благоприятное представление о России, о политике русского царя по отношению к исламу и представителям мусульманской конфессии в стране. Например, в 1570 году Иоанн 1У в поздравительном письме новому султану, доставленном дворянином Новосильцевым в Константинополь, перечислял все дружественные сношения России с Турцией от времени Баязета, удивлялся вторжению войск Селима в наши владения без объявления войны, предлагал мир и дружбу. Эти факты показывают, что в период правления Иоанна 1У внешнеполитическая пропаганда велась при помощи писем, посылавшихся из Москвы главам иностранных государств. Целью пропаганды являлась дискредитация правителей враждебных России стран или создание благоприятных представлений о политике России.

Грамоты, направлявшиеся зарубежным адресатам от имени Иоанна Грозного, он сам редактировал, диктовал царским дьякам (секретарям - *Прим. ред.*) или исправлял. Оригинальный стиль царя в письмах можно увидеть по его явному отличию от стереотипного

слога посольской переписки. Особенностью стиля Иоанна является сходство письменного текста с устной речью, наличие повторов, перескоков на другие темы, импровизации, изложения мыслей без строгого плана. Все это не характерно для посольской переписки, где тезисы излагались по рангу в строгой последовательности и в соответствии с традициями. Слог Иоанна в “глумливых письмах” выявляется по употреблению им притворно смиренного тона или ученых цитат из текстов книг отцов церкви наряду с насмешками, издевательствами и ругательствами.

Пропаганду на врага вели не только царь Иоанн IУ, дьяки посольского приказа в Москве, лояльные России высшие татарские сановники или служившие в опричном царском дворе иностранные дворяне. Царские воеводы в пограничных российских городах также писали грамоты к зарубежным королям. Так, в декабре 1556 года для подготовки к войне со Швецией в Новгороде собралось большое войско, чтобы устроить шведов и заставить их выполнить условия Москвы без военных действий. Московские воеводы: новгородский наместник князь Димитрий Палецкий, князь Петр Щенятев и астраханский царевич Кайбула послали шведскому королю Густаву Вазе письмо с угрозами. Короля обвинили в том, что он бессовестно нарушил перемирие с Россией, напал летом 1556 года на русскую крепость Орешек, жег русские селения. Выдвигалось условие, чтобы шведский король в течение двух недель сам выехал на границу или прислал вельмож для рассмотрения обоюдных претензий и казни обидчиков. В случае невыполнения условий Густава Вазу устрашали тем, что начнется война, и он станет виновником ужасного кровопролития. Однако шведы прислали грубый ответ, после которого город Выборг подвергся трехдневному обстрелу из орудий, город Нейшлот был razорен, а его многочисленных пленных продали в Новгороде. Мужчину продавали за гривну (10 копеек), а молодую женщину - за пять алтын (15 копеек). Число пленных было так значительно, что цены упали, и женщина-пленница стоила чуть больше фунта сахара (4 алтына).

Цели, содержание и способы русской подрывной пропаганды того времени видны при анализе четырех текстов писем 1564 года и письма 1577 года. Одно письмо называется «Благочестивого великого государя и великого князя Иоанна Васильевича всеа Руси

послание во все его великия Росии государство на крестопреступников, князя Андрея Михайловича Курбского с товарищи, о их измене». В историографии оно известно как «первое послание», у которого имеется две редакции текста. Один из вариантов письма занимает 88 страниц, написанных почерком «полуустав». Текст этого письма также имеет краткую редакцию на 44 страницах под названием «Лета 7072-го цареву государеву послание во все его российское царство на изменников его, на князя Андрея Курбского с товарищи, о их измене». Третий текст назван «Грамота государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Росии в землю Вифлянскую во град Волмер ко князю Ондрею Курбскому». Этот вариант письма называют «вторым посланием» Ивана 1У. Четвертый текст является письмом 1577 года, написанным после захвата московскими полками города Волмер в Лифляндии, данного польским королем во владение А.М. Курбскому.

«Первая редакция» письма царя Ивана 1У от 5 июля 1564 года является огромным для того времени литературным произведением. Контент-анализ лексики и анализ стиля изложения текста показывают, что «крепкую заповедь», вероятно, писали 4 человека. Письмо это создавалось теми же лицами и по тем же принципам, по которым составлялись посольские грамоты. После бегства А.М. Курбского за границу в середине апреля 1564 года до конца июня Иоанн Грозный не мог самостоятельно сочинить такое огромное и сложное послание. Царь в то время путешествовал и побывал в Никитском монастыре в Переяславле, в дворцовых селах под Можайском и Вязьмой. Однако он все же продиктовал писцам ряд страниц, где обращение идет от первого лица. Вероятно, текст письма писал дьяк Ондрей Васильев. В 1563-1565 годах он являлся одним из наиболее приближенных к царю дьяков, поскольку Иоанн Грозный брал его с собой в поход для завоевания Полоцка и оказал высокую честь. Дьяка он поставил у входа в царский шатер вместе с дворовым воеводой боярином Иваном Петровичем Яковлевым и князем Петром Ивановичем Горенским для встречи литовского воеводы Довойны, прибывшего к царю для сдачи города Полоцка.

Анализ лексики и стиля текста дают основание предположить, что письмо писали еще три человека. По-видимому, одним из этих авторов являлся глава посольского приказа хранитель государевой

печати (по рангу канцлер. - *Прим. ред.*) дьяк Иван Михайлович Висковатый, который пользовался особой доверенностью и милостью Иоанна Грозного. На участие дьяка И.М. Висковатого в составлении текстов подрывных материалов в Литву и Турцию указывают материалы его обвинительного заключения. Перед казнью 25 июля 1570 года в Москве думный дьяк прочитал на большой торговой площади в Китай-городе обвинение, в котором утверждалось, что “Иван Михайлов, бывший тайный советник государев... служил несправедно его царскому величеству и писал к королю Сигизмунду... изменник неблагодарный писал к султану турецкому”. Вторым косвенным признаком участия И.М. Висковатого в составлении письма Андрею Михайловичу Курбскому от 5 июля 1564 года является то, что последовательность изложения материала в начале письма и некоторые обороты речи полностью копируют традиции посольской переписки, что не мог придумать человек, который не занимался этим делом.

Текст первого варианта письма предназначался для рассылки по городам России. Направление письма в город Волмер (в других вариантах текста писалось, что письмо послано в город Владимир) свидетельствует, что царь Иван IУ считал этот город своей наследственной собственностью. В тексте «крепкой заповеди» Волмер именуется «отчина» (родовое имение, пожалованное в потомственное владение. - *Прим. ред.*) царя Ивана Васильевича.

Анализ показывает, что главной целью послания была дискредитация А.М. Курбского, назначенного королем Сигизмундом 11 воеводой города Волмера. По количеству тем, призванных опорочить князя Андрея, эта цель воздействия занимает 79,7 % (всего насчитывается 232 темы). Авторы послания в первую очередь стремились оклеветать представителя древней элиты, потомка князя ярославского и смоленского Федора Черного, который основал Владимирское княжество и причислен церковью к лику святых. Дедом А.М. Курбского являлся «покоритель Перми и Югры» Семен Федорович Курбский. Новая элита государства - Глинские после смерти в 1563 году митрополита Макария обвинила представителя древней знати А.М. Курбского во всех мыслимых грехах и преступлениях.

В тексте «второй редакции» послания дискредитируют главу челобитного приказа владельца костромской вотчины окольничего Алексея Федоровича Адашева (9 упоминаний в тексте письма), а также бывшего духовника царя, священника Сильвестра, служившего в Благовещенском соборе Кремля, являвшемся домовою церковью царской семьи (9 упоминаний). Нападки в тексте на представителей древнего рода князей Шуйских повторяются в письме 6 раз. Среди критической информации текста послания имеется неблагоприятный отзыв о князе Ивана Васильевиче Шуйском, которого царь Василий III перед смертью назначил регентом при малолетнем Иване IУ.

Наиболее серьезные обвинения в тексте утверждали о предательстве князем А.М. Курбским православной религии, что по традициям того времени являлось наиболее тяжким преступлением. В тексте князь 7 раз обвинен в отступничестве от православия и назван “отступником от Бога”, “отступником от честного и животворящего креста господня”, “отступившим от поклонения божественным иконам”, “отступником” (4 раза). Кроме того в тексте, подразумевая Курбского, утверждалось, что “отступник - это наихудший из грехов”.

Согласно традициям православия, человек демонстрирует свою приверженность к вере тем, что в храме после богослужения целует протягиваемый ему священником крест с распятым на нем Христом. Это ритуальное действие является символом приверженности вере и традициям, эквивалентным присяге или торжественной клятве. Символом веры также является поклонение в церкви священной чаше, святым иконам; вкушение в храме после торжественного богослужения хлеба и вина, символизирующих плоть и кровь Христа - “приобщение к святым таинствам”. В XVI веке обвинение кого-либо в “преступлении через крестное целование” являлось показателем величайшего греха. В тексте письма царь называет Курбского “крестопреступником” (3 раза), “нарушителем крестного целования” (2 раза), “врагом креста Христова” (1). Кроме того Курбский назван “осквернившим и поправшим священные сосуды и образа” (1), “поправшим святыя иконы” (1), “поправшим все священные установления” (1), “отвергнувшим христианскую божественную тайну” (1).

Князя А.М. Курбского также обвиняют в том, что он “против Бога восстал” (1). Вместе с другими беглецами его обвиняют в том, что они “на церковь востали” (5 раз) “предали православное христианство” (2), “нарушили присягу” (1). Князь назван “противником Бога” (1), “предателем христианства” (2 раза), “блудником” (2), “врагом креста Христова”. Иоанн Грозный в тексте послания также пишет о Курбском как о человеке, “святые храмы разорившем” (1 раз).

При дискредитации не только утверждается то, что человек предал традиции отцов (православную религию), но всевозможными способами понижается его социальный статус в иерархии общества. Во-первых, для понижения социального статуса традиционно использование утверждения, что объект дискредитации является не человеком, а животным. В тексте письма для этого в основном использовались ругательства, ярлыки и слова с негативной эмоциональной окраской. Курбского в письме называли “собакой” (12 раз), “бешеной собакой” (1), “псом” (1), “смердящим псом” (1), “подобным псу” (1), “бешеной собакой” (1), “собакой-изменником” (1), “отродьем ехидны” (1). Группа бежавших из Москвы в Литву изменников называлась “собачьей стаей” (1). Их также уподобляли диким животным, когда написали: “... вы яритесь как дикие звери” (1). Письмо утверждало, что бежавший в Литву князь ведет себя как собака. Царь говорил о Курбском: «ты по собачьему обычаю изменил нам». Курбского в письме даже отнесли к ползучим, холоднокровным земноводным, написав, о нем: “змеиный яд ты спрятал под языком своим” (1). Также в письме утверждалось, что князь Курбский “... словно смертоносная ехидна” (1).

Во-вторых, в тексте письма социальный статус понижается при отнесении человека к низшим кастам общества, на социальное дно. Авторы письма для этого называют занимающего высокое положение князя Курбского “рабом” (6 раз) и “холопом” (1).

В-третьих, для понижения социального статуса объект дискредитации причисляют к символам зла: бесу, дьяволу, черту; а также к символу предательства (Иуда), сравнивают с уродливыми или страшными существами (с негром, эфиопом и т.п.) Резкие нападки письма заключаются в употреблении ругательных слов,

когда царь говорит о Курбском: “отец твой - дьявол”(1). Кроме того, дискредитация достигается употреблением утверждений и словосочетаний типа “твои друзья - слуги дьявола”(1), “твои единомышленники - бесы” (1), “бесовские слуги”(1), “они подражают бесам” (1). В тексте письма о А.М. Курбском также говорится, что он имеет “бесовскую хитрость” (1). Царь пишет об изменнике: “Во всей Вселенной нет равных тебе по бесовским замыслам”.

Для оценки действий Курбского в различных сочетаниях употребляется слово “злобесный” (28 раз): “злобесный умысел” (2 раза), “злобесное желание” (2 раза), “злобесный замысел” (2 раза), “злобесный произвол”, “злобесный собачий умысел”, “злобесное собачье желание”, “злобесный разум”, “злобесный нрав”, “злобесное поведение”, “злобесное обыкновение”, “злобесный советник”, “злобесное восстание”, “злобесное сопротивление”, “злобесное письмо”, “злобесные единомышленники”. Иоанн Грозный также обвиняет А.М. Курбского в том, что он “... сам впал в злобесную манихейскую ересь”.

Нейтральность и границы приличий были нарушены в утверждениях письма типа: “...ты изыгаешь яд подобно бесу”. Другие менее резкие приемы дискредитации в послании утверждают, что Курбский “подобен Иуде” (2 раза). Кроме того, в письме говорится, что у князя “эфиопское лицо” (1).

В-четвертых, понижение социального статуса достигается при принижении интеллектуальных возможностей объекта дискредитации, отнесении его к неумным, сумасшедшим, скудоумным, ничтожным людям, к глупым женщинам. В тексте письма о Курбском пишут: “ты писал без разума”, «твой безумный разум», “... ты подобен бесноватому”, “уподобляясь бесноватым”. О князе и других изменниках в письме говорится, как о скудоумных людях” (1). Содержание послания Курбского царю Иоанну Грозному оценивается как “безумие” (1). Интеллект изменника, бежавшего в Литву, сравнивают с “женским неразумием” (2 раза). Курбского открыто называют “ничтожеством” (1).

В-пятых, понижение авторитета и социального статуса объекта дискредитации возможно указанием на отсутствие у него храбрости,

на его трусливое поведение. В тексте письма о Курбском и его сторонниках говорится: «Вы испугались, словно малые дети» (1). Текст также утверждает, что из-за трусости во время подготовки к войне против Казанского ханства не явились на войну друзья Курбского, которые по разнарядке должны были привести с собой в государственное войско 15 тысяч воинов.

В-шестых, дискредитация князя Андрея достигается при указании на нарушение им нравственных норм общежития, обвинении его в супружеской неверности, в прелюбодействе. Иоанн 1У в письме 1577 года обвиняет князя А.М. Курбского в том, что он - “прелюбодей”, совративший жену одного из стрельцов.

В-седьмых, понижение доверия к человеку достигается при обвинении его в нарушении религиозных традиций и правил, в различных уклонениях от требований церковных канонов. Письмо 5 раз обвиняет изменника Курбского в отклонениях от норм и традиций православия. Князя обвиняют в “наватской ереси” (2 раза), в “фарисействе” (1), в “саддукейской ереси” (1), в “манихейской ереси” (1 раз).

В-восьмых, дискредитация возможна при обвинении объекта воздействия в отсутствии у него совести, нарушении им законов, требующих подчинения руководству. Письмо 12 раз обвиняет Курбского в измене, в нарушении требований подчинения царю. Князь и его сторонники 14 раз названы “изменниками”, “злосными изменниками” (1). Дискредитация достигается при обвинении человека в предательстве, нарушении им присяги, клятвы верности. Иоанн 1У пишет о Курбском и его подручных: “предали вы своих государей”, “нарушили вы присягу”, “привыкли вы изменять”. Изменников он называет ‘клятвопреступниками’. О поведении бывшего московского воеводы Иоанн 1У пишет: “восхваляешь ты изменников”

В-девятых, приемом дискредитации является утверждение о том, что объект воздействия бездушен, что он злобный, негуманный человек, плохо относится к людям. Письмо утверждает о том, что А.М. Курбский “погубил душу”, “погубил не только свою душу, но и души своих предков”, “отверг свою единокровную душу”. Царь Иоанн 1У говорит о Курбском: “ослеп ты в своей злобе”, “ты совершил

злодейство". Об изменнике говорится как о человеке, "примкнувшим к врагам христианства" (2 раза), как о "губителе христиан"

В-десятых, дискредитация осуществляется при обвинении человека в совершении преступления, в нарушении законов. В письме царь Иоанн IУ выдвигает перед Курбским и его сторонниками обвинение в том, что они "преследовали царицу" (первую жену царя Анастасию. — *Прим. ред.*), "причинили царю зло", "поносили перед послами нас" (т.е. царя - *Прим. ред.*), "подстрекали к избиению христиан", осуществляли "гонения на людей".

В-одиннадцатых, понижение доверия к человеку достигается обвинением его в хитрости, двуличии, коварстве. Письмо 3 раза утверждает о "коварных замыслах" Курбского, о его "бесовском злохитрии", говорит о том, что он "неправедный" человек.

В-двенадцатых, дискредитация возможна при выдвижении против человека обвинения в чрезмерной гордыне, высокомерии, в нарушении христианского требования о скромности и смирении. В письме князя называют "себялюбивый", "распираемый гордостью".

Царь Иван IУ писал письма в свои города и за рубеж, используя данные политической разведки. Для этого он собирал сведения не только по военным вопросам, но также и о внутренней ситуации в зарубежных государствах, об отношениях между руководящими деятелями в правящей элите, об отношениях между странами и т.п. Выяснять подобные сведения Иоанн IУ поручал прежде всего послам, которых он направлял за рубеж. Например, в 1577 году направленный в Австрию посол Ждан Квашнин должен был собрать информацию по нескольким вопросам: «Разведать в Германии, дружен ли римский Папа с императором, с королями испанским, французским, шотландским, Елисаветою Английскою; умирились ли внутренние мятежи во Франции; какие переговоры идут у цесаря с нею и с другими державами; сколько у него дохода и войска».

Во второй половине ХУI века пропаганда на противника имела особенности, связанные с уровнем развития средств записи и способов передачи информации. В 1564 году в Москве действовали только 2 типографии, издавалось мало печатных материалов, а

бумага была чрезвычайно ценным товаром, закупавшимся в Голландии. Основным способом пропагандистского воздействия на врага являлась пересылка писавшихся гусиными перьями писем (“грамот”) от русского царя к королям, князьям, ханам, султанам других государств или к военачальникам иностранных армий. Грамоты доставлялись послами, передавались засылавшимися для этого лазутчиками, которые тайно пробирались через границу в нужное место.

Вторым способом являлась устная пропаганда послов, игравших роль своеобразных “живых писем”. Царь устно сообщал послам сведения, предназначенные для пересказа тому человеку, к которому они ехали. Так действовали и короли других стран. Для примера приведем ответ прибывших в 1549 году в Москву двух польских послов Станислава Кишки и Маршалка Комаевского, которые в качестве извинения перед московскими боярами за свое нелепое требование отдать Польше 5 самых крупных российских городов (Новгород, Псков, Смоленск, а также города Северские: Новгород Северский и Путивль) сказали: “Посол как мех; что в него вложишь, то и несет. Исполняем данное нам от короля и думы повеление”.

Примечательны указания Иоанна IУ российским послам в 1569 году о поведении на переговорах и содержании сведений, которые они должны были передать полякам во время переговоров или нахождения в королевской резиденции: “Если будет говорить с вами в Литве князь Андрей Курбский или ему подобный знатный беглец российский, то скажите им: “Ваши гнусные измены не вредят ни славе, ни счастью царя великого. Бог дает ему победы, а вас казнит стыдом и отчаянием”. С простым же беглецом не говорите ни слова; только плюньте ему в глаза и отворотитесь... Когда же спросят у вас: “Что такое московская опричнина? - скажите: “Мы не знаем опричнины. Кому велит государь жить близ себя, тот живет близко; а кому далеко, тот далеко. Все люди Божии да государевы”.

Второй пример указаний относится к 1570 году. Иоанн IУ дал их послу Новосильцеву для передачи этих сведений турецкому султану. В Константинополе посол должен был заявить, что Иоанн Грозный “не есть враг мусульманской веры. Слуга его, царь Саин-Булат господствует в Касимове, царевич Кайбула - в Юрьеве, Ибак - в

Суржике, князья ногайские - в Романове. Все они свободно и торжественно славят Магомета в своих мечетях; ибо у нас всякий иноземец живет в своей вере. В Кадоме, в Мещере многие приказные государевы люди мусульманского закона. Если умерший царь казанский Симеон («царь и великий князь всея Руси» Симеон Бекбулатович погиб в ссылке в Соловецком монастыре. - *Прим. ред.*), если царевич Муртоза сделались христианами, то они сами желали, сами требовали крещения.”

В 1577 году Иоанн IУ отправил к новому крымскому хану Магомет-Гирею знатного сановника - князя Мосальского с приветствием и богатыми дарами, которых прежде не посылали в Крым, а также с наказом: “Бить челом хану; обещать дары ежегодные в случае союза, но не писать в шертную грамоту. Требовать, но без упорства, чтобы Магомет-Гирей называл великого князя царем. Вообще вести себя смирно, убегать речей колких, и если хан или вельможи его вспомнят о временах Калиты и царя Узбека, то не оказывать гнева, но ответить тихо: «Не знаю старины. Ведает ее Бог и вы - государи!”

Эти слова показывают, что царь Иоанн IУ определял для послов политическую линию переговоров, направления противодействия враждебной пропаганде. Он давал основные тезисы будущих выступлений, указывал уязвимые с пропагандистской точки зрения темы и факты российской жизни, которые следовало замалчивать, а также варианты интерпретации известных за рубежом фактов о России. Устные указания царя послы запоминали и затем вели пропаганду в соответствии с этими требованиями.

Роль “живых писем” выполняли также отпущенные пленные, рассказывавшие то, что они увидели за время пребывания в плену, и те сведения, которые им поручалось сообщить после возвращения домой. В XVI веке сложилась система использования пленных в целях пропаганды и оказания психологического воздействия. Она включала: организацию торжественных шествий по Москве захваченных пленных, отпуск пленных домой с заданием передачи какой-нибудь информации своему командованию, использование пленных для психологического давления, устрашения противника.

После крупных побед Иоанн IУ приказывал провести пленных по Москве, чтобы поднять настроение своего народа, понизить настроение пленников и показать им мощь московского государства. Например, Иоанн Васильевич Грозный приказал показать феллинских пленников народу после разгрома 21 августа 1560 года мощной ливонской крепости Феллин с тремя каменными крепостями, глубокими рвами и 450 орудиями. Для этого знатных немцев водили по улицам Москвы. В числе зрителей этого торжества находился один из двух бывших ханов Казани, который плюнул на немецкого сановника, сказав ему: "Задело вам, безумцам! Вы научили русских владеть оружием; погубили нас и самих себя!" По-видимому, бывший казанский хан так осудил пленных правителей прибалтийского города за то, что 1 октября 1552 года под руководством ливонского инженера был осуществлен подкоп и взорвана мощная крепостная стена Казани, что позволило русским полкам захватить город. Несомненно, что выкупленные пленники рассказывали в Ливонии и других государствах свои впечатления о Москве и России.

Во время войны царь Иоанн IУ демонстрировал великодушие к пленным, а затем отпускал их, чтобы факт хорошего отношения к противнику становился известным тем, кто продолжал сопротивление. Особенно эффективной подобная тактика оказалась при осаде города Полоцка. Литовский комендант крепости 15 февраля 1561 года выгнал прятавшихся в крепости жителей пригородов. Таким способом он сэкономил продовольствие при осаде. В окруживший город "государский полк" пришли 11160 жителей. Тысячи других людей пришли в воеводские полки и в татарские станы. Иоанн Васильевич Грозный приказал войскам не захватывать людей в плен для последующей продажи, не грабить, не обижать жителей, а принять их, как братьев. Общее число гуманно принятых войсками жителей превысило 20 тысяч человек. Из чувства благодарности эти люди указали места, где в ямах был спрятан хлеб. Нескольких из них тайно заслали в крепость, где они известили население, что "русский царь есть отец всех единоверных христиан, побеждая, милует" После этого под давлением требований населения, не захотевшего больше переносить лишения осады, жертвы и разрушения от продолжавшегося обстрела из орудий,

воевода Довойна заключил договор о сдаче города. Он лишь просил Иоанна IУ гарантировать его личную свободу, оставление имущества знатным гражданам и беспрепятственный отпуск из города немецких наемников из королевского польского войска.

Примером использования пленных для воздействия на командование противника в 1577 году является политика Иоанна IУ в южной Ливонии по отношению к знатным литовским пленникам. Царь освободил их в городе Вольмаре, одарил шубами и золотыми кубками, пригласил на пир вместе с российскими воеводами. После этого Иоанн Васильевич отпустил этих пленников и вручил литовскому князю Александру Полубенскому письмо, которое просил передать изменнику Курбскому. Также гуманно Грозный простил в 1577 году изменника - датского принца Магнуса, которого отпустил в Дерпте, взяв с него клятву в верности с обязательством выплатить России 40 тысяч венгерских гульденов, возвратил ему города Оберпален, Каркус и еще прибавил три города: Гельмет, Зигельсвальде и Розенберг.

Царь Иоанн Грозный использовал пленных с целью психологического воздействия на противника, снижения его боевого духа. Например, 29 августа 1552 года при осаде Казани он распорядился привязать к кольям перед русскими укреплениями несколько сотен захваченных татарских пленников из разбитого войска Япанчи, чтобы они умоляли своих соплеменников о прекращении войны и спасении их жизней. В соответствии с планом, одновременно с этим русские сановники выехали ближе к стенам крепости и, указав на пленных, обратились к татарам: «Иоанн обещает им жизнь и свободу, а вам прощение и милость, если покоритесь ему». Однако, к удивлению российских войск, татары неожиданно убили несчастных сограждан, выпустив по ним множество стрел. При этом они кричали: «Лучше вам умереть он нашей чистой, нежели от злой христианской руки!»

Летом 1578 года командующий обороной города Полоцка князь Василий Иванович Телятевский использовал пленных для устрашения противника. Захватив нескольких наступавших на город польских солдат, он велел их умертвить, привязать к бревнам и кинуть в реку Двину. Это было сделано для устрашения солдат

противника смертью. Командующий хорошо понимал, что подобный поступок вызовет усиление ненависти противника, и в случае поражения не позволит русским войскам рассчитывать на гуманность врага. Убив пленных, и надругавшись над ними, русские не только устрашали врага, но и отрезали себе возможность остаться в живых при захвате крепости, усиливали сопротивление русского гарнизона, у которого не оставалось другого выхода кроме победы над наступающими поляками.

Во время военных действий против коалиционного противника по приказу царя Иоанна IУ войска доброжелательно относились к тем пленным, государство которых в Москве хотели склонить к выходу из враждебной коалиции. Так, в декабре 1558 года по приказу царя два полка по пять и семь тысяч воинов на судах приплыли в Азовское море и напали на Крымское ханство с тыла, пока войска хана Магомет-Гирея грабили русские деревни под Рязанью. Возглавлявшийся братом главы челобитного приказа окольничим Данилой Федоровичем Адашевым полк, захватив в море два неприятельских корабля, высадился в западной части Крымского полуострова и жег поселения татар более двух недель, освобождал русских невольников. Для того, чтобы не озлоблять Турцию, Данило Адашев по приказу Иоанна IУ отпускал захваченных на кораблях и в крымских селениях турецких пленных. Этих людей отправляли к паше в Очаков, приказывая передать ему: “Царь воевал землю своего злодея, Девлет-Гирея, а не султана, коему всегда хочет быть другом”. В результате войны и пропаганды, паша Очакова, чтобы предотвратить нападение русских на город, отправил к Д.Ф. Адашеву делегацию с подарками. Турки выехали к нему с дарами, “славили его мужество и добрую приязнь Иоаннову к Сулейману”. Так политика отпуска турецких пленных внесла раскол во враждебную коалицию, позволила русским войскам нейтрализовать турецкий очаковский гарнизон и беспрепятственно вернуться с добычей в верховье Днепра.

Во время правления Иоанна IУ особым способом воздействия на врага являлось принятие пленных на службу, предоставление им высоких чинов, привлечение к ведению подрывной пропаганды, направление с тайными поручениями и засылка во вражеские города. Например, царь Иоанн IУ в 1565 году дал двум ливонским пленным

Таубе и Крузе высокий сан думных людей в своем опричном дворе. Эти люди много лет вели подрывную пропаганду против Литвы, сочиняя “глумливые письма”. После того, как высокопоставленные пленники себя зарекомендовали и доказали свою преданность, Иоанн в 1569 году направил их с тайным поручением в Ревель (Таллинн). В этом городе они встречались с гражданами, “склоняя их поддаться царю, обещая им времена златые, свободу и тишину”. Тайные посланники царя говорили жителям: “Что представляет Ливония в течение двенадцати лет? Картину ужасных бедствий, кровопролитий, разорений. Никто не уверен ни в жизни, ни в достоянии. Мы служим великому царю московскому, но не изменили своему первому, истинному отечеству, коему хотим добра и спасения. Знаем, что он намерен всеми силами ударить на Ливонию, выгнать шведов, поляков, датчан. Где защитники? Германия о вас не думает. Беспечность и слабость императора вам известны. Король датский не смеет молвить царю грубого слова. Дряхлый Сигизмунд унижается, ищет мира в Москве, а своих ливонских подданных только утешает. Швеция ждет мести и казни. Вы уже сидели бы в осаде, если бы не жестокая язва, свирепствуя в России, не препятствовала царю мыслить о военных действиях. Он любит немцев. Сам происходит от Дома Баварского и дает вам слово, что под его державою не будет города счастливее Ревеля. Изберите себе властителя из князей германских. Не вы, но единственно сей властитель должен зависеть от Иоанна, как немецкие принцы зависят от императора – не более. Наслаждайтесь миром, вольностью, всеми выгодами торговли, не платя дани, не зная трудов службы воинской. Царь желает быть единственно вашим благодетелем!”

Таубе и Крузе были также с миссией в Дании, где они склонили к сотрудничеству молодого датского принца Магнуса, который тайно от своего брата короля согласился помогать политике Иоанна Грозного. Этому юноше обещали сан короля Ливонии, поэтому в 1570 году он с большой пышностью прибыл в Москву в сопровождении двухсот конников, чиновников и многочисленных слуг. Иоанн IУ после нескольких дней пиров объявил Магнуса королем Ливонии, дал ему русское войско для полного изгнания шведов из Эстонии. Он обещал выдать племянницу за него замуж, а в приданное дать пять бочек золота. Продвигаясь с войском по землям

Ливонии, Таубе и Крузе торжественно ручались жителям за искренность и добрую волю короля Магнуса. Они выступали перед жителями, говорили со знатными людьми и писали письма, обещая всем, что Ливония останется свободной. Тайные посланники Иоанна Грозного обещали людям, что они станут платить только “легкую дань государю московскому, что все русские чиновники выедут из Ливонии, что одни немцы именем короля и закона будут управлять землею”. Таким образом, 23 августа 1570 года Таубе и Крузе без кровопролития сумели привести 25000 русских солдат и Магнуса к самому Ревелю. Однако захватить город хитростью им все же не удалось.

Другим способом психологического воздействия на противника являлась процедура приема иностранных послов царским двором, обставлявшаяся так, чтобы напугать прибывших серьезностью намерений русского государства, унижить представителей враждебной страны и пославшего их короля различными способами, среди которых было направление послов в темницу или даже демонстративная казнь некоторых из них. Это делалось в расчете на то, что послы подробно передавали пославшему их королю всю информацию о процедуре приема у московского царя.

Упоминается несколько случаев того, как царь Иван Грозный издевался над послами государств, с которыми Россия вела войну. Так, пискаревский летописец сообщает, что в 1571 году царь вышел к крымским послам, прибывшим с требованием дани, одетый не по чину. Он “нарядился в сермягу бусырь да в шубу боранью, и бояря. И послом отказал: “Видишь же меня в чем я? Так де меня царь (крымский хан. - *Прим. ред.*) зделал! Все де мое царство выпленил и казну пожег, дати мне нечего царю!”

В конце осени 1557 года прибывшие в Москву ливонские послы пытались обмануть царя Ивана Грозного, не заплатив положенный по договорной хартии 1503 года многолетний долг дани. Завершив переговоры и подписав в Москве новый договор с Ливонией, оставалось его исполнить и заплатить деньги. Однако послы объявили, что с ними денег нет. Тогда царь Иоанн Васильевич пригласил их на торжественный обед во дворец. Там в течение нескольких часов пира ливонцам подавали пустые блюда. После

такого унижения и демонстрации враждебности послов отправили обратно, а за ними 22 января 1658 года границу Ливонии перешли русские войска.

В другой раз, издеваясь над литовскими послами, Иоанн Грозный надел литовскую шапку на своего шута и велел тому преклонить колено по литовскому обычаю. Когда шут не сумел сделать этого правильно, Грозный сам преклонил колено по-литовски и издевательски закричал возглас польской шляхты: “Гойда! Гойда!”

На аудиенции для устрашения послов и демонстрации своей решимости воевать царь Иоанн Васильевич и окружавшие его высшие государственные сановники принимали иностранцев в боевых доспехах и в полном вооружении. Так, например, было 5 октября 1567 года, когда в ответ на плохое отношение к московским послам в Литве Иван Грозный в шатре близ селения Медное принял королевского посланника Юрия Быковского, привезшего письмо Сигизмунда. Царь не подал ему руки, не накормил обедом, а велел “угостить его в другой ставке” и немедленно отослать в московскую темницу. Королевского посла выпустили из тюрьмы лишь через семь месяцев, чтобы начать с Литвой мирные переговоры. По совету бояр Иоанн IУ приказал доставить его во дворец, говорил с ним милостиво. Он сказал: «Юрий! Ты вручил нам письмо столь грубое, что тебе не надлежало бы остаться живым, но мы не любим крови. Иди с миром к государю своему, который забыл тебя в несчастии. Мы готовы с ним видаться, готовы прекратить бедствие войны. Кланяйся от нас брату, королю Сигизмунду Августу”.

Следует сказать, что царь Иоанн IУ предпринял по отношению к королевскому послу действия в духе тогдашних международных традиций. Заключение послов в тюрьму и издевательство над ними являлось в те времена обычным делом. Так, в начале сентября 1569 года два русских посла привезли письмо и дары паше города Кафы (Феодосии), который “взял дары, целовал грамоту Иоаннову, три дня чистил гонцов московских, а на четвертый заключил в темницу”. Также поступали с послами и в “просвещенной” Европе. Например, 29 сентября 1568 года шведы в Стокгольме ограбили двух русских послов, отняли у них одежду, грозили им смертью и 8 месяцев

держали в г. Або, как пленников. Подобные акции были призваны запугать противника, показать свою силу и решимость воевать.

В 1549 году примерно таково же было отношение в Москве к послам крымского хана Саип-Гирея, которые привезли письмо с требованием ежегодной дани 15000 золотых, подобно платившейся Крыму польским королем. В ответ на то, что в Тавриде обесчестили русского гонца, а также в отместку за то, что Саип-Гирей использовал захваченных русских купцов у себя во дворце, как рабов-прислужников, Иоанн Грозный приказал посадить крымских послов в темницу. Этот акт демонстрировал враждебность и был равносильен открытому объявлению войны Крыму.

В случае неизбежности войны, при демонстрации откровенной враждебности к правителям зарубежных стран Иоанн IУ не принимал их послов во дворце, держал под стражей и передавал свои условия через бояр, которые вели переговоры с послами “именем царя”. Например, в феврале 1557 года в Москву на 150 подводах прибыло шведское посольство, возглавлявшееся четырьмя важными деятелями: государственным советником Швеции, держателем королевской печати, архиепископом Упсальским, а также епископом города Або. По приказу царя послов поселили в Двор Литовский и держали там, как бы в заточении. С послами, выдвигавшими многочисленные претензии к России, “именем царя” вели споры московские бояре. В ответ на высказанное шведами нежелание вести какие-либо переговоры с наместником Новгорода, мотивируя его незнатным происхождением, бояре ответили: "Не бесчестье, а честь королю иметь дело с новгородскими наместниками. Знаете ли, кто они? Дети или внучата государей литовских, казанских или российских. Нынешний наместник, князь Глинский, есть племянник Михаила Львовича Глинского, столь знаменитого и славного в землях немецких. Скажем вам не в укор, но единственно в рассуд: кто государь ваш? Венценосец, правда; но давно ли торговал еще волами? И в самом великом монархе смирение лучше надменности”.

После долгих споров шведы уступили, а когда был составлен текст “перемирной грамоты” на 40 лет, то послов стали встречать и провожать в царский дворец высшие сановники. Во время пиров им стали подавать еду на золотых блюдах. Иоанн Васильевич вместо

дара отдал им без выкупа 20 знатных финских пленников. Высшей милостью царя была организация диспута о вере на греческом языке между русским митрополитом Макарием и архиепископом Лаврентием, после которого царь в знак особого расположения надел золотую цепь на грудь шведского архиепископа.

Особенностью ведения пропаганды во времена Иоанна Грозного являлось то, что ни одну войну он не начинал без того, чтобы предварительно не послать противнику письмо-ультиматум с требованиями. Войска переходили границу лишь в том случае, когда враг отвергал письменные требования. Например, так было в январе 1559 года, когда из Москвы послали письмо магистру города Риги, в котором говорилось, что от него зависит война и мир; что Иоанн еще может простить город, если немцы изъявят покорность. Лишь не дождавшись ответа, 17 января 1559 года сильное русское войско вступило в Ливонию.

Ультиматум выдвигался и весной 1559 года, когда с прибывшим от датского короля Фредерика I посольством вел переговоры второй человек по рангу в боярской думе окольничий Алексей Федорович Адашев. Датчане выдвинули требование к России не вести войну против Эстонии, поскольку она якобы находится в датском владении. В ответ на это Адашев "именем царя" прочитал ультиматум, где описывались вина и преступления эстонцев. Грамота заключалась словами: «Итак, да не вступается Фредерик в Эстонию. Его земля - Дания и Норвегия, а других не ведаем. Когда же хочет добра Ливонии, да советует ее магистру и епископам лично явиться в Москве перед нами. Тогда из особенного уважения к королю, дадим им мир, согласный с честью и пользою России. Назначаем срок, шесть месяцев Ливония может быть спокойна!» После этого датским послам для передачи вручили «опасную грамоту» на имя властителей Ливонии, в которой говорилось, что царь Иоанн жалует перемирие Ливонскому ордену с мая по ноябрь 1559 года. После этого срока, не получив ответа, Иоанн IУ вновь начал войну.

При ведении пропаганды на противника Иоанн Грозный учитывал национальные традиции, особенности психологии восприятия людей различных этнических групп, использовал

авторитетных людей, лояльных русским служителям религиозного культа для манипулирования мнениями жителей городов, против которых он вел боевые действия. Он знал, что традиционно наибольшим авторитетом среди мусульман пользуются пожилые люди. Так, 1 октября 1552 за сутки до начала штурма Казани по его приказу в окрестных селениях собрали наиболее пожилых и уважаемых татарских старейшин. Вместе с татарским вельможей Мурзой Камаем, держа в руках белые флажки, они приблизились к городским стенам и обратились к толпившимся на крепостных стенах людям. Парламентеры сказали, что царь Иоанн в последний раз предлагает окруженному и наполовину разрушенному городу сдаться на его милосердие. Он лишь требует выдачи главных изменников и прощает народ. Однако оборонявшие Казань военачальники отказались от предложения татарских старейшин о капитуляции, чем обрекли население на смерть и плен.

Второй пример использования авторитетных людей для манипулирования сознанием населения относится к периоду Ливонской войны, когда царь Иоанн IУ хотел поставить во главе этого прибалтийского края своего ставленника - датского принца Магнуса. В начале марта 1571 года на 30-й неделе осады Ревеля 25-тысячным русским войском в город был заслан католический пастор Шраффер, являвшийся духовным отцом Магнуса. Пастор уверял жителей в том, что “Иоанн есть государь истинно христианский, любит церковь латинскую более греческой и легко может пристать к аугсбургскому вероисповеданию. (т. е. к протестантизму или к католицизму. В 1555 году протестанты и католики заключили соглашение Аугсбурге. - *Прим. ред.*) Он строг по необходимости для одних россиян, а немцам - друг истинный. Ревель бесполезным сопротивлением удаляет златый век, даруемый Ливонии в особе юного короля”. Однако граждане Ревеля велели пастору идти обратно без ответа, поскольку находившиеся в городе католические священнослужители уже много лет запугивали горожан ужасами правления в России Иоанна Грозного. Население Ревеля не доверяло пропаганде, направленной на формирование благоприятного стереотипа о царе Иоанне IУ и о его политике. Не добившись успеха, русское войско 16 марта 1571 года было вынуждено снять осаду и уйти в восточную Ливонию.

Во время войн русские использовали дезинформацию для устрашения противника, внушения ему неуверенности в своих силах и исходе боя. Одним из наиболее показательных примеров дезинформации являются действия царского сановника Семена Мальцева, которого в сентябре 1569 года при возвращении из Ногайской орды на берегу Волги захватили в плен турецко-татарские войска паши Селима, наступавшие для захвата Астрахани. Раненого пленника приковали к пушке и угрожали ему смертью. Однако он обманул турецкое командование. Мальцев “признался” захватчикам, что якобы войско князя Петра Оболенского-Серебряного численностью 30 тысяч человек плывет вниз по Волге к Астрахани. Он говорил, что князь Иван Бельский идет берегом с большими силами, что персидский шах выступает в союзе с Россией, которая послала ему 100 пушек и 500 пищалей для нападения на войска паши Касима, что астраханские татары и Ногайская орда не помогают туркам, а заманивают их в сети. С.Мальцев учил и других русских пленных на допросе говорить то же самое. Кроме того, он разлагал греков и генуэзцев-наемников («волохов») в войске паши Касима, призывая их в случае боя перейти на сторону русских. Семен Мальцев вносил раскол в войско захватчиков также тем, что вел пропаганду среди татар Девлет-Гирея. Он обещал им большие деньги за службу у царя Иоанна Грозного и говорил им: “Вас у отца много. Он раздает вас по людям. Вы ни сыты, ни голодны. Вы скитаетесь из места в место. В Москве же найдете честь и богатство. Сам отец будет вам завидовать”. Эта пропаганда и отсутствие успеха в осаде Астрахани привели к тому, что разложившееся турецко-татарское войско 26 сентября 1569 года ушло обратно в Азов, где посол России в Крыму Афанасий Нагой выкупил С.Мальцева из плена.

Командовавшие русскими войсками воеводы использовали пропаганду для разложения противника, внушения ему неуверенности в своих силах, побуждения к прекращению сопротивления и сдаче в плен. В военной науке того времени использовалось словосочетание “взять крепость на договор”, смысл которого заключался в том, что осажденная крепость противника захватывалась не штурмом, а пропагандистскими мерами вынуждалась к капитуляции. Например, воеводы князь Федор Троекуров и Данило Адашев, 25 мая 1558 года осадившие ливонский

город Нейшлос, уже 6 июня “взяли его на договор”. Показательным примером “взятия крепости на договор” являются способы ведения подрывной пропаганды летом 1558 года, когда командующий русскими войсками князь Петр Иванович Шуйский вел войну против зависимого от Ливонского ордена Дерптского (Тартуского) епископства. Не желая проливать кровь русских воинов, Шуйский, завершив приготовления к штурму крепости, стал разлагать оборонявшихся пропагандой.

Парламентеры под барабанный бой объявили ультиматум окруженным. На размышление жителям давалось два дня. В ультиматуме говорилось, что царь Иоанн торжественно обещает жителям “милость, свободу веры, целостность древних прав и законов”. Также гарантировалось, что в случае сдачи крепости, “каждый может беспрепятственно выехать из города и беспрепятственно возвратиться”. После этого среди оборонявшихся солдат начались раздоры. Более двух тысяч немецких наемных солдат выступали за прекращение сопротивления. Они мотивировали это большими потерями жителей от обстрелов города из орудий, а также ослаблением сил окруженных из-за свирепствовавших среди жителей болезней. Наемники требовали отпуска, а также выдачи каждому письменного свидетельства в том, что он верно служил городским властям. Население Дерпта и магистрат города обратились к епископу Герману Вейланду с прошением не отвергать предложения о сдаче города, поскольку они не видели возможности дальнейшего сопротивления. Католические пасторы города также обратились к епископу, с просьбой не раздражать неприятеля бесполезно и не упрямяться в обороне. Епископ Вейланд согласился с этими просьбами, но выдвинул условие, что русские должны выполнить 13 пунктов требований написанного им соглашения о капитуляции города.

Уполномоченный царем Иоанном 1У на ведение переговоров князь П.И. Шуйский не отверг ни одной статьи договора о сдаче города Дерпта. Такой умеренной и умной политикой он ослабил ненависть и силу сопротивления ливонцев, чтобы этим облегчить русским дальнейшее завоевание Ливонии. После того, как 18 июля 1558 года Дерпт сдался, по приказу П.И. Шуйского у ворот города поставили стражу. Русские войска не впускали в город, чтобы

предотвратить грабежи, обеспечить спокойные сборы и выезд граждан. Епископу Вейланду была предоставлена охрана из 200 русских всадников, а специально выделенные отряды 12 дней беспрепятственно выпускали из города жителей и защищали беженцев от ограбления. Немецкие наемники были выпущены из города с оружием и своими вещами.

После этого депутаты магистрата вручили князю П.И. Шуйскому ключи от крепости, а командующий дал в замке пир для дерптских чиновников и старейшин. Царь Иоанн Васильевич утвердил заключенный договор, но потребовал, чтобы епископ Герман Вейланд и знатнейшие дерптские сановники приехали в Москву в качестве заложников. Продолжая вести подрывную пропаганду, князь П.И. Шуйский написал письма ко всем магистрам ливонских городов. Он потребовал от них принять подданство России в обмен на предоставление возможности мирной жизни на условиях, какие были даны Дерпту. Командующие 6 городов-крепостей: Везенберг, Пиркель, Лаис, Оберпален, Ринген и Ацель под угрозой штурма и уничтожения сдались.

Следует отметить, что наибольшие успехи в осаде крепостей достигались в случаях, когда войска гуманно относились к жителям. Еще одним примером умной военной политики в 1574 году являлись действия командующего российскими войсками князя Никиты Романовича Захарьева-Юрьева, которому в Ливонии сдались без сопротивления 8 крепостей: Гельмет, Эрмис, Руэн, Пугель, Леаль, Лоде, Фиккель, Габзаль. Это произошло в большой степени под влиянием гуманного отношения командующего к жителям после захвата крепости Пернау (современный г. Пярну), когда каждому горожанину была дана возможность или принять присягу на верность царю, или выехать из города со своим имуществом. Эти факты показывают, что военные успехи на территории противника достигались не только при наличии военной мощи, а прежде всего за счет гуманного отношения войск к населению на занятой территории, мудрой и дальновидной политики, осуществляемой опытными полководцами.

В войне использовались и другие способы психологического воздействия на тех, кто упорствовал в сопротивлении и не желал

сдаваться. Такого противника уничтожали с особой жестокостью. Например, в конце сентября 1558 года в Ливонии были взяты штурмом 14 городов, отказавшихся капитулировать, после чего отказавшиеся покориться области беспощадно громились, а население уничтожалось и бралось в плен. В июле 1577 года Иоанн Грозный в южной Ливонии расправился с населением, которое отвергло предложение сдаться на милость победителя. После разрушения из пушек стен города Зесвеген, когда руководители города вышли и на коленях стали молить о пощаде, он приказал посадить на кол знатнейших жителей, включая и коменданта - брата изменника Таубе. Оставшихся в живых жителей для устрашения других городов продали в рабство татарам. В это же время он отпустил в Курляндию всех немцев с женами и детьми, когда без всяких условий ему сдались крепости Берсон и Кальценау. Осаду крепостей в 1577 году Иоанн Грозный начинал с засылки в город письма-ультиматума: «Хотите ли спасти жизнь, свободу и достояние? Покоритесь мне, или увидите над собою меч и оковы в руках московитян». Примеры безжалостного уничтожения отвергнувших это предложение устрашали тех, кто получал подобный ультиматум.

Наиболее сложным в период царствования Иоанна Грозного являлось обеспечение лояльности жителей завоеванных районов мирными средствами, которое проводилось в несколько этапов с применением многочисленных приемов. После захвата городов применялась пропаганда, чтобы умиротворить жителей, обеспечить их лояльность. Например, уже на следующий день после успешного штурма Казани 3 октября 1554 года Иоанн Грозный послал во все окрестные татарские, мордовские, чувашские, башкирские, вотякские и черемисские селения “жалованные грамоты”, в которых жителям объявлялось о мирных намерениях русских войск, и гарантировалась их безопасность. В тексте говорилось: «Идите к нам без ужаса и боязни. Прошедшее забываю, ибо злодейство уже наказано. Платите мне, что вы платили царям казанским». После получения гарантий безопасности население успокоилось и возвратилось из лесов в дома. Затем старейшины Арской области и старейшины Луговой Черемисы прибыли в стан царя Иоанна, дав России клятву верности.

Другими способами обеспечения лояльности России казанских мусульман являлось внедрение в народ российской государственной

идеологии - православия; подписание знатными людьми “шертной грамоты” об их лояльности Москве, всеобщая присяга населения городов или крестное целование людей в местах, где исповедывалось христианство. Так, в 1554 году царские воеводы и бояре по приказу Иоанна Грозного в Казани собрали всех знатных жителей, заставили их подписать “шертные грамоты” на верность Москве, которые затем были скреплены царскими печатями и увезены на хранение в столицу. После этого жителей Казани на площади трое суток толпою за толпой приводили к присяге на верность русскому государю. Лишь после исполнения этих действий из Москвы прибыл ставленник Иоанна - казанский царевич Шиг-Алей, которого московские князья Юрий Булгаков и Юрий Хабаров посадили на трон. Подобные же “шертные грамоты” в 1557 году через год после захвата Астрахани подписывали в городе Сарай на Волге ногайские мурзы и князь Исмаил, посоветовавший Иоанну IУ основать две крепости на волжских берегах. Одна из них - современный г. Саратов. Тогда же “шертную грамоту” Иоанну IУ прислал и крымский хан Девлет-Гирей, однако она была отвергнута. Иоанн Васильевич написал в ответ, что “мы не покупаем дружбы”, поскольку хан соглашался быть другом России лишь при условии присылки ему богатых даров.

Для закрепления военных успехов и полного умиротворения мусульман, царь Иоанн Васильевич уже 6 октября 1552 года присутствовал на освящении заложенного в Казани храма Благовещения. В 1553 году он приказал основать Казанскую епархию, строить по всей земле христианские церкви и воспитывать жителей в правилах православия. Подобное идеологическое воздействие обеспечивало лояльность людей не сразу, и еще пять лет вплоть до 1558 года территория бывшего Казанского ханства полыхала мятежами мусульманских народов, которые подавляли военной силой.

Особым способом обеспечения лояльности жителей занятой страны являлось крещение высших сановников побежденного государства, женитьба их на русских женщинах и предоставление им высших должностей при дворе. Например, в конце ноября 1552 года после умиротворения Казани ее бывший хан Едигер на берегу Москва-реки в присутствии царя Иоанна Васильевича, высших

московских сановников и народа принял крещение по православному обряду. После наречения его православным именем Симеон царь Иоанн предоставил ему дом в Кремле, боярина, чиновников, множество слуг и женил на дочери знатного сановника Марии Кутузовой.

В завоеванной Ливонии политика Ивана IУ по обеспечению лояльности жителей имела значительные отличия. В основу политики в отношении жителей брался образец договора о сдаче города Дерпта русским войскам. В соответствии с пунктом 6 этого договора, во всех сдавшихся ливонских городах главной и без всяких возможных перемен оставалась латинская вера (аугсбургское исповедание). По другим пунктам договоров городским магистратам предоставлялась вся полнота судебной власти, включая даже осуждение преступников, оскорблявших московского царя. Дворянам, желавшим стать подданными России, оставлялись их замки и земли. Все граждане освобождались от обязанности предоставлять дома для постоя русских войск. Купцам предоставлялось право торговать с Россией и Германией без пошлины. В момент подписания договоров о капитуляции особые права давались католическим пасторам. Епископу предоставлялся монастырь Фелькенау с землей и проживавшими там жителями, дом и сад в Дерпте. Однако после размещения в ливонских крепостях русских гарнизонов, стабилизации обстановки и умиротворения жителей, епископа вынудили выехать в Москву. Иоанн IУ никогда не позволял высшим должностным лицам других конфессий бесконтрольно осуществлять идеологическую обработку населения в подчиненных московскому государству землях. Такая политика позволила обеспечить лояльность жителей и предотвратить мятежи после оставления в городах русских гарнизонов.

Иоанн Грозный после завоевания городов предпринимал самые жесткие меры в Литве по отношению к католицизму и иудейской религии. Так, в конце февраля 1562 года в завоеванном городе Полоцке царь Иоанн IУ приказал выслать епископа, как пленника, в Москву, разорить католические церкви, крестить всех лиц иудейского вероисповедания, а тех, кто отказывался принять крещение, топить в реке Двине. После этого в городе построили храмы, и священники, начали воспитывать народ в традициях

православия. Перечисленные факты показывают, что при завоевании различных народов Иоанн I У беспощадно подавлял конкурирующие конфессии. Общим правилом являлось лишь то, что терпимость к исламу, католицизму или иудейскому вероисповеданию проявлялась лишь на этапе стабилизации обстановки и умиротворения жителей. После размещения в захваченных городах российских гарнизонов и ликвидации прежней власти население воспитывали в традициях православной религии.

Для обеспечения лояльности правителей вассальных Москве земель Иоанн Васильевич Грозный осуществлял пропагандистские и материальные акции с целью показа мощи российского государства, устрашения правителей жестокой карой за измену. Например, в 1558 году после полного разгрома Дерптского епископства царь Иоанн послал кочевавшему в районе реки Яик хану Ногайской орды Исмаилу несколько шведских доспехов и письмо, в котором говорилось: "Вот новые трофеи России! Король немецкий сгрубил нам. Мы побили его людей, взяли города, истребили селения. Так казним врагов, будь ним другом!"

Факты ведения пропаганды во времена царя Иоанна Грозного показывают, что в XVI веке политическая элита России имела систему пропаганды на противника и большой опыт такого рода деятельности. На подрывную пропаганду русских оказали влияние Восток, Литва, а также немецкие государства. Это объяснялось тем, что Россия в XVI веке была вынуждена усваивать восточные приемы пропаганды у татарского, крымского ханств, также как и европейские традиции пропаганды у Ливонии и Швеции, расположенные на ее северо-западных границах. Самый больший опыт пропаганды был получен Россией от Литвы, населенной в XVI веке русскими людьми.

Пропаганда в гражданской войне 1773-1774 годов

В 1773-1774 годах на значительной территории Поволжья, Среднего и Южного Урала, Юго-Западной Сибири происходили массовые вооруженные выступления башкир, татар, марийцев, мещеряков, а также казаков и русских солдат, крепостных крестьян,

рабочих. Войска правительства разбили армию восставших и восстановили власть администрации в провинциях лишь после того, как 10 июля 1774 года в болгарской деревне Кючук-Кайнарджи с Турцией был заключен мир. Освободившиеся полки регулярной армии с турецкого фронта были переброшены в шесть губерний на подавление восстания и установление военного контроля над городами.

Масштабы гражданской войны в России были велики. По подсчетам Б.Ц. Урланиса, во время гражданской войны 1773-1774 годов потери превысили 40 тысяч человек (в т.ч. 20 тысяч убитыми). Это почти в два раза больше потерь России за 6 лет войны с Турцией в 1768-1774 годах, составивших 25 тысяч человек (в т.ч. 6,8 тыс. убитыми). Огромное количество погибших становится понятным при сравнении цифры безвозвратных потерь гражданской войны 1773-1774 годов с количеством людей плотно населенного Казанского уезда, в котором в 1764 году проживало 20572 человека.

Общая площадь районов боевых действий превышала 1737 тыс. кв. километров (для сравнения площадь Франции - 551 тыс. кв. км). Повстанцы действовали в 6 губерниях: Казанской, Симбирской (образована в 1768 году), Нижегородской, Астраханской, Оренбургской и Сибирской (Тобольской). Район восстания имел форму эллипса, ось которого была направлена в северо-восточном направлении от г. Гурьева на Каспийском море. С севера на юг протяженность восставших районов составляла почти 1000 километров, а с запада на восток - более чем 1600 километров. Вооруженные выступления проходили в трех очагах, из которых самыми маленькими по площади являлись восставшие районы вокруг г. Оренбурга (более 181 тыс. кв. км). По периметру второго, основного очага восстания (площадь более 847 тыс. кв. км.) были города: Елабуга, Кунгур, Екатеринбург, Челябинск и крепость Магнитная (современный Магнитогорск). После разгрома армии повстанцев в двух этих районах восстание охватило третий район площадью более 808 тыс. кв. километров, по периметру которого находились города: Елабуга, Казань, Нижний Ломов, Царицын (Волгоград).

Войска повстанцев вначале шли с боями от Оренбурга на восток и север. Затем они двинулись в западном направлении, захватили Казань. На третьем этапе повстанцы пошли на юго-запад. Они перешли на правый берег Волги, двигались по Симбирской губернии (Симбирская и Пензенская провинции), а затем повернули на Юг и прошли более 900 километров.

Население основного очага вооруженной борьбы - Казанской губернии проживало в 4 провинциях: Казанской, Вятской, Пермской, Свияжской и составляло 2456931 человека (данные 1767 года). По площади провинция находилась на 4-м месте после Архангельской, Сибирской и Иркутской губерний, а по количеству жителей - на втором месте после Московской губернии. Более 5 % жителей губернии составляли мусульмане. Среди исповедывавших ислам подавляющее большинство составляли татары. Так, по данным церковных документов 1750 года, из 129087 иноверцев-мусульман татары составляли 108580 человек (84,1%). Кроме того, более 221 тысячи кундовских татар, переселенных из Астраханской губернии, проживали в Оренбургской губернии в территориальном округе с названием «Новомосковская дорога».

Более трети жителей Казанской губернии поддерживали повстанцев. В последнюю неделю декабря - середине января 1774 года пять самых крупных группировок войск повстанцев насчитывали более 48,5 тысяч человек, в том числе 15 тысяч под Кунгуром, 12 тысяч под Уфой, 10 тысяч под Мензелинском, 10 тысяч под Оренбургом и 1,5 тысячи к северу от Екатеринбурга (район Шайтанского завода). Кроме того, согласно донесения генерал-поручика князя В.В. Мещерского от 28 февраля 1774 года, в 361 населенном пункте Казанской губернии по неполным данным базировались вооруженные отряды численностью более 49270 человек, в числе которых было 16 отрядов по 500 повстанцев и один более 800 человек. Величина партизанских формирований, как правило, не превышает 10 % от численности поддерживающего их населения, поэтому можно предположить, что в январе - феврале 1774 года социальная база повстанцев в Казанской губернии и в районах вблизи Оренбурга превышала 970 тысяч человек.

В составе главного войска восставших под Оренбургом были две армии: «казацкая» и «азиатская», действовавшие с 6 ноября 1773 года совместно под единым руководством учрежденной Е.И. Пугачевым "государственной военной коллегии" и высшего тайного совета из семи человек. Затем после перехода армии повстанцев 17 июля 1774 года на правый берег Волги вооруженная борьба мусульманских народов: башкир, татар, чувашей, калмыков, мещеряков, удмуртов, марийцев и казахов продолжалась отдельно. Она не прекратилась, когда 25 августа под Царицыным правительственные войска разгромили главную армию повстанцев и захватили почти всех командиров повстанческих полков.

В сохранившихся архивных документах переписки штаба Е.И. Пугачева упоминаются фамилии, показывающие, что в командование войск повстанцев входило более ста человек. Во главе иерархии были: "император" - Е.И. Пугачев, один "граф"- Н.И. Зарубин, один генерал-фельдмаршал (с августа 1774 года) – Л.А. Овчинников, 46 атаманов, 4 главных полковника и 53 полковника. В руководстве повстанцев русских было больше всего - 62, затем следовали башкиры - 30, татары - 11, мещеряки (мишари) - 3, перс - 1. Среди атаманов насчитывалось 37 русских, 7 башкир, татар - 2. Главными полковниками были 2 мещеряка и 2 башкира. Из числа полковников русские составляли 25 человек, башкиры- 21, татары - 9, мещеряки - 1, перс - 1. Атаманы и полковники из числа мусульман являлись представителями элиты этих народов - руководителями башкирских и татарских волостей, баями. Некоторые командиры в документах восставших назывались муллами (2 атамана, 2 главных полковника и 4 полковника). Следует также принять во внимание то, что в восстании участвовало в общей сложности 77 старшин (предводителей) башкирских волостей, которые по рангу соответствовали атаманам. Не все они получили от военной коллегии повстанцев звания полковников, а избираться в атаманы для них не было никакого смысла.

По профессиональному составу среди русских руководителей повстанческой армии наибольшее число командиров было из казаков (14 атаманов и 12 полковников). На втором месте были крестьяне - 9 атаманов и 8 полковников. Два атамана до восстания являлись служителями христианского культа (священник и

пономарь). По одному человеку атаманы были представлены беспоместным князем Ставропольского уезда на Волге, купцом, писарем, бурлаком, отставным сержантом столичной гвардии и дворовым человеком.

Во время войны повстанцы одержали 48 крупных побед, в числе которых были победы в боях с регулярными войсками, захват крепостей и городов. Кроме того, они безрезультатно провели осаду 11 городов и крепостей. Самые большие успехи были достигнуты главной армией Е.И. Пугачева, которая провела в общей сложности 7 крупных; сражений (5 закончились разгромом повстанцев), захватила 27 городов, крепостей и с боями прошла более 3250 километров, продвигаясь против часовой стрелки от Яицкого городка, через Оренбург, Троицк, Красноуфимск, Елабугу, Казань, Саратов и Царицын.

Первое крупное поражение правительственные войска потерпели в начале ноября 1773 года. Посланные на усмирение повстанцев войска генерал-майора В.А. Кара 9 ноября 1773 года были разбиты под Оренбургом. В ходе войны повстанцы захватили губернский город Казань (12.7.1774), 3 центра провинций: Челябинск (центр Исетской провинции 23.2 - 10.4. 1774), Пензу, Саратов (6.8.1774), а также стратегически важный город Самару (25 - 29.12.1773). Кроме того, они брали в осаду, но штурмовали без успеха губернский административный центр Оренбург (5.10.1773 - 22.3.1774), а также 3 центра провинций: Уфу (23.12. 1773 - 25.3.1774), Кунгур (4-10 и 19-25.1.1774), Царицын (20-21. 8.1774).

Разгром в ноябре 1773 года войсками Е.И. Пугачева ополчения из местных жителей показал губернской администрации, что лишь регулярные войска не переходят на сторону восставших. После этого в декабре 1773 года для боев с повстанцами было направлено 4 полка с 16 пушками и 4 полевые команды, в которых насчитывалось более 5,8 тысяч солдат. В январе 1774 года число регулярных войск составило 16 тысяч солдат при 40 орудиях. В апреле уже 8 генералов возглавили несколько десятков полевых команд и полков регулярных войск общей численностью до 20 тысяч человек. После подписания 10 июля мира с Турцией в 6 российских губерний с турецкого фронта были переброшены войска под

командованием генерал-поручика А.В. Суворова и генерал-майора Н.В. Багратионова. Кроме них был использован казанский дворянский корпус (2 тыс. человек), а также многочисленные отряды лантмилиции (по 100 пеших и 50 конных солдат от каждой волости), общая численность которых ориентировочно превышала 25 тысяч вооруженных людей.

К концу 1774 года военные действия против повстанцев и установление военного контроля над провинциями осуществляли войска под командованием 19 генералов. Среди них были, генерал-аншефы А.И. Бибиков, Я.Л. Брант, П.И. Панин; генерал-поручики П.М. Голицын, И.А. Деколонт, И.А. Рейнсдорп, А.В. Суворов, Ф.Ф. Щербатов; генерал-майоры Н.В. Багратионов, Баннер, Вилленштерн, Я.И. Дананберг, В.А. Кар, Ларионов, И.А. Миллер, П.Д. Мансуров, П.С. Потемкин, Ф.Ю. Фрейман, Чорба.

В середине июля 1774 года после захвата повстанцами губернского города Казань правительство разместило 12 полков (21 тысячу солдат) в Москве и ближайших к городу районах со стороны Казани, из числа которых 6 полков под командованием генерал-майора Чорба патрулировали город. На шестнадцать жителей первопрестольной столицы (160 тысяч человек) приходилось по одному солдату. Затем в каждую из 20 провинций России было введено по одному полку регулярных войск численностью 1,5 тыс. человек. Императрица написала в письме главнокомандующему в Москву: "Противу воров столько наряжено войска, что едва не страшна ли таковая армия и соседям была».

К январю 1775 года под командованием генерал-поручика А.В. Суворова в районах Казани, Оренбурга, Пензы, Самары и Уфы находились до 80 тысяч войск, проводивших карательные операции против населения. По приказу генерал-аншефа П.И. Панина в каждом селении были установлены три орудия виселица, колесо для четвертования и глаголь для вешания за ребро. Их использовали несколько лет после окончания восстания.

Гражданская война 1773-1774 годов была крупномасштабным восстанием мусульманских народов России: татар, башкир, чувашей, удмуртов, калмыков, мордвы, марийцев, киргиз-кайсаков (казахов). Его возглавляло исламское духовенство, а также 77 (из 86)

руководителей башкирских волостей, 4 руководителя волостей мещеряков (мишарей) и 2 руководителя волостей казанских татар. Муллы воевали против правительства России, проводившего насильственную христианизацию иноверцев. Мусульманское население воевало против неравноправия и чрезмерной эксплуатации. С мусульманина, не принявшего христианство, брали в 2-3 раза больший налог (6-7 рублей вместо 2 рублей 70 копеек в год).

Баи воевали за возвращение отнятых у них родовых земель, где русские построили заводы и рудники. Например, Салават Азналин (Юлаев) и его отец Юлай Азналин, возглавлявший Шайтан-Кудейскую волость, разгромили и сожгли Симский завод купца Я.Б. Твердышева, построенный на землях, принадлежавших их роду. Ведущая роль в мобилизации мусульман на войну принадлежала исламскому духовенству. В архиве сохранился призыв мусульманам Уфимской провинции к священной войне "против неверных", составленный 21 мая 1774 года муллой Дамином по приказу полковника Качкына Самарова. В захваченной документации повстанцев, написанной арабским алфавитом на арабском и старотатарском (тюрки) языках, упоминались имена 25 мулл на руководящих должностях в войсках, а также в восставших районах. В документах говорилось о двух муллах-атаманах Адиле Бигашеве и Адигуте Тимачеве; о главных полковниках муллах Кинзе Арсланове и Канзафаре Усаеве.

Кроме того, упоминались полковники-муллы: Абди Абдулов, Батыркай Иткинин, Ишмень Иткулов, Канзафар Усаев. Многочисленные муллы на должностях писарей (командиры зачастую были малограмотны) составляли воззвания и приказы. Сохранились приказы, донесения и документы, в которых названы муллы: Амир Итджимасов, Заит Исмакаев, Исмагил Исмагилов, Махмуд Муртазин, Мустаким Юртбагышев, Мухаммад-Рахим Ишкилдин, Хабиб Шарипов, Хасан Сафаров. Показательным фактом является то, что указ 27 апреля 1774 года от имени полковника И.Н. Белобородова, руководившего повстанцами в Кунгурском уезде, подписал мулла Ишмет Махмуткулый углы.

В первый день начала наступления отряда Е.И. Пугачева на Яицкий городок 17 сентября 1773 года будущий командир 25-

тысячной повстанческой армии на Таганском форпосте встретился с муллой Забиром, посланным к нему правителем Младшего казахского жуза ханом Нур-Али. Этот мулла "узнал" в донском казаке императора Петра 111. В дальнейшем в руководстве главной армии повстанцев состоял упоминаемый в документах как "мулла" Кинзя (Кинжа) Арсланов, входивший в состав тайного высшего совета из 7 человек при руководителе восставших Е.И. Пугачеве. Ему было присвоено звание главного полковника повстанческой армии. По приказу К.Арсланова сформированный для подавления повстанцев тысячный отряд башкир Алибая Мурзагулова 17 октября 1773 года перешел на сторону повстанцев и отказался пойти на соединение с правительственными войсками, что послужило одной из причин разгрома войск генерала В.А. Кара.

Крупные отряды восставших (500-2000 воинов) возглавляли 24 мусульманских руководители восстания, которые получили от Военной коллегии повстанцев звание полковник: Абди Абдулов, Абдуджалил Урускулов, Абдулла Мустаев, Адигут Тимачев, Батырбай Иткинин, Бахтияр Канкаев, Илчигул Иткулов, Ишмень Иткулов, Каип Зимбатьев, Канзафар Усаев, Каранай Муратов, Качкин Самаров, Мирас Миндияров, Мурадшах Сыртланов. Рахманкул Дуслиев, Сали Кутлумамаев, мулла Сляусин Кинзин, Сюлявчин Арсланов, Салават Азналин (Юлаев), Туктамыш, Халид Аминов, Юлай Азналин, Ярмухаммад Кадырматов, а также этнический перс, родившийся в иранском городе Мешхед, и приехавший в Ставропольский уезд на Волге в возрасте 19 лет. Этот человек, назначенный комендантом в захваченную повстанцами Ногайбакскую крепость, в документах правительственного расследования упоминается как Персиянинов (Торнов) Валид Иванович.

Во время осады и штурма г. Оренбурга в декабре 1773 года из 10 тысяч войск повстанцев половину составляли мусульманские отряды, подчиненные главному полковнику мулле Арсланову. При осаде и штурме Уфы 23 декабря 1773 года - 25 января 1774 года из 12 тысяч войск повстанцев главные силы (до 8 тысяч человек) составляли отряды башкир, мишарей, удмуртов, чувашей из всех четырех административных округов - "дорог" Башкирии. В приказах "графа Чернышева" (И.Н. Зарубина) атаковавшие административный центр

Кунгурской провинции отряды назывались "российские и азиатские войска". Больше 80 % повстанцев (примерно 12 тысяч человек) являлись башкирами, татарами, калмыками, подчиненными Канзафару Усаеву. При захвате Казани более 70 % войск повстанцев составляли жители, исповедывавшие ислам, так как за счет мобилизации мусульман армия Е.И. Пугачева в крепости Оса с 7 тысяч бойцов (18.6.1774) возросла уже до 20 тысяч в г. Арске (9.7.1774), а при подходе к Казани составила 25 тысяч человек (10.7.1774).

Восставшие мусульмане уничтожали служителей христианского культа. Например, в июне - июле 1774 года в Казанском уезде повстанцами были убиты 9 священников, 3 дьякона, 3 дьячка и 2 пономаря. По неполным данным, в районах Верхнекамья, подчинявшихся полковнику Бахтияру Канкаеву, было убито 237 православных священнослужителей, разорено 14 монастырей, сожжено 63 церкви. Только за одни сутки 12 июля 1774 года при захвате Казани повстанцами в городе было сожжено 28 церквей.

Мусульмане были главным источником пополнения повстанческой армии. Не смотря на то, что Е.И. Пугачев 5 раз потерпел сокрушительное поражение, и каждый раз был вынужден бежать с несколькими ближайшими соратниками, через короткое время его армия опять возрастала в сотни раз. Это стало возможно по причине тотальной мобилизации и отлова дезертиров, проводившегося среди мусульман. Так, после разгрома 1 апреля 1774 года под Сакмарским городком с поля боя смог скрыться отряд из 50-70 повстанцев, поэтому 2 июня армия Емельяна Пугачева состояла только из 900 бойцов. Однако после приказа Кинзи Арсланова о мобилизации к середине июня в районе Кунгура в повстанческой армии Пугачева стало насчитываться уже 12 тысяч бойцов.

На первом этапе в октябре 1773 года в мусульманских селениях повстанцам выделялось "годных и достойных, храбрых людей от трех домов по человеку". Затем 8-12 декабря 1773 года по приказу полковых старшин и мулл от двух дворов выделялся один вооруженный воин с конем. Затем 23 марта, 27 апреля и 5 июня по приказу под страхом смерти за невыполнение от одного двора в армию повстанцев посылали одного воина. Для сбора войск с целью

штурма Казани 22 июня 1774 года проводилась тотальная мобилизация, и, если во дворе мусульманина проживали 3 мужчины, то по приказу в армию посылали двух конных воинов. Мобилизация мусульман в отряд Казанского и Уфимского уездов продолжалась после разгрома под Казанью и ухода войск повстанцев на правый берег Волги. Она проводилась 19, 22 июля и 11, 14 августа 1774 года. На территории, подчинявшейся мусульманскому руководству восстания, проживало не менее 180 тысяч жителей (без учета казахов Младшего, Среднего жуза на территории современного Казахстана). Мусульманское население было обязано поставлять войскам продовольствие, фураж для лошадей, давать кров для ночлега. Без подобной помощи войска в суровых зимних условиях не смогли бы действовать.

После разгрома 24 августа главной армии Емельяна Пугачева в 140 километрах юго-восточнее Царицына (Волгограда) еще два месяца до конца ноября 1774 года правительственные войска подавляли восстание мусульманских народов. Мулла Кинзя Арсланов скрылся в Средней Азии и не был пойман, а захваченный российскими войсками идеолог повстанцев Григорий Туманов, владевший тюркским и арабским языками, в июне 1774 года был отбит казаками у правительственного отряда и скрылся за границами России во владениях младшего жуза казахских ханов.

Второй составной частью гражданской войны 1773-1774 годов была религиозная война старообрядцев под лозунгами ликвидации притеснений. Правительство брало со старообрядцев налоги в двойном размере, не разрешало им иметь церкви, запрещало пользоваться старопечатными религиозными книгами. По современным преданиям староверов, лидер повстанцев Е.И. Пугачев во время военной службы на территории Польши (1764-1768) попал под влияние проживавших под г. Могилевом старообрядцев. Летом 1772 года в Малороссии раскольники помогли Пугачеву составить план ухода на юг за границы России с казаками на вольное житье. Кроме того, в августе 1772 года будущий вождь восстания получил наставления и инструкции от старообрядца игумена Филарета в Мечетной слободе (ныне г. Пугачевск Саратовской области). Этому игумену Пугачев сообщил о своем плане уйти с казаками в турецкое владение Кубань, как при Петре 1 ушли участники восстания

Кондратия Булавина. Филарет поддержал эту идею. "Яицким казакам великое разорение... они, с тобой с радостью пойдут", - сказал он Пугачеву. В Яицком казачьем войске войну против правительства начали старообрядцы, недовольные притеснениями государства. Уже 17 сентября 1773 года отряд повстанцев начал восстание и направился штурмовать Яицкий городок под знаменами, на которых были нашиты изображения старообрядческого шестиконечного креста. (По приказу митрополита Макария восьмиконечный крест с тремя перекладами впервые был установлен на куполе кремлевского собора после пожара в 1548 году. - *Прим. ред.*).

Среди идеологов повстанцев был раскольниковый старец Гурий, служивший в войсковой канцелярии восставших яицких казаков, который 5 апреля 1774 года написал "увещевание" подполковнику И.Д. Симонову в осажденную крепость Яицкого городка. Это письмо имело политическую направленность. В нем утверждалось о спасении императора Петра 111 при попытке его убийства, дискредитировалась Екатерина II и "забывшие страх и закон божий" братья Орловы, утверждалось о незаконном лишении Петра 111 престола, об обманном приведении к присяге на верность царице Измайловского полка в Петербурге.

В пропагандистских манифестах "императора Петра 111" неоднократно говорилось о предоставлении людям права молиться по старым обрядам. Например, уже через две недели после начала восстания 4 октября 1773 года был написан манифест, призывавший переходить на сторону «Петра 111», обещавший сакмарским казакам Красногорской крепости за это материальные блага. Первое обещание в приказе гласило: "... за то будете жалованы крестом и бороною". Эту фразу следует понимать, как разрешение старообрядческого креста и запрещенной Петром I традиционной для русских бороды, разрешение веры, старых церковных обрядов и ритуалов. В другом манифесте народу 23 июля 1774 года лжеимператор Петр 111, объявлял: "...награждаем /вас/ древним крестом и молитвою". Такая направленность религиозной идеологии повстанцев бросала вызов государственной церкви России. Поэтому уже 4 ноября 1773 года архиепископ Казанский и Свияжский Вениамин в послании пастве осудил Пугачева. В манифесте императрицы от 29 ноября 1773 года, направленном в районы

восстания для оглашения в церквях, Емельян Пугачев назывался раскольников. Православная церковь была мобилизована на борьбу с повстанческим движением. С июля 1774 года каждый священник был обязан еженедельно представлять церковному руководству рапорт о настроениях своих прихожан и действиях самозванца. Эти сведения обобщались в Синоде и докладывались правительству.

Третьей составной частью войны 1773-1774 годов явилось вооруженное восстание несшего военную службу казачества против государственной власти под лозунгами борьбы за свои старые традиции и ликвидированные привилегии. Казаки приняли участие в восстании по причине уничтожения властями казацкой вольницы. Правительство назначило на место войскового атамана коменданта в звании полковника, ликвидировало право казаков на беспоплатный лов рыбы, уничтожило казацкую традицию выбора командиров рядовыми, посылало казаков для службы в Кизляре (Дагестан), набирало в Московский легион для отправки на турецкий фронт. Это сравнивало казаков с крестьянами, служившими в армии. Недовольство казаков превращением их в крепостных крестьян иллюстрируют слова манифеста Пугачева от 21 августа 1774 года, упоминающего "... проклятый род дворян, который, не насытившись Россиею, но природные казачьи войска хотели разделить в крестьянство и истребить казачий род".

Главная армия Е.И. Пугачева была построена по принципу казачьих войск. Она делилась на полки во главе с выборными атаманами, полковниками, есаулами, сотниками и хорунжими, которых рядовые выбирали на казачьем круге (сходке). В полках вводились казацкие традиции, порядки и все повстанцы считались казаками. В ходе войны в состав главной армии повстанцев входили казаки нескольких войск: Яицкого казачьего войска, илецких казаков (с сентября 1773 года), к которым в октябре присоединились сакмарские, оренбургские казаки, казаки Оренбургской укрепленной линии; сибирские казаки: табынские, красноуфимские, ачинские, а также осинские (с марта 1774 года), донские казаки и казаки Волжского казачьего войска (июль - август 1774 года). В течение всей войны казаки составляли ядро командного состава армии повстанцев и занимали в ней 14 атаманских (30,4 %) и 12 полковничих должностей (20%).

Командующий войсками повстанцев Е.И. Пугачев во время службы в царской армии получил первичный казачий офицерский чин хорунжего и обладал девятилетним боевым опытом (6 лет участия в войне против Пруссии и 3 года турецкой войны). В связи с тем, что другие казаки также обладали военными знаниями и опытом боевых действий, они создали штаб руководства («государственную военную коллегия»), стали командирами полков, есаулами, хорунжими, играли главную роль в руководстве боевыми действиями и в применении артиллерии. Со второй половины июля и до конца августа 1774 года в период 600-километрового рейда вдоль правого берега Волги, когда дневные переходы войск достигали 80 километров, армия повстанцев приобрела характерные черты казацкой конницы.

Четвертой составной частью гражданской войны 1773-1774 годов на Урале и в Сибири явились вооруженные восстания казенных рабочих, прикрепленных к заводам крестьян, которые бунтовали против чрезмерного угнетения их правительством, против жестоких наказаний кнутом, батогами, заковывания работников в колодки, против маленькой платы на государственных заводах (3 копейки за день работы). Основной причиной восстания явилось резкое усиление эксплуатации народа в правление Екатерины II. Размер годовой подушной подати с 1 рубля 10 копеек при Петре I вырос почти в 2,5 раза - до 2 рублей 70 копеек с мужской души православной веры, со старовера - до 5 рублей 40 копеек, а с мусульманина - до 6-7 рублей. В ходе вооруженных бунтов в Кунгурской, Исетской провинциях и вблизи Екатеринбурга восставшие изгоняли администрацию городов, убивали приказчиков, сжигали архивы, долговые расписки, и документацию предприятий, книги с записями о налагаемых на рабочих штрафах. Например, в январе 1774 года на захваченном Суксунском заводе (45 км от Кунгура) отряд полковника И.Н. Белобородова уничтожил долговых расписок на сумму более 54,5 тысяч рублей. Огромная величина этой суммы видна при сравнении с ценами ноября 1773 года в Красногорской крепости Оренбургской губернии. Килограмм пшеничной муки продавали меньше чем за 3 копейки, килограмм сливочного масла - за 16 копеек, утку за 10 копеек, бортный улей пчел - за 13 копеек. Гусь стоил 15 копеек, тулуп - 1 рубль, хорошая корова - 3 рубля, бык - 4 рубля, лошадь 6-7 рублей,

ружье - 20 рублей. В России цена крепостного крестьянина при продаже оптом составляла 40 рублей, а годный для рекрутского набора в армию крепостной крестьянин без земли стоил 120 рублей.

Пятой составной частью гражданской войны стала война коренных народов против чуждой им правящей элиты России. Русские крепостные крестьяне и городские низы вооруженным путем боролись против немецкого засилья. В связи с тем, что императрица Софья Фредерика Августа Анхальт-Цербстская (Екатерина II) являлась этнической немкой, она дарила своим многочисленным немецким родственникам и приближенным земли с крепостными крестьянами. За время ее царствования было подарено более 400 тысяч "ревизских душ", что с членами семей "подаренных" превышало миллион человек. Императрица назначала немцев на высшие должности в армии, в гражданскую администрацию столицы и провинциальные центры, в города и крепости. С июля 1763 года императрица начала колонизацию России немцами. К 1774 году только на Волгу в район от Саратова до Царицына переселились более 10 тысяч немецких семей численностью свыше 40 тысяч человек, что равнялось населению двух уездов типа многолюдного Казанского уезда. Несколько тысяч семей немцев поселились в губернии Слободская Украина (район Николаева), а также в другие места России. Немцы были освобождены от всех налогов, податей, службы в армии во время войны, рекрутских наборов.

Немецкие помещики внешним видом отличались от представителей низшего сословия. Как и русские дворяне, они носили немецкую одежду и парики. Большинство высших правительственных чиновников и генералов России являлись немцами. В Оренбургской губернии губернатором был генерал-поручик И.А. Рейнсдорп, обер-комендантом был генерал-майор Вилленштерн. Первую операцию против повстанцев под Оренбургом возглавлял генерал-майор В.А. Кар. В Казанской провинции губернатором был генерал-аншеф Я.Л. Брант. При захвате повстанцами Казани район города под названием Суконная слобода обороняли войска под командованием генерал-майора Баннера. Под Казанью и Уфой правительственными войсками командовал подполковник И.И. Михельсон. В районе Челябинска возглавлял военные действия против повстанцев генерал-майор Я.И. Дананберг,

в Сибирской провинции - генерал-поручик И.А. Деколонт. Подавлением повстанцев на территории Татарии из Черемшанской крепости руководил генерал-майор И.А. Миллер. Под Татищевской крепостью восставших разбили войска трех генералов, среди которых был генерал-майор Ф.Ю. Фрейман. В Екатеринбурге отрядом "людей из горного ведомства" командовал надворный советник Роде, а отрядом регулярных войск - секунд-майор Фишер. Рождественский завод от восставших освобождал майор И.Ф. Бахман. Под Бирском и на р. Каме повстанцев уничтожал отряд войск под командованием секунд-майора Отто Дуве. В декабре 1773 года Самару от восставших освобождала полевая команда под командованием премьер-майора Карла Муфеля. Казанский пехотный батальон под командованием Н. Федермана громил мусульман Алатской и Галицкой дорог к северу от Казани, а секунд-майор граф Карл Меллин в июле 1774 года сжигал восставшие деревни, "четвертовал извергов, а все население под виселицами сек плетью".

Немцы, как правило, не служили в действующей армии на турецком фронте. Они занимали привилегированные должности в тылу. Почти все командиры тыловых крепостей в районе действия войск Пугачева являлись немцами. Комендантами крепостей в районах восстания были: бригадиры Х.Х. Билоф, А.А. Корф, А.А. де Фейервар, И.З. фон Фегезак, полковники О.Х. де Марин, И.М. фон Фок.

В представлении казаков и крестьян-повстанцев офицеры и все прочие дворяне ассоциировались с немцами, которые ввели в России немецкие обычаи. Это подтверждает текст именного указа Е.И. Пугачева 15 августа 1774 года Донскому казачьему войску, где говорится: "От... злодеев дворян древняго святых отец предания закон христианский совсем нарушен и поруган, а вместо того от их зловредного вымыслу с немецких обычаев введен в Россию другой закон и самое богомерское брадобритие и разные христианской вере как в кресте, так и протчем неистовства". Е.И. Пугачев понимал этническую принадлежность высшего сословия Российской империи. Так, 19 декабря 1773 года он подписал именной указ губернатору Оренбургской губернии генерал-поручику И.А. Рейнсдорпу, написанный на немецком языке и заброшенный в город в пропагандистских целях. Восставшие ненавидели "немецкий"

внешний вид помещиков, городских чиновников и офицеров, так как их одежда, парики, кителя офицеров и солдат олицетворяли для них угнетение, издевательства и эксплуатацию. Правительственный татарский журнал "Шуро", описывая захват восставшими Казани, писал: "Повстанцы в городе действовали как варвары... грабили и всех убивали, особенно тех, кто был одет по-немецки".

В городах при приближении повстанцев вспыхивали восстания против немецких правительственных чиновников, городское население переставало подчиняться немцам. Так, по причине того, что 6 тысяч ополченцев не подчинились приказам губернатора генерал-аншефа немца Я.Л. Бранта и генерал-майора немца Баннера, повстанцы за несколько часов захватили город Казань, оборонявшийся 2 тысячами регулярных войск и 9 батареями орудий, стрелявших картечью. Начальник секретной комиссии генерал-майор П.С. Потемкин, посланный в Казань расследовать дела бунтовщиков, оказался вынужденным при штурме города организовывать оборону. Он в письме жаловался императрице: "Самое главное несчастье, что на народ нельзя положиться".

Главная армия повстанцев в июне - августе 1774 года на протяжении более 600 километров без боя заняла 7 крупных городов вдоль всего правого берега реки Волги от Казани до Царицына (Волгограда). Восставшие местные жители встречали войска повстанцев хлебом-солью и колокольным звоном в городах: Курмыш (20.7.1774), Ачатырь (23.7.1774), Саранск (27.7.1774), Пенза, Петровск (5.8.1774), Саратов (6.8.1774), Дмитриевск (11.8.1774). На правобережье Волги усилилась жестокость расправ с дворянами. Если 12 июля при захвате Казани повстанцами был застрелен генерал-майор Н.Н. Кудрявцев, повешены 21 офицер и 21 унтер-офицер, а также 5 немцев и штатских нижних чинов, то 27 июля при вступлении армии повстанцев в г. Саранск были повешены 300 дворян. Представители низших слоев общества уничтожали своих угнетателей - государственную элиту России, значительную часть которой составляли этнические немцы.

Следствием разгрома восставших явилось усиление немецкого господства в России. Императрица за усердие подарила повышенному в звании до полковника И.И. Михельсону 600

крепостных крестьян, а секунд-майор Отто Дуге вместе с двумя другими отличившимися офицерами получил еще 3146 русских рабов. Однако следствием восстания было то, что темпы заселения России немецкими колонистами резко сократились, так как население германских земель было напугано кровавыми событиями в Российской империи.

Ожесточенность боев повстанцев с правительственными войсками была велика. Плохо вооруженные восставшие шли на самопожертвование ради того, чтобы победить в бою. В 10 наиболее крупных битвах до захвата Казани 12 июля 1774 года, по расчетам БД. Урланиса, погибло более 9 тысяч повстанцев. Так, 23 марта 1774 года под Татищевской крепостью регулярными войсками было убито более 2,5 тысяч повстанцев и захвачено 32 пушки. Во время сражения 1 апреля 1774 года при Сакмарском городке было убито 2867 повстанцев. За два дня боев у Казани 12 и 15 июля 1774 года восставшие потеряли убитыми более 2,7 тысяч человек. По записи в боевом журнале карательного корпуса, 13 июня в бою у города, "погибло злодеев без счета". В сражении у Черного Яра 24 августа было уничтожено более 2 тысяч повстанцев. По донесениям главнокомандующего генерал-аншефа графа П.И. Панина, только с 1 августа и до 6 сентября 1774 года на последнем этапе войны правительственными войсками было уничтожено 60 крупных повстанческих отрядов численностью до 3-4 тысяч человек, захвачено 74 орудия и убито 10 тысяч повстанцев. В этот период война велась с крайней жестокостью с обеих сторон, так как восставшие захватили в плен 1280 дворян, вешали попадавших им в руки офицеров и солдат регулярной армии. В 10 битвах последнего месяца войны потери правительственных войск составили 578 убитыми и 984 ранеными. Небольшие потери регулярной армии объяснялись тем, что у повстанцев не хватало современного оружия, и они были вынуждены воевать саблями, пиками, луками и стрелами против ружей и пушек правительственных войск.

Доклады с мест показали, что после войны среди повстанцев насчитали 11552 человека убитых и пропавших без вести (в т.ч. в губерниях: Казанской - 4526, Оренбургской - 4339, Воронежской - 1405, Нижегородской - 674, Сибирской (Тобольской) - 208). В эти сведения не были включены умершие в тюрьмах от пыток, голода и

при перегонах по этапам. Так, из 512 плененных под Татищевой крепостью повстанцев через Самару до Казани дошли связанные канатами по рукам и ногам только 398 человек. Если учесть, что только в двух битвах под Казанью и под Саратовом (Черный Яр) в плен попало 11 тысяч повстанцев, то из их числа не менее 20 % людей умерло от ран, наказания плетью, пыток, а также не вынесло крайне тяжелых условий содержания в заключении. Кроме того, в списки умерших не включали казненных по приговору секретной комиссии, а также людей, уничтоженных карательными командами. Количество казненных исчислялось сотнями человек. По приказу с июля 1774 года в восставших деревнях вешали и сажали на кол каждого третьего мужчину по жребию. Карательные команды осуществляли 8 видов смертной казни. По указанию правительства в каждой деревни ставили виселицу, кол, эшафот со столбом, колесо для четвертования, глаголь для вешания за ребро. На этих орудиях экзекуции казнили провинившихся еще десять лет после восстания.

Боевой дух повстанцев в период с сентября 1773 по март 1774 года был выше, чем у малочисленных отрядов правительственных войск. Победы одерживались из-за перехода казаков многих гарнизонов на сторону восставших. Наивысший уровень боевого духа казаки-повстанцы продемонстрировали в сражении 23 марта 1774 года против войск трех генералов у Татищевской крепости (соотношение убитых и пленных 5:1). В июне-июле 1774 года сравнительно высокий уровень морально-психологического состояния повстанцев в боях объяснялся многократным превышением их численности по сравнению с регулярными войсками. Например, 12 июля 1774 года в штурме Казани участвовало 25 тысяч повстанцев (в т.ч. 10 тысяч почти совсем безоружных), тогда как им противостояло 2 тысячи регулярных войск, 6 тысяч ополченцев, а само население города едва превышало 15 тысяч человек (без учета тысячи заключенных в казематах крепости).

В сражении 13 июля у Казани с прибывшим на подкрепление окруженному гарнизону крепости 2-тысячным корпусом регулярных войск 15 тысяч восставших показали высокий уровень боевого духа. Запись 13 июля 1774 года в военно-походном журнале казанского дворянского корпуса гласит: «Злодеи с великим криком и с такою

пушечною картечами и ружейною пальбою /наступали/, какой было противу многих разных неприятелей никогда не видывал, сие есть признание самого господина подполковника /И.И. Михельсона/ по окончании сражения, и от сих не ожидал злодеев".

В августе 1774 года боевой дух повстанцев стал сильно уступать моральному духу прибывших с южных границ регулярных войск, имевших шестилетний опыт войны на турецком фронте. В последнем сражении в 140 км к юго-востоку от Царицына в районе Черного Яра наступило разложение армии восставших, и количество сдавшихся в плен повстанцев в 3 раза превысило число погибших.

Безвозвратные потери повстанцев.

Время, место сражения	Убитых	Пленных	Соотношение
Татищевская крепость 23.3.1773	2,5 тыс.	512	5 : 1
Сакмарский городок 1.4.1774	2867	2 тыс.	1,4 : 1
Казань 12.7.1774	0,8 тыс.	737	1 : 1
Под Казанью 15.7.1774	2 тыс.	5 тыс.	1 : 2,5
Поволжье, Прикамье 1.8-6.9.1774	10 тыс.	9 тыс.	1,1 : 1
Черный Яр 25.8.1774	2 тыс.	6 тыс.	1 : 3

Высокий боевой дух повстанцев стал причиной их невосприимчивости к правительственной и церковной пропаганде, которая дискредитировала Пугачева, проклинала тех верующих, которые пристали к повстанческой армии. Несмотря на то, что во всех церквях во время проповедей священники подвергали анафеме Емельяна Пугачева, запугивали "божьей карой" тех, кто помогал "отступникам", но это не останавливало крестьян и казаков от участия в боях против правительственных войск. Тяжесть условий жизни оказывалась сильнее пропагандистских призывов правительства. По-видимому, тяжелые материальные условия жизни и невыносимое угнетение людей привело к тому, что они почти

полностью потеряли чувства страха за свою жизнь и стали на путь вооруженной борьбы с государственной властью. Людей не останавливало то, что в случае захвата карателями это вело к неминуемой смерти.

По сравнению с повстанцами у солдат регулярных войск за период с 1 августа по 6 сентября 1774 года уровень боевого духа и степень подчинения командирам оказались значительно более высокими, а соотношение убитых к пленным составило 1,8 : 1. Убито было 578 человек и 309 перешли в армию повстанцев. Под Черным Яром 25 августа после захвата в плен, перешедшие на сторону повстанцев 115 солдат сразу же были наказаны избиением батогами, а 194 - шпицрутенами.

Особым родом борьбы, выигранной восставшими, являлась пропагандистская война. Главная армия Пугачева не штурмовала большинство из 27 захваченных крепостей и городов. Они были сданы без боя после разложения гарнизонов от воздействия подрывной пропаганды. Так, когда после разгрома под Татищевской крепостью у восставших не осталось ни одной пушки, они 6 мая 1774 года захватили крепость Магнитную. Это стало возможным в результате успеха разлагающей пропаганды и перехода на сторону Пугачева солдат гарнизона крепости. Через некоторое время 21 июня 1774 года "императору" сдалась крепость Оса после того, как в нее был направлен старый солдат-гвардеец, который во время службы в Петербурге видел Петра 111. Этого старика специально вызвали из крепости к восставшим. Он лично осмотрел Емельяна Пугачева, признал в нем императора и после этого убедил гарнизон крепости не оказывать сопротивления законному царю.

Пропаганда восставших способствовала мобилизации в армию Пугачева большого количества людей, проживавших далеко от районов боевых действий. Например, после отправления "указа императора Петра Федоровича" от 14 августа 1774 года в заволжские степи правитель калмыков Цеднен-Даржа привел в лагерь повстанцев 3 тысячи конников, которые 20-21 августа участвовали в военных операциях повстанцев под Царицыным.

По содержанию пропаганда повстанцев являлась популистской. Она обещала людям много недостижимых благ. В пропагандистских

целях Е.И. Пугачев и его окружение использовали веру в "доброго царя", в листовках и манифестах даровали населению вольность, обещали различные блага, чины и привилегии. Принятие вожаком восстания титула "императора Петра 111" имело пропагандистскую цель. Никто из его ближайшего окружения в царское происхождение неграмотного донского казака Пугачева не верил, но указы и манифесты писались от имени императора для придания им авторитета.

Одной из задач созданной 6 ноября 1773 года "государственной военной коллегии" повстанческих войск являлось письменное делопроизводство. Также она распространяла именные указы и манифесты, которые для придания им законного, государственного характера скреплялись подписями с приложением к красному сургучу, серебряных и медных печатей. В архивах сохранились - более 87 наименований указов, "манифестов императора" и писем, которые громко зачитывались неграмотному населению. Массовое распространение пропагандистских документов, дарующих крепостному населению вольность от дворян, позволило мобилизовать на защиту этой привилегии население огромных районов России, поскольку в тот период лишь 4 % населения жили в городах, а остальные являлись крестьянами, находившимися в рабской зависимости от дворян.

В Петербург и секретную комиссию для расследования деятельности повстанцев были посланы 43 захваченных в различных местах указа и манифеста от имени "Петра 111", составленных в период с 17 сентября 1773 до 21 августа 1774 года. В сохранившихся архивных документах говорится, что уже в декабре 1773 года писари и переводчики (толмачи) повстанческих полков размножали на местах копии указов и рассылали их в села, города и заводские поселки при частных заводах. Например, в районе крепости Оса толмач /переводчик/ Николай Иванов в штабе полковника Абдия Абдулова 25 декабря 1773 года письменным рапортом докладывал, что он "...в разные города и села и партикулярные заводы для увещевания и исполнения поданного ему от его императорского величества указу копии посылал". Со 2 декабря 1773 года во всех манифестах Пугачева помещалась фраза: "Объявляется во всенародное известие", и эти тексты громко зачитывались

засылаемыми "разгласителями" в населенных пунктах. Во все стороны за сотни километров повстанцы посылали в крепости "разгласителей" и "подсылщиков", которые объявляли о добром императоре и его указах, разлагали гарнизоны. Во Владимирском уезде полиция за 1000 километров от ставки Пугачева под Оренбургом в декабре 1773 года конфисковала копию указа "Петра 111" от 4 октября 1773 года.

Документация штаба повстанцев велась на русском и на старотатарском языках. Пропагандистские материалы в государственной военной коллегии писались на 4 языках: русском, старотатарском (тюрки), немецком и арабском языках.

Пропагандистские документы повстанцев

Месяцы 1773, 1774	9	10	11	12	1	2	3	4	5	6	7	8
Указы Петра 111	5	11	5	8	-	-	2	-	-	3	2	5
Указы военной коллегии	-	-	-	1	1	1	-	1	-	2	1	3
Письма командиров	-	1	2	4	8	7	2	-	1	-	-	1
Письма мулл	-	2	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1
Письмо раскольника	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-
ИТОГО	5	14	7	13	9	8	4	2	2	5	3	10

Все пропагандистские документы, составленные на русском языке, одновременно переводились на старотатарский язык. Наибольшее количество наименований пропагандистских документов повстанцами было составлено в октябре-декабре 1773 года (14 и 13 соответственно), а также в августе 1774 года (10).

Манифесты и указы "императора Петра Федоровича" писали секретари Пугачева: думный дьяк Военной коллегии И.Я. Почиталин (10 с 16 сентября 1773 года), секретарь Военной коллегии М.Д. Горшков (3), секретарь Военной коллегии А.И. Дубровский (14 с 5 июня 1774 года), секретарь Военной коллегии Балтай Идиркеев (7 на старотатарском языке), пленный сержант Д.Н. Кальминский (2),

бывший подпоручик М. А. Шванвич (1 на немецком языке от 17 декабря 1773 года), заводской крестьянин Воскресенского завода Иван Петров (1 манифест от 2 декабря 1773 года совместно с И.Я. Почиталиным и М.Д. Дубровским). Повытки Военной коллегии: С.Супонин, И.Герасимов, А.Седачев, Г.Степанов, И.Пустоханов также составляли пропагандистские материалы.

Сохранились документы допросов, помогающие представить ход подготовки манифестов. М.Д. Горшков на следствии сообщил, что манифест от 2 декабря 1773 года он составлял с И.Я. Почиталиным. При этом основой содержания стали тексты "печатных и письменных публичных указов, которые были переплетены в книгу, а сию книгу достали, не знаю где-то, Шигаев и Почиталин". .../Мы/ "выбирая лутчие речи из указов, по той выборке не умели порядочно речей сплести, и упражнялись в составлении оного /манифеста/ больше недели". После приезда с Воскресенского завода с "разумно написанным доношением" Ивана Петрова, секретари "призвав оного Петрова на квартиру, просили, чтоб он выправил, который посмотрев сие сказал: "Нет де, господа, не так написано". И потом перечернил по своему, который, так как им перечернен, после и я переписал. И носил оный для подписания самозванцу Почиталин и, пришел от него в коллегия, сказал мне, что самозванец тот указ, не переправляя, подписал и хвалил, что написан хорошо".

Манифесты давали обещание разных привилегий каждой социальной группе, являвшейся объектом пропаганды. Казаков Яицкого казачьего войска указы жаловали рекой Яик со всеми ее угодьями и богатством, а также хлебом, порохом, свинцом, деньгами, "старой верой", казацкой вольностью, привилегией стать "первыми людьми", "увольняли" от всяких податей. Например, 6 октября 1774 года "император Петр III" в указе казакам Верхне-Озерной крепости писал: "Когда вы исполните мое имянное повеление /послужите мне/, за то будете жалованы чинами и на претки ваши рякою и землею, и травами, и морями и денежным жалованьем, и хлебным провизантом, и свинцом, и порохом, и вечною вольностью".

Содержание указов, в которых казакам объявлялся перечень пожалованных привилегий, основывалось на бытовавших среди

казачества мифах и легендах о якобы существовавшей грамоте царя Михаила Федоровича (1596-1645), который будто бы наградил Яицкое войско за верную службу рекой Яик "с сущими при ней реки и протоки и со всякими угоды, от вершин и до устья, рыбными ловлями и звериною ловлею, а равно и солью беспошлинно, также крестом и бороною, и чтобы им на той реке жить и владеть, и великому государю служить казачью службу и набираться на житье вольными людьми". Среди старожиллов-казачков бытовало предание о том, что эта грамота якобы хранится в одной из гробниц древнего Михайловского собора в Уральске. Подобные предания из мифов превратились в текст указа, составленного в ночь с 16 на 17 сентября 1773 года 19-летним яицким казаком И.Я. Почиталиным. Это показывает, что идеи пропаганды восставших отражали мечты рядового казачества, соответствовали глубинным интересам самой бедной социальной группы населения, вызвала у нее сопереживание и поддержку. Это объясняет силу влияния пропаганды Е.И. Пугачева.

Второй причиной силы повстанческой пропаганды явилось то, что она была популистской, обещала материальные блага и привилегии. Указы и манифесты вызывали личную заинтересованность адресатов воздействия. Обещания материальных благ, а также привилегий людям притягивали внимание читателей и слушателей. Такая пропаганда резко контрастировала с текстами императорских манифестов из Петербурга, зачитывавшимися в церквях, где населению ничего не обещалось, а все внимание обращалось на дискредитацию донского казака Емельяна Пугачева.

Исповедовавшим ислам народам повстанцы обещали вечную вольность, земли, угоды, государево жалованье, "мухаметанскую веру" Так, 1 октября 1774 года Е.И. Пугачев пожаловал башкиров Оренбургской губернии "землями, водами, лесами, жительствовами, травами, реками, рыбами, хлебами, законами, пашнями, телами, денежным жалованьем, свинцом и порохом", а также провозгласил: "...даю волю детям вашим и внучатам вечно". В этот же день башкиров Ногайской и Сибирской дорог Оренбургской губернии "император Петр Федорович" пожаловал "землею, водою, солью, /мусульманской/ верою и молитвою, пажитьем (домашним имуществом. - *Прим. ред.*) и денежным жалованьем".

Крестьян в указах освобождали от власти помещиков, давали им землю, угодья, волю, освобождали от подушной подати, от всех налогов и повинностей, от рекрутских наборов; призывали относиться к дворянам, как они до этого относились к крепостным. Это подразумевало, что крестьян призывали подвергать телесным наказаниям и вешать дворян. Например, указ "императора Петра Федоровича" от 28 июля 1774 года в захваченном городе Саранске обращался к крепостным крестьянам: "... и ограждаем /вас/ вольностью и свободою, и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, владением земель, месными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и соляными озерами без покупки и без оброку, и прочими всеми угодьями, и освобождаем всех от прежде чинимых от дворян и градских мздоимцев-судей всем крестьянам налагаемых податей и отягощений".

В Пензе 31 июля 1774 года после захвата центра провинции самозванный император объявил крестьянам в манифесте: "Награждаем /вас/ древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностью и свободою, и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и соляными озерами без покупки и без оброку, освобождаем ... от податей и отягощений".

Казенным рабочим государственных заводов манифесты объявляли о "воле, дарованной императором Петром III", освобождали от власти администрации и заводовладельцев, освобождали "от тяжчайшего ига работы, платежа податей", предоставляли "свободную вольность" от власти дворян и чиновников", жаловали "всякою вольностию, тоже землею, лугами и рыбными ловлями", на семь лет освобождали от всяких податей.

Манифесты, указы и письма повстанцев можно разделить на две группы по уровню конкретности адресатов пропаганды. В первую группу входят материалы, не имеющие конкретного адресата, обращенные ко всему населению в районах восстания. Как правило, в текстах таких материалов содержалась фраза: "Объявляется во всенародное известие". В отдельных случаях писалось, что манифест

предназначен для "всех верноподданных всякого звания и чина". Иногда такие материалы включали в себя положения о том, что их текст следует "публиковать" (обнародовать. - *Прим. ред.*). В отдельных случаях в текстах имелись указания о том, что следует возить тексты манифестов по населенным пунктам для громкого чтения населению. Как правило, материалы первой группы назывались повстанцами "манифестами". Они готовились государственной военной коллегией повстанцев и подписывались Емельяном Пугачевым от имени "императора Петра". В отдельных случаях указы военной коллегии, подписанные полковником Иваном Твороговым, думным дьяком Почиталиным и каким-либо из секретарей (повытчиков) также имели характер манифестов. Первый манифест повстанцев был составлен 25 ноября 1773 года. Общее количество материалов этой группы невелико - 8 (9,6 %). Наибольшее количество манифестов составлялись повстанцами зимой 1773 года. В ноябре 1773 года был написан 1 манифест, в декабре - 4, в марте 1774 года - 1, в июле - 2 и в августе - 1 манифест.

Второй группой материалов являлись указы, "увещательные письма" и письма к конкретным людям, в которых упоминались фамилии, имена и отчества адресатов. Такие "именные указы", письма составлялись в государственной военной коллегии повстанцев и в штабах повстанческих войск. Имелись случаи, когда своим знакомым в лагерь противника писали письма те казаки, которые у восставших получили высокие чины полковников и атаманов. Конкретность адресатов посланий были сильной стороной пропаганды повстанцев. Усиливало эффективность пропаганды то, что она имела положительную направленность. Указы повстанцев разрешали людям делать то, что правительство запрещало. На словах эта пропаганда облегчала положение угнетенных, давала им привилегии, соответствовала идеальным представлениям людей о "райской жизни", о справедливости, свободе, воле, жизни без какого бы то ни было «отягощения», без подчинения местным руководителям - дворянам. Пропаганда Е.И. Пугачева отражала мечты социальных низов общества о лучшей жизни, соответствовала интересам и идеалам социальных групп угнетенного населения.

Офицеры правительственных войск дискредитировали «манифесты». Они указывали подчиненным казакам гарнизонов на

тот факт, что текст не напечатан в типографии. Понимая, что написанные чернилами манифесты уязвимы от критики офицеров и правительственных чиновников, посланцы Пугачева на каверзные вопросы и критику отвечали, что печатные манифесты император будет издавать после занятия Москвы.

Основным видом других пропагандистских материалов являлись письма и "увещевания" к командирам войск противника и комендантам окруженных крепостей с призывом признать "императора Петра Федоровича", написанные в полковых канцеляриях повстанцев. В пропагандистских целях составлялись и письма главных командиров башкирских и татарских войск, направленные командирам подчиненных отрядов, а также командирам взаимодействующих с ними войск. В письмах сообщалась приукрашенная информация о "военных успехах" повстанцев, о "победах" над правительственной армией, о захвате городов, подходе подкреплений. Характерным образцом такого материала является письмо главного полковника Бахтияра Канкаева командирам подчиненных ему отрядов в Арской области под Казанью. Письмо на старотатарском языке написано в мае 1774 года через несколько недель после того, как 1 апреля под Сакмарским городком армия Е.И. Пугачева оказалась полностью разгромленной, а блокировавшие город Оренбург войска повстанцев были уничтожены.

Текст гласит: "Тебе, главному старшине Канкаю Яшбактину сыну и старшине Осипу, атаману, тебе полковому сотнику Ишмату Маматкулову сыну, депутату мулле Бактию, также тебе полковому сотнику Иману Алладинову сыну - всем вам старшинам и сотникам от полкового старшины Бахтияра Канкаева слово такое: извещаются вам сведения, полученные по ордеру. Стало известно из ордера Белобородова место пребывания государя нашего, что он находится в крепости Уклы. Также, учинив покорность милостивому государю нашему, стали воинам его десять тысяч киргизских казаков, которые пригнали бесчисленное количество коней, коров и овец своих, чтобы раздать их армии. Также стало известно, что за ним идет двадцатитысячное войско, и он взял Оренбург, а также, покорив полк из восьмиста гусаров, отняв у них оружие, он привел их к присяге,

присоединив их к своей армии, ввел /эту армию/ в Оренбург и во главе ее поставил муллу Кинзю /Арсланова/.

В Оренбурге был большой бой и до такой степени, что кровь достигала до щиколоток коней. Милостивый государь наш взял в плен именованного /генерал-фельдцейхмейстера/ Орлова, которого, приковав за нос, драл железным гребешком по спине, замучил до смерти. И еще он поставки из своих войск сорокатысячное войско в крепость Берды, а к городу Уфе пришли и осадили /его/ пятнадцать тысяч человек. А тех, кто на стороне бабушки /царицы/, сжигая их сооружения, уничтожили. За Султанмуратом идет полковник Каранай с тысячным войском, чтобы, окружив, уничтожить его. Также в Илецкую крепость он поставил двадцатитысячные силы и в Яицкую крепость поставил пятнадцать тысяч человек. А сам милостивый государь наш с пятитысячной армией прибыл и вступил в крепость Уклы. (занята 10 мая 1774 года. - *Прим. ред.*)

И еще от милостивого государя нашего к Белобородову прибыл ордер, чтобы он обратно вернулся в Сатки и находился там. Взяли Челябинск, захватили все - пушки и порох, уничтожили пришедшую туда /вражескую/ армию воров, вышедших из Кунгура, уничтожили там. А башкиры, обманывая, показываясь частично, в большинстве укрылись.

Милостивый государь наш захватил крепости на той стороне Турки. Наступив на Москву, осадил ее, и в ордере, присланном Белобородову, сказано, но они наступают напористо. И еще милостивому государю нашему покорились семнадцать губерний. Со стороны Москвы, объединившись с многотысячными силами, упорно наступает его сват. Еще две тети его, дочери Петра Алексеевича, дали помощь государю нашему. Об этих обстоятельствах сообщил милостивый государь наш в именованном ордере Белобородову, Поэтому радуйтесь, услышав это, пожелайте благополучия государю нашему.

О тамошних делах сообщит вам письмо через человека, приехавшего с ним письмом. Пусть /на местах/ разъезжают с этим письмом, пусть объясняют эти вести. Государь наш прислал ордер, чтобы прибыть в Сатки, поэтому пусть прогоняют, где бы то ни было тех русских казаков, которые могут сопротивляться государю. К сему

я полковой старшина Бахтияр Канкаев сын руку свою приложил. Этого, приехавшего /к вам/ Инсабулата Намазова сына с его товарищем Аббасом Биккининым сыном пусть перевозят на подводах, пусть они ездят без препятствия везде и их сопровождают, не задерживая. Один писарь, откуда бы он ни был, пусть сопровождает их. Если где-либо из русских казаков кто-либо окажет сопротивление, помочь задержать их и отправить сюда, невзирая на возражения. Пусть сотники во всех деревнях поймут это.

Я войсковой писарь мулла Хаби Шарипов сын, руку свою приложил".

Этот текст представляет образец пропагандистского материала, призванного повысить боевой дух повстанцев, внушить им уверенность в своих силах при помощи ложных сведений о военных успехах над правительственными войсками. Однако тематика письма не охватывает всего многообразия содержания тем других материалов.

Содержание 87 проанализированных пропагандистских текстов имеет 451 тему и призыв. Количество тем равняется 189 (41,9 %), и среди них наибольшее число составляют темы о предоставлении денег и денежного жалования за службу самозванному императору - 30 (6,6 % тем и призывов). На втором месте по частоте употребления находились 20 тем (4,4 %), в которых говорилось о предоставлении вольности ("вечной вольности", "всяческой вольности") крестьянам от подчинения помещикам-дворянам. На третьем месте находились 18 тем (3,9 %), устранившие "гневом императора" в случае неповиновения и невыполнения его указов. На четвертом месте находились 13 тем (2,8 %) о дарении земли всем жителям ("дарую вам землю", "дарую вам реку и землю"). Такое же количество употреблений имели темы о военных победах войск повстанцев - 13 (2,8 %). Пятое место занимали 11 тем (2,4 %) о предоставлении свободы вероисповедания, права исповедания мусульманской веры без притеснений, права молиться по старым обрядам и старым церковным книгам (до реформы 1652 - 1658 годов патриарха Никона - *Прим. ред.*), «награждение крестом и молитвою», награждение "крестом и бороною". На шестом месте находились 11 тем (2,4 %) о возведении в высокие чины полковников, воевод, об обещании

награждения чинами за службу "императору Петру 111". Седьмое место занимали темы о награде за службу провиантом и хлебом - 11 (2,4 %). Затем в порядке убывания частоты употреблений темы располагались в следующем порядке: обещания пожалования за службу порохом - 9 (1,9 %), пожалование свинцом для отлива пуль - 9 (1,9 %).

Определенным диссонансом в перечне тем о пожалованиях и дарах "императора" являлись темы о "жестоких казнях" отступников - 9 (1,9 %), целью которых было устрашение читателей. Сообщения о подходе военных подкреплений употреблялись 7 раз (1,5 %). Обещания предоставить за службу "монаршескую милость" использовались 5 раз (1,1 %), темы о награждении за службу - 4 (0,8 %), о награждении подданных "травами и морями" - 4 (0,8 %), обещание предоставления льгот за службу ("выгоды иметь будете") - 3 (0,6 %), обещание благополучия в жизни за службу "Петру Федоровичу" - 3 (0,6 %), награждение лесами - 2 (0,4 %). Также 2 раза упоминались темы о "муках изменникам". Кроме того, в текстах говорилось о прощении за совершенные преступления ("худые дела ваши упущаю") - 1 (0,2 %), содержалось обещание резко повысить социальный статус человека ("первыми при мне будете") - 1, обещались награждения за службу - 1, даровались сенокосные угодья - 1, говорилось о награждении одеждой - 1, награждении оружием - 1, обещался почет и "честь" за службу - 1.

Среди 231 призыва (51,2 % всех тем и призывов) наиболее часто встречался призыв "верьте" - 13 (2,8 %). Это показывает, что основной целью пропаганды повстанцев являлось достижение доверия к их пропаганде, веры в подлинность самозванного императора. На втором месте по частоте употреблений находился призыв "исполняйте" - 11 (2,4%). На третьем месте был призыв "подумай" ("одумайтесь", "опомнитесь", "придите в чювство", "преклони свою глупость на разумение") - 9 раз (1,9%). Приказ "мои указы публиковать" ("манифест объявлять") в текстах встречался 8 раз (1,7%). В текстах 7 раз (1,5 %) использовались призывы: "не сумливайтесь", "повелеваю имение их взять себе в награждение". По 6 раз (1,3%) повторялись 3 призыва: "покоритесь власти", "послужите мне", "повелеваю вешать".

Пятое место занимали призывы, употребленные по 5 раз (1,1 %), в числе которых были: "послушайте", "повелеваю ловить /дворян/". По 4 раза повторялись призывы: "знайте", "повелеваю показывать людям мои милости".

Шестое место по частоте употреблений принадлежало призывам, употребленным по 3 раза, в числе которых были: "не бойтесь", "признайте меня законным императором", "встречайте меня с подобающими почестями", "стойте /сражайтесь/ против них", "не проливайте напрасно свою кровь".

На седьмом месте находились призывы, которые встречались в текстах 2 раза. Среди них были: "не верьте", "не думайте", "неприятеля не слушайтесь", "копию этого указа отправьте в разные стороны", "чините ко мне склонность", "будьте послушными", "направьте мне мортиры", "исполните повеление", "ко мне представьте", "повелеваю дожидаться прибытия нашего величества", "повелеваю поступать равным образом так, как они /дворяне/ чинили с вами", "приготовить коней, фуража", "прошу письменно через нарочного уведомить", "не погубите себя".

Остальные призывы использовались в пропагандистских материалах лишь по одному разу: "от меня милости просите", "указ пересылайте из города в город", "всю семью /дворян/ разделить", "кровь /дворян/ проливать", "знайте", "повелеваю в тюрьмах не держать, отпускать", "будьте верны", "положите оружие свое перед знаменами моими", "молитесь богу за меня", "из городка навстречу мне с оружием выйдите", "докажите мне свою верность", "повелеваю пажить (имущество. - *Прим. ред.*) разделить", "пришлите одного вашего сына со 100 человеками", "послушайте", "придите ко мне с послушанием", "навстречу мне выступайте", "вынесите из крепости знамена и оружие", "преклоните знамена и оружие перед великим государем", "не жалей", "обоз, лошадей, оружие и доставьте царю", "кто повинуется, того не трогайте", "пришлите порох", "составьте партию из казаков", "повелеваю русского и башкирского войска напирать", "повелеваю искоренять противников нашей короны", "повелеваю признавать и почитать полковника", "повелеваю учинить пристойное встречу", "имеете следовать в главную армию", "повелевается сей указ рассылать", "повелевается указ оставлять в

каждой станице", "наперед того не делать, почту воровски не посылать", "не надейся ожидать помощи", "изволь посылать почты прямо к великому государю", "повелеваю приготовиться в поход", "сего не чинить, в тюрьмы посланников не сажать", "к нам с /военной/ командой не ходи", "беспрекословно исполняйте", "посылайте в поход", увидьтесь со своими домашними", "нас не бросайте", "не теряйте безвинной крови", "повелеваю всех атаковать", "послушай меня", "указы прошу самому взять", "прикажи сына моего отпустить из под караула", "не оставь моего прощения", "возьмите оселок тот на себя", "проси прощения", "восстаньте против неверных", "против злодеев выступайте", "им верха не давайте", "приказываю возить указ на /конных/ подводах день и ночь безостановочно", "повелеваю списывать с указа копии", "повелеваю оставлять копии указа у себя", "не будьте смешены" (обмануты. - *Прим. ред.*), "не доводите до кровопролития", "повелеваем пленных к нам высылать", "окажи преклонство сущему намазаннику», "прошу уговорить", "не губи напрасно себя", "сделай себя счастливым", "опомнитесь други и братья о бозе", "прикажи", "не губите себя и безповинную чернь", "разъезжайте с этим письмом", "объясняйте эти кисти", "прогоняйте тех русских казаков, которые могут воспротивиться государю", "провозите на подводах", "пусть ездят безпрепятственно", "пусть сопровождает их один писарь", "задержите сопротивляющихся казаков", "направьте задержанных сюда", "пусть сотники во всех деревнях поймут это", "благоволите город сдать", "немедленно дайте знать”.

Эффективность пропаганды повстанцев подтверждают многочисленные материалы допросов представителей социальных низов общества полицейскими разных городов России и их наказание за разговоры о "живом императоре Петре 111". Сведения о "царе Петре Федоровиче" распространялись за тысячи километров от районов восстания. В Москве по приказу обер-полицмейстера "надежные люди" были употреблены для подслушивания разговоров в торговых рядах, банях и кабаках. Так, в декабре 1773 года в Москве за 1150 километров от ставки Пугачева по доносу был подвергнут пытке крепостной крестьянин Василий Чижев. В комнате для слуг купца 1-й гильдии Долгова он говорил о том, что в Москве "будет к святой пасхе государь Пугачев и повесит генерала Еропкина".

(командующего войсками генерал-майора Е.П. Еропкина. - *Прим. ред.*).

В это же время по доносу дежурного фискала в питейном доме у Початьевского монастыря в Москве был схвачен и подвергнут пыткам дворовый человек графа Толстого Василий Пустынин. Он пил за здоровье Петра 111 и не донес о разговоре четверых других дворовых о том, что "Петр 111 жив и Пугачев сделан от него главным командиром". В результате доноса были посажены в тюрьму три солдата, бежавшие из московского батальона. Главнокомандующий князь Волконский рапортом в Санкт-Петербург донес, что солдаты бежали "с таким намерением, чтобы итти в службу всем троим к злодею Пугачеву, чая получить от сего изверга награждение".

Императрица и правительство очень боялись разлагающего влияния пропаганды "воскресшего царя". Видимо, жесточайшее преследование за распространение манифестов "Петра 111" объяснялось тем, что это имя было неприятно императрице. За 11 лет до этих событий Екатерина II приказала своим любовникам братьям Орловым убить ее мужа. Власти безжалостно расправлялись с теми, кто доставлял манифесты и указы самозванного императора. Например, в июле 1774 года в Яицком городке Антыш Тангеев был казнен четвертованием "за перенос пасквилей и соблазнителя к злодейству других". Ему были отрублены руки, ноги, а затем и голова, которую насадили на столб для устрашения населения. В другом случае за чтение и обсуждение копии указа Е.И. Пугачева по приговору секретной комиссии деревенский священник был бит кнутом и сослан "в вечную работу в Сибирь".

В конце лета 1774 года тексты манифестов и указов повстанцев стали подвергать публичной казни. Например, в городе Шацке перед казнью приговоренных к смерти повстанцев по приказу генерал-аншефа П.И. Панина палач под виселицей сжег текст манифеста Пугачева от 14 августа 1774 года, в котором он приказывал предводителям калмыцкой орды прибыть к нему в армию с войсками.

Императрица запретила пересылать секретной почтой в Петербург оригиналы манифестов лжеимператора Петра 111. В канцеляриях полков регулярных войск после захвата таких

документов с них делались копии, а оригиналы сразу же уничтожались. Даже генерал-аншеф граф П.И. Панин в августе 1774 года переслал императрице только копии манифестов Е.И. Пугачева, наклеивая на них содранные с оригиналов красные сургучные печати с государственным гербом.

Определенная часть пропагандистских материалов восставших оказалась весьма эффективной. Особенно сильное воздействие имели манифесты, где населению "даровались" свобода, вольность от крепостной зависимости, земля, а также различные привилегии. Свидетельством эффективности пропаганды было то, что десятки тысяч человек в ответ на призывы указов "Петра 111" присоединились к армии повстанцев. В 6 городах были выполнены письменные указы Е.И. Пугачева встретить его с торжественным колокольным звоном.

Как правило, эффективны были манифесты, обещавшие различные блага угнетенному населению, которые повышали социальный статус людей (например, делали крепостных вольными казаками). Когда дело касалось повышения социального статуса, ликвидации социальной иерархии и контроля сверху, то угнетенные откликались на эти манифесты с большим рвением. Такая пропаганда соответствовала жизненным интересам социальных низов общества, на которые она была направлена. Однако безрезультатны были личные обращения или письма повстанцев командирам казачьих подразделений, командирам гарнизонов правительственных войск, комендантам крепостей, губернатору Оренбургской провинции. Занимавшие высокое положение в социальной иерархии люди не выполнили пропагандистских указаний повстанцев. Пропаганда, не совпадавшая с жизненными интересами адресата, никакого воздействия на человека не оказывала.

Пропагандистская война России в 1802-1814 годах

Информационную войну России против Франции и подвластных ей европейских государств можно разделить на четыре

периода в зависимости от условий ее ведения. В 1802-1803 годах русские вели против французов пропагандистскую войну, тайно распространяя в прессе европейских стран информацию, дискредитировавшую высших руководителей и политику Франции. Затем пропагандистская война велась в боевых условиях. В 1805 и 1806 -1807 годах Россия провела две войны против Франции. Боевые действия развивались для русской армии крайне неблагоприятно, и она отступала по территории Моравии, германских княжеств, Австрии и Польши. Третий период пропагандистской войны начался 24 июня 1812 года с наступления 444-тысячной коалиционной армии Наполеона через границы России по семи направлениям и дополнительного ввода 150-тысячного подкрепления, после чего 14 сентября последовал захват Москвы. Завершился этот период разгромом агрессора, в результате которого из бежавших через границу остатков войск в январе 1813 года в Варшавском герцогстве французы смогли сформировать несколько дивизий общей численностью 30 тысяч человек. По расчетам Б.Ц. Урланиса, за военную кампанию 1812 года погибли до 150 тысяч французов. Более 160 тысяч солдат, офицеров и 50 генералов врага оказались в плену. Четвертый период пропагандистской войны начался с января 1813 года, когда русская армия в коалиции с войсками ряда европейских стран стала вести военные действия на территории Варшавского герцогства, Пруссии, германских княжеств, Французской империи, и вошла в капитулировавший Париж 18 марта 1814 года, потеряв накануне убитыми 3 тысячи солдат при штурме высот Монмартра.

В 1802-1814 годах русские вели против врага информационную войну, содержание и способы которой имели особенности, связанные с различием политической обстановки. В 1802-1803 годах еще до военных действий Россия вела газетам Парижа и Дрездена. В течение 18 месяцев посланник России Аркадий Иванович Марков подкупал парижских журналистов и издателей газет для того, чтобы они печатали критические статьи против Бонапарта. Однако такую деятельность пришлось прекратить, когда за публикацию ругательного памфлета против Наполеона в Париже был арестован издатель Фуильо, и во время следствия раскрылась причастность русского посланника к этому делу. В августе 1803 года министр

иностранных дел Франции Талейран поручил французскому посланнику в Санкт-Петербурге Гедувиллю со ссылкой на указание Наполеона потребовать от русского правительства отозвать А.И. Маркова из Парижа. Талейран писал в Петербург французскому посланнику: "Теперь, когда началась война (между Францией и Англией. - *Прим. ред.*), которой нельзя предвидеть конца, присутствие человека, столь недоброжелательного к Франции, более чем неприятно для первого консула. Восемнадцать месяцев господин Марков заставлял известного Фуильо распространять бюллетени, заключающие в себе оскорбления и клеветы. Первый консул не хотел придавать важности такому поведению, потому что г. Марков недавно приехал, мог еще не испробовать почвы, где находился. Но и после восемнадцатимесячного пребывания поведение его не стало более дружественным и более скромным. Он болтает во всех углах Парижа, и болтает так, что первый консул не может более выносить этой болтовни... При настоящих обстоятельствах г. Марков ежедневно предсказывает, что пламя войны обхватит весь континент, и нельзя с ним иметь никакого разговора: он все перетолкует в дурную сторону."

В сентябре 1803 года во время одной из публичных аудиенций в Париже Наполеон подошел к посланнику России А.И. Маркову с искаженным от злобы лицом, дрожащими губами, и, задыхаясь, стал говорить громким голосом: "Зачем русский император покровительствует Дантрегу, французскому уроженцу, который живет в Дрездене и пишет там пасквилы против французского правительства? Если бы я позволял себе подобное поведение относительно русского подданного, поселившегося во Франции, то, конечно, император не был бы доволен".

Посланник России был отозван из Парижа 17 октября 1803 года, однако император Александр I сообщил Наполеону, что не усматривает виновности А.И. Маркова, поскольку все, что донесено на него, не соответствует точной истине, а отзывают посланника по его повторной просьбе. В предписании А.И. Маркову говорилось, что государь с сожалением лишается его службы на этом посту, что возведенные на него французами обвинения, это - клевета. Преемник российскому посланнику в Париже назначен не был. Так закончился первый этап пропагандистской войны против французов.

Когда 29 сентября 1805 года Французская империя развязала агрессивную войну и предприняла вторжение на восток, Россия вместе с Австрией вступила в войну против Наполеона на территории германских княжеств Вюртемберг, Бавария и в Австрийской империи. Русское правительство продолжило пропаганду против Франции. Министр иностранных дел России князь Адам Чарторыйский в октябре 1805 года представил императору Александру 1 план ведения подрывной пропаганды против французов. По этому плану при министерстве иностранных дел был создан секретный отдел, в задачу которого входило ведение подрывной пропаганды на иностранном языке и цензура сообщений о военных действиях, поскольку при восшествии на престол Александр 1 указом от 2 апреля 1801 года отменил цензуру. (Цензуру осуществлял секретный отдел до учреждения в 1811 году министерства полиции. - *Прим. ред.*). В Германии закупили и перевезли в Россию типографию книгоиздателя А.Плюшара для издания пропагандистских материалов на иностранных языках, имевших в основе латинский алфавит. Типография печатала листовки, памфлеты и брошюры, имевшие антифранцузскую направленность. В дополнение к этому за рубежом на средства русского правительства была основана газета на французском языке "Journal de l'Nord", печатавшая заметки, дискредитирующие Наполеона и политику Франции.

В 1806 и 1807 годах, кроме издания газет, в России стали печатать листовки, возбуждавшие у завоеванных народов стремление к освобождению от французских угнетателей. Эти материалы распространяли на театре военных действий в княжествах Гессен, Саксония, Померания, а также в Пруссии. При заключении в июне 1807 года Тильзитского мира подрывная пропаганда была прекращена, но к тому времени правительство и командование российской армии получили значительный опыт организации пропагандистской войны с противником.

Со времени нападения коалиции европейских государств 24 июня 1812 года на Россию объектами воздействия русской пропаганды наряду с населением европейских стран стали войска французов (321 тыс. человек), а также личный состав войск вассальных Франции государств (более 310 тысяч человек). Первый

эшелон вторжения противника насчитывал 444,5 тысяч человек, входивших в пять группировок под командованием: Макдональда (левый фланг) - 32,5 тысяч человек, Наполеона - 218 тысяч, Богарне (центр) - 82 тысячи, Жерома (правый фланг) - 78 тысяч, Шварценберга - 34 тысячи солдат.

После ввода в Россию дополнительных подкреплений общий состав сил коалиционной армии вторжения составил 608 тысяч человек без учета тыловых и вспомогательных частей. В войне участвовали соединения нескольких государств: Франции (321 тысяча человек - 7 пехотных и 4 кавалерийских корпуса, императорская гвардия, осадные парки и фурштат); немцы из германских княжеств (103,5 тысяч человек - Баварский, Саксонский, Вестфальский пехотные корпуса); Пруссии (10-й пехотный корпус Макдональда 32,5 тысяч человек); Австрии (40 тысяч человек, в т.ч. батальоны из Венгрии, Чехии, Словакии, Западной Украины); а также солдаты из Италии (4-й пехотный корпус - 32 тысячи человек); Польши (5-й пехотный корпус - 36 тысяч человек), Литвы (более 20 маршевых полков - 54 тысячи человек); Швейцарии (9 тысяч человек); Испании, Португалии (15 тысяч человек).

В ходе похода боевой состав Большой армии в России постоянно сокращался вследствие боевых потерь, смерти от ранений и эпидемий. Перед Бородинским сражением 2 сентября у Наполеона было 135219 солдат и дополнительно подошли две пехотные дивизии (11 тыс. чел.), а также 4 кавалерийских полка (около 2 тыс. чел.), что довело численность группировки до 147,2 тыс. солдат (тысяча вестфальцев была оставлена гарнизоном в Гжатске). Но через восемнадцать дней 20 сентября в Москве количество войск противника составило только 95775 человек из-за потерь в Бородинском сражении. До 14 декабря 1812 года через границу России в Ковно ушли примерно 15 тысяч солдат противника ("старая гвардия", остатки 2-го, 6-го и 9-го корпусов и гарнизона г. Вильно). Также удалось спастись не участвовавшим в походе на Москву остаткам корпусов Макдональда (отступили через Тильзит), Ренье (ушли через Брест), Шварценберга (бежали через Белосток) и Понятовского (отступили через Меречь). Если в начале агрессии в Большой армии было 182 тысячи лошадей, то в конце военной кампании лишь 15 тысяч военнослужащих противника отступали из

России на конях. Количество войск главной группировки врага с 218 тысяч в июне сократилось в декабре до нескольких тысяч человек, начинавших вторжение под командованием Наполеона.

Численность войск Большой армии сокращалась не только из-за боевых потерь, но и от эпидемий. За период летнего наступления от Ковно до Вильны от эпидемии дизентерии умерло 30 тысяч человек, а в ходе марша через Белоруссию - 80 тысяч человек. После сражения под Смоленском армию захватчиков поразил сыпной тиф, поэтому большинство из 35 тысяч раненых военнослужащих противника впоследствии скончались от тифа.

Через 34 суток после захвата старой столицы России оккупанты из-за голода и болезней были вынуждены отступить из сожженной Москвы. С момента выхода 7 октября из Москвы и до боя под Смоленском 4 ноября 1812 года отступавший Бонапарт потерял почти половину армии. Причиной этих потерь оказался не мороз 15 градусов, а постоянные бои с русскими войсками, нападения партизан, голод и болезни. С 13 ноября мороз усилился до 31 градуса, что погубило многочисленных больных и раненых. За четыре первых дня сильных морозов от голода, холода и болезней погибло 15 тысяч оккупантов, дороги отступления были покрыты мертвыми и умирающими людьми. Когда 10 декабря при температуре минус 22 градуса русские войска заняли Вильну, там они застали 30 тысяч больных сыпным тифом, из которых вскоре умерло 25 тысяч человек. По донесению губернатора барона К.И. Аша, с 6 ноября 1812 года по 20 апреля 1813 года только в Смоленской губернии было сожжено 61986 и закопано 107188 трупов. Боевые потери и холод воздействовали также и на регулярную русскую армию, которая в Тарутино начинала преследование врага силами 97 тысяч человек, но при вступлении в Вильну сократилась до 27,5 тысяч военнослужащих.

Боевые соединения захватчиков за время похода на Москву потеряли более 70 % личного состава. Например, 3-й пехотный корпус Нея с 43 тысяч солдат в июне сократился к концу декабря до 12 тысяч. По оценке Б.Ц. Урланиса, к 1 января 1813 года было убито, умерло от ран, болезней, голода и холода до 150 тысяч французов (т.е. почти 50 % первоначального состава французской армии вторжения) и 200 тысяч войск союзников Франции (более 70 % сил вторжения вассалов Франции). (см. таблицу).

Состав войск Наполеона (тыс. чел.)

Поход на Москву		Отступление из России	
Ковно (24.6)	218	Москва (7.10)	110,26
Вильна	215	Малоярославец	105
Витебск	138	Вязьма	97
Смоленск	163	Дорогобуж	75
Вязьма	135	Смоленск (28.10)	87**
Бородино (2.9)	147,2	Зембин (16.11)	40
Можайск	97	Молодечно	18
Москва (20.9)	95,7	Ковно (14.12)	15

*В т.ч. 8 тыс. солдат в артиллерийских парках, обозах, лазаретах, саперных подразделениях, в подразделениях вооруженных жандармов. Гарнизон Смоленска (2,6 и 9 пехотные корпуса) не учтен. Личный состав 2 и 9 корпусов на 23 сентября - 36 тысяч человек.

**В т.ч. из Москвы пришли примерно 47 тысяч человек.

В 1812 году содержание русской пропаганды на войска Большой армии зависело от ряда факторов, главным из которых было состояние боевого духа войск противника, их решимость воевать. В течение пяти месяцев после начала вторжения в Россию просматривается тенденция деморализации и разложения войск врага по мере увеличения количества потерь и затягивания военного конфликта. Солдаты наполеоновской коалиции показали высокий уровень боевого духа 26 августа 1812 года в битве при Бородино, когда 12 тысяч войск врага погибли в сражении, но русским удалось пленить менее 100 человек (соотношение убитых и пленных 120:1). Однако уже в конце ноября армия вторжения разложилась, и ее солдаты предпочитали сдаваться в плен, но не гибнуть в боях. Главной причиной деморализации солдат врага стал страх смерти. Уровень смертности французов в битвах был наивысшим из всех военных кампаний Бонапарта в Европе. В России произошло 30 сражений, в каждом из которых было убито более 2 тысяч военнопленных Большой армии.

Прослеживается тенденция, что по мере увеличения количества убитых число сдавшихся в плен возрастало в прямой пропорции, а в ноябре-декабре количество добровольно сдавшихся в плен стало резко расти по экспоненте. Динамика сдачи в плен показывает, что со второй декады ноября 1812 года в Большой армии началась добровольная сдача в плен в составе подразделений, частей и даже

дивизий, корпусов. Так, если за июль сдалось 2 тысячи солдат, за август-сентябрь - около 8 тысяч (в том числе в Псковской губернии - 4962 человека и около 3 тысяч военнопленных на Украине), то после сражения при г. Красном 4-6 ноября сдались более 26 тысяч солдат. В сражении у реки Березина 14-17 ноября русские войска пленили более 20 тысяч военнослужащих врага. В официальном обращении русского командования к жителям Могилевской губернии от 13 ноября (26 ноября по новому стилю) утверждалось о взятии у противника "до 150 тыс. пленных". Если учитывать данные императорского флигель-адъютанта М.Ф. Орлова из изданной 15 января 1813 года листовки "Размышления русского военного о 29-ом бюллетене", после сражения у Красного по состоянию на 6 ноября у русских стало насчитываться 80 тысяч пленных, а за 20 последующих дней русским сдались еще 70 тысяч человек. Когда главная группировка русской армии перешла через Неман у Мереча, согласно докладу М.И. Кутузова, к 13 января 1813 года общее количество пленных превысило 160 тысяч человек. Массовая сдача французов в плен стала происходить с ноября 1812 года (см. таблицу)

Пленение противника в боевых действиях (тыс. чел.)

24.6-31.7	13.8	1.8-30.9	14.9-5.10	18.10	24.10	4-6.11	14-17	28.11
2	3	8*	5**	1	1,6	26	20	2,1

*В Псковской губернии и на Украине. **На дороге от Можайска до Москвы.

Факты дают основание утверждать, что боевой дух солдат наполеоновской коалиции был подорван после высоких потерь в России. Масштабы гибели французов при вторжении 1812 года оказались наивысшими за период войн в Европе. Если за 1805 - 1815 годы общее количество погибших в боях французов составило 226 тысяч человек, то лишь за пять месяцев похода на Москву потери французов убитыми, умершими от ран, болезней, голода и мороза превысили 112 тысяч человек и составили половину всех погибших за десять лет войны. (см. таблицу).

Безвозвратные потери Большой армии (тыс. чел.)

	убитых	пленных	соотношение
13.8.1812 Битва при Клястицах	10	3	3,3 : 1
4-6.8.1812 Смоленское сражение	4,6	0,1	46 : 1
5-7.9.1812 Битва при Бородино	12	0,01*	1200:
18.10.1812 Бой при селе Тарутино	2,5	1	2,5: 1
24.10.1812 Бой под Малоярославцем	4	1,6	2,5: 1
14. П. 1812 Бой при селе Добром	3	4	1 : 1,2
14-17.11.1812 Битва при г. Красном	8	26	1 : 3,2
26-28.11.1812 Битва у р. Березина	9	20	1 : 2,2
24.6 -26.12.1812 Война в России	112	160	1 : 1,42

* В т.ч. бригадный генерал Бонами.

По оценке Б.Ц. Урланиса, лишь в одном Бородинском сражении противник потерял 12 тысяч убитыми, в числе которых было 49 генералов и 1792 офицера (в т.ч. 37 полковников). Захватчики были вынуждены принять чрезвычайные меры, чтобы захоронить на поле боя трупы людей и 42 тысяч лошадей, однако все же не смогли предотвратить эпидемии тифа. Наполеон впоследствии написал в мемуарах: "Из всех моих сражений самое ужасное то, которое я дал под Москвой".

После Бородинского сражения боевой дух захватчиков снизился, значительно возросло количество сдававшихся в плен. Так, за три недели после вступления войск Наполеона в первопрестольную столицу России к 5 октября двухтысячный военный отряд и группы казаков-партизан на Можайской дороге захватили в плен более 5 тысяч французов. Деморализующее впечатление на врага произвело плановое уничтожение Москвы оставленными для этого отрядами из 1000 полицейских «будочников», зажегших здания во многих районах, в результате чего войскам противника стало негде зимовать, и они были вынуждены захватить для зимовки монастыри. Это настроило против французов русскую православную церковь, призвавшую население к крестовому походу против врага. Наполеон 20 сентября 1812 года в письме Александру 1 не смог скрыть своего неудовольствия от перспективы зимовать на пепелище, когда 100-тысячному войску для расквартирования остались лишь несколько сотен деревянных изб в

северной части города. В письме, переданном генералом Лористоним императору Александру 1, он писал: "Красивый, великолепный город Москва не существует. Растопчин его сжег. Четыреста поджигателей пойманы на месте преступления; все они объявили, что жгли по приказанию губернатора и полицмейстера; их расстреляли. Пожар, кажется, прекратился. Три четверти домов сгорело, четверть осталась. Это - поступок гнусный и бесцельный".

Удар по моральному состоянию противника оказался нанесен также в результате гибели 15 тысяч раненых от эпидемий и голода в московских госпиталях. Мобилизованные крестьяне после ухода армии Наполеона из первопрестольной столицы в Москве сожгли и закопали 12 тысяч трупов захватчиков и 12,6 тысяч трупов их лошадей, когда за каждое сожженное и погребенное тело платили 50 копеек, а общие расходы губернатора на это составили 7118 рублей 38 копеек.

Свидетельством упадка боевого духа стал факт направления 6 ноября 1812 года парламентаров с просьбой о пощаде и добровольная сдача в плен с оружием более 8500 военнослужащих корпуса маршала Нея у города Красное. Примером падения уровня боевого духа врага явилась капитуляция 14 ноября у г. Борисова арьергарда группировки войск 9-го корпуса маршала Виктора в составе дивизии Партуно, Саксонского, Бергского кавалерийских полков и остатков других частей. Тогда добровольно сдались дивизионные генералы Партек, Камюсь, Бламон, бригадный генерал Бильер, 5 полковников, 269 других офицеров и около 8 тысяч солдат с оружием. Несколько позже этого события 28 ноября при преследовании баварских войск под Вильно малочисленные кавалерийские отряды русских взяли в плен 126 офицеров и 2024 рядовых. При этом отряд подполковника Теттенборга принял капитуляцию одного батальона, который добровольно сдался с оружием.

По итогам военной кампании 1812 года общий уровень боевого духа войск противника оказался невысоким, поскольку каждый четвертый солдат Большой армии предпочел гибели сдачу в плен. Разумеется, что по периодам боевых действий уровень боевого духа врага был неодинаковым. В Смоленском сражении и в битве при

Бородино войска противника имели высокий уровень боевого духа (соотношение убитых и плененных составило соответственно 46:1 и 1200:1). Однако он значительно понизился в середине ноября (соотношение убитых и плененных 1: 3,2), а после переправы через реку Березину в конце ноября произошла деморализация войск Большой армии.

Для сравнения можно сказать, что в период войн 1805-1814 годов боевой дух русских войск был сравнительно высок. Согласно подсчетам Б.Ц. Урланиса. из общей цифры русских потерь 420 тысяч человек (в т.ч. убитых 83,7 тысяч человек) в плен сдалось 60 тысяч (отношение убитых и плененных 1,39 : 1). Это общее соотношение характерно для сравнительно высокого уровня боевого духа и прочного морального состояния победоносной армии. Наивысший уровень боевого духа был у русских во время битвы при Бородино. По данным одного из двенадцати наполеоновских адъютантов генерал-лейтенанта Армана де Коленкура, там погибли более 11 тысяч русских, но в плену оказались 16 солдат (соотношение 687 : 1). Герцог де Коленкур привел слова Бонапарта во время сражения: "Эти русские дают убивать себя как автоматы, взять их нельзя. Этим наши дела не продвигаются. Это - цитадели, которые надо разрушать пушками". По данным адъютанта Наполеона графа Сепора, французы на следующий день подобрали на поле битвы около 800 тяжело раненых и объявили об их пленении.

Уровень боевого духа солдат вассальных армий в войне оказался намного более низким, поскольку они не желали гибнуть за французов. Немцы сдавались в плен в 6 раз более интенсивно по сравнению с французами. Так, за август-сентябрь 1812 года в Псковской губернии было взято в плен 1725 немцев, 1424 француза, 1198 испанцев и португальцев, а также 615 итальянцев. Если сравнить количество плененных разных национальностей с общим количеством войск такой же национальности, перешедших границу России в составе Большой армии, то один пленный приходился примерно на 225 находившихся в армии французов, на 78 немцев, на 52 итальянцев, 4 испанцев и португальцев. Эти цифры свидетельствуют о том, что по сравнению с французами и солдатами других национальностей уровень боевого духа итальянских, испанских и португальских войск в армии Наполеона был наиболее

низким. Если принять уровень боевого духа французов за единицу, то по состоянию на сентябрь 1812 года уровень боевого духа немцев, итальянцев, португальцев и испанцев соотносится как 1 : 0,34 : 0,23 : 0,01. Солдаты различных национальностей по-разному относились к воздействию подрывной пропаганды.

В 1812 году правительство России заблаговременно начало подготовку к пропагандистскому воздействию на противника. При усилении военной опасности еще за 5 месяцев до нападения Франции на Россию военный министр М.Б. Барклай де Толли 22 января 1812 года вручил секретный доклад императору Александру 1, в котором проанализировал вопрос о возбуждении враждебных французам настроений в Европе средствами печатной пропаганды. В докладе указывалось, что в случае войны с Французской империей "самое благоприятное воздействие будут иметь прокламации". Военный министр подчеркивал необходимость соблюдения секретности подготовки пропагандистской войны для ее большей эффективности с началом военных действий. Касаясь вопросов подготовки к изданию подрывных материалов, он писал: "Подготовка этих средств должна проводиться заранее, не привлекая внимания, и в самой непроницаемой тайне". В марте 1812 года дополнительно к одной походной типографии, которая предусматривалась на военное время при дежурном генерале Гаупт-квартиры действующей армии, по приказу военного министра Барклая де Толли при квартирмейстерской части Западных армий были сформированы еще 4 походные типографии, две из которых были направлены в Вильну.

Российская разведка в Европе заблаговременно вскрыла план агрессивных приготовлений Франции и знала примерную дату вторжения. Уже 16 апреля 1812 года, за два месяца до войны, был подготовлен секретный план агитационной деятельности штаба русской армии в военное время. План предусматривал издание при Главной квартире "военных ведомостей", тексты которых на русском и пяти иностранных языках (французском, немецком, польском, испанском, португальском) предполагалось распространять среди русских войск и забрасывать к противнику. Одной из целей подрывной пропаганды при помощи издания военных ведомостей являлась дезинформация врага. В плане ставилась задача при помощи

информации о военных действиях "смешивать все расчеты неприятеля".

В апреле 1812 года с целью нейтрализации подрывной пропаганды вероятного противника Комитет министров России принял постановление, ограничивавшее круг источников политической информации для российской прессы. Согласно постановлению, в русской прессе строжайше запрещалось перепечатывать из зарубежных периодических изданий какие-либо политические сообщения о России. Подобную информацию было разрешено заимствовать лишь из газеты "Санкт-Петербургские ведомости", находившейся под контролем правительства и "цензурной ревизии" канцелярии министра полиции. За нарушение этого постановления предусматривалось осуждение виновных на каторжные работы. В военное время цензурные ограничения включали ряд требований к информации: сохранение военной тайны, выставление в выгодном свете деятельности правительства; недопустимость распространения информации, колеблющей престиж государства, авторитет командования русской армии; освещение хода боевых действий в оптимистических тонах, замалчивание информации о неблагоприятном для русских войск развитии обстановки, об оставлении городов, объяснение вынужденного отступления в виде заранее предусмотренного и запланированного действия, искажение в открытой прессе действительного хода военных событий; ограничение сведений о передвижении войск, о боях или стычках с противником; намеренное уменьшение в сообщениях силы и боеспособности войск противника, недопущение сведений о лишениях и трудностях русской армии, о настроениях жителей в районах боевых действий.

План организации подрывной пропаганды против франко-немецко-итальянской коалиции государств был подписан за две недели до начала войны. Он предусматривал издание газет и листовок на польском, немецком и французском языках, поскольку предполагалось вступление российских войск вначале на территорию Польши, а затем - в германские княжества. Наряду с официальным органом российского министерства иностранных дел газетой на французском языке "Le Consevateur Impartial" (Беспристрастный консерватор), издававшейся в Санкт-Петербурге, Риге и при Главной

квартире войск, предполагалось издавать газету на немецком языке "Der Russe" (Россиянин). В дополнение к этому для целей подрывной пропаганды на немецком языке намечалось использовать рижскую газету "Der Zuschauer ". В походной типографии при Гаупт-квартире русских войск предполагалось издавать газеты на польском и французском языках, а кроме того - памфлеты и листовки на польском, немецком, итальянском, испанском, португальском и французском языках. После перехода границы и захвата Варшавы планировалось издавать листовки на польском и немецком языках в столице Польши.

Уже в первую неделю июня 1812 года был подобран штат высокопрофессиональных специалистов русской, немецкой и польской национальности, которые хорошо знали европейские языки, Францию и другие страны агрессивной коалиции. Прусский эмигрант барон Генрих фон Штейн по приглашению российского императора уехал из Праги и 30 мая 1812 года прибыл Вильну в Гаупт-квартиру Западных армий. В докладной записке Александру 1 о планировавшейся партизанской войне в Германии против французов Штейн 6 июня предложил, что "воззвание к немцам станет первым шагом партизанской борьбы". На четвертый день французского вторжения барон провел первое заседание "Немецкого комитета" в составе пяти человек, подготовил манифест борьбы немцев против Наполеона, который 13 июня (25 июня по новому стилю) Александр 1 подписал в Свенцянах. За три дня до начала войны 19 июня текст воззвания М.Б. Барклая де Толли к немцам был отправлен в Санкт-Петербург, где его начали печатать в синодальной типографии. Император Александр 1 в письме к обер-прокурору Синода А.Н. Голицыну по поводу издания манифеста предупреждал о сохранении печатных работ в секрете. Он писал: «По пребыванию еще в Санкт-Петербурге большей части дипломатических агентов неприязненных нам держав, да и по самому существу дела сего, нужно, чтобы издание бумаги сей осталось в тайне».

Ранее 17 июня 1812 года в канцелярии военного министра России была получена докладная записка от тех людей, которые с началом войны должны были при штабе русских войск редактировать печатные материалы для французов и немцев. Два профессора Дерптского университета Андрей Сергеевич Кайсаров (1782 - 1813) и

Федор Рамбах (1767 - 1826) написали и в начале июня 1812 года направили М.Б. Барклаю де Толли свои соображения о том, как при штабе Западных армий следует организовать работу походной типографии. По-видимому, эта докладная записка явилась их ответом на секретный запрос в Дерптский университет военного министра России, который выбрал двух этих специалистов кандидатами для сложного дела ведения пропаганды на иностранных военнослужащих коалиционной армии врага.

Оба профессора в совершенстве владели европейскими языками, знали традиции и нравы населения Западной Европы, так как получили высшее образование за границей. А.С. Кайсаров свободно владел английским, французским, немецким и латинским языками. Он окончил Московский университет, Геттингенский университет, написал и защитил на латинском языке диссертацию, получил в Гермаии ученую степень доктора философии. После защиты он еще два года дополнительно учился в Англии и Франции. Профессор знал традиции и нравы европейских народов, несколько лет путешествовал по Италии, Венгрии, Чехии, Сербии, Австрии, Германии, Франции и Англии. Он являлся признанным специалистом по этнографии славянских народов, хорошим историком и стилистом, вследствие чего в 1810 году его избрали профессором российского языка и словесности Дерптского университета Немаловажным было и то, что профессор А.С. Кайсаров имел хорошую военную подготовку, полученную в результате службы в Семеновском полку.

Федор Рамбах также являлся высокообразованным человеком, в совершенстве владевшим немецким, французским и латинским языками. По происхождению он был немцем. В последнее десятилетие XIX века он работал профессором Берлинского университета, но в 1802 году переехал на службу в Россию. С 1803 и до 1812 года Ф. Рамбах являлся профессором кафедры политической экономии Дерптского университета. Военный министр Барклай де Толли выбрал его для участия в ведении подрывной пропаганды на врага, поскольку этот человек имел сильные антифранцузские настроения, глубоко переживал захват французами германских государств. Профессор являлся этническим немцем, хорошо понимал особенности немецкого менталитета, что делало его

ценным специалистом в пропаганде на немецкое население и войска в составе коалиционной армии противника.

В докладе военному министру России два профессора Дерптского университета писали: "Мы живем не в тех временах, когда мнение основывалось на успехах оружия - вещи переменялись - ныне успех зависит от мнения. Где ныне хотят побеждать, там стараются прежде разделять мнение народа; стараются представлять ему пользу отечества в разных видах; стараются, так сказать, подкупать эгоизм жителей. Воины, на которых также действует укоренившееся мнение и разнесшаяся молва, часто стоят на границе для защиты отечества, не будучи одушевляемы нужным для того духом, ибо мнение их сограждан направлено совсем в противоположную сторону посредством книгопечатания. Часто один печатный листок со стороны неприятеля наносит больше вреда, нежели сколько блистательная победа может принести нам пользы. Часто он действует больше, нежели несколько полков. Французские бюллетени не только одушевляли французских воинов, но и поражали страхом их неприятелей. Они приготавливали жителей тех земель, в которые должно было вступать французскому войску.

Русским воинам не нужно самовольство, но весьма было бы полезно, если б славные их дела не оставались неизвестными, как в отечестве, так и вне оно. Великодушный подвиг какого-нибудь храброго, обнародованный тотчас во всей армии, побудил бы тысячи к подражанию. Для славы русской еще не отрицалось жертвовать своею жизнью. Победа, одержанная над неприятелем и представленная в приличном виде, не преминула бы возбудить жителей той земли, в которой происходит война, к соединению с победителями. Все сие доказано опытами; все сие доказали счастливые французы. Они не пренебрегали теми способами, которые другие правительства до сих пор почитали мало важными, но которых употребление основано на природе человеческой. Кто как думает, тот так и действует. Можно на некоторое время скрываться под личиною, можно показывать решимость, можно притворяться готовым к перенесению трудов бесконечных; но если сердце ощущает противное, если мнение иное, то личина должна спастись, и умнейший, то есть тот, который управлял мнением, наверно, остается победителем.

Правительство должно сделать книгопечатание своим орудием. Типография послужит ему иногда больше, нежели несколько батарей. Наполеон употребляет свои пушки, но не пренебрегает также и типографией. При его войсках есть всегда подвижные типографии, которые служат ему вместо телеграфов. Нет ни мало сомнения, что такое заведение при нашей армии, особенно в нынешнее время, принесло бы большую пользу. Сумма, которую бы правительство на то употребило, едва бы составила годовое содержание одного батальона. Войско наше не претерпело бы большого ущерба, если бы оно уменьшилось таким малозначащим числом. Русские побеждают не множеством, но тем духом, который их одушевляет. Мнение нижеподписавшихся, в рассуждении сего нового заведения, есть следующее:

1. При войсках его императорского величества нужно издавать ведомости на двух языках, то есть на русском и немецком. Если сочтется за нужное, то можно прибавить к тому и польский язык.

2. В сей ведомости будут заключаться разные реляции, отличные подвиги русских воинов, повеления его императорского величества, опровержения ложных известий неприятеля, распространение тех идей, которые угнетенным народам знать нужно.

3. Для русской и немецкой ведомости определяются два редактора, которые под надзором правительства издадут ее.

4. Для печатания ведомости нужна будет полевая типография, которая будет состоять только из двух станков: одного для русской и другого для немецкой ведомости. Если признается нужным печатать и на польском языке, то и для него нужен третий станок.

5. При полевой типографии должно быть двум переводчикам, четырем наборщикам, четырем печатникам и двум мальчикам для набивания краски.

6. Редакторы вместе с типографией должны быть или при самой главной квартире, или весьма в недалеком расстоянии от нее.

7. Для перевоза букв, станков и бумаги нужно, по крайней мере, две повозки; для перевоза употребленных при полевой типографии должно назначить также определенное число повозок.

8. Станки должны быть приспособлены к их употреблению, об устройении которых редакторы сами должны стараться.

9. При полевой типографии должно быть небольшому отряду казаков для получения известий и для развоза ведомостей.

10. Редакторам позволить распространять их ведомости не только между войском и в отечестве, но и в землях, занятых неприятелем, к чему они сами изыщут способы. Для скорейшего распространения ведомостей в России необходимо нужно будет, чтоб государь император всемилостивейше приказал не взимать на почтах, как с ведомостей, так и с получаемых редакторами известий весовых денег.

11. Оба редактора полевой типографии будут находиться под начальством той особы, которой его императорскому величеству подчинить их благоугодно будет.

12. Если его императорскому величеству угодно будет назначить директорами полевой типографии и редакторами ведомостей нижеподписавшихся, то они оставят на время свою должность, но по окончании войны снова возвратятся к своим занятиям".

Обращает на себя внимание, что профессора А.С. Кайсаров и Ф.Э. Рамбах не предполагали издавать материалы на французском языке. Это можно объяснить уверенностью профессоров в том, что французы не имели интереса и психологической готовности к восприятию вражеской пропаганды. Эффекта могла достигнуть лишь пропаганда российского правительства, обращенная к завоеванным и угнетенным народам, ненавидящим французов, желающим независимости и заинтересованным в получении информации, разоблачающей официальную французскую пропаганду.

На полученном в Вильне докладе профессоров рукой М.Б. Баркляя де Толли была написана резолюция: "Высочайше велено привести немедленно в исполнение, употребляя на то денег из экстраординарной суммы. Профессорам приехать сюда поскорее через Друю, а не через Ригу." По приказу военного министра Баркляя де Толли за 6 дней до начала французского нападения на Россию 18 июня 1812 года профессора А.С. Кайсаров и Ф.Э. Рамбах в Дерпте получили предписание "как можно скорее поспешить отправлением в Гаупт-квартиру ... для поручений по известному им предположению". Малопонятный для посторонних текст приказа объяснялся тем, что по указанию императора Александра 1 дело об откомандировании профессоров в армию было запрещено предавать огласке.

А.С. Кайсаров возглавлял походную типографию при Гаупт-квартире русской армии вплоть до начала 1813 года, а Ф.Э. Рамбах с конца июня и до сентября 1812 года. В Главной квартире он редактировал листовки и газеты на немецком языке "Der Russe" (Россиянин), выпускавшиеся с русским параллельным текстом (№ 1 издан 13 июля 1812 года). Затем во второй половине сентября профессор был направлен из Главной квартиры обратно в Дерпт (современный Тарту - *Прим. ред.*), где продолжал заниматься изданием газеты и листовок на немецком языке.

Перед началом войны для ведения подрывной пропаганды на польском и французском языках привлекли нескольких поляков. Среди них был композитор, автор национального гимна Польши "Еще польска не сгинела" Михаил Клеофас Огиньский (1765 - 1833). В день начала французской агрессии 24 июня 1812 года император Александр I в Вильне имел конфиденциальную беседу с М.К. Огиньским. Он в мемуарах написал о том, что император "находил необходимым иметь кого-то, кто взял бы на себя редактирование газеты, которую будут печатать в Главной квартире и цель которой состояла в разрушении того впечатления, которое производят в стране распространяемые эmissарами Наполеона лживые известия, чтобы таким образом успокоить дух литовцев". Император в беседе сказал, что "более походит доверить этот труд поляку". Он попросил М.К. Огиньского срочно поехать на Волынь к графу Людовику Плятеру. Он поручил передать графу, что "желает видеть его у себя в Главной квартире и поручает редактирование французской и польской газеты".

На пятый день агрессии 28 июня 1812 года для пропаганды на население германских княжеств, Австрию, Пруссию, а также на воевавших в составе Большой армии немцев (176 тыс. чел.) был создан Немецкий комитет. В него вошли политические эмигранты, а также представители правящей элиты России, имевшие немецких предков, немецкий менталитет и владевшие немецким языком, как родным. В составе комитета были: принц Георг Ольденбургский (председатель), принц А. Вюртембергский, бывший глава прусского правительства в 1807-1808 годах барон Генрих фон Штейн (1757 - 1831), бывший министр внутренних дел России дипломат князь В.П. Кочубей (1768 - 1834). В августе для помощи Штейну был приглашен

эмигрировавший в 1809 году из Пруссии в Австрию майор Эрнст Пфуль (1779 - 1866), который летом 1812 года вступил в "Русско-германский легион", а 21 сентября был принят на службу в русскую армию, где осуществлял связь немецкой эмиграции со штабом князя М.И. Кутузова.

Эти факты показывают, что российское правительство развернуло сеть типографий, призвало в армию специалистов-знатоков иностранных языков за 4 дня до передачи посланником Франции Ж.А. Лористонем письма на имя управляющего министерства иностранных дел России с официальным объявлением войны. Для ведения пропаганды привлекли политических эмигрантов, тайно подготовились к ведению подрывной пропаганды с целью раскола вражеской коалиции при помощи издания листовки с призывом к немцам сражаться против Наполеона в составе русского Немецкого легиона или дезертировать, чтобы "получить жилище и пристанище в прекрасных странах Южной России"

Через два месяца после начала войны русское правительство стало финансировать в Англии газету, в которой публиковалась направлявшаяся из Санкт-Петербурга информация о войне против Франции. В Лондоне стали печатать газету "London Extraordinary Newspaper", куда с сентября 1812 года из Петербурга регулярно пересылали официальную правительственную информацию и сообщения о ходе военных действий. Газета также публиковала материалы, составленные английским посланником в столице России лордом Каткартом на основании донесений английского представителя при штабе главнокомандующего русской армией князя М.И. Кутузова.

Для немцев Прибалтики и германских княжеств в Санкт-Петербурге с ноября 1812 года стали издавать журнал "Patriot" на немецком языке. Редактором издания был назначен библиотекарь 1-го кадетского корпуса этнический немец Ф.Шредер. Журнал по плану правительства освещал ход военной кампании в России и политическое положение в европейских государствах. "Патриот" выходил еженедельно, и его восемнадцатый номер был издан 11 февраля 1813 года. Затем журнал стал выходить трижды в неделю, и 26 апреля был напечатан его 48-й номер.

С осени 1812 года министерство иностранных дел России стало издавать на французском языке газету "Le Conservateur Impartial" (Беспристрастный консерватор) с целью оказания пропагандистского влияния России в европейских странах. В различных странах также издавали брошюры на иностранных языках. Например, написанная членом Немецкого комитета Э.Пфулем брошюра "Отступление французов" была в общей сложности издана 34 раза в России (15 изданий), в Германии (12 изданий), Италии (3 издания), Швеции (2 издания), Франции, Голландии, Англии, Польше (по одному изданию на местных языках), а также в Петербурге, Варшаве, Вильно на немецком, французском и польском языках. Лишь третья часть изданий в России вышла на русском языке, а остальные предназначались для зарубежных читателей. Первое издание брошюры на немецком языке было осуществлено в Петербурге по указанию министра иностранных дел председателя Государственного совета графа Н.П. Румянцева, которому канцлер граф К.В. Нессельроде 21 декабря 1812 года направил эту книгу из Вильны.

Во время Отечественной войны русские пытались воздействовать на захватчиков листовочной пропагандой. С октября они выпускали листовки, газеты и памфлеты на иностранных языках. Тексты воззваний и памфлетов составлялись в Санкт-Петербурге иностранными политическими эмигрантами. Их контролировал министр иностранных дел Н.П. Румянцев, канцлер граф К.В. Нессельроде и утверждал к печати император Александр 1. В Гаупт-квартире тексты памфлетов писали директор дипломатической канцелярии главнокомандующего И.О. Анштетт, флигель-адъютант главнокомандующего русской армией А.И. Михайловский-Данилевский, флигель-адъютант императора М.Ф. Орлов, офицеры А.Ф. Воейков, А.А. Щербинин, П.А. Габбе, а также призванный в ополчение и с октября 1812 года служивший "при дежурстве главнокомандующего" поэт В.А. Жуковский.

Материалы на трех иностранных языках издавали в синодальной типографии Санкт-Петербурга, в типографиях министерства просвещения и министерства иностранных дел. На французском и немецком языках тексты печатали в Риге, а на пяти иностранных языках - при Гаупт-квартире действующей армии. Эти материалы распространялись шестью способами. Их оставляли на

пути отступления русской армии, доставляли в тыл неприятельских войск конной разведкой и во время партизанских рейдов донского казачьего корпуса М.И. Платова, гусаров и казаков Д.В. Давыдова, А.Л. Сеславина, А.П. Ожаровского. Листовки также пересылали за границу почтой через губернаторов южных районов России (например, через Волынскую губернию). Памфлеты и листовки нелегально провозили в тыл европейских государств агенты Немецкого комитета, пересылали в зарубежные государства в письмах к посланникам России, разбрасывали экипажи российских торговых судов во французских портах.

В конце декабря 1812 года во время беседы в Вильно с бежавшей из Франции графиней Шуазель-Гуффье российский император сообщил ей об использовании русского торгового флота для ведения информационной войны. Он сказал: "Мы были настолько предусмотрительны, что разбрасывали по берегам Франции и во всех портах печатные сообщения, имевшие целью извлечь эту страну из ослепления, в которое ее погрузили и которое стараются поддержать". Подобный способ распространения листовок являлся оригинальной находкой русского правительства и не повторялся в истории войн России.

С началом войны по приказу главнокомандующего листовки оставляли на путях отступления русских войск. Первый тираж отпечатанной в Петербурге листовки (7 тыс. экз.) содержал призыв к германцам вступать в русский Германский легион для борьбы с Наполеоном или дезертировать в южные районы России. По приказу императора тираж был послан командующим армиями П.И. Багратиону, А.П. Тормасову, М.Б. Барклаю де Толли для распространения на путях отхода наших частей. После бегства захватчиков из Москвы главнокомандующий князь М.И. Кутузов приказал, чтобы регулярные части, посланные с диверсионными задачами в тыл врага, использовались для доставки листовок противнику. Во второй половине октября он направлял листовки командирам партизанских отрядов полковнику А.Н. Сеслаину и генерал-адъютанту графу А.П. Ожаровскому с запиской: "Не оставьте прилагаемые при сем экземпляры доставить в неприятельскую армию".

Распространение листовок в глубоком тылу противника велось с высокой оперативностью. Французский историк А.Шюке исследовал ведение Россией пропагандистской войны против Франции. Он отмечал, что 6 октября 1812 года походной типографией Гаупт-квартиры русских войск в селе Тарутино была издана листовка "Официальные известия об армии", в которой говорилось о прибытии с Дона 12 казачьих полков к генералу М.И. Платову. Уже 11 октября (т.е. через 5 суток) листовку нашли в районе Бреста и Брод в глубоком тылу французов за 800 километров от места издания. Этот факт дает основание предположить, что русские использовали в тылу неприятеля систему нелегальной транспортировки листовок. Агенты в ходе доставки должны были менять лошадей не менее 20 раз, поскольку расстояние между почтовыми станциями обычно составляло 40 верст, а следовало за пять суток покрыть расстояние из Подмоскovie до Бреста

Листовки засылали в Австрию и страны Западной Европы почтой из южных районов России. Так, дежурный генерал штаба Гаупт-квартиры командир пехотной дивизии П.П. Коновницын от имени князя М.И. Кутузова объявил благодарность губернатору Волыни М.И. Кумбурлею за пересылку листовок с описанием Бородинского сражения в Австрию. Он писал: "Его светлость одобряет вас за распространение сих известий в чужие края и желает, чтобы ваше превосходительство впредь не оставляли оные туда доставлять". Князь М.И. Кутузов сам пересылал в письмах к русскому послу в Турции официальные известия о ходе войны, изданные походной типографией его штаба в виде листовок, и просил "сообщить эту новость моему другу Ахмед-паше".

В ходе пропагандистской войны с противником в 1812 году русские издавали несколько основных видов печатных материалов: 1) газеты, 2) приказы главнокомандующего, 3) "Известия об армии". 4) воззвания к войскам противника, 5) воззвания к населению, 6) полемические материалы с разоблачением лжи вражеской пропаганды. В 1962 году по случаю 150-летнего юбилея победы над Наполеоном были изданы тексты сохранившихся в архивах 40 листовок, газет, памфлетов и других печатных материалов 1812-1813 годов. Тексты были составлены для воздействия на свои войска (в таблице обозначены как *1), на население России (*2), на население

оккупированных районов России в тылу противника (*3), на население вассальных Франции государств (*4), на войска противника (*5), на население освобожденных районов (*6).

Интенсивность русской пропаганды находилась в прямой зависимости от успешности боевых действий. Чем больше было побед, тем больше выпускалось листовок. Эта закономерность не проявлялась лишь в начальный период войны. Несмотря на неудачи первых двух недель войны, наблюдался всплеск пропагандистской активности (4 наименования листовок). Затем в течение трех месяцев русского отступления интенсивность пропаганды была минимальной (август-октябрь ежемесячно по 3 листовки). Наивысшей интенсивности русская пропаганда достигла в период изгнания захватчиков из России во время наибольших боевых успехов в ноябре-декабре 1812 года, когда походной типографией ежемесячно выпускалось по 11 наименований печатных материалов. (см. таблицу)

Издание листовок в 1812-1813 годах.

Количество наименований	*1	*2	*3	*4	*5	*6	Всего
1812 г.							
Июнь	2	-		1	1	-	4
Июль	1	2	1	-	-	-	4
Август	-	1	1	-	1	-	3
сентябрь	-	3	-	-	-	-	3
Октябрь	-	3	-	-	-	-	3
Ноябрь	1	3	-	1	1	5	11
Декабрь	2	3	-	4	1	1	11
январь 1813 г.	-	-	-	1	-	-	1
Итого:	6	15	2	7	4	6	40

Точное определение объекта воздействия листовки во многих случаях невозможно, поскольку один и тот же текст переводился с русского на многие иностранные языки. Листовки под названием "Известия об армии" (12 текстов) отнесены к разряду материалов для русского населения на территории под контролем правительства России (см. в таблице графу с обозначением *2). Они издавались на русском языке прежде всего для информирования населения России. Затем тексты переводили на пять иностранных языков, тиражировали (на французском языке листовки назывались "Nouvelles officielles de de l'armee"). Эти листовки распространялись войсками и агентурной

разведкой в тылу противника. Имеются сведения о том, что тексты "Известий об армии" составлял поэт В.А. Жуковский (1783 - 1852). После Бородинской битвы по ходатайству А.С. Кайсарова поэта перевели из полка М.А. Дмитриева-Мамонова в Гаупт-квартиру главнокомандующего "для лучшего употребления таланта поэта в канцелярии, нежели во фронтовой службе". В.А. Жуковского после отступления из Москвы назначили в штаб князя М.И. Кутузова "состоять при дежурстве главнокомандующего, чтобы писать бюллетени о сражениях". Тексты официальных сообщений "Известия об армии", написанные поэтом в октябре - декабре 1812 года, печатались всеми газетами России.

В таблице материалы для войск противника помещены в графу с обозначением *5. Хотя в этих листовках содержалось обращение к солдатам войск Большой армии, однако эти же листовки распространялись и среди населения вассальных Франции государств, и среди россиян. Например, воззвание главнокомандующего М.Б. Барклая де Толли к германским войскам (первое издание 19 июня 1812 года) печаталось дважды общим тиражом 10 тысяч экземпляров на немецком (8 тыс. экз.) и на французском языке (2 тыс. экз.). Его распространяли не только среди войск Большой армии. Агентура Немецкого комитета тайно доставляла и распространяла обращение среди населения Пруссии и германских княжеств. Матросы русских торговых судов во французских портах также раскидывали листовки с этим текстом. Эта же листовка на русском языке распространялась в 1812 году среди населения России.

Листовки к населению освобожденных районов (см. в таблице графу с обозначением *6) выделены в отдельную группу. Они предназначались для поляков, белорусов, литовцев и других этнических групп населения в пограничных губерниях России. Менталитет, интересы и психологические установки представителей этих этнических групп отличались от русского населения. Они были враждебно настроены к российским войскам и даже участвовали в войне на стороне Наполеона. Например, французы направили 54 тысячи литовцев и поляков служить в нескольких маршевых полках. Листовки для литовцев не отнесены в разряд листовок на вассальные Франции государства, хотя литовцы и служили в армии Наполеона. Значительная часть территории современной Литвы в 1812 году

входила в состав Российской империи. Население Литвы до войны подчинялось российской администрации и демонстрировало гораздо большую лояльность к России по сравнению с пруссаками или венграми.

Тексты листовок, объектом которых являлось население России, переводили на иностранные языки почти без изменений, распространяли среди войск противника или среди населения в тылу врага. Эта особенность содержания текстов показывает, что в 1812 году подрывная пропаганда на противника не выделялась в качестве самостоятельного вида пропагандистской деятельности. При ее ведении не применялись бесчестные приемы манипулирования сознанием. Откровенная дезинформация или искаженная информации в текстах почти не встречалась. Лишь два раза российское командование реализовало предвоенный план использования листовок для дезинформации противника. В "Официальных известиях из армии от 27 негуста" (8 сентября по новому стилю) об исходе Бородинского сражения была помещена дезинформация. В этой листовке утверждалось о бегстве французов с поля сражения и о преследовании их казаками. О противнике сообщалось, что "отбитый по всем пунктам, он отступил в начале ночи, и мы остались хозяевами поля боя. На следующий день генерал Платов был послан для его преследования и нагнал его арьергард в 11 верстах от деревни Бородино". Дезинформация по поводу отступления Наполеона после Бородинского сражения второй раз была включена в памфлет "Отступление французов", впервые изданный 24 декабря в Вильно походной типографией, а затем 34 раза переизданный в России и в зарубежных странах. В тексте памфлета о Бородинском сражении говорилось, что французские войска "были принуждены поздравить императора своего с победою в 14 верстах позади битвы".

Важной особенностью информационной войны 1812 года, которая отличает ее от всех других пропагандистских войн, является то, что вплоть до 10 декабря, когда была полностью освобождена Вильна, в российской пропаганде отсутствовала цель дискредитации императора Наполеона. В большинстве сохранившихся листовках того периода отсутствуют персональные нападки на Бонапарта, нет даже упоминаний о Наполеоне. Из 40 пропагандистских материалов

1812 - 1813 годов имя французского императора упоминается лишь в семи (то есть только в 5 % листовок и памфлетов). Впервые слова "император Наполеон" использовались два раза в листовке от 6 октября 1812 года, сообщавшей о переговорах М.И. Кутузова с бывшим французским посланником в Санкт-Петербурге генералом Лористоном, который по поручению Бонапарта прибыл в Тарутино и пытался заключить мир с Россией. Затем об императоре Франции упоминали в листовках только через месяц 5 октября (1 раз) и 25 ноября (2 раза).

Последующее отступление и поражения Большой армии давали много фактов, которые можно было бы использовать для дискредитации вражеского командования и лично Наполеона. Однако князь М.И. Кутузов, лично редактировавший листовки, понимал разницу между целями внутренней и внешней пропаганды. Он осознавал неэффективность попыток клеветы и нападок на Наполеона с целью его дискредитации в глазах подчиненных ему войск. Когда солдаты противника захватили значительную добычу и контролировали огромную часть территории России, было невозможно дискредитировать Бонапарта. Историк А.И. Михайловский-Данилевский в мемуарах вспоминал то, как его ругал князь М.И. Кутузов, когда он представил ему текст листовки с оскорбительными выпадами в адрес императора Франции. Михаил Илларионович велел смягчить оскорбительные нападки на Бонапарта, сказав: "Молодой человек, кто тебе дал право издеваться над одним из величайших генералов?"

Впервые попытка обвинить Наполеона в ошибках и поражении была предпринята лишь в листовке от 3 декабря, когда остатки отступавшей из Москвы группировки войск противника уже ушли за Днепр. Однако даже в условиях явной военной неудачи противника текст листовки избегал прямого обвинения Бонапарта, а делал это со ссылкой на французскую гвардию. В листовке говорится: "Гвардия сохранила еще некоторое присутствие духа, но и она громко обвиняет Наполеона в стольких злоключениях... Звезда Наполеона угасла совсем".

В изданной 8 декабря листовке с обращением к жителям Великого княжества Литовского, Гродненской и Белостокской

губерний князь М.И. Кутузов опять избежал прямых обвинений в адрес Бонапарта. В тексте отсутствовало упоминание имени Наполеона. Обращаясь к жителям, главнокомандующий писал: "Вспомните ваш долг и святость присяги, подумайте о вашем счастье и счастье ваших детей, помыслите о судьбе зачинщика войны, который не смог оказать вам защиты и сдержать своих ложных обещаний. Он будет пытаться окончательно вас погубить, чтобы обеспечить бегство свое и некоторых своих приближенных".

После освобождения Вильны в изданной после 11 декабря листовке "Русский ответ на польский бюллетень" содержалась жесткая полемика с лживой французской пропагандой, пытавшейся скрыть факт разгрома французской армии. Однако в тексте имя Наполеона упоминалось только 5 раз. Автор текста листовки И. Анштетт не обвинял императора Франции прямо. Наиболее резким персональным выпадом против Бонапарта в тексте являются слова: "... лицо /гвардейского исполина/ превратилось в уголь от огня на бивуаках, где Наполеон держит его каждую ночь...". Тонкий укол в адрес Бонапарта содержался в листовке от 18 декабря. В ней содержался намек на то, что Бонапарт бежит впереди своих войск, и говорилось о том, что 29 ноября было совершено нападение на отряд, посланный "занимать квартиры императору Наполеону".

Тон пропаганды резко изменился после прибытия 23 декабря в Главную квартиру императора Александра 1 и принятия им политического решения на продолжение войны с Наполеоном за границами России. С этого времени в пропаганде появляются резкие нападки на Наполеона, обвинения его в ошибках и лжи. В занимавшем 8 страниц памфлете "Отступление французов", изданном после 24 декабря 1812 года, Наполеон упоминался 23 раза. Особенностью этого материала являлось то, что вся ответственность за поражение в России возлагалась лично на Бонапарта, хотя коалиционной армией командовали по меньшей мере еще 16 командующих корпусами, 4 из которых действовали на флангах и войска которых вообще не участвовали в походе на Москву. На изменение тона пропаганды повлияла ментальность людей, писавших тексты. Суть ее может быть выражена пословицей: "У победы много отцов, а в поражении всегда виноват только один человек".

Таким образом, содержание пропаганды 1812-1813 годов делится на два периода. С начала войны и до 24 декабря 1812 года основной целью психологического воздействия пропагандистских текстов являлось внушение противнику пораженческих настроений с помощью распространения сведений о военных успехах России, а с последней декады декабря 1812 года главной целью пропаганды на иностранных языках стала дискредитация Наполеона.

Наибольшую часть проанализированных пропагандистских материалов (12, то есть 33 %) составили "Официальные известия об армии", интенсивность выпуска которых стала постоянной после Бородинского сражения. Первое издание листовки этого типа состоялось 27 августа (8 сентября по новому стилю). Затем ежемесячно тиражировалось по 3 наименования таких листовок (см. таблицу).

<u>Листовки 1812 года.</u>								
Месяц издания*	У1	У11	У111	IX	X	XI	XII	Итого
"Известия об армии"	нет	нет	1	3	3	3	2	12
Обращения к населению	нет	2	1	нет	нет	5	2	10
Приказы по армии	2	1	нет	нет	нет	1	2	6

*По старому стилю.

По приемам подачи информации "Известия об армии" можно отнести к фактологической пропаганде. Как правило, в листовках с таким названием помещались факты успехов и побед русских войск, не давалась интерпретация информации, отсутствовал комментарий, не было никаких призывов к действию. Большинство текстов подобных листовок содержали конкретные сведения о количестве захваченных пленных, генералов, пушек, знамен противника, информацию о победах русских войск. Содержание этих текстов являлось образцом так называемой "пропаганды успехов". Например, листовка с описанием Бородинской битвы пропагандировала успехи русской армии. Хотя в тексте не приводились цифровые данные о потерях противника, однако,

говорилося, что они "огромны". Кроме того, в тексте содержались данные о пленении одного французского бригадного генерала, а также дезинформация об отступлении противника с поля боя.

По частоте издания на втором месте находились обращения командования русских войск к населению (10, то есть 25%). Эти листовки издавались не постоянно. Можно заметить, что их издание предпринималось дважды. Первый раз издавали листовки к жителям в начальный период отступления, когда главнокомандующий обращался к населению за помощью с призывом к ведению партизанской войны. Вторично обращения к населению издавались после освобождения территории, когда под угрозой военно-полевого суда требовали сдачи оружия, трофейного имущества противника, призывали к лояльности, требовали от чиновников исполнения своих обязанностей в освобожденных районах.

Первое обращение к жителям оккупированных районов с призывом к сопротивлению врагу Гаупт-квартира русских войск выпустила в июле 1812 года. Главнокомандующий М.Б. Барклай де Толли в первой декаде июля издал листовку для жителей, оккупированных захватчиками районов, о ведении партизанской войны. Он 21 июля написал указание губернатору Смоленска барону К.И. Ашу развернуть устную пропаганду среди жителей о нападениях на одиночных солдат и небольшие группы врага: "Именем Отечества просите обывателей всех близких к неприятелю мест вооруженною рукою напасть на уединенные части неприятельских войск, где оных увидят. К сему же я пригласил особым отзывом россиян в местах, французами занятых, обитающих, дабы ни один неприятельский ратник не скрылся от мщения нашего за причиненные вере и Отечеству обиды".

Третьим наиболее распространенным типом пропагандистского материала в 1812 году являлись приказы командующего армией, изданные в виде листовки (6, то есть около 7 %). Эти документы печатали с целью доведения информации до всего личного состава войск, а также и для населения. За 1812 год главнокомандующий отдал всего 13 приказов по армии. Часть текстов была направлена не только на личный состав войск, но использовались также в виде

листовок для населения или материалов для газет, а также издавалась на иностранных языках. Подобные "приказы-листовки" издавались в начальный период войны, а также при освобождении территории от врага. Как правило, в листовках начального периода войны содержались указания и призывы к стойкости, дисциплине, к мужественному отпору врагу. После освобождения территории от противника в текстах листовок солдатам запрещалось сведение счетов, месть и мародерство на занятой территории. Для поднятия духа солдат главнокомандующий князь М.И. Кутузов дважды издавал "праздничные" приказы: 1) об освобождении от врага Белоруссии (11 ноября); 2) о выходе на границы империи, когда он заявил: "Пройдем границы и потщимся довершить поражение неприятеля на собственных полях его" (10 января). Приказы главнокомандующего издавались не только на русском, но также и на иностранных языках для распространения во вражеских государствах или в занятых русской армией районах. Например, на польском языке один приказ был издан для распространения в Виленской губернии.

Еще одним типом пропагандистских материалов в 1812 году были полемические листовки и памфлеты, разоблачавшие ложь вражеской пропаганды. Хотя количество их в общем составе сохранившихся материалов невелико (всего 3 из 40 наименований), однако известно, что они были изданы большими тиражами во многих странах. Например, брошюра "Отступление французов" была издана 34 раза. Это свидетельствует о значительном внимании командования русской армии и правительства России к изданию пропагандистских материалов такого рода. Для написания текстов подобных изданий привлекались авторы, имевшие способности к сатире и полемике, хорошо знавшие уязвимые места в пропаганде противника.

Содержание текстов 41 пропагандистского материала 1812-1813 годов по целям психологического воздействия содержащихся в них 169 тем (всего 228 тем и призывов) можно разделить на 6 основных направлений. Целью воздействия пропаганды являлось: внушение пораженческих настроений, устрашение объекта воздействия, дискредитация захватчиков, дискредитация вражеской пропаганды, дискредитация высшего политического и военного руководителя

противника, побуждение читателя к действию. Наибольшее внимание в пропаганде уделялось внушению пораженческих настроений. Чаще всего на психику иностранных читателей воздействовали темами об успехах и силе российской армии - всего 101 тема (44,2 %), в т. ч. публикация сведений о количестве захваченных пленных - 33 (14,4 %), о военных успехах русских войск - 26 (11,4 %), информации о помощи Бога русским - 13 (5,7 %), о количестве захваченных в плен генералов - 12 (5,2 %), о голоде в армии Наполеона - 12 (5,2 %), о лишениях иностранных войск в России - 8 (3,5 %), о значительных потерях Большой армии - 6 (2,6 %), о сильных морозах - 5 (2,1 %), о количестве захваченных у врага пушек - 4 (1,7 %), о действиях партизан в тылу наполеоновской армии - 3 (1,3 %), о дезертирстве из войск захватчиков - 3 (1,3 %), о подкреплении русской армии - 2 (0,8 %), о дипломатических успехах России, которая, подписав мир с Турцией, высвободила для войны с Наполеоном Молдавскую армию - 2 (0,8 %), об отступлении неприятеля из Москвы - 1 (0,4 %), о стойкости и храбрости русских войск - 1 (0,4 %), об огромных людских ресурсах России в 50 миллионов человек - 1 (0,4 %).

На втором месте по количеству употреблений тем стояла цель устрашения объекта воздействия - 27 тем (11,8 %). Читателей-иностранцев в листовках устрашали угрозой смерти, наказанием военно-полевым судом за шпионаж, помощь врагу, сокрытие дезертиров, неисполнение приказов командования - 11 (4,8 %), пугали местью за вторжение, за пожар Москвы - 4 (1,7 %), тяжестью предстоящего отступления - 3 (1,3 %), усилением недовольства и ропота в войсках захватчиков - 3 (1,3 %), устрашали отдаленным положением подкреплений (0,8 %) , информацией о том, что "немцы поворачивают оружие против французов" - 1 (0,4 %), угрозой поражения - 1 (0,4 %), угрозой того, что будет стыдно за свое поведение - 1 (0,4 %), угрозой осуждения со стороны зарубежного общественного мнения - 1 (0,4 %).

С целью дискредитации захватчиков в пропаганде использовали 21 тему (9,2 %), в числе которых была информация об осквернении захватчиками церквей - 8 (3,5 %), о грабежах и поджогах французами домов - 4 (1,7 %), о мобилизации французами немцев для службы в армии - 4 (1,7 %), о призыве французами немцев в ополчение - 2

(0,8%), о сквернословии солдат, их оскорбительном поведении - 1 (0,4 %), о том, что солдаты для защиты от холода одели женские юбки – 1 (0,4%), о коварных интригах французского правительства - 1 (0,4 %).

Для дискредитации вражеской пропаганды в листовках и памфлетах 10 раз (4,3 %) разоблачался обман официальных сообщений французских правительственных бюллетеней о ходе войны, а также ложь сообщений французских газет.

С целью дискредитации императора Наполеона в листовках и памфлетах использовано 10 тем (4,3 %), в числе которых было 4 обвинения Бонапарта в ложных пророчествах и в несбывшихся обещаниях, 2 обвинения в совершенных им ошибках (ошибка с направлением генерала Лористона для мирных переговоров с М.И. Кутузовым вследствие неправильного предположения о желании русских заключить в октябре 1812 года мир с французами, а также военная ошибка, за которую он "заплатил потерей армии и славы"); 2 темы о тайном проезде Наполеона через Смоленск и Вильну, чтобы скрыть свое поражение и бегство; 2 темы о бегстве императора (о том, что Бонапарт в битве при Красном "потерял голову... пришпорил своего коня и скакал, не останавливаясь, до самых Ляд", а также тема о том, что Наполеон "вынужден отступать бегом").

В листовках помещены 59 призывов (25,8 % общего количества тем и призывов) с целью побудить к действию. Призывы делятся на 9 основных направлений. Они побуждают к размышлению, к борьбе вассалов против их угнетателей, к дезертирству, к переходу на сторону русских войск для совместной борьбы с французами. Также в текстах содержатся призывы, побуждающие к высоконравственному поведению, призывы следовать примеру образцов; побуждающие к недоверию командующему вражеской армией, побуждающие обратить внимание на приводимую в тексте информацию, побуждающие к мыслям о будущем семьи. Наиболее часто среди призывов употреблялись те, которые побуждали к размышлению и обдумыванию информации - 12 (5,2 %), в том числе призывы: "Подумайте...", "рассудите...", "прислушайтесь же к голосу разума". Другие 9 призывов (3,9 %) имели цель побудить к дезертирству. В их числе были опубликованы призывы: "Покиньте знамена рабства" - 2

(0,8 %), "Примите пока убежище в России" - 2 (0,8 %), "Возвращайтесь к себе" - 2 (0,8 %), "Возвращайтесь мирно на родину», «Найдите на время убежище в наших южных провинциях», "Переходите к нам по крайней мере по одиночке”

На третьем месте по частоте употребления находились 9 призывов (3,9 %), направленных на побуждение военнотружущих вассальных армий к борьбе против французов: "Восстаньте" - 4 (1,7%), "Истребляйте неприятеля мечом и пламенем", "Возмущайтесь...", "Воспряньте..." «Вооружение изберите по вашей воле", "Соберитесь у знамени отечества и свободы”.

Восемь призывов (3,5 %) побуждали к поведению, которое отвечало высоким нравственным нормам поведения: "Последуйте зову отечества и чести”, "Вспомните ваш долг", "Вспомните святость присяги", "Будьте сильны духом", "Принесите в жертву все ваши мелкие раздоры", "Наслаждайтесь награждением за вашу храбрость", "Покажите себя достойными их”, "Покажите же, что вы достойны этих милостей”.

На пятом месте по количеству употреблений находились призывы к переходу на сторону русских войск для совместной борьбы с французами - 5 призывов (2,1 %), в числе которых были: "Поспешите в ряды между воинов русских”, "Приглашаю соединиться с русскими войсками", "Увеличьте силу армий наших", "Объединим же наши боевые силы”, "Собирайтесь под знаменами...”.

На шестом месте находились призывы, побуждавшие следовать примеру образцов - 4 (1,7 %), в том числе призывы: "Подражайте им все", "Следуйте примеру подвизавшихся", "Познайте из примера...”.

Призывы, дискредитирующие командующего вражеской армии, по частоте использования находились на седьмом месте: "Не верьте больше обманчивым заверениям", "Потребуйте от него полного отчета о пролитой французской крови", "Приведите туда узурпатора"- 4 (1,7 %).

Три призыва (1,3%) побуждали читающего к размышлению о будущем его семьи: "Подумайте о ваших семьях", "Обеспечьте этим прочный мир для себя и своих семей”

Еще одним направлением воздействия пропаганды являлись 2 призыва (0,8%), которые побуждали обратить внимание на приводимую информацию: "Внемлите гласу", "Не забывайте".

По одному разу использованы призывы: "Препровождайте к вашим начальникам", "Поспешите же воспользоваться", "Наблюдайте только порядок и послушание".

Таким образом, можно сделать вывод о том, что главными целями психологического воздействия призывов являлось побуждение к обдумыванию информации, побуждение к дезертирству, побуждение вассалов к борьбе с французами. В основе приемов информационной войны 1812 года была так называемая «фактологическая пропаганда». Большинство информации составляли конкретные факты, фамилии, цифры трофеев, количество захваченных пленных, названия освобожденных городов. Как правило, в листовках "Сообщения об армии" призывы и лозунги почти полностью отсутствовали. Из общей площади опубликованной информации призывы не занимали и 0,1 % текста листовок. Еще одной особенностью содержания являлось то, что количество тем было в три раза больше призывов, которые составляли только четвертую часть (59 - 25,8%) от общего числа 228 тем и призывов.

В начале сентября 1812 года наряду с печатными листовками во время эвакуации Москвы французам были оставлены листовки, написанные от руки. Так, адъютант Наполеона генерал-лейтенант Арман де Коленкур в мемуарах цитировал текст рукописной листовки губернатора Москвы Ф.В. Ростопчина, которую французские офицеры привезли Бонапарту из подмосковного имения Воронцово. В мемуарах Коленкура описывается, что содержание текста "произвело глубокое впечатление на всех мыслящих людей", хотя Наполеон высмеял поступок губернатора. Текст гласил: "В течение восьми лет я украшал эту деревню, жил здесь счастливо в лоне семьи. Жители этой земли числом 1720 душ, покидают ее при вашем приближении, а я поджигаю мой дом, чтобы он не был занят вашим присутствием. Французы, я оставил вам два моих дома в Москве с обстановкой стоимостью в полмиллиона рублей; здесь вы найдете только пепел". Следует отметить, что по приказу губернатора все оставленные дома в Москве были подготовлены к поджогу,

имели спрятанные внутри горючие материалы, и фитили, которые были одновременно подожжены на третью ночь после захвата французами города. Поэтому текст листовки наряду с устрашением имел целью и дезинформацию врага, возбуждал у французов алчное желание разграбить оставшееся в домах богатство.

По поступившему из Санкт-Петербурга приказу, офицеры, знавшие французский и немецкий языки, наряду с распространением рукописных листовок вели устную пропаганду для разложения армии захватчиков. Особенно интенсивно устная пропаганда стала вестись с 6 сентября после захвата французами Москвы, когда в боевых действиях до 6 октября наступило затишье. В этот период русские офицеры приезжали на посты французских войск и под видом переговоров вели пропаганду. Так, герцог де Коленкур вспоминал, что при попытках французов продолжать наступление на север от Москвы казачий полковник многократно вел переговоры с маршалом Мюратом, уговаривал его не завязывать "бесполезного сражения". Он говорил: "Мы вам больше не враги. Мы хотим мира, мы ждем лишь ответа из Петербурга". Этот полковник в течение ряда дней обманывал Мюрата, давая ему сведения о том, что "Кутузов отступает по Казанской дороге". Светское обхождение, комплименты и хорошие манеры полковника так понравились неаполитанскому королю, что он подарил на память этому русскому офицеру часы с боем. Другие казачьи офицеры на переговорах пугали французов рассказами о морозах, говорили им о несправедливости войны, о незаконном нападении на Россию. После того, как Наполеон понял цель «дружеского общения» русских офицеров с французами и осознал грозящую опасность подобных "переговоров", он был взбешен поведением Мюрата и заявил: «Я прикажу расстрелять первого же, кто вступит в переговоры, хотя бы на нем был генеральский чин». Бонапарт сказал своему адъютанту: "Моих солдат пичкают миротворческими пожеланиями, рассказами об умеренности Александра и о его особенной любви к Франции. Эту войну изображают несправедливой и неполитической. Своими сладкими словами русские стараются превратить наших храбрых в изменников, парализовать отвагу мужественных людей и завербовать для себя сторонников". В приказе Наполеона 25 сентября 1812 года было объявлено "запрещение вести переговоры с неприятелем под

страхом смертной казни". Личное общение с врагом запрещалось. Патрулям разрешалось лишь принимать письма от парламентариев противника для их передачи командованию.

После начала отступления французов из Москвы русские усилили устную пропаганду с целью разложения еще оставшихся в городе и его пригородах соединений под командованием маршала Мортье. В этот период отличился командир партизанского отряда полковник Фигнер. Переодевшись во французский мундир, он проникал на посты противника, беседовал с солдатами. Также действовали и другие офицеры партизанских отрядов в тылу противника. Арман де Коленкур писал, что русские офицеры на постах французской армии вели подрывную пропаганду. Они сообщали о последних событиях, о неудачах французов, об ожидающих их зимой лишениях, об опасностях, которым они напрасно подвергаются. Распространялись сведения о доброте и великодушии императора Александра 1, об его благосклонном отношении к иностранцам и его особенной любви к военным. Французам, немцам и солдатам других национальностей внушали мысли о бесполезности борьбы, поскольку император Наполеон отступает; о том, что в интересах солдат сложить оружие и спокойно ожидать заключения мира в России, которая их охотно примет.

Не всегда подрывная пропаганда заканчивалась благоприятно для тех офицеров, которые беседовали с вражескими солдатами. Так, адъютант Бонапарта вспоминал, что 27 октября недалеко от города Верея Наполеон допрашивал командира российского партизанского отряда генерал-лейтенанта Винценгероде, который был схвачен во время одной из таких бесед на Тверской дороге в предместье Москвы. Переодевшись в штатскую одежду, этот генерал вместе с другими переодетыми офицерами вел пропаганду среди войск корпуса герцога Тревизского, предлагая им сдать район обороны без боя, подстрекал их к дезертирству. Винценгероде остался жив лишь потому, что Бонапарту посоветовали не приводить в исполнение его решение расстрелять лазутчиков, чтобы не озлоблять этим поступком императора Александра 1. Дело в том, что захваченный во время ведения подрывной пропаганды хотя и был в штатской одежде, однако он являлся генерал-адъютантом русского императора.

Имеются свидетельства эффективности русской пропаганды на французов. Показателем этого являлся не только приказ Наполеона, под страхом расстрела запрещающий переговоры с противником, но также и полемика с русскими листовками во французской прессе и газетах других государств. Попытки французов опровергнуть содержание листовок и публикация контраргументов говорят об их опасениях, что русская пропаганда окажет воздействие на французских читателей. Две из опубликованных заметок написал лично Наполеон, что подтверждает его озабоченность влиянием русской пропаганды.

Эффективность русской пропаганды видна в болезненной реакции Наполеона на содержание листовок для немцев, которые стали распространять в день нападения Франции на Россию 24 июня 1812 года. Первые 3250 экземпляров были посланы из Петербурга командующим армиями и оставлены на путях отступления войск П.И. Багратиона, Д.С. Дохтурова, П.Х. Витгенштейна, А.И. Остермана, Н.А. Тучкова. Эти листовки были также посланы рижскому губернатору И.Н. Эссену для распространения среди солдат корпуса Макдональда. Участник похода на Москву французский офицер Цезарь Ложье 7 июля в дневнике отметил факт распространения листовок. Он писал: "Находим на дороге множество печатных прокламаций, оставленных для нас русскими". Воззвание встревожило французское командование. Адьютант Наполеона граф Сегюр в мемуарах назвал его "развращающим" ("corruptrice"). Французский исследователь А.Шюке определил, что Наполеон лично написал ответную статью "Ответ немцам", которую газета "Journal de l'Empire" 7 августа 1812 года напечатала рядом с текстом русской листовки. В статье содержались возражения против призыва листовки к независимости германских государств. Автор выступал против "ужасов анархии" и "факелов разбойников", защищал незыблемость монархических порядков в Европе и писал: "Барклай де Толли, вы хотите делать революции, создавать республики". На следующий день 8 августа эту статью перепечатала газета "Le Moniteur Universel", а издававшаяся в Германии "Gazette du Grande Duché de Francfort" издала ее 13 августа 1812 года. Полемика с русским воззванием содержалась еще в двух номерах "Journal de l'Empire" от 10 и 11 сентября 1812 года, когда статьи с "ответами" на русское воззвание

были написаны от имени общественности германских государств. Столичный петербургский журнал "Северная почта" в заметке от корреспондента из Лондона 16 октября 1812 года сообщил: "Парижские ведомости и французские военные журналы наполнены множеством ответов и возражений на известное давнишнее воззвание российского главнокомандующего к немцам. Сие самое показывает уже чрезвычайное французам опасение о действиях впечатления, произведенного, как видно, тем воззванием над всеми немцами, а особенно в Северной Германии, которой жители нетерпеливо желают освободиться от тиранского ига".

Обращение к немцам было второй русской листовкой, напечатанной во Франции с полемическими комментариями. Первым русским пропагандистским материалом, который был напечатан в парижской газете "Journal de l'Empire" 6 августа 1812 года, явилось обращение к французским солдатам. В газетной статье указывалось на то, что листовка найдена на постах французской армии у р. Двина 17 июля 1812 года. Рядом с ее текстом в газете содержалась полемическая статья под названием "Ответ французского гренадера", написанная Бонапартом, который приказал опубликовать листовку и ответ в газете. Эти материалы затем перепечатывались другими французскими газетами 7 и 10 августа 1812 года. По-видимому, полемика во французской прессе с русской пропагандой в период 6-13 августа явилась отражением разочарования Наполеона по поводу неудачной попытки уничтожения русских армий в Смоленске при их переправе через Днепр. Видимо, император Франции понял то, что возможность быстрой победы над русскими исчезла, и впереди предстоит тяжелая война, когда союзники немцы и другие вассалы будут ненадежны. Это заставило Наполеона начать контрпропаганду для обработки общественного мнения во Франции, Германии и в войсках Большой армии.

Второй этап интенсивной контрпропаганды французам относится к началу декабря 1812 года, когда газета "Journal de l'Empire" 4 декабря опубликовала текст листовки "Русский ответ на польский бюллетень" вместе с длинным письмом из Варшавы, датированным 14 ноября 1812 года. Этот же материал перепечатывался газетой "Gazette du Departement des Bouches de l'Elbee" (N° 188, 1812). Контрпропаганда французам в тот период

старалась "сохранить лицо" и представить поражение в России действиями "генерала Мороза". Для этого в сознание читателей европейских государств внедряли версию об ужасном влиянии холода на коалиционную армию Наполеона. Французские пропагандисты при этом оставляли без комментариев то, что холод одинаково действовал и на русскую армию.

Эффективность пропагандистской работы 1812 года может быть оценена не только по полемике во французской прессе, но также и по тому, насколько много военнопленных под влиянием пропаганды согласились участвовать в войне на стороне России. Начиная с августа 1812 года, русские интенсивно работали с пленными союзниками французов для склонения их к участию в войне против Наполеона. Эффективна оказалась пропаганда на испанских военнослужащих, которые имели наивысший уровень деморализации среди войск коалиционной армии. Из 15 тысяч испанцев и португальцев в Большой армии сдались в плен около 25 % солдат и офицеров (3738 пленных). Уже в декабре 1812 года пленные испанцы и португальцы согласились участвовать в войне на стороне России. Из них был сформирован испанский Александровский полк, имевший в своем составе 2 штаб-офицеров, 7 обер-офицеров, 115 унтер-офицеров и 1912 рядовых солдат, которых 30 июня 1813 года на семи английских кораблях отправили в Испанию. В сентябре 1813, в 1814 и 1815 годах из пленных сформировали и отправили в Испанию еще три подразделения, в которые вошли 5 обер-офицеров, 80 унтер-офицеров и 1647 рядовых.

По сравнению с испанцами прусские немцы имели более низкий уровень боевого духа, конформизма и готовности подчинения командирам. Из 10-го корпуса Макдональда (32,5 тыс. человек), наступавшего на Ригу и другие прибалтийские города, в ноябре-декабре 1812 года добровольно сдались около 18 тысяч солдат при 60 орудиях (то есть сдалось более 50 % солдат корпуса). Хотя информация о формировании в России из немцев "Германского легиона" была сообщена немецким войскам при помощи листовки уже во второй декаде июня 1812 года, однако формирование легиона из 1442 пленных прусских немцев было начато в октябре 1812 года. Создание соединения из лояльных немецких пленных было завершено лишь 15 февраля 1813 года. Правительство России не

было до конца уверено в искренности и надежности немцев, поэтому использовало при создании легиона только жителей Пруссии. В конце марта после шести месяцев проверок и обучения «Германский легион» из Таллинна выступил в Пруссию, имея в своем составе 4254 военнослужащих. До самого конца войны с Наполеоном австрийских, вестфальских и баварских пленных использовали на казенных российских заводах и передали правительствам Австрии, Баварии и Вестфалии во второй половине 1814 года через несколько месяцев после окончания заграничного похода русской армии.

Правительство России планировало создать "Иностранный легион" из французских и итальянских пленных в составе 10 тысяч человек. Из казны на это выделили огромную по тем временам сумму - 1,5 млн. рублей, что составляло 150 рублей на иностранного солдата. Для сравнения следует учесть, что на 1812 год каждому из 385 тысяч русских ополченцев выделили по 13 рублей. После битвы у г. Красное в первой декаде ноября 1812 года М.И. Кутузов приказал отправить 26 тысяч захваченных пленных на формирование легиона, но в город Орел дошло 6 тысяч пленных французов, а остальные заболели или погибли в пути. В конце ноября после освобождения Вильны в «Иностранный легион» были посланы еще 3 тысячи французских военнопленных. Однако отсутствуют сведения о желании французов вступать в легион, о его штатном составе или о направлении легиона во Францию. Имеются лишь данные о том, что в июле 1814 года из Риги во французский порт Гавр на трех кораблях возвратилось 900 пленных французов.

В результате высокой смертности от ранений, эпидемии тифа и других болезней, значительная часть пленных погибла зимой 1812 года. В Орле госпитали были переполнены пленными французами, которые умирали тысячами. В Рязани доктор Фор наблюдал, как в госпиталях они умирали в течение одних-двух суток. Французский врач А. Лаверан в монографии о лечении заболеваний и эпидемий в армии, изданной в 1875 году в Париже, утверждал о том, что “все пленные, взятые русскими, вскоре умерли”. Это не соответствует действительности, хотя уровень смертности пленных от болезней был высоким. В листовке Главкой квартиры М.И. Кутузова 13 ноября 1812 года сообщалось о пленении до 150 тысяч войск противника, в листовке 21 ноября говорилось о 90 тысячах пленных, а 12 декабря -

о 40 тысячах пленных. На основании этих сведений можно предположить, что было пленено до 280 тысяч солдат Большой армии. По расчетам Б.Ц. Урланиса, в живых осталось не более четверти пленных, дезертиров и брошенных французским командованием раненых.

Французская пропаганда утверждала, что все пленные Большой армии погибли на российских казенных заводах. По указанию С.К. Вельяминова, для противодействия этой пропаганде 16 июля 1813 года по российским губерниям разослали циркуляр о порядке присяги желающих пленных на подданство России. В ноябре 1813 года перед форсированием русской армией реки Рейн для разложения войск на территории Франции была проведена еще одна акция. По России разослали новые правила о принятии в российское подданство, согласно которым изъявивших желание пленных записывали в мещанское сословие (по-французски это словосочетание было переведено "в буржуа"). Правила издали в газете российского министерства иностранных дел газете "Le Conservateur Impartial", которая распространялась за границей.

Военнопленным, которые опасались преследования на родине за свои политические взгляды и не желали возвращаться во Францию, российское правительство разрешило поселиться в пяти губерниях: Ярославской, Костромской, Вологодской, Пермской, Вятской. Им не разрешали проживать в Санкт-Петербурге, Москве, Польше, Прибалтике, Финляндии, Бессарабии, Белостокской и Тарнопольской губерниях. Многие французские солдаты в России сделали «карьеру» тем, что устроились гувернерами в дворянские семьи, женились и остались на своей новой родине. В благодарность за гуманное отношение они вели себя лояльно. Согласно переписи полиции в 1830-1837 годах, наибольшее количество бывших пленных к 1837 году стало жить в Москве и Московской губернии (3229 человек на 350 тысяч жителей). В середине XIX века в Саратове французы даже жертвовали деньги на строительство храма Христа Спасителя в Москве, который являлся памятником русской военной славы, увековечившим память о победе русских над Наполеоном. Эти факты показывают, что доброе отношение русских к пленным наряду с пропагандой изменило психологические установки французов, сделало их лояльными гражданами России.

Пропаганда на иностранных языках в 1914-1917 годах

В первую мировую войну ведение российской пропаганды на зарубежные государства обсуждалось и планировалось коллегиально. С августа 1914 года эти вопросы решались на заседаниях «межведомственного совещания» при МИДе с участием представителей Генштаба. С марта 1916 года пропагандистские акции разрабатывало «особое совещание по информации» при Главном управлении (ГУ) Генштаба, заседания которого велись ежемесячно под председательством генерал-квартирмейстера Генштаба с участием представителей МИДа. После обсуждения вопросов принятые решения утверждались начальником Генштаба, и о них докладывали военному министру. В систему пропаганды на зарубежные страны входили: бюро печати и информации при кабинете военного министра, иностранное отделение особого делопроизводства ГУ Генштаба (28.6.1915-15.8.1916), особое делопроизводство (6-ое отделение) при генерал-квартирмейстере ставки верховного главнокомандующего в Могилеве (с 14.10.1915), информационная часть отдела генерал-квартирмейстера /Огенквар/ (7.2.1916 – 18.1.1918), бюро журналистов по военному делу при ГУ Генштаба, комитет сотрудников союзной печати при ГУ Генштаба (с 13.3.1917), Петроградское телеграфное агентство; центральное отделение «Телеграфного агентства Север-Юг» (Agence Telegraphique Du Nord et Du Sud /ATNS/) в Петрограде и зарубежные отделения этого агентства в Амстердаме, Бухаресте, Копенгагене, Лондоне, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Чикаго, Париже, Риме, Стокгольме и Женеве; военное осведомительное бюро печати в Париже (с 23.6.1917), военные агенты (аналог современных военных атташе. - *Прим. ред.*) в российских посольствах за рубежом. С 7 марта 1916 года по решению межведомственного совещания представителей МИДа и ГУ Генштаба распространение информации, соответствующей государственным интересам России, велось через особые бюро и агентов информбюро при МИДе, образованных за рубежом при посредничестве союзников России. Кроме того, по решению этого совещания от 21 марта 1916 года в Петрограде было создано «центральное бюро для распространения

кинематографических фильмов и фотоснимков», которое распространяло их в России и за рубежом.

Особенностью ведения пропаганды на зарубежные государства являлась ее секретность. Несмотря на то, что вся информация из России за рубеж шла под контролем ГУ Генштаба, этот факт тщательно скрывался. На особом совещании по вопросам информации при ГУ Генштаба 4 апреля 1916 года было принято решение «о необходимости сохранения конфиденциальности организации информационной части ГУ Генштаба, дабы излишне не обнаруживать и не подчеркивать организованность и планомерность правительственной работы в этом деле». Следствием особой секретности стало то, что секретное наименование «информационная часть отдела генерал-квартирмейстера ГУ Генштаба» никогда не использовалось даже во внутренней переписке Генштаба или в печатных документах с грифом секретности. В этих случаях эта организация называлась ничего не объясняющим названием «1У-ая часть Огенквара». Реальное наименование за 1916-1917 годы использовалось всего несколько раз при оформлении докладов начальнику Генштаба в специальных журналах, которые писал от руки всегда один и тот же полковник Генерального штаба.

Главными объектами военной пропаганды на иностранных языках с августа 1914 и до августа 1916 года являлось население нейтральных стран Швеции, Дании, Румынии. В период с конца 1915 года большое внимание в пропаганде стало уделяться воздействию на население союзных государств Антанты: Франции, США, Англии, Италии, Греции, Сербии. Население и войска противника (Австро-Венгрии, Германии, Турции, Болгарии) являлось второстепенным по значимости объектом пропаганды. Воздействие на вражеские государства было начато лишь с октября 1915 года и проводилось в небольших масштабах по сравнению с пропагандой на нейтральные и союзные государства. Это объяснялось двумя факторами. Во-первых, из-за мер противодействия контрразведки и полиции противника было очень трудно доставлять пропагандистские издания в государства и войска противника. Во-вторых, командование русской армии полагало бесперспективным ведение пропаганды на Германию по причине отсутствия у немецкого населения и военнослужащих явных антиправительственных настроений и их высокой дисциплины.

Боевой дух, военная дисциплина и пленоустойчивость германских солдат была наивысшей среди военнослужащих армий вражеской коалиции, и неизмеримо выше, чем у военнослужащих Болгарии, Турции или Австро-Венгрии. Немцы сдавались в плен примерно в двенадцать раз меньше по сравнению с солдатами австро-венгерской армии. Так, по состоянию на 1 декабря 1915 года в русском плену было 868914 военнослужащих (в т.ч. 16558 офицеров) из Австро-Венгрии (чехов, словаков, венгров, австрийцев). Среди них было лишь 68524 германцев (в т.ч. 1193 офицера). Предполагая явную бесперспективность пропаганды на Германию, руководители Генштаба русской армии в ходе всего периода войны даже не обсуждали на особых совещаниях по вопросам информации вопрос о необходимости ведения пропаганды на немецкое население и армию. В архивных документах отмечается лишь факт тайного распространения русских листовок в Германии с территории Бельгии в ноябре 1916 года. В то же время более интенсивно велась тайная пропаганда против двух союзных Германии государств: Австро-Венгрии и Болгарии. Из чехов в России была нелегально создана пропагандистская организация для разложения многонациональной австрийской армии. Кроме того, дважды велась пропаганда на воевавшую в союзе с немцами Болгарию. Однако интенсивность пропаганды на вражеские государства была слабой, и по масштабам она не шла ни в какое сравнение с пропагандой на нейтральные и союзные России страны.

Анализ деятельности Генштаба в 1914-17 годах показывает, что значимость объектов пропагандистского воздействия изменялась в ходе войны трижды. В период с августа 1914 до февраля 1915 года пропаганде на зарубежные государства уделялось незначительное внимание. В начале войны высшие военные руководители страны: начальник Генштаба, генерал-квартирмейстер и дежурный генерал Генштаба полагали, что война продлится не более 3-6 месяцев, поэтому военное ведомство и Генштаб в незначительных масштабах вели зарубежную пропаганду. Этим вопросом занимался МИД. После того, как в 1915 году руководству Генштаба стал понятен затяжной характер войны и необходимость влияния на зарубежное общественное мнение, 25 февраля 1915 года было дано указание о том, чтобы военные агенты в посольствах России распространяли в

местной прессе сообщения Петроградского телеграфного агентства. Период, в ходе которого в Генштабе сформировалось мнение о безусловной важности пропаганды за рубежом, продлился до 28 июня 1915 года, когда в трех зарубежных государствах были созданы агентурные отделения по распространению в местной печати сообщений из России. Таким образом, первый период становления зарубежной военной пропаганды длился с августа 1914 до июня 1915 года. В это время приоритетный объект для пропагандистского воздействия среди зарубежных государств не определялся.

Во второй период с июля 1915 и до июля 1916 года пропаганда на зарубежные страны велась через военных агентов в различных нейтральных государствах с одинаковой интенсивностью и одинаковым содержанием. Главные объекты пропаганды за рубежом не выделялись, специальная информация для распространения в конкретных государствах не готовилась.

Третий период с июля 1916 и до октября 1917 года характеризовался всплеском интенсивности зарубежной пропаганды, которая стала более дифференцированной. После начала работы особого совещания в июне 1916 года военному министру России был направлен доклад, где определялись объекты пропагандистского воздействия за рубежом. Нейтральные зарубежные страны Европы по степени приоритетности пропаганды были разделены на три группы. В главную группу «по степени настоятельности будущих задач» были отнесены Швеция, Дания и Румыния. На них планировалось сосредоточить главные усилия пропагандистского влияния, поскольку в этих странах германская пропаганда была наиболее интенсивной. Немцы преследовали цель склонить в свою сторону общественное мнение Швеции, Дании и Румынии, и превратить эти страны в своих союзников. На четвертое место по интенсивности российской пропаганды была поставлена Голландия, поскольку немцы не уделяли этому государству особого внимания, ограничиваясь только отдельными пропагандистскими провокациями. Странами «второстепенного интереса» для российской пропаганды были названы Испания и Греция, в которых немецкая пропагандистская война имела ограниченный характер.

В июне 1916 года было принято решение в первую очередь оказывать влияние на общественное мнение в Стокгольме,

Копенгагене и Бухаресте. В дополнение к обязательной информации Петроградского телеграфного агентства Генштаб стал готовить другие виды информации, выделять приоритетные объекты воздействия пропаганды. Летом 1916 года главное внимание уделялось Швеции, Дании и Румынии с целью недопущения превращения этих стран в союзников Германии. После вступления Румынии в войну на стороне Антанты приоритетным объектом тайной пропаганды с использованием агентурной сети стала Болгария (сентябрь-ноябрь 1916 года, март-сентябрь 1917). В период с октября 1916 и до октября 1917 года основное внимание уделялось союзникам - странам Антанты. Наибольшее внимание в пропаганде было уделено США. В декабре 1916 года там были открыты три отделения телеграфного агентства Север-Юг, тогда как еще в начале июня 1916 года МИД прекратил финансировать в Нью-Йорке «Бюро госпожи Н.В. де Богори», где с конца 1915 года переводили российские статьи из «Нового времени», «Русского слова» и «Вестника финансов» и размещали эти переводы в американских газетах. Последний всплеск внимания к пропаганде на союзников произошел в мае - октябре 1917 года, когда из-за февральской революции 1917 года и неудач на фронтах авторитет России во Франции резко упал. Начиная со второй половины июня 1917 года, основным объектом пропаганды стала Франция, где 23 июня было создано парижское военное осведомительное бюро, в дополнение к которому 13 июля 1917 года образовано отделение телеграфного агентства Север-Юг.

Анализ показывает, что в период с июля 1916 года до октября 1917 года главный объект российской пропаганды за рубежом менялся каждые 3-4 месяца, но одновременно с этим шла постоянная пропагандистская экспансия в других государствах, где открывались новые отделения «негласного» телеграфного агентства Север-Юг. Исключение представляла лишь Румыния, где после ликвидации отделения ATNS в августе 1916 года пропаганда так и не была возобновлена.

Подготовка к пропаганде на зарубежные государства в 1914 году перед началом войны была произведена за девять суток до того, как Россия объявила войну Германии. Военное министерство России 21 июля 1914 года постановило, что «осведомление населения, в

пределах возможности, в переживаемых и предстоящих военных событиях исторической важности возложено на Главное управление Генерального штаба». Это решение было одобрено председателем совета министров России и получило силу закона. В начале войны начальник Генштаба признал необходимым «принять меры в организации борьбы нелегальным путем против распространения за границей вредных для наших государственных интересов ложных сведений о России вообще и нашей действующей армии в частности». При министерстве иностранных дел России было создано «межведомственное совещание» при участии представителей ГУ Генштаба, которое постановило, «не ограничиваясь негласными путями, в целях создания за границей дружественного нам настроения обратиться ко всестороннему осведомлению о положении дел населения нейтральных стран и представителей иностранной печати». С этого времени ГУ Генштаба через Петроградское телеграфное агентство размещало в иностранной прессе сообщения о ходе военных действий, ежедневно информировало иностранных корреспондентов в Петрограде и опровергало ложные сведения, распространяемые противником.

Со дня вступления России в войну 1 августа 1914 года в ГУ Генштаба начала действовать «особая часть по осведомлению печати о событиях на фронте» - информационное отделение, входившее в состав особого делопроизводства ГУ Генштаба. Это отделение готовило для печати материалы о боевых действиях на фронтах. Петроградское телеграфное агентство переводило и направляло за границу сведения политического характера, предоставленные Генштабом и МИДом. Расходы по переводу сведений на иностранный язык и их телеграфирование за рубеж оплачивались по статье финансового обеспечения Генштаба. С начала войны до июля 1915 года делопроизводитель особого делопроизводства полковник Генштаба А.М. Мочульский ежедневно после 19 часов проводил «беседы» для иностранных и русских корреспондентов, во время которых давал сведения о положении на фронтах, кратко отвечал на вопросы. Он раздавал представителям печати размноженные тексты телеграфных сообщений штаба верховного главнокомандующего, тексты опровержений дезинформации противника. В 1915 году

Военный морской Генеральный штаб стал присылать своего представителя на беседы офицера ГУ Генштаба с прессой.

С лета 1915 года встречи с представителями прессы стали вести несколько офицеров из разных делопроизводств Генштаба. Накануне бесед с журналистами содержание сведений для печати к 19 часам утверждалось генерал-майором Новицким, а текст для прессы согласовывался с учетом указаний и мнений военного министерства и министерства иностранных дел. Эти беседы стенографировались и проводились под контролем цензоров, составлявших о них ежедневный доклад в Главную военно-цензурную комиссию ГУ Генштаба.

С конца 1915 года в петербургском высшем обществе, парламентских и дипломатических кругах стали циркулировать в виде слухов сведения немецких и австрийских военных радиосводок, перехватывавшихся Царскосельской радиостанцией. В январе 1916 года в Генштабе полагали крайне вредным «распространение в широких кругах неблагоприятных для России сведений из германо-австрийских радиотелеграфных сообщений». В Петрограде беседы офицеров с представителями русской и зарубежной печати приказали вести с целью «подорвать доверие общества к передаваемым неприятельским сообщениям, неблагоприятным для России фактам и создать объективное и вполне благожелательное отношение газетных обозревателей к оценке наших действий».

В ходе войны в столице России увеличивалось количество подразделений, задачей которых являлось ведение пропаганды за рубежом. В начале 1915 года в дополнение к информационному отделению пропаганду в зарубежных странах стали вести агентурные сотрудники Генштаба. Главной задачей офицеров особого делопроизводства ГУ Генштаба являлся сбор сведений об иностранных армиях путем агентурной разведки и поддержания связи с военными агентами в посольствах России за рубежом. Однако генерал-квартирмейстер Генштаба 28 февраля 1915 года дал особому делопроизводству указание № 6204 посылать военным агентам в иностранных государствах сообщения Петроградского телеграфного агентства для распространения в иностранной прессе. Поэтому 28 июня 1915 года в особом делопроизводстве было создано иностранное отделение для перевода пропагандистских сообщений

на французский язык. Начиная с 28 июня 1915 года, офицеры информационного отделения особого делопроизводства Генштаба составляли для Петроградского телеграфного агентства текст ежедневной вечерней сводки о положении на фронтах, а иностранное отделение дополнительно переводило часть сведений на французский язык для негласного распространения военными агентами в Бухаресте, Стокгольме и Копенгагене.

На заседании междуведомственного совещания при МИДе 14 апреля 1915 года были намечены меры к более интенсивному воздействию на общественное мнение за границей, но реализация этого постановления не состоялась по причине отсутствия людей и материальных средств. Все же в 1916 году количество пропагандистов увеличилось. На трех межведомственных совещаниях по вопросам информации, состоявшихся 4 января, 6 февраля и 7 марта 1916 года, руководство Генштаба и представители МИДа приняли решения о создании штата постоянных и прикомандированных сотрудников. На заседании 4 января решили создать в отделе генерал-квартирмейстера Генштаба информационную часть. В начале февраля было решено просить правительство о выделении большой суммы денег для ведения пропаганды за рубежом и создать орган руководства ведением зарубежной пропаганды - «особое совещание» при ГУ Генштаба.

В Военный совет государства 11 февраля 1916 года был направлен запрос о выделении кредита 100 тысяч рублей «для влияния на общественное мнение за границей и на связанные с ним надобности информации». Тогда же было решено создать при ГУ Генштаба постоянное «особое совещание из представителей ГУ Генштаба и МИД по вопросам пропаганды». Особое совещание проводилось под председательством генерал-квартирмейстера Генштаба и имело цель «разработки общих мер воздействия на общественное мнение, как в Империи, так и за границей». В совещании принимали участие начальники частей отдела генерал-квартирмейстера Генштаба и 4 представителя МИДа: начальник канцелярии, гофмейстер, статский советник и камер-юнкер. Тексты обсужденных вопросов и принятые по ним решения особого совещания в виде рукописных журналов представлялись начальнику Генштаба, который писал резолюции с указанием о мерах

реализации обсужденных вопросов. Заседания особого совещания по вопросам информации состоялись 7 и 21 марта; 4, 14, 18 и 30 апреля; 3 и 15 июня, а также 16 августа 1916 года.

На заседании 7 марта решили прикомандировать к информационной части Огенквара (1У-ой части) для постоянной работы трех чиновником МИДа, зачислили в число постоянных сотрудников информационной части корреспондента газеты «Русское слово» Богацкого, «известного своей благонадежностью и обладающего большим политическим тактом». Заседание 30 апреля 1916 года рекомендовало привлечь к работе информационной части на постоянной основе редактора-издателя одного из журналов действительного статского советника Башмакова. Решение о штате информационной части отдела генерал-квартирмейстера Генштаба было принято 18 апреля 1916 года. Заседание утвердило структуру информационной части, в которой 3 отделения выполняли следующие функции: издательское - «руководство делом издательства сборников, брошюр и т.д.; фотографо-кинематографическое - распространение кинолент и фотографий в нейтральных, союзных и враждебных странах; специально-информационное и общее - разработка и проведение информации в иностранной и русской печати, включая организацию рекламы, издание карикатур и лубочных картинок, марок, медалей и т.д.».

Со второй половины января 1916 года в качестве открытого наименования информационной части для служебной переписки стало использоваться словосочетание «1У-ая часть Огенквара». Причиной появления названия явилась структура отдела генерал-квартирмейстера. По штатному расписанию от 10 августа 1910 года, утвержденному приказом Военного ведомства № 496, в Огенкваре имелись две части: часть первого обер-квартирмейстера и часть второго обер-квартирмейстера. Третья «журнальная часть при Огенкваре» была образована 12 января 1913 года, поэтому вновь созданная в январе 1916 года «информационная часть при Огенкваре» получила открытое наименование «1У-ая часть». Начальником 1У-ой части был назначен генерал-майор Н.Н. Распопов, который по должности обер-квартирмейстера приравнивался к начальнику отдельной бригады.

В 1У-ой части Огенквара было создано свое информационное делопроизводство. По решению особого совещания 30 апреля 1916 года в информационной части также создали «особый комитет» в составе 2-3 специалистов печатного дела, обладающих полномочиями в деле редактирования и передачи различных сообщений за границу. С июля 1916 года при 1У-ой части было организовано бюро военных журналистов («Бювожур»), готовившее для печати военные сводки, обзоры военных событий, статьи и брошюры на военные темы. По согласованию с МИДом эти журналисты составляли и редактировали с военной точки зрения обзоры военного положения, а также информацию «неофициальных брошюр» под названием «Афиша войны». Их распространяли в нейтральных государствах «с целью поднять интерес к России зарубежного общественного мнения и сообщить благоприятные для нас военно-политические и экономические данные в противовес распускаемой нашими врагами лжи». Бювожур составил для нейтральных государств первый выпуск неофициального иллюстрированного сборника, на издание которого 16 октября 1915 года было затрачено пять тысяч рублей.

До 7 февраля 1916 года некоторые офицеры, из которых была создана 1У-ая часть, работали в составе иностранного отделения особого делопроизводства ГУ Генштаба и в их задачи входил перевод материалов зарубежных военных агентов с иностранных языков на русский язык и наоборот. После получения нового статуса 1У-ая часть с апреля 1916 года дополнительно к переводу стала выполнять задачи подготовки и перевода статей для зарубежной прессы, издания брошюр, книг, альбомов для распространения за границей. После 11 мая 1916 года по приказу начальника Генштаба задачей 1У-ой части стало составление ежедневных телеграмм боевых сводок и их перевод на французский язык, после чего особое делопроизводство отправляло их за границу через Телеграфное агентство Север-Юг.

По состоянию на июнь 1916 года 1У-ая часть Огенквара имела штат 16 генералов и офицеров. В ее составе был начальник, 2 помощника начальника, 2 делопроизводителя, 3 столоначальника и 8 переводчиков. Этих сотрудников разделили на три группы: осведомительную, издательскую и переводческую. Руководил

беседрами с журналистами генерал-майор граф Г.И. Ностиц, для которого осведомительная группа ежедневно составляла обзор событий, корреспонденций и сообщений штаба верховного главнокомандующего.

Если с февраля 1916 года негласную информационную работу за рубежом вело иностранное отделение в составе особого делопроизводства ГУ Генштаба, то 14 августа 1916 года эта работа была поручена 1У-ой части. Текст указания гласил: «Осведомление общества и печати как русской и иностранной о действительном положении дел на театрах военных действий и с целью борьбы против распространения за границей вредных для наших государственных интересов военных сведений о России и русской армии передать из состава особого делопроизводства ГУ Генштаба в 1У-ую часть Огенквара».

В августе 1916 года в составе 1У-ой части работало 18 сотрудников, из которых 2 генерала состояли в свите Его Величества и до этого выполняли задачи работы с военными агентами дипломатического корпуса и представителями союзных армий в Петрограде. В 1У-ую часть входили 4 генерал-майора: Н.Н. Распопов, Д.Е. Козловский, граф Г.И. Ностиц и Ф.В. Рубец. В штате также имелся один полковник, ротмистр, 3 поручика, корнет, хорунжий и 7 прапорщиков

С 15 августа 1916 года информационная часть стала руководить деятельностью «негласного телеграфного агентства ATNS» и готовить для него тексты военных сводок. Летом 1916 года в задачи 1У-ой части отдела генерал-квартирмейстера Главного управления Генштаба входило: осведомление русской, иностранной прессы и Петроградского телеграфного агентства о ходе военных действий на фронтах и по всем военным вопросам, негласное распространение за рубежом через агентство ATNS военных сводок и полученных из ставки верховного главнокомандующего сведений о военных эпизодах и операциях на фронте, предоставление журналистам разъяснений Генштаба о ходе боевых действий, объяснение и комментирование военных операций и положения на фронтах, разъяснение правонарушений противника, принятие предупредительных мер против нежелательного толкования в

прессе событий на фронте, поддержание в населении зарубежных стран интереса к России и направления симпатий в нашу сторону с помощью распространения статей и иллюстраций в иностранных информационных агентствах и в периодической печати, а также демонстрации русских документальных кинолент за рубежом; подготовка общественного мнения к неблагоприятным для нашей армии событиям на фронте (к предстоящему отступлению, к оставлению городов), поддержание у населения уверенности в полном единении союзников в борьбе с общим врагом; своевременное обнаружение и опровержение в отечественной и зарубежной прессе неправильных суждений, ложных сведений и намеков обидного характера для русской и союзных армий, противодействие подрывной пропаганде противника. Возглавлял информационную работу 1У-ой части полковник Генштаба Д.М. Левшин. Общее руководство работой части осуществлял генерал-майор Н.Н. Распопов, а с августа 1916 года - генерал-майор Д.Е. Козловский.

В 1917 году 1У-ой части передали все задачи Генштаба по ведению печатной пропаганды среди солдат русской армии и задачи особого делопроизводства по информированию представителей российской прессы. Передача задач издания материалов по военной и патриотической тематике произошла из-за того, что с 1900 до 1910 года в составе ГУ Генштаба имелась часть 1У-го оберквартирмейстера, одной из функций которой было издание печатных материалов, брошюр и книг на военно-историческую тематику. На пропагандистские нужды в России и за рубежом в августе 1916 года 1У-ой части был выделен кредит 100 тысяч рублей по смете «особого /9/ параграфа» 3-й статьи финансирования Генштаба, из которых к 27 июня 1917 года было израсходовано 42072 рубля

Информационное воздействие на зарубежные страны осуществлялось различными способами, главным из которых было распространение сведений через «негласные каналы информации», однако применялись и другие формы пропаганды. На заседании 4 января 1916 года в Военный совет государства было направлено решение № 25, предусматривающее использование трех способов воздействия на зарубежное общественное мнение: а) посредством

печати, б) через мощные станции беспроволочного телеграфа, в) с использованием кинематографа.

Радиостанции для обеспечения надежной непосредственной связи с Францией и Англией стали строить по решению военного министра от 23 июня 1914 года. В ходе пятимесячного строительства были сооружены станции в Москве (300 кВт), в Царском Селе (300 кВт), в Твери и Смоленске (100 кВт). Затем в январе 1916 года было закончено «специальное приспособление российских мощных радиостанций к быстрой передаче за границу официальных сообщений штаба верховного главнокомандующего и других сведений». После 11 февраля 1916 года из здания Генштаба до радиостанции в Царском Селе был проложен кабель, и Генштаб стал ежедневно телеграфировать информацию о боевых действиях за прошедшие сутки с целью ее передачи по радио для союзников.

Основным способом информационного воздействия во время войны являлось распространение сведений через полуофициальные каналы и агентуру в нейтральных странах. По решению Генштаба с ноября 1915 года за рубежом действовала агентурная сеть, распространявшая под контролем военных агентов посольств России сведения из Петербурга в местной прессе. Эта агентурная сеть получила условное наименование «Телеграфное агентство Север-Юг» (ATNS). Для маскировки принадлежности ATNS к российским вооруженным силам было принято решение направить за границу трех лояльных России этнических поляков, в совершенстве владевших несколькими иностранными языками. Выбор поляков для агентурной работы объяснялся также тем, что они параллельно с пропагандистскими задачами добывали сведения о противнике с использованием агентурной сети в оккупированной части Царства Польского. В Копенгаген был направлен Ольховский, в Бухарест - И.С. Наимский. в Гаагу - В.Л. Мазуркевич. Интеллектуальный уровень агентов был высоким. Например, посланный 10 сентября 1915 года с Северного фронта в Гаагу В.Л. Мазуркевич в совершенстве знал голландский, итальянский, португальский и немецкий языки.

Начальник Генштаба лично поставил задачи управляющему агентством В.П. Залесскому по руководству работой зарубежной агентуры, которое осуществлялось с частной квартиры агентства

ATNS в Петербурге по улице Гороховая, 61. Для основания отделений ATNS за рубежом выделяли значительные суммы. Например, бюджет первых двух месяцев работы ATNS в Бухаресте составил 11470 рублей (34440 франков по обменному курсу в Вене). В дальнейшем на месячную оплату деятельности 4-х отделений агентства выдели 8500 рублей из расчета того, что петроградское отделение получало 1500 рублей, а отделения в Бухаресте, Копенгагене и Стокгольме - по 2500 рублей каждое.

С июля 1915 и до лета 1916 года руководила агентством Nord Sud ставка верховного главнокомандующего. Однако 11 мая 1916 года по указанию генерал-квартирмейстера Генштаба № 2611 из-за затруднений при руководстве агентством Север-Юг из могилевской ставки ATNS передали в подчинение ГУ Генштаба. Непосредственно руководить работой управляющего агентства в Петрограде стал офицер особого делопроизводства ГУ Генштаба полковник А.М. Мочульский, который контролировал информацию, подготавливаемую в особом делопроизводстве для телеграфирования за границу. Через несколько месяцев подчинение агентства вновь изменилось. По приказу Генштаба № 1393 от 1 сентября 1916 года телеграфное агентство было подчинено 1У-ой части Огенквара, а 4 сентября 1916 года полковник Д.М. Левшин принял к исполнению из особого делопроизводства 5 томов дел агентства Nord Sud.

Отделения телеграфного агентства Nord Sud, которое подчинялось верховному главнокомандующему в ставке русской армии (с 1.6.1916 Огенквару), стали действовать в Бухаресте и Стокгольме (с 27.7.1915), в Копенгагене (с 23.11.1915), в Нью-Йорке, Женеве и Риме (с 15.12.1916), в Лондоне (с 3.1.1917), в Амстердаме (с 28.3.1917), в Париже (с 13.7.1917). Генштаб ежемесячно выделял 350 рублей жалования каждому агенту телеграфного отделения (агенту в Амстердаме - 500 рублей, в Нью-Йорке и Женеве - по 400 рублей), не считая гонорара от почасовой оплаты помещенных в газетах статей в размере 5 копеек за строку (за статьи в левой прессе - 10 копеек за строку). В ноябре 1915 года в тексте секретного «Наставления для телеграфного агентства Север-Юг (Nord Sud)» были сформулированы задачи этой организации агентурной разведки. В документе говорилось: «Телеграфное агентство Nord Sud учреждается с двоякой целью, а) Для точного и спешного осведомления заграничной прессы

нейтральных государств с ходом боевых действий нашей армии в желательном для пользы русского дела освещении и одновременно для существенного противодействия враждебной агитации со стороны давно и специально организованных агентств в тех же нейтральных государствах германцами и австрийцами. Точно также с целью настраивать общественное мнение в этих странах в пользу русских государственных интересов. б) Одновременно доставлять возможно обширный и всесторонний обзор военной, политической и экономической обстановки воюющих с нами держав в виде сообщений телеграфных и письменных, специально и периодически посылаемых».

В Петрограде для передачи информации отделениям агентства за границу было организовано центральное отделение агентства ATNS, посылавшее ежедневно не менее 100 слов сведений телеграфного бюллетеня «о том, что может интересовать прессу в нейтральных странах по настоящей войне относительно политических событий, представляя материал в благоприятной для нас окраске и, имея в виду, в духе наших интересов воздействовать на общее мнение влиятельных кругов в нейтральных государствах».

Информация военных сводок для зарубежных стран готовилась в особом делопроизводстве ГУ Генштаба, передавалась на согласование в отдел печати МИДа, затем переводилась на французский язык в Петроградском телеграфном агентстве и телеграфировалась за рубеж вне очереди. В ноябре 1915 года агенты отделений ATNS размещали получаемые сведения в газетах Румынии, Греции, Дании, Норвегии, Швеции и Болгарии до ее вступления в войну против Антанты. Особое внимание военных агентов обращалось на необходимость скрывать то, что информация агентства готовится не журналистами в Петрограде, а офицерами Генштаба России. После того, как агент в Копенгагене Ольховский обратился к послу России с просьбой заявить датским газетам о том, что сведения Nord Sud имеют официальный характер, в секретной телеграмме из ставки верховного главнокомандующего 10 декабря 1915 года посольство было предупреждено о недопустимости такого заявления, а послу было указано при запросах отвечать, что «сведения Nord Sud имеют совершенно частный характер».

Такая политика привела к хорошим результатам, поскольку действительный источник информации удалось скрыть. Контроль деятельности агента в Копенгагене подтвердил эффективность распространения материалов из России в местной прессе. За период с 7 июля по 6 августа 1916 года в датских газетах было опубликовано 689 сообщений ATNS . Столичная печать Дании поместила 108 материалов из России, из которых 80 являлись сводками военных действий. Провинциальные датские газеты опубликовали 581 сообщение, из которых 396 являлись военными известиями. В анализе работы агента отмечалось, что ему удалось с 12 июля по 4 августа поместить 22 материала в самую влиятельную столичную газету «National Tidende», в результате чего читатели могли прочесть в газете благоприятную для России информацию почти каждый день.

Не во всех случаях деятельность зарубежной агентуры была успешной. Так, 24 августа 1916 года в Бухаресте после объявления Румынией войны Австро-Венгрии по подозрению в шпионаже в пользу Германии арестовали И.С. Наимского, являвшегося сотрудником телеграфного агентства Nord Sud. Этого агента выпустили из заключения по ходатайству русского посла, но отделение ATNS в Бухаресте пришлось закрыть, поскольку стала явной вовлеченность в это дело России. После возвращения в Петроград И.С. Наимскому выплатили двухмесячный оклад 700 рублей за август-сентябрь и построчный гонорар за опубликованные в газетах статьи в размере 1302 рубля 80 копеек (7766 строк в июле и 5262 строки в августе). Высокий уровень поощрения пропагандистской деятельности агентов за рубежом понятен, если учесть, что в то время полковник в боевых частях получал 302 рубля в месяц (в ГУ Генштаба - 252 рубля). В ноябре 1916 года после небольшого отдыха И.С. Наимский был послан в Женеву для открытия там отделения агентства ATNS, где вновь встретился с трудностями из-за повышенного внимания контрразведки к его деятельности.

По указанию начальника Генштаба № 20269 от 27 октября 1916 года была начата работа по созданию отделения агентства Nord Sud в США. Несколько позже Министерство иностранных дел 22 декабря 1916 года предложило для передачи в Америку статей из Петрограда создать в США «русские осведомительные бюро» дополнительно к

работавшему в этой стране с конца 1915 года «бюро госпожи Н.И. де Богори». Однако особое совещание ГУ Генштаба отвергло этот план. В качестве обоснования было заявлено, что «влияние на общественное мнение, живущее интересами минуты, не может быть произведено статьями, доставляемыми из Петрограда, так как эти статьи могут появляться в печати через 2-3 недели после того, как выяснится их надобность, когда запросы будут уже иные».

В Генштабе полагали, что оптимально дополнительно к созданному в Нью-Йорке отделению агентства Nord Sud организовать еще два отделения в Чикаго и Сан-Франциско. При организации трех отделений телеграфного агентства в США командование Генштаба руководствовалось двумя положениями концепции о влиянии на общественное мнение за границей. Во-первых, руководство требовало, чтобы осведомление не носило характер пропаганды. Во-вторых, источник информации маскировался. Делался вид что, сведения исходили не из российских правительственных кругов, а сообщались местным бюро, на которое общественное мнение смотрело, как на источник верных и точных сведений о России. К концу декабря 1916 года через вновь созданные отделения информация из столицы России стала передаваться лондонскому частному агентству Central News, размещавшему эти сведения в английской и колониальной прессе по всему миру. Также информация давалась американским агентствам Assosiated Press и United Press, бюллетенями информации которых пользовались более чем 1850 редакций иностранных газет и журналов по всему миру.

В конце 1916 года агент в Швеции размещал в местных газетах информацию из столицы России наиболее успешно. Так, за декабрь 1916 года ему удалось опубликовать материалы объемом 5984 строк в газетах социал-демократов и 10678 строк в прессе других партий. В то же время агент в Швейцарии испытывал большие затруднения из-за враждебного отношения местных властей и цензоров, чинивших препоны сведениям из России, задерживавших телеграммы агентства Nord Sud под тем предлогом, что они приходили без подписи отправителя. Из-за этого несколько месяцев не удавалось наладить размещение российских сведений в женевских газетах, и до июня 1916 года командование было вынуждено платить женевскому

агенту фиксированное жалование 600 рублей без построчных гонораров.

В декабре 1916 года отделение агентства Nord Sud было создано в Риме, 13 июля 1917 года - в Париже, где в течение двух предыдущих лет сведения из России размещались в местной печати через Сербское бюро прессы. Осенью 1917 года 11 сотрудников ATNS работали в 6 странах: Голландии, Италии, Дании, США, Швеции и Швейцарии.

В ставке верховного главнокомандующего с октября 1915 года деятельностью агентства Nord Sud непосредственно руководил полковник Генерального штаба П.Л. Ассанович. С 1 сентября 1916 года до 18 января 1918 года работой ATNS руководил начальник 1У-ой части Огенквара генерал-майор Д.Е. Козловский. В день военного переворота большевиков в Петрограде 7 ноября 1917 года работа ATNS была прервана. Материалы секретных телеграмм Генштаба в адрес российских агентов за рубежом были опубликованы в петербургских газетах, журналисты которых обнаружили их в захваченном повстанцами здании МИДа, после чего эти сведения были перепечатаны в иностранной прессе. Из-за таких событий решили не посылать тексты сообщений агентам за границу, и телеграфное агентство прекратило работу.

ATNS больше не возобновил свою деятельность из-за того, что большевистский Совет Народных Комиссаров начал передавать свои сообщения за рубеж через Царскосельскую радиостанцию. Хотя 26 февраля 1918 года новый начальник Генштаба решил оплатить управляющему агентства В.П. Залесскому 800 рублей, а зарубежным агентам - их двухмесячное жалование за вынужденное бездействие в ноябре - декабре, однако больше их услугами не пользовались.

Способы пропаганды на иностранных языках в период 1914-1917 годов делились на три категории: а) пропаганда легальными средствами распространения информации при помощи государственного Петроградского телеграфного агентства, мощных станций беспроволочного телеграфа, кинематографа, официальными печатными изданиями, направлявшимися за рубеж лекторами; б) распространение информации за рубежом полулегальным способом посредством «негласного» телеграфного агентства Север-Юг, так как

при этом скрывался факт того, что источник сообщений - Генштаб России: в) тайное ведение пропаганды при помощи агентов, писем, брошюр и «секретных прокламаций», распространявшихся зарубежными агентами русского Генштаба с территории нейтральных или союзных государств.

Наибольшее внимание тайной пропаганде с использованием агентурной сети было уделено Болгарии. При помощи воздействия на общественное мнение правительство страны пытались убедить выйти из союза центральных государств (Австро-Венгрии, Германии). Ведение тайной пропагандистской войны против Болгарии делится на два периода: октябрь- декабрь 1916 года и март-октябрь 1917 года. В первый период с октября по декабрь 1916 года для тайной пропаганды в Болгарии из болгарских эмигрантов попытались создать организацию «Народная Болгария». Занимался этим офицер 1У-ой части Огенквара поручик Г.И. Канчев. По приказу начальника Генштаба № 20424 от 29 ноября 1916 года этот поручик и болгарский купец, управляющий делами Одесского болгарского настоятельства И.Д. Рашеев, были посланы с российскими гражданскими паспортами в Румынию для основания типографии и ведения пропаганды на болгарском языке. Однако из-за угрозы разоблачения поручика Капчева, известного румынской контрразведке по его прежней деятельности, эти люди были вскоре вынуждены уехать обратно в Россию. Для выполнения агентурных заданий они отобрали этнических болгар на юге России среди 50-ти тысяч болгар-эмигрантов в Кишиневе, Одессе и Екатеринодаре, создали в Екатеринодаре ячейку из 4 лояльных болгар-фабрикантов, подготовили ряд «писем к болгарскому войску и народу» для нелегальной доставки через границу. Оплата агентам велась деньгами по секретной смете 5-го параграфа 1-й статьи финансирования Генштаба. Однако в декабре 1916 года поручик Канчев был отозван в Петроград из-за неблагоприятных отзывов МИДа и начальника штаба Одесского военного округа, считавших нецелесообразным продолжение тайной пропаганды в Болгарии при отсутствии в ней широкого недовольства правительством и довольно стабильной политической ситуации.

Второй период с марта по октябрь 1917 года тайная пропаганда была возобновлена из-за изменения внутренней ситуации в Болгарии,

где на почве голода в марте, мае и в июне 1917 года проходили кровавые столкновения, увеличились антиправительственные настроения, возросла политическая нестабильность. С 10 марта 1917 года по договоренности с военным ведомством на Добружанском фронте стали распространять пропагандистскую литературу российского МИДа на болгарском языке. По указанию 2-ого политического отдела МИДа от 25 мая 1917 года российский консул в Салониках (Греция) начал пропаганду на население Болгарии. Генштаб 4 июня 1917 года приказал военному агенту в Греции «всячески усилить пропаганду среди болгарских войск при помощи секретных прокламаций». Генерал-квартирмейстер 17 августа 1917 года дал указания изменить содержание пропаганды на Болгарию, в которых написал: «Что же касается агитации среди болгар, то в этом деле никоим образом нельзя основываться на чувствах благодарности или признательности болгар к России, а вести все дело пропаганды, исходя из существования полного доверия болгарского народа к правительству и союзникам /немцам/. Самую пропаганду следует вести не в духе русофильском, а в противоправительственном, республиканском, в духе недоверия и враждебности к Германии»

Много внимания уделялось Генштабом ведению печатной пропаганды. В 1916-1917 годах Огенквар направлял тексты из ставки верховного главнокомандующего в столичную, провинциальную российскую прессу и за рубеж в виде неофициальных статей, которые посылались военным агентам в посольствах России за границей. При этом офицеры Генштаба приказывали агентам, чтобы они обращали внимание на «придание заметкам в газетах совершенно частного характера и на недопустимость ссылок на авторитетность источника». Генштаб маскировал свою роль в руководстве информированием населения России и зарубежных стран.

С февраля 1916 года Огенквар помещал в официальном органе военного министерства газете «Русский инвалид» подготовленные в ставке верховного главнокомандующего обзоры военных событий, которым придавалось «руководящее значение для всех остальных органов русской повременной печати». В середине октября 1916 года после создания особого делопроизводства (бюро печати) в

могилевской ставке Огенквар стал распространять статьи штаба верховного главнокомандующего для публикации в официальном органе Военного министерства газете «Русский инвалид», а также в других газетах.

По решению особого совещания 7 марта 1916 года было начато издание за границей сборников статей, подготовленных в России, но печатавшихся за рубежом под псевдонимами. Однако ввиду дороговизны издания за границей особых сборников 21 марта особое совещание решило подготовленные материалы публиковать в нейтральных странах на местной базе в виде приложений к газетам или отдельных брошюр.

С осени 1916 года ежедневную информацию о положении на фронтах отдел печати при генерал-квартирмейстере ставки в Могилеве по телеграфу передавал в столицу через Генштаб Петроградскому телеграфному агентству, которое эти сведения переводило и направляло информационным агентствам в зарубежные страны. Затем эти сведения из бюллетеней иностранных агентств использовались редакциями газет на иностранных языках. Информация ставки на французском языке с 23 июня 1917 года направлялась непосредственно в Парижское осведомительное бюро военному агенту России полковнику графу А.Игнатьеву для помещения ее во французские газеты. С целью ускорения передачи в Париж сведений о боевых событиях в редакции газеты Могилевской ставки «Бюллетень штаба Верховного Главнокомандующего» с 22 мая 1917 года была введена должность переводчика французского языка, в обязанность которого входил перевод статей и телеграфирование содержания напрямую в парижское осведомительное бюро.

В период с августа 1914 и до июня 1916 года обобщенную информацию из ставки о событиях за прошедшие сутки начинали передавать по телеграфу примерно в 15 часов, и на следующий день она оказывалась напечатанной во французских и английских газетах. Так, 24 июня 1916 года ставка начала передачу военной сводки в 14.45. Первая часть этих сведений в Петербурге оказалась полученной в 4 часа утра 25 июня, а вторая - в 6 утра. В связи с усилившимся информационным противодействием немцев порядок

передачи сведений по приказу Ставки от 11 июля 1916 года был изменен. Из-за того, что сводка немецкого генерального штаба летом 1916 года начинала передаваться раньше русской - с 13 часов дня по радио, и затем краткая информация о положении на фронтах передавалась дополнительно несколько раз в течение дня, эти данные первыми попадали за рубеж. Английская фирма «Маркони», применявшая радио для передачи информации, перехватывала сообщения немецких радиостанций, и поэтому имела возможность снабжать полученной информацией английские и французские вечерние газеты раньше информационного агентства Рейтер, которое получало сведения из столицы России от Петроградского телеграфного агентства. В Париже информация, полученная через агентство Маркони, по указанию правительства газетами не печаталась, однако эти данные циркулировали в парламентских кругах французской столицы, что дискредитировало официальную российскую пропаганду. В связи с претензиями агентства Рейтер, терявшим авторитет из-за усилившейся конкуренции от фирмы Маркони, Петроградское телеграфное агентство послало запрос в ставку. После этого было принято решение передавать военную сводку дважды в день (в 12 и 18 часов) по радио с таким расчетом, чтобы эти данные могли попасть в иностранные вечерние газеты.

Генштаб не только самостоятельно готовил информацию для прессы и размещал ее в газетах. Кроме того, он финансировал лояльных России иностранных журналистов. Например, особое совещание 7 марта 1916 года выделило деньги двум корреспондентам бельгийских и швейцарских газет «*Neuwe Rotterdamische Courant*», «*Journal de Geneve*» для оплаты их телеграфных корреспонденций. По решению особого совещания от 15 июня 1916 года велось тайное финансирование лояльных иностранных журналистов в России для обеспечения их доброжелательности при освещении событий. Например, с июля 1916 года в Петербурге шведскому журналисту Бредероде ежемесячно выплачивали 150 рублей, а богатому и независимому журналисту Фиссеру вместо предоставления денег значительно облегчили процедуру цензурной проверки корреспонденции, чтобы его письма не задерживались и быстрее доходили до Стокгольма. По согласованию с отделом печати МИДа Огенквар подбирал лояльных иностранных корреспондентов для

поездки на русский фронт, приглашал иностранных журналистов на интервью с осведомленными в военных вопросах российскими генералами.

Пропаганда на зарубежное население не ограничивалась помещением сведений в иностранные газеты. Генштаб, штабы фронтов издавали и распространяли листовки на войска и население противника. Листовки стали распространять лишь через два года после начала войны. В первый год военных действий командование русской армии полагало несовместимым с честью русских офицеров использовать листовки для воздействия на вражеские войска. Например, 16 января 1915 года в тексте телеграммы № 7556 из могилевской ставки в Генеральный штаб разбрасывание немецких прокламаций на фронте квалифицировалось как «гнуснейшее преступление нашего врага», «неэтические приемы борьбы с нами наших врагов». В этой телеграмме генерал-квартирмейстер ставки осуждал попытки обмана русских солдат и просил, чтобы в столичной печати опубликовали статью, осуждающую такие приемы борьбы. Подобное отношение не являлось попыткой показать себя с выгодной стороны, поскольку текст телеграммы был секретным и не предназначался для широкого сведения. В тот период офицерская честь являлась для кадровых военных священным понятием, и высокий уровень нравственности русских офицеров не позволял им лгать даже врагу. Это подтверждает факт того, что 21 сентября 1915 года начальник Генштаба запретил военному агенту в Румынии полковнику Семенову тайно снять копии с пяти чертежей австрийского устройства для равномерного рассеивания пуль при стрельбе пулемета, которые были принесены гражданином Австрии и оставлены на временное хранение Семенову. На запрос военного агента из Бухареста генерал-майор М.А. Беляев в секретной телеграмме написал: «Тайно снять копии нельзя. Это не соответствует достоинству русского правительства». Копирование чертежей было сделано за плату только с разрешения их владельца. (Российский государственный военный архив ф. 2000, оп. 1, д.4529, л.69.) Высокие требования к офицерской чести не позволяли русскому Генштабу в 1914-1915 годах готовить листовки для воздействия на вражеских солдат. Хотя первый раз Генштаб русской армии использовал листовки 22 октября 1915 года для

распространения в Болгарии, однако тексты этих прокламаций писались не офицерами, а штатскими людьми.

После вступления Болгарии в войну на стороне противников России было принято решение о ведении пропаганды на население Болгарии. «Совет славянского благотворительного общества» 22 октября 1915 года подготовил тексты воззваний, которые начальник Морского Генерального штаба 27 октября послал для заключения начальнику штаба У11 армии в Одессу. Через три дня вопрос о распространении листовок с аэропланов над Болгарией был решен. Для разброски отпечатанных в России воззваний к болгарскому народу русский гидроплан должен был вылетать с Черного моря. Тиражированные листовки были направлены через штаб Черноморского флота в авиационный отряд У11 армии для распространения. По предложению докладной записки агента «Арди», направленной на имя начальника Главного штаба ставки в Могилеве, часть листовок решили разбросать с помощью пилотов французских гидропланов, вылетающих с Эгейского моря, а также с территории Сербии. После обсуждения с полковником Генерального штаба Б. Базаровым 1 ноября 1915 года представитель Франции при штабе верховного главнокомандующего генерал-лейтенант барон Лагиш дал согласие на этот план. С генерал-лейтенантом Лагишем обсуждались также другие варианты распространения листовок и «попытки направить воззвания под видом какого-либо груза или с особыми «проносителями» непосредственно в Болгарию».

Взаимодействие в области распространения пропагандистских материалов велось не только с французами, но и с другими союзниками по Антанте. Так, 4 августа 1917 года генерал-квартирмейстер Генштаба одобрил предложение английского представителя полковника Нокса о разброске с русских аэропланов английских брошюр для немцев. На принятие этого решения не повлияло предупреждение германского правительства о тяжелых наказаниях, попавших в плен пилотов, за разброску пропагандистской литературы. В докладе начальнику Генштаба генерал-квартирмейстер написал дополнение: «Со своей стороны полагаю возможным распространение литературы не только путем сбрасывания летчиками, но и другими путями, например, стрельбою из минометов».

Офицеры Генштаба стали самостоятельно готовить листовки с осени 1916 года, соблюдая понятия чести, избегая лжи, подтасовки фактов,

стремясь к тому, чтобы информация была достоверной. К Генштабу прикомандировали офицеров с хорошим знанием иностранного языка, которых привлекали для написания «листочков». Знаток балканских языков поручик Канчев был прикомандирован к 1У части Огенквара с 7 марта 1916 года (отдан приказом 23 апреля), а этнический немец ротмистр фон Сиверс был прикомандирован из гвардии драгунского полка к ГУ Генштаба в апреле 1916 года. К 23 декабря 1915 года фон Сиверс написал 12 листовок на население Австро-Венгрии и Германии, которые печатали в Нидерландах, Бельгии и оттуда нелегально доставляли через границу с агентами «для распространения между рабочими и в окопах». Для более успешного проникновения воззвания № 12 «Der Reale Deutsche Frieden» фон Сиверс рекомендовал напечатать его в обложке журнала Militar Wochenblatt № 84, допущенного к распространению в германских войсках.

Издавались не только листовки, но также иллюстрированные альбомы с текстами листовок. Например, в начале декабря 1916 года разведотдел штаба Юго-Западного фронта для заброски в тыл австро-венгерских войск издал фотоальбом из 12 фотографий, содержавших краткие подписи на 9 языках, а также тексты обращений к солдатам на русском, итальянском, румынском, чешском, польском, сербском, хорватском, словенском, немецком, венгерском языках. Фотографии изображали сцены: транспортировки пленных (2), раздачу обедов, работу кухни, деятельность пленных в мастерской лагеря, раздачу хлеба пленным, работу пленных в колесной мастерской, обед в общей столовой, работу на литейном заводе, раздачу дров, пребывание пленных «в гостях у козаков», а также давался вид общей спальни пленных.

Взаимодействие с союзниками в области пропаганды велось и для дезинформации противника. С этой целью по негласной договоренности с союзниками в прессе зарубежных стран распространяли сведения, которые должны были маскировать истинные цели российского Генштаба. Например, 5 ноября 1915 года начальник штаба верховного главнокомандующего поручил полковнику Б.Базарову через представителя французских вооруженных сил генерал-лейтенанта барона Лагиша поставить в известность французское правительство «о желательности в интересах успеха русских операций поддерживать во Франции разговоры в прессе о предстоящем десанте русских войск на Черноморском побережье Болгарии или европейской Турции, так как

распространение таких сведений следует признать не только полезным, но даже необходимым».

В связи с развитием кинематографии и повышением интереса за рубежом к русским документальным фильмам о войне Генштаб 29 октября 1916 года дал МИДу для показа в зарубежных странах 5 кинолент. Несколько позже обсуждался запрос о выделении Скобелевскому комитету денежных средств на изготовление документальных кинокартин, которые демонстрировались за границей через посредничество французских фирм «Пате» и «Гомон». В Австралию, Данию Норвегию и Португалию в 1916-1917 годах планировалось направить по одной киноленте. В страны Южной Америки хотели послать 5 картин. По две кинокартины планировали послать в Грецию, Италию, Испанию, Швецию и Японию. Самое большое количество кинолент планировалось отправить во Францию (6), в США (10) и в Англию (20).

По причине военного переворота большевиков в ноябре 1917 года план был осуществлен только в Швеции и Дании, куда послали 4 кинокартины общей стоимостью 520 рублей. Величина суммы, выделенной на изготовление этих картин в 1916 году, становится понятной, если учесть, что в то время солдат получал годовое денежное содержание в размере 9 рублей. Среди фильмов, впервые показанных 27 декабря 1916 года в Стокгольме, была кинолента «Как живут и работают наши бывшие враги военнопленные австрийцы». В ленте содержалось 6 сюжетов, в числе которых были: проведение австрийским капралом утренней проверки, оказание австрийским врачом медицинской помощи, отдых после рабочего дня, обед, воскресный танцевальный вечер, отправка письма на родину.

Затраты на оплату фильмов Скобелевского комитета вынудили Генштаб искать более дешевый способ кинопропаганды. В связи с тем, что английское агентство The Sport and General Press Agency 21 марта, 20 июня и 24 июля 1916 года направляло в МИД России просьбу разрешить ей демонстрацию документальных кинокартин за рубежом, с условием направления на русские фронты для съемок собственного оператора, а также в связи с запросами на присылку бесплатных картин для показа во Францию и Италию, для обсуждения этой проблемы был образован «междуведомственный комитет по кинематографии». После заседания комитета 10 декабря

1916 года император своим указом ликвидировал монополию Скобелевского комитета на съемки по военной тематике, доходы от которых направлялись на помощь семьям погибших воинов. Одновременно в этом указе он ввел государственную монополию на кинематографию, не имевшую денежного значения, а лишь подчинявшую кино государственной цензуре. Генштаб послал директиву, которая разрешила направлять на фронты иностранных кинооператоров под контролем русских офицеров и запретила иностранным операторам иудейского вероисповедания съемку боевых действий. В 1917 году русское военное ведомство оказывало влияние на содержание кинолент иностранных компаний о России только тем, что контролировало сюжеты съемок, не разрешая показывать те явления и военные эпизоды, которые офицеры, контролировавшие операторов, полагали неподходящими для иностранного зрителя. Масштаб зарубежной кинопропаганды при помощи лент, снятых русскими компаниями, был незначителен из-за высокой дороговизны пленки и съемочных работ, на оплату которых у военного ведомства России не хватало средств.

Изложенные факты позволяют сделать вывод о слабом влиянии российской пропаганды за рубежом. Во-первых, в годы первой мировой войны денежные ассигнования на русскую пропаганду за рубежом во много раз уступали финансированию пропаганды противника. Так, по оценке французской газеты “Мати” от 27 июня 1917 года, расходы Германии на зарубежную пропаганду в нейтральных странах за 1916 год составляли 400 млн. франков. Для сравнения кредит русского правительства на подобную пропаганду в 1916 году составил 100 тысяч рублей (примерно 216 тысяч франков по обменному курсу). Такое невнимание к зарубежной пропаганде объяснялось тем, что Россия была более бедным государством по сравнению с Германией. Из-за недостатка денег на подкуп журналистов общий уровень влияния на представителей средств массовой информации иностранных государств у русских был гораздо меньшим по сравнению с немцами

Во-вторых, особенностью русской пропаганды периода 1914-1917 годов явилось то, что Россия почти совсем не вела пропаганду на Германию, Австрию и их союзников, за исключением отдельных кратковременных акций. Однако в русский плен сдалось более

миллиона вражеских солдат. За год войны к 15 июля 1915 года в русском плену оказалось примерно 100 тысяч германцев и более 900 тысяч солдат Австро-Венгрии. Во время Брусиловского наступления к 22 мая 1916 года было захвачено более 480 тысяч пленных. Только через Дарницкий пересыльный лагерь под Киевом к 16 июля 1916 года прошли 232383 солдата и 5438 офицеров австрийской армии. Австро-венгерские части, в которых было много чехов, словаков и венгров, сдавались целыми подразделениями вместе с командирами. Например, 22 и 28 мая 1916 года сдались остатки 30-го и 25-го Будапештских полков, 9 июля - 13-й Оломоуцкий полк, 17 июля - 31-й Веспремский полк, 24 июля сдался 25-й Кромержижский полк. Деморализованные чехи и словаки сдавались без влияния пропаганды. В лагерях России без пропаганды плена на 21 августа 1916 года находилось более 1415 тысяч военнопленных-солдат и 28345 офицеров, не считая сотен тысяч пленных на работах в полосе военных действий фронтов. (РГВИА, ф.2000, оп.1, д.8178, л.62.).

Понятия чести того времени не позволяли русским офицерам лгать о положении пленных в лагерях. Руководство Генштаба полагало бесперспективной пропаганду плена на немцев, которых интенсивно запугивали смертью пленных от морозов. В такую пропаганду вносили вклад и министерства иностранных дел. Так, австро-венгерское МИД 29 сентября 1916 года направило России ноту протеста по поводу использования пленных на строительстве железной дороги Петрозаводск-Мурманск, называя эту дорогу “адская линия”, где четвертая часть из 40 тысяч пленных якобы погибла от морозов. В прессе Германии публиковались сведения о тяжелых условиях русского плена, рассказанные 55 немецкими офицерами и 60 солдатами, бежавшими с 8 октября 1915 до 16 января 1916 года в Афганистан из лагерей военнопленных в Средней Азии. Руководство русской армии было осведомлено о панической боязни немцами русского плена и том, что по этой причине немцы в несколько раз более охотно сдавались в плен французам, англичанам или итальянцам.

Немцы не поддавались призывам русской пропаганды сдаваться в плен. По данным германского санитарного отчета за 1914-1918 год, пленоустойчивость германцев на Восточном фронте была

стабильной в течение всего периода войны и достигла наивысшего показателя в 1917 году. (см. таблицу).

Количество погибших и пропавших без вести (тыс. чел.)

Период	Убито	Пропало без вести	Соотношение
1914-1915	72,0	68,4	1 : 1
1915-1916	56,0	36,0	1,6: 1
1916-1917	37,0	36,4	1 : 1
1917-1918	8,8	2,5	3,5 : 1
Итого	173,8	143,3	1,2 : 1

Если сравнить пленоустойчивость германцев на Западном фронте, видно, что солдаты сдавались в плен французам и итальянцам более охотно, что стало явно видно в последний год войны. Весной-летом 1917 года на русско-румынском фронте было пленено 35 тысяч германцев, тогда как итальянцам сдалось 50 тысяч, а англичанам и французам - 83,5 тысяч немцев. (РГВИА, ф.2000, оп.1, д.6334, л. 152.) За весь период войны на Западном фронте было убито 590,9 тысяч и «пропало без вести» 623,2 тысячи германских солдат (соотношение убитых к пленным 1 : 1,1). Немцы охотнее сдавались в плен на Западе, но имели высокий боевой дух на Востоке. Русское командование знало это и не тратило деньги на пропаганду плена.

По сравнению с немцами русские солдаты сдавались в плен более интенсивно, поскольку их боевой дух был низким из-за многолетних военных неудач и отступлений. На одного убитого в войне приходилось более двух сдавшихся в плен. На 1 мая 1917 года было убито 775369 и сдалось в плен 2043548 человек, то есть соотношение убитых и пленных составило 1 : 2,6. (РГВИА, ф.2000, оп.1, д.8245, л.1.).

В-третьих, анализ пропаганды показывает, что правительство России и командование Генштаба в 1914 - 1917 годах вело зарубежную пропаганду преимущественно в ответ на аналогичную деятельность Германии и Австро-Венгрии. Этим объясняется то, что в 1914 году российская пропаганда в нейтральных и союзных России государствах велась в минимальных масштабах, но многократно усилилась в 1917 году.

В-четвертых, представления российских офицеров о чести и нравственности повлияли на содержание российской пропаганды в зарубежных странах. Руководство Генштаба требовало, чтобы

пропаганда велась без применения безнравственных приемов, поэтому за рубеж направлялась информация, в которой не было тем, дискредитировавших руководителей вражеских государств, отсутствовали клевета, ложь и дезинформация.

Пропаганда на войска интервентов на Северном фронте

Пропаганду на иностранных языках большевики вели с момента вооруженного переворота в Петрограде. В начале ноября 1917 года они печатали две газеты на двух иностранных языках. По мере увеличения количества интервентов в России возрастало количество изданий и иностранных языков, на которых велась пропаганда. Если в декабре 1917 года издавалось 7 газет на 4 иностранных языках, то в декабре 1918 года - 21 газета на 10 языках. (см. таблицу).

Газеты на иностранных языках (на 1 декабря)

	1917	1918	1919	1920
Всего	7	21	14	13
в т.ч. центральных	5	13	7	5
Кол-во языков	4	10	7	5

В северо-западных районах России пропаганда на американские войска велась с весны 1918 года, после того как 6 марта 1918 года в Мурманске высадился десант английских, а 11 июня - американских морских пехотинцев. Общая численность войск интервентов на Севере России к концу 1918 года составила: англичан - 13125 человек, американцев - 5203 человека, французов - 2417, итальянцев - 1251, сербов - 1220. Также в этом районе вместе с интервентами действовали около 7 тысяч русских солдат белой армии. Американское правительство планировало довести количество интервенционистских войск в России до 50 тысяч. Однако из 100 тысяч человек, завербованных для службы в армии США с февраля 1919 года до 28 августа, только 1034 человека дали согласие на отправку их в Россию. Не сумев заменить войска наемниками из-за плохих условий службы и потерь в России, американское командование в период с июня до сентября 1919 года было

вынуждено вывести войска из Мурманска. Вслед за американцами вывели свои воинские контингенты другие государства.

С апреля 1918 до октября 1919 года пропаганду на войска интервентов вели три ведомства: ЦК РКП(б), ВЦИК и наркомата иностранных дел. Готовили тексты и тиражировали пропагандистские материалы на противника отдел международной революционной пропаганды, а также отдел советской пропаганды при наркомате иностранных дел (НКИД); Центральная федерация иностранных групп при ЦК РКП(б), военный отдел издательства ВЦИК. Брошюры, газеты и листовки на иностранных языках издавались в Петербурге, Москве и в некоторых губернских городах, где размещались штабы фронтов. Войсковые подразделения занимались доставкой изданных материалов за линию фронта и их распространением.

Отдел международной революционной пропаганды при наркомате иностранных дел был создан в декабре 1917 года. В составе отдела имелось несколько секций: английского языка, немецкого языка, французского, венгерского, турецкого и других языков. С марта 1918 года руководил работой отдела комиссар А.Р. Вильямс. Общее политическое руководство деятельностью по стимулированию пропагандой революции в Европе, по разложению населения Германии и возбуждению в немцах революционных настроений осуществлял К.Б. Радек (Собельсон). С момента создания отдела главным объектом пропаганды была Германия. В этот период в Петербурге издавали ежедневную газету «Факел» на немецком языке тиражом 500 тысяч экземпляров, брошюры и листовки, которые нелегально доставлялись в Германию. Кроме того, печатали газеты на венгерском языке тиражом 350 тысяч, а также газеты на чешском, румынском, турецком языках тиражом по 250 тысяч экземпляров.

В марте 1918 года после подписания в Брест-Литовске мирного договора с Германией, вторая статья которого требовала «воздержаться от всякой агитации или пропаганды», издание литературы и листовок стало вестись тайно. Название отдела было изменено на «отдел иностранной политической литературы». Начиная с этого времени, в связи с началом интервенции Англии,

Франции и США больше внимания стали уделять пропаганде на войска стран Антанты. Для подготовки материалов на английском языке в англо-американскую секцию были привлечены новые силы - прибывшие из Англии Иосиф Файнберг, Филип Прайс, Артур Рансом, а также приехавшие из США Роберт Майнор и Себанд Рутгарс. Уже в октябре 1918 года отдел из Москвы отправил в политотдел 6-й армии Северного фронта двух уполномоченных Блюмфельда и Добина, которые помогали создавать группы разведчиков в частях для заброски через линию фронта пропагандистских материалов. Сотрудники секции издавали на английском языке газету «Call» (Призыв). Они также вели пропагандистскую обработку пленных, которых по указанию председателя Совета Народных Комиссаров (СНК) от 27 ноября 1918 года направляли для этой цели в Москву.

В столице листовки, газеты и брошюры на английском языке тиражировали в типографии Рябушинского, которая в марте 1919 года после создания Коммунистического Интернационала была переименована в «Типографию 3-го Интернационала». С этого времени исполнительный комитет Интернационала стал издавать на английском языке журнал «Коммунистический Интернационал», документы Коминтерна, правительства большевиков, воззвания и листовки. Издания на английском языке не только доставлялись американским и английским войскам на Северо-Западе России, но также провозились нелегально в США. Например, первый номер журнала «Коммунистический Интернационал» появился в Америке уже в мае 1919 года.

В марте-июне 1919 года исполком Коминтерна издал несколько листовок на английском языке, среди которых были листовки «Новая война - новые преступления», «К нашим братьям», а также шесть воззваний Коминтерна. Параллельно с этим пропаганду на иностранных языках вела созданная в мае 1918 года Центральная федерация иностранных групп при ЦК РКП(б). За семь месяцев 1918 года она по неполным данным выпустила более 4,5 миллиона газет на иностранных языках, около 1 млн. брошюр, более 1,5 млн. листовок, воззваний и прокламаций. С ноября 1919 по февраль 1919 года в петроградском отделении федерации издавалась еженедельная газета «Коммуна», печатавшаяся одновременно на шести

иностранных языках для того, чтобы ее можно было распространять среди интервентов на любых фронтах. Газета состояла из сербского, англо-американского, итальянского, немецкого, французского и русского разделов. До 75 % статей газеты были на английском языке. Как правило, в номере помещались обращения к американским и английским солдатам, имелась подборка материалов под рубрикой «Последние известия мировой революции», сообщения о положении на архангельском и мурманском фронтах.

Пропаганду среди американских и английских солдат на фронте вела созданная 28 ноября 1918 года англо-американская группа РКП(б). Исполком Коминтерна решил, что нецелесообразно создавать для этой группы отдельное пропагандистское подразделение. Отдел советской пропаганды наркомата иностранных дел издавал материалы англо-американской группы, в которой к декабрю 1918 года насчитывалось 34 сотрудника.

На общем собрании 9 декабря они обсуждали вопрос «О путях и средствах пропаганды среди войск и населения США и Англии». Через три дня на совместном заседании с работниками отдела советской пропаганды НКВД были намечены темы, по которым рекомендовалось написать листовки: о решении земельного вопроса в Советской России, о тяжелом положении в Америке, о достижениях России в областях образования и культуры. Также приняли решение издать на английском языке в виде брошюры статью В.И. Ульянова (Ленина) «Письмо к американским рабочим» и «Программу коммунистической партии». К 6 января 1919 года за 40 дней члены группы написали десять листовок к англо-американским войскам.

Одновременно с листовками группа стала готовить материалы для газеты «Call». Эта газета с № 15 от 21 декабря 1918 года стала издаваться, как «Орган англо-американской группы коммунистов России». До января 1919 года в течение месяца основным способом пропаганды группы было издание газеты. Однако после совместного заседания группы и отдела советской пропаганды НКВД было решено изменить способы пропагандистского воздействия и «считать листовки наиболее важной формой пропаганды». В связи с этим был увеличен тираж и количество наименований листовок. Такое решение объяснялось удобностью заброски листовок через линию фронта. Любой разведчик мог брать с собой в тыл противника больше

листовок, чем газет. Листовки легче было разбрасывать, расклеивать в тылу интервентов. Общий тираж изданных листовок и газет был приблизительно одинаковым. Для войск США на Севере России распространили около 70 номеров газет «Колл», «Коммуна», более 65 наименований листовок и 16 наименований брошюр.

Исполком группы направил своего представителя из Москвы на Северный фронт «для наблюдения и контроля за распространением агитационно-пропагандистских материалов среди американских и английских солдат и крестьян». Этому представителю поручили организовать взаимодействие с членом бюро Архангельского губернского комитета РКП(б) С.К. Поповым и одним из руководителей подпольных большевистских организаций на оккупированной интервентами территории русского Севера.

Англо-американская группа РКП (б) также работала с пленными, чтобы они прошли «школу воспитания... сумели сами вести пропагандистскую работу на фронте». По решению исполкома группы в лагерь пленных был послан комиссар. Он являлся помощником коменданта лагеря и отвечал за политическую работу с пленными. Уже 9 декабря 1918 года группа направила еще троих сотрудников для работы с пленными. Занятия проводились после восьмичасового рабочего дня в вечернее время или в выходные дни. По программе дважды в неделю изучались произведения коммунистических авторов, раз в неделю читалась политическая литература, один раз члены группы беседовали с пленными. В субботние и воскресные дни планировались культурно-просветительные мероприятия, собрания, митинги, дискуссии. Исполком англо-американской секции готовил военнопленных к выступлениям на собраниях и митингах. Их также водили на концерты, вечера в московском «Клубе 3-го Интернационала».

Начиная с 6 января 1919 года, шла ускоренная подготовка пленных к пропагандистской работе на фронте. Специально отобранных английских и американских солдат учили по двухмесячной программе. Она включала специальные занятия, чтение литературы. Всех отобранных пленных освободили от работ, за исключением дежурства по кухне. В течение шестидесяти дней пленным читали лекции, проводили дискуссии, с ними занимались русским языком. Курсанты посещали московские заводы, фабрики,

выступали на собраниях и митингах рабочих Москвы. Некоторых из них отпустили из плена для ведения подрывной революционной пропаганды в Америке. Весной 1919 года перед возвращением из России в США через Финляндию для пленных провели митинг, на котором американский солдат Альберте выступил со словами благодарности за хорошее отношение к военнопленным.

Наряду с пропагандой на пленных, которую вели коммунисты зарубежных государств, среди войск противника работали комиссары и политические отделы при реввоенсоветах армий и политических отделах дивизий. Руководило этой деятельностью всероссийское бюро военных комиссаров, которое после 1 июня 1918 года было преобразовано в политотдел при РВС республики. В инструкции всероссийского бюро военных комиссаров о ведении политической работы указывалось: «Одним из самых могущественных способов борьбы с неприятелем является агитация среди его войск, имеющая целью разъяснить этим войскам истинное положение вещей, разъяснить им, что они обмануты и одурачены своим правительством и совершают подлое дело, идя с оружием против Рабоче-Крестьянской республики. Агитация имеет целью вызвать разложение и расстройство в рядах неприятельских войск, лишить их боеспособности, революционизировать их, обратить их против своих начальников и побудить к переходу на нашу сторону».

В перечне вопросов, которыми должен был заниматься Всебюровоенком, пункт 8 гласил: «Борьба с противником... Агитация в тылу противника и в его рядах. Разложение противника агитацией... Агитация среди пленных». В составе Всебюровоенкомы вопросами пропаганды среди войск противника занимался агитационно-просветительский отдел, взаимодействовавший с отделом советской пропаганды ЦК РКП(б), наркоматом просвещения, наркоматом по национальным делам и с издательством ВЦИК. Между Всебюровоенкомом и отделом советской пропаганды существовало разделение обязанностей. Работу по написанию текстов и тиражирование пропагандистских материалов на иностранных языках выполнял отдел советской пропаганды. Задачей Всебюровоенкомы являлось распространение литературы на иностранных языках на территории неприятеля. В инструкции начала 1918 года говорилось, что «организацию доставки литературы

на позиции, дальнейшее распространение ее на территории неприятеля, выяснение потребности в этой литературе берет на себя Агитационно-просветительский отдел Всероссийского бюро военных комиссаров. Последние задачи должны выполняться через политические отделы армий. Поэтому является необходимым установить самую тесную связь с политотделами армий и совместно с ними обсудить и выработать детальный план постановки этого дела». Военные комиссары занимались лишь распространением пропагандистских материалов, так как лишь немногие из них знали иностранный язык так, чтобы писать листовки и воззвания.

В конце 1918 года политотдел при РВС республики направил во все политотделы армий уполномоченных для установления связей, выяснения условий и способов пересылки литературы в войска неприятеля. В это же время по указанию Всебюровоекома в каждом политотделе армии был назначен один сотрудник, который принимал из Москвы листовки, газеты на иностранных языках и распределял их в подчиненные войска. Работники политотделов дивизий, бригад и полков организовывали переброску пропагандистских материалов в тыл противника. В «Инструкции красноармейцам по доставке агитационной литературы неприятельским войскам» указывалось, что политотделы для переброски пропагандистской литературы в тыл противника должны установить самую тесную связь с разведкой и особыми отделами и с авиационными отрядами. Политические отделы обязали сообщать в Москву информацию о составе и национальности противостоящего противника, о количестве требуемой литературы, составлять отчеты о способах распространения материалов, их количестве, о результатах воздействия литературы на войска противника и т.д. Все перечисленные данные политотдел был обязан регулярно докладывать в агитационно-просветительный отдел политотдела при РВСР.

Для доставки пропагандистских материалов на фронты по железной дороге из Москвы военный отдел издательства ВЦИК выделял специальных курьеров, которые возили печатную продукцию в политотделы армий. Постановлением СНК агитационная литература для фронта считалась военным грузом. Приказ политотдела при РВС республики № 355 от 7 декабря 1918

года предписывал всем военным комиссарам железных дорог и станций «оказывать полное, действенное и немедленное содействие в передвижении литературы по железным дорогам и принимать все возможные, зависящие от них меры к тому, чтобы литература нигде не задерживалась».

Пропаганду на интервентов вели не только военные комиссары всех уровней, но и сотрудники политических отделов. В первой половине 1918 года в 6-й армии (6А) Северного фронта политический отдел не имел специальных подразделений для ведения пропаганды на противника. По мере накопления опыта постепенно сложились формы этой работы, готовились кадры. Из-за сложности ведения пропаганды одновременно на английском, французском, итальянском и сербском языках в сентябре 1918 года ЦК РКП(б) из Москвы в политотдел 6-й армии прислал 24 агитаторов во главе с Р.С. Землячкой (Залкинд). Сотрудники группы привезли с собой вагон печатных материалов, включились в работу на северодвинском направлении, где противник стремился прорваться к Котласу. В помощь группе политотдел 6 А в период с декабря 1918 по 1 февраля 1919 года создал организацию по распространению иностранной литературы в оккупированных районах. Она состояла из сети агентов в тылу противника, которой руководили «специальные агенты при политотделах». При каждом политотделе армии был назначен постоянный уполномоченный по распределению иностранной литературы среди войск интервентов, который сокращенно назывался «уполраспринослит». Он распределял поступающую литературу между дивизиями и бригадами, составлял требования на получение материалов, контролировал распространением листовок и газет в тылу противника. В декабре 1918 года на эту должность в 6 А выбрали сотрудника, знавшего английский язык.

В январе 1919 года при политотделе 6 А была создана специальная коллегия, в состав которой вошли два представителя Архангельского губернского исполнительного комитета и прибывший из Москвы уполномоченный отдела советской пропаганды. Со временем во все дивизии и бригады армии выбрали «английских агитаторов» - людей, знавших английский язык. Так, при политотделе 3-й стрелковой бригады в январе 1919

года действовал один агитатор. Другой агитатор в июне 1919 года стал работать в политотделении Северо-Двинского района. Еще один «английский агитатор» летом 1919 года работал в политотделении войск Пинево-Печерского края. Командование фронта выступило против решения политработников края направить его в тыл противника создавать боевые отряды из интернационалистов, требуя от политотделения края «использовать агитатора Брука по прямому назначению».

Пропаганду на противника вели также «секретные разведгруппы дивизий», забрасывавшие листовки в глубокий тыл. Так, в 18-й стрелковой дивизии секретная разведгруппа доставляла листовки на дальность до 200 км в тыл интервентов. К разброске листовок также привлекали разведывательные отряды и авиацию. С 3 октября 1919 года политотдел 6-ой армии использовал для распространения листовок 2-й, 18-й и 42-й авиационные отряды фронта.

На Северном фронте наряду с распространением печатных материалов вели беседы с иностранными солдатами во время встреч и братаний на переднем крае, отпускали солдат из плена с агитационными задачами. Главным способом пропаганды было распространение печатных материалов. Подавляющее большинство листовок и газет доставлялись на Северный фронт в 6-ю и 7-ю армии из Москвы по указанию политотдела при РВС республики. Часть материалов поступала также из агитационно-просветительного отдела Петроградского военного округа. По оценке, с сентября 1918 по август 1919 года в 6-ю армию поступило более 1,5 млн. экземпляров газет, листовок и брошюр на иностранных языках. Из них примерно миллион экземпляров был на английском языке. В среднем ежемесячно из Москвы доставляли более 100 тысяч экземпляров агитационных материалов на иностранном языке. Хотя общий тираж материалов на иностранные войска возрастал, однако количество доставлявшихся на Север газет и листовок не увеличилось по причине того, что там численность интервентов была сравнительно небольшой, а также потому, что фронт и армии сами стали издавать листовки на врага.

В связи с большой протяженностью фронта и использованием лошадей для доставки литературы из Вологды в дивизии уходило от 4 до 11 суток. Для ускорения доставки листовок и газет политотдел

армии организовал 4 пункта приема литературы на железнодорожных станциях Плесецкая, Коноша, Няндома и Котлас. С этого времени вся литература для войск противника из Москвы по заявкам армии отправлялась непосредственно на приемные пункты, а не в Вологду. (см. таблицу).

Доставка печатных материалов в 6 А (тыс. экз.)

Период	Газет	Листовок	Всего
1.4- 1.5.1918 х/	-	-	170,3
27.8 - 19.9.1918	72	нет данных	72
26.10 -20.11.1918	101,1	43,6	144,6
20.11 -20.12.1918	43,0	63,0	106,0
20.12 1918- 1.2.1919	23,7	88,0	102,7
1.2-25.2.1919	9,2	34,8	44,0

х/ Напечатано в Москве для Северного фронта.

С октября 1918 года после получения передвижной типографии 6-я армия самостоятельно стала издавать красноармейскую газету, а также листовки для белогвардейцев. Издавались также и листовки на иностранных языках, хотя их тираж был незначительным. В октябре - декабре 1918 года было издано 12 наименований листовок и брошюр тиражом около 20 тыс. экземпляров. В 1919 году литературно-издательская секция политотдела ежемесячно выпускала 2-4 листовки для противника. Например, в июне были изданы листовки «Ответ генералу Айронсайду», «К иностранцам, пришедшим в Россию», «Ответ политотдела Н-ской армии чужеземным грабителям и русским предателям на их поганые прокламации». Политические отделения дивизий также издавали листовки. Так, 18-я дивизия с августа 1919 по февраль 1920 года тиражировала для противника 130 тысяч листовок, что в среднем составляло более 17 тысяч листовок ежемесячно.

Содержание 19 листовок к американским и английским солдатам, изданных в 1918-1920 годах, по целям пропагандистского воздействия можно разделить на 9 направлений. Целью 25 тем являлось разоблачение пропаганды противника (27,2 %), в том числе разоблачение лжи «буржуазной» пропаганды - 15, разъяснение «истинных целей империалистической войны» - 10 тем.

На втором месте по частоте употребления были призывы, побуждающие к антивоенным действиям - 19 (20,6 %), в т.ч. призывы «Заставьте правительство прекратить войну» - 4, «Требуйте отправки

домой» - 4, «Заставьте правительство прекратить блокаду» - 3, «Заставьте правительство прекратить подготовку к войне» - 2. «Отказывайтесь убивать своих товарищей - рабочих в России» - 2, «Да здравствует солидарность рабочих всего мира» - 2. «Отказывайтесь воевать» - 1, «Требуйте мира» - 1, «Долой интервенцию» - 1 призыв.

Побудить к восстанию и неподчинению командирам имели цель 14 призывов (16,6 %), в том числе призывы «Поднимайте восстание» - 4, «Избирайте солдатский комитет в полку» - 4, «Да здравствует мировая революция» - 4, «Долой бандитов империализма» - 2 призыва.

На четвертом месте стояли 9 тем (9,7 %), целью которых было подорвать авторитет, дискредитировать правящие классы государств противника, в т.ч. информация о бегстве канцлера из Германии - 5, сведения о том, что «буржуазия обжирается» - 2, «живет в роскоши» - 1, «развратничает» - 1 тема.

Следующими по частоте употребления стояли 9 тем (9,7 %), целью которых было внушить сомнение в победе, возбудить пораженческие настроения, в т.ч. информация о военных неудачах противника - 3, о стачках за рубежом в поддержку русских рабочих - 3, о восстаниях в зарубежных странах - 2, об убийстве немецкого генерала на Украине - 1 тема.

На седьмом месте по частоте употребления были 4 темы (4,3 %), целью которых было возбудить недовольство материальным положением людей низших слоев общества, в т.ч. темы: «вас эксплуатируют», «вы живете в голоде и нужде», «ваши дети обречены на голод и нужду», а также тема «вас унижают».

Другим направлением содержания являлись 4 темы (4,3 %), которые имели целью вызвать тоску по семье и дому, сентиментальные чувства, в т.ч. темы «мать, жена, дети ждут вас» - 3, «родные тревожатся о вас» - 1 тема.

В текстах помещались призывы к крайним формам неповиновения командирам, в т.ч. 3 призыва «убивайте офицеров». Имелся также призыв к сдаче в плен: «Переходите на нашу сторону».

Анализ текстов листовок показал, что содержание имело общеполитический, абстрактный характер, оторванный от

конкретной обстановки на фронте. Тексты листовок являлись политической пропагандой на самые общие темы. Для многих текстов были характерны рассуждения на тему о мировой революции, пролетариате, буржуазии, рабочих и крестьянах. Стереотипы коммунистической доктрины через листовки внедрялись в сознание военнослужащих противника.

Наряду с ведением печатной пропаганды на Северном фронте применялись и другие способы работы среди войск противника. Особенностью обстановки на фронте явилось то, что там в декабре 1918 года было несколько случаев братания русских и американских солдат. Первый случай контакта с американскими солдатами произошел ночью 11 октября 1918 года у деревни Городецкой, когда «один наш партийный работник под наблюдением комиссара завязал переговоры с противником». В период с 18 по 26 декабря 1918 года прошли четыре братания и переговоры русских военнослужащих с американцами в полосе боевых действий 18-й стрелковой дивизии вдоль реки Емец у деревни Кодыш. Основываясь на информации из политотдела 6-й армии, сотрудники РВС республики разработали инструкцию о братании с войсками противника. Однако такие контакты не получили развития, поскольку командование интервентов приняло меры по недопущению братаний.

Более успешной была засылка в тыл военнопленных с агитационными задачами. На Севере она проводилась под руководством двух прибывших представителей из наркомата иностранных дел. В начале апреля 1919 года они руководили засылкой через линию фронта доставленных из Москвы 15 подготовленных английских и американских пленных. Обычно, на участке фронта в тыл противника отпускались 2-3 пленных, несших с собой прокламации и воззвания. Как правило, с пленных не брали обещания возвратиться обратно.

Американское и английское командование считало возвратившихся из плена военнослужащих вредными агитаторами. Принимались меры для их немедленной изоляции. Так, отпущенного в первых числах апреля 1918 года капеллана одного из английских полков немедленно отправили в Англию под охраной, как опасного пропагандиста, прошедшего специальную подготовку. Отпущенные из плена англичане подорвали боевой дух интервентов. Начальник

имперского генерального штаба Англии Генри Уилсон писал, что волнения в войсках интервентов на Севере России весной и летом 1919 года были вызваны «пленными, посланными большевиками со специальными пропагандистскими целями».

Наряду с засылкой пленных для разложения противника также засылали письма пленных к родным или сослуживцам. Такие письма нелегально пересылались в Англию и США, где через агентурную сеть они публиковались в газетах. Параллельно письма пленных пересылали из Вологды в Москву и публиковали отделом советской пропаганды НКВД в газете «Call». В ноябре 1918 года из Москвы на Северный фронт направили тексты нескольких писем пленных, отпечатанных в виде листовок.

Наиболее распространенным способом пропаганды на противника являлось распространение листовок с помощью агентурной сети в крупных городах, захваченных интервентами. В Архангельске агентурная сеть по распространению листовок действовала с февраля 1919 года. В Мурманске и Шенкурске агентурные группы действовали осенью и зимой 1919 года, доставляя листовки с баз за линией фронта. В 1919 году при большинстве соединений создали агентурные группы для переброски листовок за линию фронта. Так, в 1-й стрелковой бригаде численность агентурной группы в мае составляла 16 человек, а в конце лета увеличилась до 40 сотрудников. Разложение войск противника и его тыла в 1919 году стала одной из основных задач агентурной разведки и партизанских отрядов. Каждый партизан, уходивший через линию фронта в тыл противника для выполнения диверсионных задач, нес с собой пачку листовок, распространяя их через свои явки.

Подрывная пропаганда имела эффект. Об этом свидетельствуют признания командования войск интервентов, издание приказов и обращений к русскому населению. Так, командующий войсками интервентов генерал Айронсайд в воспоминаниях писал: «Архангельск был полон большевистскими агентами и лицами, симпатизирующими им... Каждое утро мы находили листовки, расклеенные по стенам зданий. В почтовые ящики учреждений и частных домов забрасывались воззвания и брошюры на разных языках». В Мурманске генерал-майор Мейнард и адмирал Грин издали обращение к населению, в котором запугивали жителей наказанием за ведение пропаганды «против правительственной власти и союзников», называя агитаторов «кучкой преступников и безумцев».

Пропаганда влияла на американские войска. В докладе объединенной законодательной комиссии сената штата Нью-Йорк в апреле 1920 года говорилось: «Одним из результатов искусной пропагандистской деятельности советских агитаторов было то, что целый ряд американцев после своего возвращения домой посвятил себя активному распространению в различных формах пробольшевистской пропаганды в нашей стране». Один из американских ветеранов войны против России признался впоследствии, что «бациллы большевистской пропаганды несли с собой такое разлагающее воздействие, на которое не рассчитывали даже сами большевики».

Факты показали, что американские солдаты в 1918-1919 годах оказались наиболее восприимчивыми к подрывной пропаганде. В то же время при воздействии пропаганды на французов, итальянцев и сербов на Северном фронте эффективности не отмечалось. Причиной эффекта пропаганды большевиков на войска США явилось то, что воздействие попало на благодатную почву. Американских солдат привезли из теплого климата в холод северной России. Они терпели лишения вдали от своих семей, несли потери в боях с партизанами и регулярными частями Красной Армии. Перспектива затяжной войны и многолетнего пребывания в этом опасном и тяжелом для жизни районе не могла быть интересной для американских солдат даже при условии получения дополнительного денежного вознаграждения. Следствием боевых потерь и трудностей стал рост недовольства солдат. Деморализация становилась сильнее по мере затягивания военной кампании, конца которой не было видно. Из-за роста недовольства войск американское командование болезненно реагировало на большевистскую пропаганду и вывело своих солдат с Севера России, опасаясь их разложения. Уход американцев деморализовал англичан, французов, итальянцев и сербов, снизил их боевой дух, способствовал поражению интервенции на Северном фронте.

Пропаганда на Западном фронте

Большевики после вооруженного захвата власти использовали членов зарубежных коммунистических партий для ведения подрывной пропаганды против правительств европейских стран и США. В начале 1918 года венгры одними из первых в России создали подразделение подрывной пропаганды. Донесение об этом гласило:

«Центральному комитету Русской Коммунистической Партии (большевиков).

Дорогие товарищи. Доводим до вашего сведения, что 24 сего марта мы создали коммунистическую венгерскую группу. Группа теоретически и практически стоит на платформе Русской Коммунистической Партии (большевиков). Мы признаем программу, выработанную коллегией последнего партийного съезда. Группа издает при помощи ЦК два раза в неделю газету под названием «Социальная революция» политического и научного содержания. Цель газеты - распространение коммунистических идей среди военнопленных в России, пролетариев и крестьян в Венгрии в интересах социальной революции при помощи вооруженного восстания. Для этого мы хотим доставлять газету иллегальным путем в Венгрию и Америку, где живут более 2 миллионов венгерских рабочих. Редакция производится коллегией в составе 3 членов. Группа устраивает агитаторские курсы. Таким путем здесь подготовленных товарищей мы хотим отправить в качестве эмиссаров в Венгрию (иллегальным путем). Эти эмиссары должны создать там коммунистическую организацию, поддерживающую связь с остающимися здесь группами эмигрантов и тамошним левым крылом социал-демократической партии. Просим признания нашей группы Русской Коммунистической Партией в рамках организационного устава.

С товарищеским приветом.

Москва, 25 марта 1918 года».

Правительство большевиков в апреле 1918 года переехало в Москву, куда также перевезли членов зарубежных коммунистических партий. В апреле 1918 года была создана немецкая группа Русской Коммунистической Партии (большевиков) /РКП(б)/, а 17 мая - польское бюро при ЦК РКП(б), начавшие ведение подрывной пропаганды на зарубежные государства и самостоятельное издание печатных материалов на иностранных языках.

В вооруженных силах РСФСР издание материалов подрывной пропаганды на противника началось после создания 1 июня 1918 года в политическом отделе при Революционном военном совете /РВС/ республики (с 1 мая 1919 года - политуправление) литературно-

издательского отдела. Этот отдел за первые пять месяцев тиражировал 1975 тысяч листовок для войск противника, а также издал несколько номеров журнала «Светоч» общим тиражом 40 тыс. экземпляров. Авторами изданных в Москве текстов пропагандистских материалов на солдат противника были Бергман, Гальперин, Гарвев, Демьян Бедный, Карпинский, Сибиряков-Виленский и Троцкий.

Листовки политического управления (ПУР) РККА тиражировались во 2-й и 11-й государственных типографиях Москвы. Для заброски агитлитературы в тыл противника на юге в особом отделе Южного фронта было сформировано секретное отделение, которое руководило деятельностью центра агентурной работы, созданного в августе 1918 года в Воронеже. Агенты подпольных комитетов РКП распространяли подрывную литературу и листовки в тылу противника.

Листовки и брошюры подрывного содержания распространялись не только по агентурным каналам, но также разбрасывались над позициями противника «аэропланами для разброски агитлитературы». Большая часть тиражей листовок и газет поставлялась на фронты из Москвы. Учитывая важность срочной поставки такой продукции, Совет Народных Коммисаров (Совнарком, СНК) в 1918 году принял постановление, в котором агитационная литература объявлялась срочным грузом. На Южном фронте 3 декабря 1918 года было создано экспедиционно-транспортное отделение для обеспечения регулярной доставки агитлитературы из Москвы в дивизии первого эшелона. Экспедиционные отделения были организованы также на других фронтах и в военных округах. Они не только распространяли литературу из Москвы, но также самостоятельно издавали пропагандистские материалы для своих войск и для армии противника. Так, в Уральском военном округе экспедиционное отделение с 1 мая по 1 декабря 1919 г. издало для войск противника 37 воззваний тиражом 394,4 тыс. экземпляров, 69 листовок и 34 плаката тиражом по 16,8 тыс. экземпляров. Летом 1919 года в пропаганде на поляков основное внимание обращали на создание у них благоприятного представления о плене, нейтрализации слухов о расстрелах пленных польских офицеров и солдат. Этой цели служила листовка на польском языке: «Приказ Революционного Военного Совета Республики № 1139. Серпухов, 15 июля 1919 года.

На основании приказа Председателя РВСР № 60 от 15 ноября 1918 года, Красной Армии и Военно-Морскому Флоту, а также всем Революционным Военным Советам следить за тем, чтобы дезертиры, добровольно сдающиеся в плен, а также военнослужащие, захваченные в плен в боях с войсками Советом рабочих депутатов - как рядовые, так и офицеры не расстреливались и не подвергались каким-либо наказаниям. Дезертиров встречать доброжелательно, как товарищей, которые сбросили кандалы неволи, либо как врагов, вступающих на верный путь. В отношении пленных неукоснительно помнить, что некоторые, сражаясь с нами, были введены в заблуждение, другие действовали по принуждению, и лишь незначительное их число являлись сознательными врагами рабочих и крестьян. Расстрел совершающих побег, а также военнопленных будет без снисхождения сурово караться по законам военного времени. Передаем вышеизложенное вторично для безусловного выполнения. Реввоенсовет требует как можно быстрее объявить и распространить данный приказ во всех боевых частях фронта, чтобы никто не мог оправдать свои действия незнанием.

Заместитель председателя Революционного Военного Совета Республики Р. Скланский.

Главкомандующий всеми вооруженными силами республики С. Каменев

Член Революционного Военного Совета

С.Гусев».

Для упорядочения процесса издания и распространения пропагандистской литературы произошла централизация и подчинение фронту нижестоящих экспедиционных отделений в армиях и дивизиях. На Западном фронте приказом № 1308 от 13 декабря 1919 года все литературно-экспедиционные отделения фронта были слиты в единую организацию Литэксафронт, ставшей подотделом политического отдела Западного фронта. Для распространения пропагандистских материалов среди войск противника и в его тылу тем же приказом № 1308 при Литэксафронте было образовано агентурное отделение, задачей которого являлась «политическая обработка армии и тыла противника, а также информирование командования об их политическом состоянии». Агентурное отделение фронта

действовало в контакте с агитационно-пропагандистским отделом политуправления, составлявшим тексты листовок и брошюр, с литиздатотделом, осуществлявшим тиражирование материалов, а также с литэкспедицией, осуществлявшей доставку изданных материалов в армии и дивизии. На других фронтах штат аппарата по работе среди войск противника имел значительные отличия, связанные с национальными особенностями людей в районах боевых действий.

Печатные материалы для распространения фронтами издавались в основном типографиями в Москве. Однако в связи с усилением интенсивности подрывной пропаганды на противника имеющейся печатной базы в Москве стало недостаточно, поэтому по постановлению СНК от 25 мая 1920 года в Москве «Типография 3-его Интернационала» (бывшая Рябушинского) была полностью переведена в подчинение военному ведомству. База типографии включала 3 ротационные машины, 10 машин плоской печати (в т.ч. одна действующая), 10 наборных машин, 8 линотипов и 3 монотипа. По постановлению Совета Труда и Оборона от 28 мая 1920 года в связи с «милитаризацией типографии» всем сотрудникам выделялся красноармейский паек, штаты были полностью укомплектованы. Нашли необходимые лимиты бумаги и типографские средства. По приказу РВС республики № 422/9989 от 15 июня 1920 года штат типографии был увеличен на 49 сотрудников и доведен до 200 человек в целях увеличения производительности типографии. Отремонтировали 9 плоскопечатных машин, после чего общее число работавших машин плоской печати возросло до 10. Это увеличило издательские мощности, что позволило ежемесячно тиражировать для ПУРа 2,5 млн. листовок на иностранных языках с помощью ротационных машин и 1 млн. листовок на машинах плоской печати.

В Москве весной 1920 года правительство приняло решение усилить подрывную пропаганду. Содержание пропагандистских материалов определял Карл Бернгардович Радек (Собельсон), назначенный председателем комиссии по ведению пропаганды на Польшу. Председатель Совнаркома В.И. Ульянов (Ленин) 11 марта 1920 года телеграммой сообщил члену Реввоенсовета (РВС) Западного фронта: «Поляки, видимо, воевать будут. Мы все возможное делаем для усиления обороны. Надо также усилить чрезвычайно агитацию на

польском языке. Поможем вам, если надо, людьми, деньгами, бумагой». В ответ на это указание на следующий день из штаба Западного фронта послали запрос на выделение фронту 5 млн. рублей, 32 тонны газетной бумаги и 1,6 тонны польского шрифта. Также была высказана просьба послать на фронт 100 лиц польской, белорусской и литовской национальности для работы в тылу противника агентами по распространению подрывной литературы. Уже 24 марта 1920 года все эти просьбы были удовлетворены. Требуемые материалы выделили из петроградского полиграфотдела. Для фронта было послано 100 командиров польской, белорусской и литовской национальности, из числа которых годными для работы в тылу противника оказались 83 человека

Выделенные средства позволили тиражировать печатные материалы не только во фронте, но также и в 12-й, 15-й и 16-й армиях, самостоятельно издававших листовки на противника. Наиболее интенсивно работали в 12-й армии (12 А), где в 1920 году издавалась газета «Легионер польски», являвшаяся органом польской секции политотдела армии. С 12 мая 1920 года в Харькове польская секция издательского отдела при РВС 12 А издавала газету «Жолнеж польски», каждые 2-3 дня тиражом 15-20 тыс. экземпляров. После освобождения Киева с 20 июня 1920 года польский отдел РВС 12 А издавал в городе еженедельную газету «Бюллетин глосу коммунисту» тиражом 1-1,5 тысяч экз. Редакция газеты «Глос коммунисту» с 29 июля 1920 года издавала в Киеве тиражом 10-15 тыс. экземпляров ежедневную газету «Жолнеж революции», являвшуюся органом польского отделения при РВС Западного фронта. Выделение больших материальных средств на пропаганду привело к тому, что уже в апреле 1920 года Западный фронт издал на польском языке 32 наименования материалов тиражом свыше 1599 тыс. экземпляров, 350 тыс. листовок на латышском языке и 35,5 тыс. экземпляров материалов на литовском языке.

Увеличение ассигнований повысило интенсивность выпуска в Москве подрывной литературы на иностранных языках, отправлявшейся на Западный фронт. За время наступления в июне 1920 года соединения Западного фронта, распространили на фронте и в тылу противника в общей сложности более чем 5796,5 тыс. экземпляров пропагандистских материалов, в том числе 4544 тыс.

экземпляров на польском языке, а также на литовском, латышском, эстонском, белорусском, финском языках.

Основную работу по распространению листовок за линией фронта выполнял агентурный отдел, штат которого на 13 сентября 1920 года составлял 19 человек. Руководил отделом помощник начальника политуправления фронта по работе среди населения Польши. Ему подчинялись заместитель начальника отдела, помощник начальника отдела, три фронтовых уполномоченных, секретарь, бухгалтер, делопроизводитель, учетчик агитационных материалов, два сотрудника для поручений, два курьера, два рабочих и две машинистки. Также в отделе числилось пять контролеров-организаторов, работавших в 3 А, 15 А, 16 А, 12 А и Мозырской группе. Из штата агентотдела фронта политотделу каждой армии выделялось по два сотрудника на должности представителя при армии. В полосе боевых действий каждой дивизии имелось по два сотрудника на должностях агентов связи. В агентотделе несколько сотрудников содержалось на должностях литэкспедива (по одному на дивизию), при которых находились проводники литературы, доставлявшие подрывную литературу и листовки из штаба фронта в дивизии.

Особенностью штатной структуры являлось то, что в армиях и дивизиях сотрудники агентотдела находились лишь в оперативном подчинении политотделов, и при отходе соединений во второй эшелон, в резерв или при смене ими своих позиций, сотрудники агентотделов оставались на своих участках, лишь переподчиняясь вновь прибывшим на это место соединениям. Этим достигалась преемственность в работе, знание обстановки в войсках и тылу противника, поддерживалась непрерывная связь с агентами за линией фронта, в армии и входивших в нее дивизиях. Обязанности сотрудников агентотдела предусматривали, что контролеры-организаторы находились в непосредственном подчинении агентотделу фронта и в соподчинении реввоенсовету той армии, при которой велась работа. Они отвечали за организацию работы по разложению противника. По функциям им соответствовали литэкспедивы, находившиеся в полевом штабе фронта. Представители при армиях координировали работу по разложению войск противника с работой политотдела армии, осуществляли

взаимный обмен сведениями с особыми отделами, отвечали за передачу информации, донесений и сводок от контролеров и организаторов в вышестоящий штаб, несли ответственность за своевременность получения и доставки агитлитературы в дивизии.

В тактическом звене работу осуществляли агенты связи при дивизии, отвечавшие за сбор агентурных сведений, а также занимавшиеся пропагандистской обработкой армии и тыла противника, как лично при переходе через линию фронта, так и через сеть постоянных и временных агентов из местного населения. Провлиты (проводники литературы) перебрасывали через линию фронта подрывную литературу, доставляли литературу агентам, устраивали в тылу противника тайные склады агитлитературы. Политэкспеды лично руководили работой провлитов и агентов из местных жителей, являясь непосредственными начальниками для своих сотрудников. Фронтовые уполномоченные контролировали и координировали работу агентурных сетей на стыках полос ответственности армий и имели право перехода линии фронта в любом месте и в любое время. В агентотдел руководящие сотрудники подбирались из членов коммунистической партии, имевших опыт подпольной работы. На низшие должности (не выше литэкспеда) подбирались сотрудники из числа рядового состава.

Общее количество агентов, заброшенных через линию фронта для ведения пропагандистской работы в Польше, Литве и Белоруссии, составило более 180 человек. Из этого числа 83 человека являлись бывшими командирами РККА, 50 были членами литовско-белорусской компартии. Несколько десятков агентов до засылки в тыл противника были военнопленными, прошедшими проверку на лояльность и надежность. Задачи агентотделов заключались в распространении за линией фронта подрывной литературы, газет и листовок, переброске через линию фронта в тыл противника агитаторов и организаторов подпольной работы, сборе сведений о политических настроениях в войсках и тылу противника. Кроме того, в обязанности агентотдела входила доставка командованию фронта и для центрального аппарата в Москву зарубежных изданий периодической печати, содержащих сведения о политическом положении в сопредельных государствах, а также публикации с критикой РСФСР. Ежедневно в штаб фронта докладывались сводки

двух видов: бюллетени сообщений зарубежной прессы и агентурные сводки по докладам сотрудников из дивизий. С 21 января 1920 года была введена единая структура информационной сводки дивизии для донесения в вышестоящий штаб. В ней пункт 21 содержал разделы: а/ настроения в рядах противника; б/ случаи перехода на нашу сторону; в/ положение в тылу противника. В агентурных сводках армий дополнительно содержался раздел о слухах среди жителей тыловых районов и военнослужащих противника. Обобщенная информация агентотдела фронта докладывалась только в три инстанции: высшим органам РКП(б) в районе расположения штаба фронта, революционному военному совету (РВС) фронта, а также регистрационному отделу фронта (агентурная разведка), собиравшему информацию о противнике через собственную агентурную сеть. Агентурные отделы при армиях и дивизиях посылали сводки и донесения в три адреса: в вышестоящий отдел, военному комиссару и в политический отдел объединения (соединения), при котором они состояли. Комиссарам и политотделам давалась лишь часть информации. Им не сообщали сведений строго конспиративного характера, непосредственно касающихся особенностей конкретной работы отдела. Агентурные сотрудники отделов за линией фронта действовали в тесной связи с подпольными ячейками 3-го Интернационала. В дополнении к пропагандистским задачам они обеспечивали связь ячеек с московским центром, и финансировали эти организации. Для осуществления задач по распространению подрывной литературы сотрудники агентотделов за линией фронта на местах использовали также нелегальные ячейки других организаций.

Агентотдел Западного фронта имел два независимых канала получения литературы от литэкспедиционного отдела при отделе снабжения политуправления Западного фронта, а также особую запасную базу литературы, пополнявшуюся пропагандистскими материалами издательской комиссии ЦК Литовско-белорусской компартии и Польбюро. Для доставки литературы и листовок от мест тиражирования до армий и дивизий использовалась литэкспедиция фронта. Общее количество сотрудников фронтового звена, занимавшихся подготовкой текстов пропагандистских материалов для противника, их тиражированием, доставкой в соединения и переброской через линию фронта 28 августа 1920 года

составляло 505 человек, в том числе: 257 сотрудников агитационно-пропагандистского отдела, 91 сотрудник литиздатотдела, 43 работника типографии, 106 сотрудников литэкспедиции и 8 сотрудников агентурного отдела.

Тексты пропагандистских материалов подготавливались сотрудниками агитационно-пропагандистского отдела численностью 257 человек, разделенных на четыре отделения: польское, белорусское, литовское, еврейское, каждое из которых готовило пропагандистские материалы на соответствующих иностранных языках. Так, польское отделение готовило тексты для газеты «Штандар коммунизму», «Млот», брошюры и листовки. За изготовленные тексты материалов газет и листовок литературным работникам выплачивался гонорар. Для издания пропагандистских материалов на польскую армию политуправление Западного фронта использовало стационарную и подвижную типографские базы. Стационарная типография была выделена Всероссийским советом народного хозяйства фронту 24 января 1920 года путем конфискации в г. Смоленске четырех помещений полиграфического отдела, имевшего три типографские машины, бумагорезальную машину, переплетную мастерскую и кладовую готовой пропукции. В Смоленске стал работать типографский отдел политуправления РВС Западного фронта, насчитывавший 42 человека, среди которых было 10 наборщиков и 10 печатников. На этой базе издавалась газета «Штандар коммунизму». Также имелась походная типография штаба фронта, издававшая материалы в период наступления на г. Белосток. Эта типография в начале 1920 года располагалась в двух вагонах, где стояли четыре печатные машины (в т.ч. «бостонка» и «американка»), способные тиражировать 40 тыс. листовок в сутки. В августе 1920 года потребность постоянного передвижения за наступающими войсками привела к увеличению типографской базы до четырех вагонов, когда к имевшимся были прибавлены пульмановский и классный вагоны. Штат походной типографии составлял 16 человек, в числе которых было 8 наборщиков, фальцовщик и четыре рабочих, вращавших механизмы машин в случае отсутствия электричества. Пропагандистские материалы для Западного фронта готовились также Польским бюро при ЦК РКП, которое с 1 декабря 1918 года издавало в Москве газету «Трибуна коммунистична» дважды в

неделю тиражом 4,5 тыс. экземпляров. В ноябре 1919 года ее тираж был увеличен до 11,5 тыс. экземпляров, а в следующем 1920 году достиг 15-20 тысяч экземпляров. С 1920 года Польбюро в Москве издавало кроме этого молодежную газету «Товарищ» и газету «Вядомости коммунистичны».

Для ведения подрывной пропаганды против польской армии на правобережной Украине в Киеве дополнительно создали Польское бюро агитации и пропаганды (Польбюро АП), возглавлявшееся Лещинским, Барским и Войтыгой. Оно издавало газеты «Глос коммуниста», «Жолнеж и работник». Наибольшие силы были направлены Польбюро в марте 1920 года на Западный фронт в Минск, куда прибыли Мархлевский, Бобинский, Радванский, Дожецкий, Пилявский, Зижево, Зако, Гальтман, Гейне, Лонгва, Бортневский, Шлезингер, Кон, издававшие с апреля газеты «Шгандар коммунизму», «Млот», а с июля 1920 года - газету для военнопленных «Енец польский». Наряду с газетами в Москве, Минске и Киеве Польбюро издавало листовки, общий тираж которых составил 30 млн. экземпляров (250 наименований), а также более 1 млн. брошюр (73 наименования). На Западном фронте с апреля 1920 года значительное количество подрывной литературы издавалось издательской комиссией ЦК компартии Литвы и Белоруссии (Литбел), тиражировавшей до 1 июня 1920 года более 1,006 млн. экземпляров пропагандистских материалов 103 наименований на четырех языках: польском, литовском, белорусском и иврите. Западный фронт с декабря 1919 по октябрь 1920 года самостоятельно издал и распространил около 12 млн. экземпляров листовок, газет и брошюр.

Листовки забрасывали через линию фронта в основном с помощью агентуры. Таким способом каждая дивизия за месяц распространяла 20-30 тысяч экземпляров агитационных материалов. Так, 48-я дивизия 15 А за март 1920 года агентурным путем перебросила в тыл польских войск 1,3 тыс. экземпляров газеты «Млот», а также 36, 2 тыс. экземпляров «специальных листовок» на польском языке. Вторым способом распространения листовок было разбрасывание с самолетов. Так распространялось небольшое количество тиража. Так, в период успешного наступления Западного фронта с 25 июня по 10 июля 1920 года летчики 2-го, 10-го, 11-го, 12-

го, 14-го и 38-го авиаотрядов разбросали над городами Бобруйск, Борисов, Полоцк более 187,9 килограммов листовок (около 90 тыс. экземпляров). Использование авиации для распространения листовок продолжалось 1 и 21 августа 1920 года, когда 21-й авиаотряд над городами Холм и Влдова разбросал газету «Глос коммуниста» и 11 тысяч экземпляров листовок пяти наименований.

Со второго полугодия 1920 года листовки начали распространяться агитационными снарядами. На Западном фронте самостоятельно переделали шрапнельные снаряды для 75-мм орудий и до 7 июля 1920 года «залистовали» противника 260 снарядами, снаряженными 72 газетами «Млот» и 14400 листовками. Первые опытные стрельбы серийными агитационными снарядами прошли на артиллерийском полигоне Петроградского укрепрайона. Там 24, 26 июля и 6 августа 1920 года проводились отстрелы 134 снарядов трехдюймового орудия (75 мм), в каждом из которых помещалось восемь картонных трубок, содержавших по 12 листовок. По результатам опытной стрельбы заводу Лесснера в Петрограде были даны указания частично изменить конструкцию, уменьшить вес вышибного заряда и изготовить 2 тысячи агитснарядов в виде первой серийной партии. В дальнейшем агитснаряды использовали регулярно и в ПУРе создали отделение агитснарядов (2 человека), ведавшее вопросами их распределения на фронты. Для воздействия на противника в период наступления наряду с распространением листовок засылали военнопленных через линию фронта. Однако после перехода к обороне и стабилизации линии фронта это давало мало результатов. Так, 26 июля 1920 года сотрудник агентурного отдела заслал из 53-й дивизии в тыл противника несколько пленных с заданием возвратиться и привести с собой польских солдат. Ночью около 23 часов группа польских солдат стала подходить через нейтральную полосу к позициям частей РККА с пением «Интернационала». Однако она была замечена противником и уничтожена артиллерийским огнем.

После поражения Западного фронта и заключения 12 октября 1920 года перемирия с Польшей подрывная пропаганда против Польши и государств Прибалтики не прекратилась. В плане работы политуправления РВС Западного фронта на ноябрь-декабрь 1920 года указывалось, что «тяжесть борьбы с форпостами мировой

реакции переносится на агитационно-пропагандистскую деятельность». Документ подчеркивал, что «должна усилиться агитация... для чего аппарат Литиздата должен быть, возможно, шире использован для агитационной работы среди войск и населения соседних государств». Работа по изданию литературы для распространения в зарубежных странах проводилась секретно, а издания выпускались от имени партий зарубежных стран или без указания издателя и места издания. Периодические издания и брошюры передавались агентурному отделу Западного округа для нелегального распространения на территории Польши, Литвы, Латвии. В армиях издание пропагандистских материалов на иностранных языках было прекращено. Его продолжали лишь во фронте в Смоленске из-за «необходимости соблюдения осторожности в пропаганде, постоянных политических директив о направлениях агитации».

Агентурному отделу в этот период предписывалось снабжать населения за демаркационной линией в тылу противника коммунистической литературой, собирать сведения о настроениях населения и пограничных войск противника, держать связь с подпольными коммунистическими организациями, доставлять зарубежную периодическую печать в Россию, содействовать переходу через границу подпольных работников. В связи с отводом армий Западного фронта вглубь страны вся территория, граничащая с демаркационной линией между Россией и Польшей, была разбита агентотделом на пять поясов с центральными пунктами. В них находились уполномоченные агентурного отдела, ведавшие доставкой агитлитературы через границу. Как правило, на каждом участке переброску пропагандистских материалов через границу осуществляли 25-30 сотрудников. Так, на четвертом участке от г. Полоцка до границы Латвии в бывшей полосе боевых действий 3 А работала «группа Шульца» в составе 26 человек. Общее количество сотрудников агентурного отдела и агентурных групп составляло в конце 1920 года около 200 человек.

Литиздат Западного фронта продолжал издавать подрывную литературу на иностранных языках после заключения перемирия с Польшей, однако тираж пропагандистских материалов с октября 1920 г. сократился, (см. таблицу).

Печатная пропаганда на Польшу (1920 год)

	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
Кол-во наименований	42	25	12	34
Тираж (тыс. экз.)	1199	672	280,5	422

Издание газет «Штандар коммунизму» и «Млот» продолжалось, но больше половины тиража посылалась в Москву для польских военнопленных в России. Так, в октябре 1920 года из 7,5 тысяч экземпляров газеты «Штандар коммунизму» только 3 тыс. экземпляров газеты направлялось агентотделу для переброски в Польшу. Сотрудники агентурного центра Западного фронта, созданного 23 ноября 1920 года на базе агентотдела фронта, распространяли пропагандистские материалы за линией демаркации.

Издание пропагандистских материалов на иностранных языках в Смоленске продолжалось в небольших количествах после 25 июня 1921 года. В этот период произошла реорганизация. Литиздат и Запфронт РОСТА были ликвидированы, и вместо них был образован редакционно-издательский отдел (РИО) штатной численностью 37 человек. Задачами РИО являлись: «обслужить периодическими изданиями и литературой красноармейские части Западного фронта и население прифронтовой полосы, а также армии и тыл противника». По указанию из Москвы в июле 1921 года РИО издал три наименования листовок на иностранных языках, которые были нелегально переправлены через границу.

Показателем определенной эффективности подрывной пропаганды на Польшу в 1920 году являлось то, что командование противника стало болезненно реагировать на коммунистическую пропаганду, усилило идеологическую обработку своих солдат. В январе 1920 года во 2-м отделении Верховного командования польской армии была создана секция пропаганды и попечения над солдатами, которая возглавила службу идеологической обработки войск. В задачу службы входило «поднятие морального духа и идейности на фронте и на транспорте при помощи культурно-просветительной работы, пропаганды, с использованием прессы и акций попечения общественности за солдатами». О действенности коммунистической пропаганды в начале 1920 года свидетельствует

проведенное 20 февраля 1920 года в штабе 1-й Великопольской дивизии совещание «О борьбе в армии с большевистской агитацией».

Влияние подрывной пропаганды Западного фронта на поляков усилилось в июне-июле 1920 года, когда части РККА во время наступления продвинулись на расстояние до 600 км вглубь польской территории. Однако после разгрома наступавших войск РККА в середине августа 1920 года в донесениях не приводилось фактов влияния на врага пропагандистских материалов. Несколько месяцев военных неудач привели к тому, что влияние пропаганды стало равно нулю. Отвечавшие за распространение листовок сотрудники скептически отзывались о листовках, стали безответственно относиться к своим обязанностям. Поэтому 12 октября 1920 года на заседании в политуправлении Западного фронта были вынуждены обсуждать вопрос о том, почему листовки на польском языке не перебрасывались за линию фронта, а распространялись среди своих войск.

Осенью 1920 года эффекта пропаганды среди польской армии не отмечалось. Однако эффективна была пропаганда на польских пленных после того, как в результате летнего наступления Западного фронта почти половина солдат из вторгнувшейся в Россию группировки польских войск оказалась в плену. В сентябре 1920 года в концентрационных приемниках и лагерях военнопленных по приказу № 1209 командующего Западным фронтом были введены должности политических комиссаров, назначавшихся приказами политуправления фронта. Для пропагандистской работы в лагерях создали агитационные пункты, снабжавшиеся листовками, газетами и брошюрами на польском языке. Комиссары проводили работу, опираясь на созданный актив - коммунистическую ячейку лагеря, члены которой имели пропуски для беспрепятственного прохода в агитпункт за литературой. Они также ходили без сопровождающего конвоя на собрания или на субботники, имели другие привилегии. Особым правом ячейки было то, что она рекомендовала и предлагала коменданту лагеря сажать в карцер провинившихся военнопленных. Как правило, активистов ячеек назначали комиссарами в формировавшиеся из военнопленных части, направлявшиеся на Восточный фронт или в Среднюю Азию.

Летом 1920 года из военнопленных начали формировать Польскую Красную Армию, когда 200 хорошо зарекомендовавших себя пленных были направлены из смоленского лагеря в г. Бобруйск на курсы красных командиров. Эти пленные стали основой командных кадров для армии, предназначенной для помощи Западному фронту в «освобождении Польши». Начиная с лета 1920 года, пропагандистское воздействие на польских военнопленных было усилено. В лагерях дважды в неделю проводился плановый митинг, велись групповые беседы, устраивались концерты самодеятельных артистов и музыкантов. В сформированных частях Польской Красной Армии перед отправкой на фронт проводили митинги, на которых пленные клялись в верности Интернационалу, давали клятву «освободить трудящихся от эксплуататоров», подписывали обращения и клятвы «бороться за коммунизм и мировую революцию». Один из таких документов гласил: «Обращение военнопленных поляков, вступающих в Красную Армию 21 сентября 1920 года.

Мы, военнопленные поляки, выслушав ораторов в день нашего отъезда на фронт в защиту коммунистического строя перед вечным врагом, клянемся, что будем верно служить и не посрамим наше красное знамя. Везде и всюду будем защищать советскую власть рабочих и крестьян. Еще раз клянемся, что будем исполнять приказы наших командиров и все то, что будет на нас наложено. Да здравствует 3-ий Интернационал. Да здравствует всемирная революция. Да здравствуют вожди: тов. Ленин, Троцкий и Маркс.

Подписи: 1. Степанов - от Губэвака. 2. Мантрель - доктор ячейки лагеря военнопленных. 3. Васильев - уполномоченный ВЧК. 4. Николаевский - немец от Коммунистического 3-его Интернационала. 5. Яворский - уполномоченный от контрольно-инспекторской комиссии при РВС Западного фронта. 6. Рейнберг - зав. агитпунктом. 7. Михальский - военный комиссар лагеря. 8. Иполитов - Оренбургская организация РКП. 9. Франковский - из политкурсов. 10. Меджеевский - из комячейки отъезжающих. 11. Велновский - от комячейки лагеря.

Просьба уместить в газете. Уполномоченный Яворский»

Формирование Польской Красной Армии было прекращено после разгрома и окружения в Польше нескольких армий Западного фронта в августе 1920 года, однако части польских пленных продолжали посылать в Среднюю Азию и в Сибирь. Обстановка изменила цели пропаганды на пленных, которых осенью начали готовить для выполнения агентурных заданий в тылу противника. С октября 1920 года воздействие на пленных усилилось, для чего по приказу военного совета Западного фронта от 18 октября 1920 года были созданы «комиссии по обслуживанию военнопленных». Ход подготовки пленных к выполнению особых задач контролировали в Москве. Зарекомендовавших себя хорошими исполнителями заданий назначали на должности двух видов: комиссарами частей интернационалистов на фронт и агентами для выполнения особых задач в тылу противника.

Всех военнопленных, подвергавшихся идеологической обработке в лагерях, проверяли, прежде чем назначить на ответственные должности. Приказ РВС от 15 ноября 1920 г. № 774, подписанный также председателем Совета Труда и Оборона Совнаркома, ставил задачу тщательного контроля подготовленных военнопленных и предписывал «пропускать хорошо зарекомендовавших себя военнопленных через комиссию и представителя польского бюро РКП». Пропагандистская обработка и выявление лояльно настроенных к большевикам военнопленных позволили добиться результатов. Из актива командных и комиссарских кадров военнопленных сформировали боевые части, сражавшиеся на стороне большевиков на различных фронтах. За несколько тысяч километров от Польши «интернационалисты» устанавливали новый порядок под руководством большевиков. Одним из таких бывших военнопленных, похороненных в Восточной Бухаре в поселке Душанбе из 200 глиняных домиков, был комиссар Чеслав Антонович Путовский. В районе захоронения его именем был впоследствии назван сквер и улица в городе Душанбе (Таджикистан), выросшем через семь десятилетий до 600 тысяч жителей.

Несмотря на успехи в пропагандистском воздействии на военнопленных, в целом эффективность пропаганды на поляков была невелика. Безрезультатными оказались призывы к революционным выступлениям населения и военнотружущих польской армии.

Отсутствие эффекта пропаганды на поляков объяснялась рядом факторов. Во-первых, содержание текстов листовок и газет было примитивным. Пропагандистские материалы основывались на темах о мировой революции. Подобные тексты не могли повлиять на людей с высоким уровнем образования и культуры, какими были представители польской интеллигенции и офицерства. Об этом сообщал бежавший из Польши летом 1920 года в Россию А.Л. Моравский, который был принят сотрудником Литиздатотдела Западного фронта для сочинения текстов польских листовок. В донесении он написал, что «некоторые тексты листовок приносили вред делу революции, являясь гласом вопиющего в пустыне, притупляя восприимчивость к другим листовкам». В документе был также сделан вывод о том, что «польская белогвардейская интеллигенция весьма презрительно относилась к изданным до августа 1920 года листовкам».

Вторым фактором, мешавшим воздействию пропаганды на Польшу, являлось наличие в сознании поляков психологической установки на неприятие коммунистической пропаганды. Поляки боялись потерять независимость страны от «нашествия орд диких и голодных варваров». Представления о коммунизме и большевизме в России у поляков складывались по материалам русской эмигрантской прессы, сообщавшей о терроре, массовых расстрелах людей, голоде, нищете и экономическом кризисе в России. Негативные стереотипы о большевизме подкреплялись рассказами бежавших из плена поляков о том, что солдаты Красной Армии отбирали у пленных шинели и сапоги, поскольку сами были плохо одеты, ходили в лаптях и обмотках. Факты ограбления пленных подтверждались даже листовками большевиков. Например, листовка 16-й армии на польском языке гласила: «Приказ № 1239. Смоленск, 17 июля 1920 г.

Всем военным подразделениям, подчиняющимся командующему Западным фронтом, приказываем: Командиры и комиссары должны немедленно предпринять соответствующие меры, чтобы вполне понятная ненависть красноармейцев к польским белогвардейцам ни в малейшей степени не касалась военнопленных. Польские пленные должны отсылаться вглубь страны в той одежде, в которой они были взяты в плен. Красноармейцы должны знать, что

польский солдат, взятый в плен, уже перестал быть врагом. Это - в большинстве случаев мобилизованный польский рабочий или крестьянин. Не следует причинять ему вред, но надо снять ему с глаз повязку, показывая ему всю постыдность нападения польских помещиков и буржуазии на рабочий народ России. Беспощадность, в бою и рыцарское отношение к побежденным - это принцип бойцов революции.

Командующий армиями Западного фронта М. Тухачевский.

Члены Революционного Военного Совета Смилга, Ю. Уншлихт.

Начальник штаба, Генерального штаба Шварц.

Третьим фактором, мешавшим внушать населению Польши идеи «интернационализма», «интернационала» и «мировой революции», являлось наличие у поляков сильного национального чувства. Польша более сотни лет находилась в подчинении Российской империи, поэтому поляки имели обостренное чувство уязвленного национального достоинства и ненавидели Россию. Польское командование для усиления ненависти к русским проводило акции, призванные унижить русских, возбудить презрение к противнику. Так, в 1920 году в Вильно пленных специально проводили по улицам без брюк в кальсонах, чтобы польское население посмотрело на грязных, оборванных и голодных «большевиков», у которых не было штанов. После таких акций люди не верили листовкам об «интернационализме» и о «лжи польского правительства». Осенью 1920 года сами авторы большевистских листовок признавали, что «главной проблемой пропагандистского воздействия на поляков было убедить их в правдивости и честности коммунистов и во лжи польского правительства».

Четвертым фактором, мешавшим достижению эффекта пропаганды на население Польши, являлось воспитание поляков в духе антисемитизма, общего «чувства Родины», ненависти к предателям. Польская пропаганда в 1920 году изображала Ф.Э. Дзержинского и членов Польбюро ЦК РКП(б) предателями. Пропаганда утверждала, что эмигранты-комиссары наступавшей на Варшаву Красной Армии стремились поставить Польшу под контроль «правителей 3-го Интернационала». Поэтому слова

«интернационализм», «коммунизм», «комиссар», «большевик», употреблявшиеся в листовках Красной Армии, несли для поляков крайне негативное значение, совсем не такое, какое планировалось авторами листовок. В этом случае проявлялась несовместимость стереотипов авторов листовок и объектов пропагандистского воздействия. Одни и те же слова по-разному воспринимались людьми, расположенными по разные стороны линии фронта. Ошибка пропагандистов заключалась в том, что не учитывались особенности стереотипов поляков. Пропаганда была неадекватна обстановке, являясь простым переводом на иностранный язык текстов, предназначенных для внутреннего использования в России.

Пятым фактором, обусловившим неудачу пропаганды с призывами полякам поддерживать Красную Армию и свергать польское правительство, являлось то, что авторы листовок лгали командованию о высокой эффективности коммунистической пропаганды, хотя сами они знали о негативной реакции поляков на листовки. Так, А.Л. Моравский в донесении о работе в сентябре 1920 г. писал: «Хорошая агитационная листовка принесет делу революции больше пользы, чем тысячи пуль и снарядов... Если миллионы брошюр и листовок будут рассеяны в Польше, то разгром ее буржуазного строя наступит почти мгновенно». Такая оценка коммунистической пропаганды объяснялась тем, что за каждый написанный текст листовки, газеты, брошюры выплачивался гонорар. Кроме того, сотрудникам литиздатотдела бесплатно выдавалась одежда, сапоги, продовольственный паек, что давало возможность выжить в условиях голода в России. Миф о «могущественном оружии партии» поддерживал не только А.Л. Моравский, но и другие сотрудники пропагандистского ведомства, которые хвалили свою работу, потому что боялись ее потерять. Они не были заинтересованы в критическом анализе результатов своего пропагандистского труда.

Отсутствие попыток сменить содержание, чтобы усилить эффективность пропаганды, приводило к тому, что не искались новые темы, не изменялось содержание материалов, чтобы сделать их более действенными. Пропаганда на Польшу в 1918-1920 годах велась в одном ключе с целью вызвать революционные выступления народа в тылу противника. Преувеличивая результаты пропагандистского воздействия на поляков, работники литиздатотдела Западного фронта

убеждали командование в том, что листовки заменяют тысячи пуль и снарядов, однако они не могли убедить своими текстами население Польши и солдат польской армии.

На Западном фронте пропаганда на противника велась на польском, литовском, белорусском языках и иврите. Агенты подпольных ячеек 3-го Интернационала, сионистских организаций в Польше и странах Прибалтики распространяли пропагандистские материалы. Однако эффективности пропаганды не отмечалось. В ответ на призывы к революции и свержению правительства в Польше и Прибалтике ужесточились репрессии, возросла активность контроля контрразведки, усилилась идеологическая обработка солдат в антисемитском, антикоммунистическом, националистическом духе. Это нейтрализовало подрывную пропаганду большевиков против Польши.

Ведение пропаганды против казаков

После вооруженного переворота в Петрограде наиболее опасными противниками большевиков с осени 1917 года стали казаки, общая численность одиннадцати войск которых в России превышала 4,5 млн. человек. Казачество имело значительный боевой опыт, было воспитано в традициях безусловного подчинения своему военному руководству, являлось социальной группой с тесной внутригрупповой сплоченностью. Именно казаки оказали организованное вооруженное сопротивление большевистской диктатуре уже с ноября 1917 года.

В борьбе с казачеством большевики в больших масштабах применили манипулирование сознанием людей средствами пропаганды. В Красной Армии основной «руководящей и направляющей силой» в деятельности по разложению казачества являлись комиссары всех степеней. Их обязанности предусматривали изучение морального состояния противника и ведение подрывной пропаганды. «Инструкция военным комиссарам», утвержденная приказом РВС Туркестанского фронта

от 4 февраля 1920 года, перечисляя обязанности, в пункте 8 гласила: «Прилагать все усилия, чтобы узнать силы, расположение и настроения противника и принимать все меры, чтобы внести разложение в его ряды». Во всех управлениях фронтов и армий большевиков имелись подразделения по разложению войск и тыла противника. Состав, подчинение и названия таких подразделений различались. В 1919 году на некоторых фронтах они назывались «отделами закордонной работы», «агентурными отделами», «отделами особых поручений», «интернациональными отделами».

Содержание пропаганды большевиков противопоставляло бедных казаков офицерам и казачьей верхушке, дискредитировало генералов и офицеров, усиливало зависть бедных казаков к привилегиям, пожалованным казачьей верхушке царем, к имениям и землям атаманов. Недовольство бедных слоев казачества усиливали указанием на тяжелые условия их жизни. У казаков пытались пробудить надежды на лучшую жизнь при свержении старых порядков, на «вольницу и самоуправление без угнетателей». Кроме того, казаков побуждали к вооруженной борьбе «за рабочих и бедноту». Участникам борьбы пропаганда обещала повышение их социального статуса утверждениями, подобными тексту партийного гимна Интернационала: «Мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем».

Для разложения казачества использовались способы засылки большевистских агитаторов в казачьи войска для ведения бесед и митингов; принятие правительственных постановлений и обращений к казакам; издание и распространение подрывных листовок и газет; создание для ведения подрывной пропаганды агентурной сети в тылу противника; сохранение жизни сдавшимся в плен рядовым казакам; материальное поощрение добровольно сдавшимся в плен с оружием и конем; проведение бесед и митингов с военнопленными, засылка в тыл врага подвергшихся идеологической обработке военнопленных; пересылку писем от пленных и взятых заложниками родственников к командирам казачьих войск; обращение к командованию казачьих войск через звукоусилительную аппаратуру с предложением сдачи в плен и многие другие.

Большевики спустя месяц после вооруженного переворота в декабре 1917 года послали агитаторов на Дон. На северный Кавказ в

г. Моздок 25 января 1918 года на съезд казаков были посланы две группы агитаторов. Во главе них были Н. Ной (Буачидзе) и С.М. Киров, которые в выступлениях призывали бедных казаков на борьбу против богачей. В период между заседаниями съезда большевики провели агитационную работу среди делегатов кабардинцев и осетин, убедив их заключить союз горских народов с чеченцами и ингушами против терского казачества. Цели агитации оказались достигнутыми, когда терское казачество раскололось на два лагеря. Ожесточенность вооруженной борьбы усилилась, когда в войну против казаков вступили восставшие чеченцы, ингуши и другие горские народы.

Пропагандистская обработка казачества наряду с засылкой агитаторов включала издание листовок, обращений и воззваний. Печатная пропаганда велась на правительственном уровне. Еще в декабре 1917 года были изданы прокламации с текстами обращения Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и Совета Народных Комиссаров (СНК), которые нелегально засылали в казачьи части. В обращении ВЦИК казакам давалось заверение. «Земли казачьи принадлежат казакам, никто их отбирать не будет...». Текст обращения СНК дискредитировал руководство казачьих войск: «Братья казаки, вас обманывают, вас натравливают на остальной народ, вам говорят, будто советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов ваши враги, будто они хотят отнять вашу казацкую волю, вашу казацкую вольность. Не верьте казаки, вам лгут. Вас преступно обманывают».

Большевистское руководство продолжало в пропагандистских целях принимать постановления о казачестве, которые издавались в виде листовок. В июле 1918 года СНК принял декрет, в котором признавалась «полная самостоятельность (автономия) в управлении за казачьими областями». Но одновременно большевистские функционеры на местах руководствовались секретной директивой ЦК РКП(б) от 29 апреля 1918 года, подписанной председателем ВЦИК Я.Свердловым, «о полном, быстром, решительном уничтожении казачества».

Если первые месяцы после октябрьского переворота листовки для казачества издавал казачий отдел ВЦИК, то с июня 1918 года издавать пропагандистские материалы на противника начал

Литиздатотдел политотдела при Революционном военном совете (РВС) республики. Наряду с изданием листовок в Москве литиздатотделы фронтов издавали свои листовки. Также листовки для казаков периодически печатались в типографии поезда председателя РВС республики Л.Д. Троцкого, когда он бывал на Восточном и на Южном фронтах.

Пропаганда листовками на казачество велась и на периферии. На Северном Кавказе «организатор политического разложения терского казачества» грузинский дворянин Г.Орджоникидзе в августе 1918 года обратился к народу Ингушетии. В этом обращении чрезвычайный комиссар большевистского правительства на Юге России от имени съезда народов Терека призвал ингушей с оружием в руках поддержать Советскую власть, готовую выполнить решение третьего съезда народов Терской области о выселении казаков с их земель. После получения таких гарантий вооруженные отряды ингушей напали на казачьи станицы, находившиеся в тылу казачьих войск, которые пытались захватить г. Владикавказ. В станицы Сунженской линии Г. Орджоникидзе тайно направил группу во главе с А.З. Дьяковым, которая разложила казаков станин Кара-Булак, Троицкая, Ассиновская. Нестеровская, Михайловская, поднявших вооруженное восстание в тылу войск Г. Бичерахова, сражавшегося с большевиками. Впоследствии Г. Орджоникидзе говорил: «Умелой тактикой товарищей и выдержкой в продолжении четырех месяцев удалось разложить бичераховское казачество, и многие станицы активно боролись в наших рядах».

В начале 1919 года Г.Орджоникидзе и С.Киров в Астрахани создали при РВС 11-й армии штаб для руководства подпольным движением в районах Ставрополя, Кубани, Терека, Дагестана и Закавказья. Также весной 1919 года при РВС армии была образована «специальная школа, которая подготовила более 500 подпольщиков, засылавшихся для разложения казаков Терека и Кубани, призывавшихся на военную службу в армию Деникина. Руководство агентурно-пропагандистской работой в тылу противника осуществлялось из Астрахани отделом закордонной работы, откуда подпольным организациям наряду с оружием и деньгами посылались подрывная литература, письма и обращения. Так, посланное этим отделом обращение Г.Орджоникидзе к ингушскому народу с

призывом «сохранить твердую преданность Соввласти» 20 апреля 1919 года обсуждалось 840 представителями народа Ингушетии на собрании в селении Хамхи. Председатель РВС 11-й армии С. Киров в мае 1919 года послал в Дагестан представителя РВС армии Оскара Лещинского, который проводил нелегальные совещания с подпольным обкомом РКП(б) для координации подрывной пропаганды и подготовки к вооруженному восстанию в тылу войск Деникина.

Если для разложения терского казачества большевики применяли агентуру, пропаганду, а также чеченцев и ингушей, то в пропаганде на уральских казаков использовались иные способы. Главными из них были издание листовок и засылка агитаторов. С 1 мая по 1 декабря 1918 года на Уральском фронте большевики издали для казаков 37 воззваний тиражом 394,4 тыс. экземпляров, 69 листовок тиражом 16,9 тыс. экземпляров, а также 34 плаката тиражом 21,5 тысяч экземпляров. Они изготовили также большое количество портретов руководящих деятелей Интернационала «девяти вождей революции»: Ленина, Троцкого, Каменева, Луначарского, Свердлова, Бебеля, Люксембург, Либкнехта и Маркса для расклейки в станицах. В следующем году тиражи листовок на казаков были увеличены.

Обычным приемом в 1919 году являлась засылка агитаторов в станицы для проведения митингов с целью дискредитации командования казачьих частей и побуждения населения к поддержке большевиков. Например, 20 марта 1919 года в казачий городок Мергенев послали четырех агитаторов во главе с бывшим пленным французом Конде, который на митинге предлагал казакам прекратить войну и признать советскую власть. Представитель от «красных казаков» бывший дьяк Спиринов убеждал казаков сдаться, мотивируя это тем, что «невозможно казакам драться со своими братьями солдатами». Во многих случаях митинги засылавшихся в станицы агитаторов вносили разложение в среду казаков.

В результате непрерывных двухлетних боев силы уральских казаков были подорваны, и во второй половине 1919 года часть казаков начала сдаваться большевикам, надеясь на обещанную амнистию, текст который был отпечатан и распространен листовками. Однако все гарантии сохранения жизни и амнистии

были лишь тактическими уловками. Если до сентября 1919 году на Уральском фронте около 8 тысяч казаков, перешедших на сторону красных, были распущены по домам без всякого разбора чрезвычайных комиссий и надзора, то в октябре после наступления относительного затишья в военных действиях, политика изменилась, и 26 октября 1919 года в отчете Уральского комитета РКП(б) А.Лежава, П.Петровский и П.Струппе сообщали в ЦК РКП(б): «До полной ликвидации фронта всех боеспособных мужчин мы держим в концентрационных лагерях».

Ликвидация фронта произошла в марте 1920 года. Остатки Уральского казачьего войска численностью менее 1,8 тысяч человек отступили к восточному берегу Каспийского моря, где из форта Александровск пытались на двух пароходах переправиться на Кавказ. Однако это им не удалось. Два миноносца большевиков 2 марта обстреляли пристань и с помощью звукоусилительной аппаратуры обратились к казакам на берегу с предложением сдаться, обещая сохранение жизни всем, даже атаману. Поверив пропаганде, 1600 казаков, 27 офицеров и 2 генерала сдались. Только атаман В. Толстой с группой 214 казаков и членов их семей через пустыню Туркестана стали пробиваться на юг для ухода за границу в Персию. Уже на следующее утро 23 марта большевики прислали В.Толстому с засланным казахским джигитом несколько писем. Одно из писем было от отца атамана, которого большевики забрали на миноносец. С.Толстой в написанном под диктовку комиссаров письме убеждал сына вернуться в форт Александровск, уверял, что большевики гарантируют ему жизнь, и что его всего лишь увезут в Москву для суда. Однако сын не поддался на этот обман, его группа с боями прорвалась за границу, а всех сдавшихся отвезли в Москву, где их судили и расстреляли.

Главным фронтом, на котором решалась судьба большевистской власти, в 1918 году был Южный фронт. Поэтому ЦК РКП(б) в дополнение к имевшимся организациям, издававшим в Москве подрывную литературу, выделил средства на ведение пропаганды Донскому бюро РКП для тиражирования своих листовок на казаков. В августе 1918 года по указанию ЦК РКП(б) политический работник секретного отделения особого отдела Южного фронта А. Френкель вместе с И. Дорошевым начали вести

агентурно-пропагандистскую работу для разложения донского казачества. Для координации работы и помощи особому отделу в Курске Донбюро РКП создало в Воронеже центр агентурной работы в казачьих станицах и войсках атамана П.Н. Краснова, насчитывавших 49 тысяч штыков и сабель. Четыре нелегальных центра были созданы за линией фронта в Таганроге, Вергунке, Ростове и его пригороде Нахичевани. В населенных пунктах Евстратов, Миллерово и Лица действовали резиденты, которые руководили деятельностью десяти подпольных комитетов РКП в казачьих станицах. Агенты на местах находились на денежном довольствии особого отдела Южного фронта, получали установленное жалованье 2,5 тысяч рублей в месяц и деньги на текущие расходы. Для контроля и руководства агентурно-пропагандистской работой среди казачества во второй половине 1918 года секретное отделение особого отдела Южного фронта нелегально переправило через линию фронта 18 агентов, в числе которых четыре были из Царицына от отдела военного контроля Южного фронта. С августа по декабрь 1918 года они доставили на Дон 90 килограммов листовок (около 230 тысяч экземпляров).

Согласно указанию из Москвы, для усиления подрывной пропаганды против казачества через линию фронта нелегально переправили трех руководителей агентурной работы. Френкель, Вольер и Гордон 22 ноября 1918 года прибыли в Ростов, где создали подпольный большевистский комитет из 11 человек, организовали нелегальную типографию, выпустившую за декабрь 1918 года 20 тысяч листовок и четыре номера малоформатной газеты «Донская беднота» общим тиражом 10 тысяч экземпляров. Тексты листовок дополнительно перепечатывались подпольной типографией в Александровске-Грушевском. Для финансирования агентурно-пропагандистской работы А.Френкель доставил в Ростов выделенные особым отделом Южного фронта 46250 рублей. Эти средства были дополнительными фондами на декабрь 1918 года. Основное финансирование работы по разложению донского казачества велось по статьям расходов ЦК РКП(б), выделившего с августа по декабрь 1918 года 120 тысяч рублей для действий большевистской агентуры на Дону.

С января 1919 года после реорганизации системы агентурно-пропагандистской работы, ликвидации секретного отделения и возвращения А. Френкеля обратно в особый отдел Южного фронта подрывную пропаганду на войска атамана Краснова вел вновь созданный отдел особых поручений при политическом отделе РВС Южного фронта. Его работу курировал член коллегии политотдела фронта Л. Ходоровский. Штат отдела особых поручений с января 1919 года составлял 12 сотрудников. Они руководили деятельностью трех «кустов» агентуры в тылу казачьих войск, где работали 20 «агентов для поручений» и 58 «агентов-сотрудников». Эти люди создали подпольные большевистские ячейки, вели подрывную пропаганду, организовывали при благоприятных условиях повстанческие отряды из сторонников большевизма.

На Южном фронте перед ноябрьским наступлением 1918 года для увеличения интенсивности подрывной пропаганды против казачества Юга России в политических отделах армий создали специальные группы. В них посылали ответственных работников для руководства деятельностью агентов и нелегальных большевистских организаций в ближайшем тылу полосы боевых действий каждой армии. Например, 23 ноября 1918 года по указанию члена коллегии политотдела Южного фронта Л. Ходоровского для усиления работников политотдела в 9-ю армию были посланы Карчевский и Тиняков. В конце ноября сотрудникам армейских политотделов ставились задачи усилить работы по разложению казачества. Так, 24 ноября директива фронта в штаб 8-й армии указывала, что «политотдел Южного фронта одной из самых важных задач считает работу в тылу противника, создание опорных пунктов для агитации».

После начала наступления 26 ноября 1918 года самолеты 8-й армии разбрасывали листовки и газеты над позициями казаков в полосе боевых действий 13-й дивизии Красной Армии. Одновременно комиссар 15-й дивизии руководил распространением листовок с аэропланов, а также переброской листовок через линию фронта засылавшимися в тыл противника разведчиками и добровольцами. Эта подрывная пропаганда вызывала озабоченность командования казачьих войск. Перед тем, как вводить подразделения в населенные пункты, офицеры посылали туда надежные войска, срывавшие со стен и уничтожавшие все большевистские листовки.

В начале декабря 1918 года из Москвы на Южный фронт во главе группы пропагандистов послали члена РВС республики Н.Смилгу. Он 3 декабря 1918 года доставил из Москвы в штаб фронта коммунистическую литературу и распорядился создать во фронте штатное экспедиционно-транспортное отделение, которое отвечало за доставку центральных московских изданий и листовок во все части 8-й, 9-й и 11-й армий. Через несколько дней после прибытия Н.Смилги доставленная им из казачьего отдела ВЦИК подрывная литература и листовки были нелегально переброшены через линию фронта для распространения среди казачьих войск. Отметив быстроту проведения этой операции, 12 декабря 1918 года ВЦИК в телеграмме поблагодарил начальника политотдела Южного фронта за хорошую работу.

Листовки для казаков издавали не только в Москве. Так, сотрудники особого отдела Южного фронта 20 декабря 1918 года подготовили и направили в типографию для тиражирования «Воззвание казаков перебежчиков к братьям». Текст листовки (пунктуация оригинала не изменена. - *Прим ред.*) гласил: «Мы обращаемся к казакам с призывом посмотреть справедливо на то, что происходило и происходит у вас на Дону. Мы трудовые казаки, обманутые и ослепленные своими властолюбивыми мироедами генералами и офицерами во главе с атаманом Красновым и его ставленниками пошли на братскую войну. Пользуясь нашей темнотой, они гнали нас силой властной на рабочих, крестьян и казаков, которые грудью защищают советскую власть. Им не нравится народная власть и политика против буржуазии, потому что они защищают свои пышные имения и земли просторные, им жаль расставаться с привилегиями, пожалованными Николаем Романовым.

Товарищи казаки! Припомните, как они нам говорили, что идут большевики- разбойники, которые заберут у вас все ваше имущество, а жилища сожгут, Это все ложь. Мы видим, что большевики такие же как мы казаки, и на руках у них такие же кровавые мозоли, как у нас. Нам говорили, что большевики церкви разгромили. Это тоже ложь. Мы видим, что ни одна церковь не разгромлена, и люди ходят в них молиться без всяких притеснений. Нам говорили офицеры, что большевики отберут у вас землю и все ваше имущество, а сам Краснов между тем заключает союз с державами согласия Францией,

Англией и Америкой за счет нашего имущества, чтобы отдать навеки в рабство капиталистов-помещиков. Он хочет нас темных втянуть в долгую свою войну.

Опомнитесь казаки. Кого мы будем защищать как не тех же генералов, капиталистов и помещиков. Гоните их прочь! Не подчиняйтесь их приказам! Не поступайте в их ряды, а присоединяйтесь к рабоче-крестьянской советской власти. Нам известно, что Совет Народных Комиссаров издал декрет еще в июле месяце 1918 года, которым признает полную самостоятельность (автономию) в управлении за казачьими областями. Он не покушается ни на землю вашу, ни на веру, ни на вековой казачий строевой уклад. Советская власть предоставляет казачеству полную самостоятельность в деле устройства своей жизни и своего быта.

Казаки, припомните, как наши толстосумы генералы и их ставленники нас обманывают; куда они по темноте нашей нас зашли. Некоторые наши братья сложили свои головы, навеки оставили своих жен вдовами, а детей сиротами. И разве они обманщики-мироеды думают что-либо о наших семьях и сиротах. Конечно нет. Им дороги только свои интересы и карманы, а нас у них будет еще много слепых, пока мы не образуемся.

Вернемся к советской власти. Мы видим, что советская власть не позволяет обманывать трудящихся крестьян, никто не осмеливается поработать труд крестьян. А у нас! Вспомним, как капиталисты с нами поступают, заставляя работать за какой-то несчастный рубль по 16 часов в сутки. Довольно им набивать свои толстые карманы. Долой капиталы!

Казаки! Если вам придется быть в своих станицах и хуторах, приложите все свои силы, не щадя даже своей жизни, чтобы влить это в душу своим станичникам и хуторянам, и тем самым не допустить дальше братской войны и восстановить советскую власть. Советская власть - власть всего трудящегося народа. Гоните прочь генералов, офицеров, помещиков, капиталистов. Мы скажем тогда: мы трудовые казаки протягиваем Советской России руку и присоединяемся к братскому союзу! Да здравствует братский союз трудового казачества, рабочих и крестьян. Да здравствует советская власть!»

В тексте обращает внимание то, что ложными были утверждения о сохранении церквей, о предоставлении самоуправления (автономии) казачьим областям. Неправдой было утверждение о том, что советская власть не обманывает трудящихся крестьян, о том, что никто не присваивает себе труд крестьян; о том, что большевики были людьми с кровавыми мозолями на руках, такими же, как у казаков. Так, один из руководителей большевиков В.И. Ульянов за свою жизнь до революции работал лишь несколько месяцев, годами жил за границей на деньги Интернационала. Тезис о сохранении церквей опровергнут тем фактом, что их количество в России к 1939 году сократилось в 4-5 раз из-за уничтожения и закрытия храмов. В соответствующее число раз уменьшилось и число священников.

В другой листовке, изданной для казачьих командиров 7 августа 1919 года, содержалось обращение к офицерам белой армии на Юге России, утверждавшее о гуманности к сдавшимся офицерам. В тексте листовки говорилось: «Прежде всего, предупреждаем вас: никого из перешедших к нам из белой армии офицеров, согласно приказу Реввоенсовета, не расстреливают. Если вы явитесь с простым желанием уменьшить тяготы трудящегося населения, уменьшить кровопролитие, то никто вас пальцем не тронет». Для большей убедительности приводились фамилии 124 бывших офицеров, «подписавших» обращение. Обман мог раскрыться лишь при чтении секретной директивы ЦК РКП(б) от 24 января 1919 года: «Необходимо, учитывая опыт года гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления».

Еще одна листовка, изданная 19 августа 1919 года, содержала обращение председателя РВС республики к казакам Мамонтова, прорвавшимся в тыл красных войск. В листовке Л. Д. Троцкий заявил: «От имени Рабоче-Крестьянского Правительства обещаю предоставить вам возможность мирного существования в Советской России или же беспрепятственного возвращения - по вашему желанию - на родину, когда вы сами того захотите. Советская власть не ведет войны с рабочими, крестьянами и трудовыми казаками. В последнюю минуту Рабоче-Крестьянское Правительство готово протянуть вам руку примирения». Одновременно с текстом листовки

Л.Д. Троцкий написал секретный приказ войскам. «Предлагаю объявить премии за каждого доставленного живым или мертвым казака из мамонтовских банд... все, что найдено будет при казаке, лошадь, седло, поступает в собственность поимщика».

С ноября 1918 года по указанию Л.Д. Троцкого особое внимание на Южном фронте обращалось на пропагандистскую обработку попавших в плен казаков. С ними велись индивидуальные и групповые беседы, проводились митинги и лекции для убеждения поддержать большевистский режим и использования впоследствии в качестве агитаторов при засылке на Дон и Кубань. По заданию политотдела Южного фронта командированный из Москвы инспектор по военнопленным А. Краснов 2 декабря 1919 г. провел собрание и беседы со 172 пленными казаками в Лебедянских бараках г. Козлова. Сопровождавший его работник политотдела Южного фронта А. Смирнов организовал с казаками собрание на тему «За что воюет Советская Россия, и за что воюют казаки на Красновском фронте».

Через несколько дней работы среди казаков 13 декабря был проведен митинг. Затем 120 лояльно настроенным к большевикам пленным предложили проголосовать за написанный работником политотдела текст резолюции собрания: «Долой бандита Краснова. Мы казаки, будем мстить Краснову за его обман. Просим извинения и положим свою голову за большевистскую власть. Шлем привет нашим молодым казакам, которые сражаются против Краснова. Просим всех казаков, которые у Краснова, немедленно бросить винтовки и не воевать против Советской власти».

Направленный политотделом Южного фронта работать с пленными агитатор Д. Петров 18 декабря 1918 года после проведения собраний и бесед дал 16 грамотным казакам газет и 130 экземпляров коммунистической литературы. В докладе на имя начальника политотдела Южного фронта он сообщил, что «казаки своей работой на местах могут нанести удар по мобилизации в армию Краснова».

Настроения казаков после проведенной с ними пропагандистской работы по заданию А. Ходоровского обследовал В.П. Вознесенский. В бараках и в тюрьме г. Козлова (современный Мичуринск. - *Прим. ред.*) он провел индивидуальные собеседования с находившимися 162 казаками. Результаты пропагандистской обработки пленных,

проводившейся в течение трех месяцев, были доложены 23 января 1919 года. В письменном докладе В.Вознесенский сделал вывод. «Важно одно: куда бы ни попали в стане Краснова отпущенные нами казаки, они повсюду явятся дезорганизующим и разлагающим началом - в этом нечего сомневаться. А таким образом, кроме пользы освобождение этих пленных ничего не принесет».

Весь 1919 год на Южном фронте пропаганда плена и признания Советской власти продолжалась с неослабевающей интенсивностью. Для установления психологического контакта с читателями листовки писались простым разговорным языком, употребляли примеры из русских сказок, обращались к читателям не иначе как к «братьям, казакам». Характерным образцом подобного текста являлась изданная в декабре 1919 года листовка «Открытое письмо Донбюро РКП солдатам деникинской армии». В ней говорилось: «Захотите перестать быть Иванушками-дураками, преступниками против народа, темными и слепыми людьми, скажите; «Довольно их превосходительствам голову морочить! Были дураками, полезли в войну, теперь поумнели, будем кончать, придем с повинной к советской власти. Советская власть даст нам возможность вернуться в свои хутора, к своим разоренным хозяйствам, сохраним свои жизни, помиримся с трудовым русским народом и вместе начнем строить счастливую, свободную жизнь. Долой царского палача Деникина! Долой атаманов, генералов, затягивающих войну! Проклятия золотопогонным убийцам! Да здравствует советская власть!».

В то время как на Южном фронте подрывная пропаганда против казачества особенно интенсивно велась в связи с подготовкой к наступлению со второй половины 1918 года, то пропаганда против казачества на границах Туркестана усилилась с 1919 года. Это объясняется расширением полосы боевых действий Туркестанского фронта, вовлечением в войну все большего числа этнических групп и народов. В связи с этим большевики последовательно создали несколько групп войск или небольших фронтов: Ферганский фронт, Самаркандский, Сурхан-Дарьинский, Актюбинский, Семиреченский. Закаспийский, Северо-Восточный и другие фронты, подчинявшиеся штабу Туркестанского фронта. Для разложения противника эти фронты просили подрывные материалы и печатную технику от

руководства в Ташкенте. Так, Северо-Восточный фронт, издававший до июля 1919 года малоформатную газету «Правда», для войск белоказаков, в конце июля обратился к члену РВС Туркестанского фронта с просьбой выделить новое печатное оборудование. В письме военного комиссара Северо-Восточного фронта Казарина сообщалось, что на старом, изношенном оборудовании больше не было возможности выпускать газету дважды в неделю. На этом донесении политический руководитель войск член РВС Туркфронта Ш.Элиава написал резолюцию работникам политуправления: «В течение месяца до 19 августа 1919 г. принять спешные меры по организации вагона-типографии по образцу издававшейся в Ташкенте фронтовой газеты «Красный фронт». Этот факт показывает, насколько большое значение придавалось подрывной пропаганде. В кратчайшие сроки готовили типографию для издания газет не для своих войск, а для разложения казачества. Дополнительно к изданию листовок и газет на местах литиздатотдел фронта в Ташкенте издавал собственную подрывную продукцию и получал литературу из Москвы.

Для разложения белой армии в Туркестане большевики разжигали национальные противоречия в рядах противника. Они привлекали на свою сторону войска нацменьшинств. Во второй половине 1919 года основным объектом деятельности по разложению противника являлись башкирские части. Первым большим успехом большевиков явилась измена белоказакам башкирской бригады, которая 28 августа 1919 года перешла на сторону красных. Вначале командир бригады получил от большевистских агентов гарантии неприкосновенности башкир при переходе сквозь боевые порядки озлобленных на них бойцов 24-ой «железной» и 20-ой дивизии. Для этого красные специально создали коридор из солдат других дивизий.

В Москве 6 октября 1919 года по решению В.И.Ульянова (Ленина) от СНК выделили 150 миллионов рублей башкирам, поддержавшим советские части. Об этом крупными тиражами издали две листовки. Часть башкирских войск, действовавших в составе белой армии, обманным путем зашла в тыл и ударила по казакам. После этого башкиры перешли на сторону большевиков. Поощряя такие действия, в Москве В.И. Ульянов и Л.Д. Троцкий издали

листовку с обещанием предоставить автономию башкирскому народу.

Осенью 1919 года борьба с казачеством переместилась в районы проживания «киргизских племен». (В то время так называли казахов.- *Прим. ред.*) Внимание подрывной пропаганды большевиков переключилось на «киргизов». В изданном листовкой постановлении РВС Туркфронта от 4 ноября 1919 года объявлялась амнистия казахам. Обещание амнистии и автономии казахам обставлялось следующими условиями: «б/ Немедленное прекращение всяких видов помощи белогвардейскому казачеству и выдача Советской власти белогвардейцев, укрывающихся в киргизских степях, помощь советским войскам по уничтожению белогвардейских шаяк». Представителю киргизского ревкома 1-й армии (1 А) Пестковскому было приказано «широко оповестить об этом постановлении все население киргизского края». Эта пропаганда оказала влияние на настроение союзных казакам киргизов из руководства Алаш-Орды. Баи склонялись к переходу на сторону большевиков. Уже 20 декабря 1919 года с западным правительством Алаш-Орда начались переговоры «о сдаче казахов со всем оружием и запасами военного снабжения». Джигитов затем использовали в качестве пополнения для войск, действовавших против казаков в районе степей. Пропагандистские обещания автономии явились главным фактором, привлекавшим на сторону большевиков национальные меньшинства. Кратковременный эффект от воздействия пропаганды был значителен, поскольку нейтрализовали бывших союзников казачества, и все национальные меньшинства стали бороться против казаков вместе с большевиками.

Пропаганда на казахов и башкир являлось лишь эпизодом длительной работы по разложению казачества, дополнявшейся политическими мерами, вносившими раскол в ряды белой армии. Командующий Туркфронта М.В. Фрунзе 24 сентября 1919 года издал директиву, предусматривавшую сохранение жизни пленным по классово-возрастному принципу. Всех добровольно сдавшихся делили на четыре категории. Особой категорией людей, обреченных на уничтожение, являлись казачьи офицеры. Их по этапу отправляли в Самару, а затем - в концлагеря. Пленных казаков в возрасте до 18 лет везли в Самару для укомплектования красноармейских частей.

Казачков до 40-летнего возраста после сдачи в плен посылали для формирования рабочих батальонов тылового ополчения и принудительных работ в тылу красных. Казачков старше 40 лет немедленно отпускали по станицам, установив на местах строжайший контроль за ними. Директива предусматривала выплату больших денежных сумм в виде поощрения тем, кто при сдаче в плен приводил с собой коня. За лошадь с седлом платили 7 тысяч рублей, без седла - 6 тысяч рублей. Это составляло около семи месячных окладов служащего.

Много внимания уделялось пропагандистскому влиянию на военнопленных. Отрабатывалась тематика бесед, аргументация для внедрения в сознание коммунистических стереотипов. Так, тематика обязательных бесед с попавшими в плен казаками на Туркестанском фронте в октябре 1919 года включала следующие пункты: «1) За что борется Красная Армия, и кто такие Ленин, Троцкий, Калинин. 2) За что борется Колчак, Деникин, Дутов, Юденич. 3) Почему иностранные капиталисты помогают белым. 4) Февральская и октябрьская революции. 5) Что такое Советская власть. 6) Что дал крестьянству закон 19 февраля 1861 года, правительство Керенского и правительство Советов. 7) Что такое учредительное собрание и его история в России. 8) Кто такие коммунисты-большевики. 9) Почему духовенство помогает Колчаку и Дутову. 10) Казачество и его историческая роль». Всего за октябрь 1919 года агитаторы политотдела Туркестанского фронта провели с пленными казаками 7 лекций, 21 собеседование по этой тематике и 9 митингов с охватом 2630 человек.

В ходе пропагандистской кампании в Самаре 14 октября 1919 года в клубе рабочих трубного завода для 2200 пленных казаков был проведен митинг, на котором выступил лично командующий фронтом М.В. Фрунзе. В заключение митинга прочитали приказ Туркфронта по казачеству. По распоряжению командующего фронтом всех пленных, участвовавших в митинге, отпустили на волю, дав им задание рассказать в станицах о политике советской власти.

В середине октября 1919 года М.В. Фрунзе телеграфировал в РВС 1А план умирения оренбургского казачества. Военные

действия он дополнил агитационно-пропагандистскими мероприятиями. В секретной телеграмме говорилось: «Основные положения нашей политики в отношении казачества мне представляются в следующем виде: ... 4.Объявить о безусловном распоряжении войсковой землей самим населением в лице войскового округа; пользование устанавливается на основе советской конституции 6. объявить о времени созыва общевойскового съезда советов. 7. объявить амнистию всем, кто еще не сдался, при условии явки их в станицы и сдачи оружия».

В дополнение к директиве М.В. Фрунзе об амнистии казакам отдел ВЦИК 22 октября 1919 года прислал в штаб Туркестанского фронта телеграмму, объявлявшую об амнистии для оренбургских, семиреченских, троицких казаков. В связи с этим по распоряжению члена РВС Туркфронта Ш.Элиава для сдавшихся в плен казаков в Оренбурге, Троицке и Челябинске были открыты «агитационно-организаторские курсы ВЦИК», на которых из военнопленных готовили агитаторов для пропагандистской работы в станицах. Директива фронта ставила начальникам политотделов дивизий и полков задачу: «Путем самой широкой пропаганды разъясните населению отношение советского правительства к трудовому казачеству».

В основу агитационной работы с казаками были положены постановление СНК от 7 декабря 1919 года «Об уральских казаках», приказы Туркфронта от 9 декабря того же года «По уральскому казачеству» и «По оренбургскому казачеству». Один из пунктов приказа гласил: «казаков по разоружении разместить в ближайшем армейском тылу, подвергнуть политической обработке, а затем использовать в качестве пополнения для войск... первоначально только в командах вспомогательного назначения»

Война с казаками сочеталась с массированной пропагандой и уничтожением казачьей элиты по классовому признаку. При этом беднейшие слои казачества были уверены в сохранении им жизни при сдаче в плен. Такая политика привела к разложению оренбургского казачьего войска. Уже 25 октября 1919 года в плену Туркфронта находились 12685 перебежчиков, в то время как

численность войск фронта составляла всего лишь 36,3 тыс. человек. Таким образом, на трех солдат фронта приходился один перебежчик.

Для продолжавших воевать казаков фронт издавал листовки, но в 1920 году их тираж сократился. Так, с 20 января по 19 февраля издали всего две листовки «Обращение к семиреченским казакам» и «Казачи в советскую колонну строиться» тиражом по 5 тысяч экземпляров. Небольшие тиражи листовок не свидетельствовали об уменьшении внимания большевиков к подрывной пропаганде. На самом деле, в условиях кризиса с бумагой и типографской краской это были огромные тиражи.

Весной 1920 года для полного разложения казачества, внедрения в сознание рядовых казаков мысли о лояльности диктаторскому режиму в Москве ЦК РКП принял решение о необходимости «единодушного одобрения» делегатами от казачества политики Советской власти. Л.Д. Троцкий 28 декабря 1919 года направил секретную директиву телеграфом Реввоенсоветам Туркестанского, Южного, Юго-Восточного, Восточного фронтов: «ЦК утвердил постановление казачьего отдела ВЦИК созвать 15 февраля 1920 года общеказачий съезд. Задача съезда - углубить политику раскола казачества. Для этого съезд должен получить характер манифестации. Норма представительства намечена: один делегат от каждой отдельной воинской казачьей части, 1-2 делегата от станиц и прочее. Чтобы съезд оказался соответствующим своей цели, необходимо деятельное внимание, участие в организации съезда политотделов фронтов, армий, ревкомов, исполкомов. Желательно, чтобы один из членов реввоенсовета фронтов, армий взял под свое наблюдение соответствующую работу. Официальное извещение о созыве съезда получите завтра-послезавтра».

Сотрудники политуправления заблаговременно подготовили текст воззвания Первого всероссийского съезда трудового казачества. Специально отобранные, лояльные большевикам казачьи представители 6 марта 1920 года «одобрили» обращение. В тексте были слова: «Царские генералы, помещики и фабриканты вас обманули. Они говорили вам, что советская власть хочет вас казаков уничтожить, расказачить, закрыть церкви и т.п. Не верьте! Все это - гнуснейшая ложь и клевета! Советская власть хочет жить с вами,

трудовыми казаками, в мире и согласии». Эти слова не соответствовали действительности. Уже в течение года с 24 января 1919 г. выполнялась секретная директива ЦК РКП (б), требовавшая уничтожить всех казаков, воевавших против большевиков. Образцом такого отношения к казакам являлась секретная директива Л.Д. Троцкого о восставших в тылу красных войск донских станицах: «... гнезда бесчестных предателей и изменников должны быть разорены. Каины должны быть истреблены, никакой пощады станицам, которые будут оказывать сопротивление».

Политику большевиков по разложению казаков иллюстрировали два предложения доклада Л.Д. Троцкого 26 июля 1920 года на 2-м съезде Коммунистического Интернационала: «Здесь мы маневрируем между различными слоями крестьянства. Одних привлекаем к себе, других нейтрализуем, третьих подавляем бронированной рукой. Это маневрирование революционного класса, который стоит у власти». Факты показывают, что пропаганда большевиков использовалась для «привлечения» и «подавления» казачества.

Психологическая война и подрывная пропаганда являлась новым оружием, с которым казаки еще не встречались. Воспитанные в традициях православной этики, эти доверчивые люди верили беспринципной лжи большевиков, которые средствами пропаганды последовательно дискредитировали руководство казачества, стимулировали разделение казаков на «белых» и «красных». Их противопоставили друг другу, внедрили в сознание казаков ложные стереотипы о «светлом будущем без угнетателей», обманули декретами правительства о самоуправлении и ложными обещаниями о равенстве и будущем счастье. Сильной стороной деятельности по разложению казачества было то, что все пропагандистские мероприятия, приказы и декреты обязательно подкреплялись материальными акциями: торжественным приемом сдавшихся подразделений, выдачей денег за сдачу в плен с конем, выполнением обещания сохранить жизнь всем рядовым казакам.

Важным фактором эффективности пропаганды было использование для ведения пропаганды самих казаков: засыпка в станицы «красных казаков»- агитаторов и распропагандированных пленных, использование агентов из числа казаков для ведения

пропаганды в населенных пунктах. Эти казаки-агитаторы хорошо представляли себе интересы и традиции объектов воздействия. Они воспринимались слушателями как «свои», что облегчало для людей восприятие излагавшейся агитаторами информации. Пропагандисты и их слушатели являлись людьми одинаковой культуры, воспитания и одинакового уровня грамотности. Действенным способом оказания пропагандистского влияния на казаков являлся отпуск пленных в населенные пункты с агитационными задачами. Эти действия являлись лучшей иллюстрацией гуманного отношения к пленным.

Пропагандистские обещания самоуправления, справедливой и счастливой жизни без угнетателей, соответствовали идеальным библейским представлениям казаков о «рае», о будущей счастливой жизни и социальной справедливости. Примечательно, что обещания пропаганды о ближайшей перспективе жизни для казаков подкреплялись реальной политикой: сохранением жизни при сдаче в плен, выплатой денег за сдачу в плен с конем. Обещания о дальнейшей перспективе жизни (самоуправление, справедливость, равенство, разрешение в молиться в церкви) невозможно было проверить на практике. Поэтому информация пропаганды во многих случаях принималась малограмотными казаками за правду.

Особенностью пропаганды на население в тылу противника являлась ее индивидуальная направленность. Использование агентуры за линией фронта для распространения листовок, газет и устной агитации увеличивало эффективность воздействия. Агенты работали не со всеми людьми, а только с теми, кто был предрасположен к восприятию идей равенства, справедливости, кто ненавидел «генералов толстосумов» и «золотопогонных офицеров», кто мечтал жить без угнетателей. Неграмотные казаки верили печатному слову и пропаганде, что позволяло манипулировать их сознанием. Таким образом, эти условия помогли эффективному влиянию пропаганды большевиков на казачество.

Подрывная пропаганда для разложения церкви (1917 – 1925)

После вооруженного переворота большевики для разрушения государственного строя царской России должны были уничтожить главную составную часть государственного аппарата - православное

духовенство, являвшееся носителем государственной идеологии и традиций. В октябре 1917 года духовенство являлось элитой государства, наиболее образованным сословием численностью до 4 млн. человек с членами семей. Духовенство владело землями, типографиями, школами, семинариями, училищами, свечными заводами, гостиницами, больницами, магазинами и лавками, торговавшими предметами церковного культа. Православная церковь имела иерархическую структуру и с 18 ноября 1917 года восстановила уничтоженный Петром 1 пост патриарха, на который по жребию был избран В.А. Беляев (патриарх Московский и всея России святейший Тихон). В России насчитывалось более 280 тысяч православных храмов и 1253 монастыря. Территория страны делилась на 59 епархий, имевших храмы в большинстве крупных населенных пунктах России. В Москве действовало 764 православных храма и 74 часовни (к 1985 году осталось 44 действующих церкви - *Прим. ред.*), а в Московской губернии насчитывалось 887 православных храмов.

С 1258 года церковь, монастыри и священнослужители были освобождены от уплаты податей, поэтому духовенство России за несколько веков накопило колоссальные материальные и культурные ценности, уникальные произведения искусства. Жизнь человека в России проходила при участии и под контролем священника. После рождения запись об этом делалась в церковной книге, ребенка в школе на уроках «Закона Божия» учил священник, обряд венчания проводил в церкви священник, отправлял усопшего в последний путь священник, после смерти имя усопшего в церкви поминал священник. Церковь осуществляла социальный контроль нравственности и поведением человека в обществе, передавала мифы, опыт и традиции от старших к молодому поколению. Православное духовенство являлось наиболее влиятельным, образованным и авторитетным сословием России, враждебным большевикам.

В 1917 - 1920 годах большевики подавили сопротивление православного духовенства оружием. Затем в 1922 - 1925 годах новая правящая элита России реализовала программу антицерковной и антирелигиозной деятельности, в которую входили несколько основных направлений. Вначале нейтрализовали высший

руководящий состав: митрополитов, архиепископов, архиреев. Их судили, расстреливали, сажали в тюрьму, ссылали в отдаленные районы Сибири и Средней Азии. Затем церковь компрометировали при помощи пропаганды в средствах массовой информации. Раскол церковной иерархии изнутри вели с помощью тайной государственной поддержки агентов влияния - лояльных большевикам церковников (т.н. «обновленческое духовенство», «красные священники»). В государственном масштабе велась антицерковная и атеистическая пропаганда на митингах, собраниях, семинарах, диспутах, «безбожных карнавалах», «празднованиях понедельника». При помощи пропаганды населению внедряли в сознание представления об уравнительных, коммунистических принципах в противовес церковным призывам к терпению и смирению с существующим в обществе социальным неравенством. В борьбе с церковью государства опиралось на армию, карательные органы, поощряло деятельность «движения безбожников» среди населения; уничтожало экономическую самостоятельность церкви; лишало духовенство политических прав и прав юридического лица; провоцировало церковный клир на действия, квалифицировавшиеся как противоправные, для их использования в качестве предлога для расправ с церковниками. Государство при помощи агентов ГПУ тайно вмешивалось во все стороны церковной жизни. Главной и долгосрочной целью антицерковной политики большевиков являлся полный разгром православной церкви и уничтожение нелояльных служителей православного религиозного культа.

С ноября 1917 года большевики начали борьбу со всеми другими видами идеологии, отличавшимися от марксизма. Православие рассматривалась пришедшей к власти элитой большевиков в качестве основного препятствия для реализации их цели установить в стране монополии на идеологию. Церковь мешала новым хозяевам России, являлась частью той государственности, которую большевики разрушали в 1918 - 1925 годах наряду с другими остатками прежнего строя. Православие было одной из главных основ прежнего режима, действовавшего на базе трех политических принципов, «православия, самодержавия, народности».

В борьбе с боготорческой властью церковь оказалась более стойкой организацией, чем другие составные части государства -

армия, полиция и чиновничество (бюрократия), которые потерпели сокрушительное поражение в гражданской войне. Причинами силы церкви являлось то, что она являлась основой социального механизма передачи мифов (идеологии) и традиций от старого поколения к молодому. Церковь являлась наиболее мощным и авторитетным врагом большевиков, поэтому В.И. Ленин заявил о необходимости борьбы с религией: «Мы должны бороться с религией. Это - азбука всего материализма, и, следовательно, марксизма». Под религией вождь большевиков в первую очередь понимал наиболее распространенную в России православную религию.

Первоначально церковь в планах большевиков подлежала полной ликвидации вместе со всем «отжившим миром». Поэтому с первых дней установления в стране нового режима правящая элита в Политбюро РКП(б) большевиков занялась уничтожением церковников и искоренением религиозной идеологии из сознания людей. Особенно настаивали на устранении православной религии в кратчайшие сроки Л.Д. Бронштейн (Троцкий), Н.И Бухарин, Ф.Э. Дзержинский, В.И Ульянов (Ленин).

В первые дни после октябрьского вооруженного переворота в Петрограде уже в ноябре 1917 года был нанесен удар по православию. Декларация о земле и Декларация прав народов России национализировали церковно-монастырские земли. Этими документами церковь отторгалась из сферы государственной и гражданской жизни, а церковные привилегии оказались ликвидированными. Решением Совета народных комиссаров (Совнаркома, СНК) от 30 ноября 1917 года Наркомату призрения были переданы изъятые у церкви монастыри. Уже к концу 1921 года из 1253 монастырей в дореволюционной России было национализировано 722 (57,6 %). Другим постановлением от 11 декабря 1917 года дело образования и воспитания молодежи передавалось от духовного ведомства наркомату просвещения. Декретами ВЦИК и СНК от 16 и 18 декабря от церкви забирались и передавались в ведение государства регистрация актов гражданского состояния: регистрация заключения брака, рождения детей и смерти.

Главный удар в войне с церковью большевики нанесли во второй половине декабря 1917 года, когда они реквизировали синодальные типографии, чем лишили церковь возможности издавать свою печатную продукцию. К осени 1918 года по всей территории страны были отобраны церковные типографии, здания или помещения, где стояло типографское оборудование, запасы бумаги. Прекратилось издание церковной периодической печати и православной литературы. В течение тринадцати лет до 1931 года православная конфессия России была насильственно лишена права издания какой-либо печатной продукции, а затем ей разрешили печатать малым тиражом один журнал, который в 1934 году был опять запрещен. Параллельно с уничтожением церковных типографий государство стимулировало издание многочисленных книг и журналов с критикой православия. С 1919 года печатался антицерковный журнал «Революция и церковь», издавались журналы и книги, называвшиеся «научно-атеистической, антирелигиозной литературой». В 1922 году государство организовало издательство «Атеист», специализировавшееся на тиражировании книг антицерковной направленности.

В январе 1918 года по постановлению о ликвидации придворного духовенства, о реквизиции помещений и имущества придворных церквей государство отобрало у церкви храмы в Кремле и запретило колокольный звон. Открытая война против церкви с применением оружия началась 13-21 января 1918 года, когда войска расстреляли церковный ход верующих, пытавшихся мирными средствами помешать отряду солдат захватить Александро-Невскую лавру в Петрограде. Совнарком в декрете 23 января 1918 года нанес очередной удар по православию, провозгласив отделение церкви от государства, национализацию церковного имущества, лишение религиозных организаций права юридического лица, запретив церковным организациям владеть собственностью и иметь право на ее приобретение. По существу декрет имел цель уничтожить церковь, как иерархию и ликвидировать духовенство, как сословие общества. В мае 1918 года был создан У111 («ликвидационный») отдел наркомата юстиции (Наркомюст) для ликвидации административно-управленческих структур церкви. В составе органов государственной

власти отдел стал подразделением, долгие годы проводившим борьбу с церковью.

Одновременно государство вело против духовенства открытую войну с применением оружия. Для создания видимости правосудия большевики расстреливали священников по решению Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (в 1918 - 827 расстрелов, в 1919 - 19). Однако основная часть расстрелов проводилась без видимости судебного разбирательства. Согласно неполной статистике Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, только за первые годы террора 9 тысяч священнослужителей были расстреляны (в 1918 - 3 тысячи расстрелов, в 1919 — 1 тысяча расстрелов), а общее число репрессированных составило 11 тысяч человек. Количество репрессированных священников за все годы Советской власти превысило 80 тысяч человек. Это означало, что большевики расстреляли и подвергли террору почти каждого третьего служителя православного культа.

Одновременно с расстрелами и заключением в тюрьмы священников большевики разграбили церковное имущество. Подсчитать награбленное в 1917 - 1920 годы церковное добро невозможно, поскольку при ограблениях убивали священников и свидетелей не оставалось. В феврале 1922 года работники Чрезвычайной комиссии (ЧК) Новгородской губернии сообщали в Москву, что во время проходившей в 1919 году кампании вскрытия святых мощей в губернии из некоторых церквей и монастырей было взято ценностей на сумму свыше 1 миллиона рублей золотом. Только во время «неофициальной» волны изъятия в центральных областях России в 1920 году у церкви было отнято 7150 млн. рублей, не считая изъятых на Украине, Кавказе и в Сибири.

Во время гражданской войны 1917 - 1920 годов против духовенства вели пропагандистские операции, целью которых была дискредитация священников («черносотенных попов»), религии и поругание останков православных святых. В число основных мероприятий богоборческой кампании входила пропагандистская операция по «разоблачению» мощей православных святых. По постановлению Наркомюста от 14 августа 1919 года начались вскрытия мест хранения останков (мощей) святых, а 25 августа 1920

года было принято постановление о ликвидации святых мощей во всероссийском масштабе. В ходе кампании было вскрыто, осквернено и разрушено 65 раков российских святых, в числе которых была и рака с останками святого Сергия Радонежского. Осквернение большевиками захоронения Сергия Радонежского привело к бунту жителей Сергиева Посада 19 и 26 ноября 1919 года. Политбюро ЦК РКП(б) приостановило решение о вывозе этих мощей в один из московских музеев из-за волнений населения, однако декрет СНК от 14 апреля 1920 года закрыл доступ паломникам к святыне и национализировал Троице-Сергиеву лавру. Факты показывают, что в 1917 - 1920 годах захватившие государственную власть большевики применяли в отношении православной церкви наиболее жестокие способы угнетения, расстреливали священников, разоряли храмы, грабили церковное имущество, открыто надругались над православными святынями.

После окончания гражданской войны большевики изменили тактику борьбы с духовенством, отказавшись от расстрелов без суда и следствия, от наиболее одиозных способов дискредитации российских святынь. Военные методы борьбы с церковью не уменьшили идеологическое влияние духовенства на население. На смену этим методам пришли более изощренные, тайные способы войны с церковью, когда террор стал маскироваться под правосудие. В 1922 году начался новый этап уничтожения священнослужителей и высших руководителей церковной иерархии, когда государство одновременно провело две кампании: изъятие церковных ценностей якобы для помощи голодающим и тайную кампанию по расколу церкви изнутри при помощи внедрения в управление церковью сотрудничавших с ГПУ священников, которые являлись агентами влияния большевиков в церкви. Параллельно с этим в том же году для установления монополии на идеологическую власть в стране большевики уничтожали оппозиционные течения эсеров, меньшевиков, выслали из страны около двухсот крупнейших ученых и деятелей культуры.

Наступление на церковь имело объективные причины, связанные с резким обострением системного кризиса российского общества после окончания гражданской войны. В 1921 году во всех сферах жизни России идеологическая борьба усилилась. Разрушения

и жертвы гражданской войны нарушили систему управления государством, углубили экономический и социальный кризис, следствием которых стали нарушение товарно-денежных отношений, кризис сельского хозяйства и страшный голод. К декабрю 1921 года в России было 23 миллиона голодающих и прогнозировалось их увеличение до 50 миллионов. Церковь призывала население помогать людям, оказавшимся в беде, и жертвовать средства на помощь голодающим. Однако даже такая деятельность священнослужителей не останавливала местные власти от расправ. Так, епархиальный комитет помощи голодающим собирал средства в Самаре только семь дней, после чего все члены комитета во главе с епископом Павлом были арестованы и осуждены губернским исполнительным комитетом в январе 1922 года за «контрреволюционную деятельность». Два запроса председателя ВЦИК М.И. Калинина 1 февраля и 27 марта 1922 года о судьбе арестованных священнослужителей остались без ответа, поскольку местное руководство игнорировало запросы центральной власти страны по таким «несущественным вопросам».

С декабря 1921 года операции по борьбе с духовенством разрабатывала «центральной тройкой», действовавшей под руководством «гонителя церкви» Л.Д. Троцкого. В состав «тройки» входили от ВЦИК П.П. Лебедев, от Наркомюста - П.А. Красиков, от Агитпропотдела ЦК РКП(б) - Л.С. Сосновский. Комиссия при отделе агитации и пропаганды ЦК РКП(б) /Агитпропотдел/ разрабатывала содержание антицерковной пропаганды. Президиум и Секретариат ВЦИК занимались жалобами или различными спорными моментами взаимоотношений государства и церкви. Карательные органы ВЧК-ГПУ (ОГПУ) применяли тайные способы борьбы с духовенством. В декабре 1921 года Ф.Э. Дзержинский поставил органам ГПУ задачу: «... церковную политику развала должна вести ВЧК, а не кто-либо другой. Официальные или полуофициальные сношения партии с попами недопустимы. Наша ставка на коммунизм, а не на религию. Лавировать может только ВЧК для единственной цели - разложения попов. Связь какая бы то ни было с другими органами бросит на партию тень - это опаснейшая вещь». Органом борьбы с церковью секретными агентурными методами стало 6-е отделение секретного отдела ГПУ, во главе которого назначили Е.А. Тучкова.

Голод был использован большевиками, как предлог для окончательного ограбления церкви, для уничтожения духовенства, возбуждения у населения ненависти к церковникам из-за того, что те якобы укрывали ценности, способные спасти жизни тысяч голодающих. «Центральная тройка» во главе с Троцким разработала постановление ВЦИК под названием «О ликвидации церковного имущества», которое было принято на заседании ВЦИК 2 января 1921 года. В результате кампании изъятия ценностей православной церкви Л.Д. Троцкий планировал подорвать экономическое могущество духовенства и получить такие богатства, которые в пересчете на серебро составят «525 тысяч пудов» (8400 тонн серебра).

Для ослабления духовенства и уменьшения силы сопротивления ограблению храмов политбюро ЦК РКП(б) на заседании 13 марта 1922 года решило развалить церковь изнутри при помощи создания сектантских группировок, которые под предлогом «обновления церкви» стремились захватить в ней руководящие посты. Члены политбюро согласились с предложением Л.Д. Троцкого временно допустить в состав руководства организации помощи голодающим (Помгол) нескольких церковников из «обновленческого движения», которые были лояльны Советской власти, выступали против патриарха Тихона, поддерживали решение о насильственном изъятии ценностей из храмов.

Большевистская верхушка понимала сложность проведения операции по ограблению храмов. Предполагалась возможность бунтов, недовольства населения такой акцией. Чтобы снизить силу противодействия и уменьшить враждебность народа, решили начать грабить храмы после массовой пропагандистской обработки людей. В государственном политическом управлении (ГПУ) 8 марта 1922 года прошло совещание, после которого ГПУ предложило ЦК РКП (б) провести «промычку мозгов» населения и не начинать изъятия ценностей до получения результатов антицерковной агитации. В предложении ГПУ предусматривался комплекс мер агитации. Губернским комитетам (губкомам) предлагалось организовать доклады-диспуты с широким привлечением групп верующих, для чего мобилизовать для работы пропагандистами лучших работников-членов партии РКП(б), обязав их еженедельно

докладывать о достижениях пропагандистской кампании в Центральную Комиссию по изъятию церковных ценностей. Губкомы были обязаны широко освещать критическое состояние голодающих губерний, организуя подвижные выставки фотографий, показывая на кинопередвижках документальные киноленты о голоде. Редакциям всех газет давалось указание помещать статьи по вопросам о необходимости изъятия у церкви ценностей для помощи голодающим. В тексте предложения ГПУ предусматривалось, что сразу же после первых изъятий ценностей из храмов в прессе будут помещены сообщения о том, что Помгол реализовал ценности, закупил хлеб и направил его по нескольким маршрутам. При этом в информации о посылке хлеба голодающим должна была находиться заведомая неправда о том, что хлеб куплен на деньги от продажи на рынке «золота церкви».

На заседании центральной комиссии по изъятию церковных ценностей 20 марта Л.Д. Троцкий, Г.Д. Базилевич, А.Н. Винокуров, М.И. Калинин и И.С. Уншлихт составили директиву о проведении агитационной работы. Прессе предписывалось «дать более яркое и открытое выражение голосу попов», выступавших против патриарха Тихона, давать материалы о случаях кражи духовными лицами ценностей из храмов. При бюро центральной комиссии была создана литературная комиссия, которая должна была представлять газетам материалы об изъятии ценностей из храмов. Цензуру всех материалов о кампании вела «тройка» в составе заведующего Агитпропом Я. А. Яковлева, П.А. Красикова, М.В. Галкина. Троцкий дал указание ГПУ обеспечить условия для беспрепятственного проезда в Москву вызванных с мест 200 лояльных священников и оплатить 10 дней их проживания в Москве, где они должны были выступать на митингах и поддерживать действия властей. Кроме того, политбюро предписывало ГПУ в кратчайший срок подготовить материал для ареста наиболее активных противников изъятия. Г.Д. Базилевич получил задачу осуществить агитационную операцию. Ему поручили подсчитать уже взятые из храмов ценности, в кратчайшие сроки закупить на них хлеб и «широко опубликовать об этом в прессе».

Началась агитационная кампания, на которую были мобилизованы все силы Агитпропа ЦК РКП(б), руководящие

работники и пропагандисты Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ), сотрудники редакции газеты «Рабочая Москва». Агиткампания велась в Москве с 20 марта по 10 апреля, а в Московской губернии - до 20 апреля. Пропаганду вели в первую очередь среди солдат и рабочих самых крупных предприятий Москвы. Митинги и выступления сопровождались раздачей листовок, изданных газетой «Рабочая Москва». Основные усилия сосредоточивались на организацию «собраний», которых в Москве провели 358, а в уездах Московских губерний - 157. На собрания вместе с агитаторами посылали «священников-обновленцев» и крестьян из голодающих районов, «о которых выяснено, что они действительно являются сторонниками, изъятия». Собрания должны были одобрить конфискацию золота церкви в пользу голодающих и принять об этом соответствующую письменную резолюцию с подписями участников. По итогам очередной «агитнедели» сотрудники Агитпропотдела составляли отчеты в ЦК РКП(б).

Закончив пропагандистскую подготовку, ЦК РКП(б) дал указание военному командованию послать отряды солдат захватывать золото церкви. В Москве операция началась 31 марта, а в Петрограде - 21 апреля. Командующий Московским военным округом Н.И. Муралов отдал приказ сменять каждые полчаса солдат, срывавших золотые и серебряные оклады с икон и иконостасов, «чтобы дать наглядный урок всем солдатам превосходства нашей силы перед силой попов и богов». На одиннадцатом съезде РКП (б) В.И. Ленин планировал провести совещание с участниками, где обсудить передовой опыт изъятия золота церкви. Он настаивал на принятии секретной резолюции о том, «чтобы изъятие ценностей, в особенности, самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем больше число реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

По решению Политбюро 13 марта 1922 была создана сеть «секретных руководящих комиссий по изъятию ценностей», куда вошли представители РКП(б) и ГПУ. В соответствии с 17 тезисам

плана Л.Д. Троцкого, комитеты помощи голодающим должны были в качестве ширмы скрывать реальных руководителей операции - секретные комиссии в центре и на местах. В плане предусматривалось, что в губернских городах требуется включить в секретную комиссию комиссара дивизии, бригады или начальника политического отдела воинского соединения. Предписывалось проводить агитационную работу по подготовке изъятия золота неофициально, не объявляя о ней, но привлекая для этого лучших военных агитаторов. Помощь голодающим должна была прикрывать главную секретную цель кампании - борьбу с церковью. План ставил задачи: внести раскол в духовенство, взяв под защиту государственной власти тех священников, которые выступают в пользу изъятия. Троцкий полагал, что агитация властей и агитация лояльных священников должны были вестись раздельно и ни в коем случае не соединяться. В своей антицерковной пропаганде власти должны были ссылаться на то, «значительная часть духовенства открыла борьбу против «князей церкви», В противовес агитации духовенства в городе предписывалось организовывать манифестацию с участием гарнизона при оружии с плакатами «Церковные ценности для спасения жизни голодающих».

В апреле 1922 года начались «бои на церковном фронте». Изъятие из соборов ценных предметов церковной утвари, золотых и серебряных окладов икон вызывало забастовки и бунты населения. Войска РККА в бунтовавших местностях переводились на военное положение, посылались вооруженные отряды для оцепления храмов, соборных площадей, для разгона и ареста протестующих. Например, в Калужской губернии вывести ценности из Пафнутьевского монастыря смог только отряд из 60 вооруженных солдат с двумя пулеметами. Они отбили атаку толпы из 300 человек, арестовали 12 наиболее активных участников сопротивления. В Москве 23 марта 1922 года для изъятия ценностей из Воскресенского собора была послана сводная рота 146-го пехотного полка, пулеметная команда, рота частей особого назначения, 6 конных милиционеров. Со всеми солдатами предварительно провели беседы, во время которых им рассказали о преступлениях «черносотенных попов». Затем в докладе Л.Д. Троцкому об операции командующий Московским военным округом Н.И. Муралов сообщил, что «все красноармейцы и

командиры не только чувствовали жажду мести, но и выражали словесное желание пострелять в попов и спекулянтов».

Слова из письма В.И. Ленина показывают, что большевики вели против православного духовенства России войну. Они рассматривали церковь в качестве врага, привлекали армию для военных операций против духовенства с целью «разбить неприятеля» точно так, как вели боевые действия на фронтах. О таком отношении к православию свидетельствует письмо вождя большевиков для членов политбюро, написанное 18 марта 1922 года. Оно откровенно излагает политику в отношении «черносотенного духовенства», поскольку содержит наряду с грифом «Строго секретно» еще приписку «Просьба ни в коем случае копий не снимать, а каждому члену Политбюро (тов. Калинин тоже) делать свои заметки на самом документе». Текст гласит: «... для нас, именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех **разбить неприятеля наголову** и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы сможем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. ... мы должны именно теперь **дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление** с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий.» (Курсив автора. - Прим. ред.)

Для ведения военных операций по изъятию имущества церкви выделялись воинские части. Например, в Москве по приказу командующего военным округом 31 марта 1922 года был создан оперативный штаб, а комендантам 6 городских районов в оперативное подчинение были выделены вооруженные подразделения. Комендант Рогожско-Симоновского района привлекал для операций против духовенства бронетанковую бригаду, сводную учебную батарею, батальон частей особого назначения (ЧОН). В Замоскворецком районе действовали три полка (4-й полк ЧОН, 103-й и 104-й стрелковые полки). В подчинении коменданта

Краснопресненского района находились все расположенные в районе части. В Рогожско-Симоновском районе действовали учебный полк Московского военного округа и отдельный батальон ЧОН. В Сокольническом районе операции проводил учебный телеграфно-телефонный полк. Комендант Городского района получил в оперативное подчинение 1-й полк ЧОН и 1-й отдельный батальон войск ГПУ. Дежурная часть ЧОН (3,5 тысячи человек) дополнительно выделяла 450 солдат ежедневно на каждый городской район, где велось изъятие церковного имущества, и по 150 солдат во все другие районы города. Кроме того, на каждую церковь выделялось по 14 проверенных членов комиссии по изъятию и по 10 секретных агентов ГПУ.

Руководители карательного органа ГПУ в секретных документах называли священников «врагами народа». Например, в докладной записке для членов политбюро ЦК РКП(б) первый заместитель председателя ГПУ И.С. Уншлихт и начальник секретного отдела ГПУ Т.П. Самсонов предлагали 20 марта 1922 года следующее: «ГПУ находит: 1) что арест синода и патриарха сейчас своевременно, 2) что допущение духовного собора на предмет избрания нового синода и патриарха сейчас тоже возможно, и 3) что всех попов и церковников, резко выступающих против изъятия ценностей из церквей необходимо выслать в самые голодные районы голодающего Поволжья, где их афишировать перед местным голодным населением, как ***врагов народа***» (Курсив автора.- *Прим. ред.*)

Новая большевистская элита государства принимала меры для внедрения при помощи пропаганды в сознание населения России ненависти к духовенству, изображая в прессе действия священников в самом негативном плане. Для этого редакторы газет получали от политбюро ЦК РКП(б) указания, согласно которым газеты печатали огромное количество антицерковных материалов, написанных «бешеным тоном» с резкими нападками, клеветой и инсинуациями. Например, после вооруженного подавления попытки верующих препятствовать действиям войск по вывозу церковных ценностей из главного собора г. Шуи политбюро ЦК РКП(б) 22 марта 1922 года приняло секретное постановление, основанное на предложениях Л.Д. Троцкого. Текст гласил:

«1. Арест синода и патриарха признать необходимым, но не сейчас, а примерно через 10-15 дней.

2. Данные о Шуе опубликовать, виновных шуйских попов и мирян - трибуналу (в недельный срок); коноводов расстрелять.

3. В течение этой же недели поставить процесс попов за расхищение церковных ценностей (фактов таких не мало!).

4. С момента опубликования о Шуе **печати взять бешеный тан**, дав сводку мятежных поповских попыток в Смоленске, Питере и пр.

5. После этого арестовать синод.

6. Приступить к изъятию по всей стране». (Курсив автора. - *Прим. ред.*)

Согласно этому постановлению, партийная печать изо дня в день помещала в газетах публикации о фактах противодействия «черносотенного духовенства» политике властей и о хищении церковниками ценностей. Также газеты страны публиковали текст выступления председателя ВЦИК М.И. Калинина, все шесть тезисов которого продиктовал лично Л.Д. Троцкий. Газеты «Известия», «Рабочий», «Коммунист», «Беднота», «Рабочая Москва» 26 марта 1922 года напечатали текст «интервью» с председателем ВЦИК, в котором утверждалось, что часть православной церкви «явно антинародная, жадная, хищная», что она «заняла враждебную позицию по отношению к голодающему крестьянству, тем самым заняла враждебное положение и по отношению к советской власти». В интервью также утверждалось, что изъятию ценностей церкви противится «кучка князей церкви и поддерживающих их бывших купцов, подрядчиков, отставных чиновников». Содержание интервью соответствовало указаниям Л.Д. Троцкого ужесточить отношение к духовенству и призвать к открытой борьбе с церковью.

Партия большевиков выделила значительные суммы на проведение антицерковной пропаганды в печати. Согласно четвертому пункту предложений Троцкого, на кампанию по изъятию у Политбюро просили 10 миллиардов рублей. В апреле 1922 года на территории РСФСР и федеративных республик ассигнования только технической комиссии и на агитационную кампанию по изъятию ценностей на один месяц предусматривали 1559592 золотых рублей. В эту сумму не включали расходы на разовые агитационные мероприятия. Например, 18 апреля 1922 года А.Г. Белобородько и

А.Н. Винокуров запросили и получили согласие на выделение 1,5 млрд. рублей для проведения разовой агитационной кампании. Кроме того, только в апреле смета московской комиссии по изъятию ценностей предусматривала расходы на агитацию в размере 9 миллиардов рублей. В дальнейшем руководящие органы ЦК РКП (б) стали выделять деньги на пропагандистские кампании против церкви особой сметой или специальными постановлениями. Так, Секретариат ЦК РКП (б) в постановлении Ст-103/36с от 12 марта 1923 года выделил 279930 рублей на пропагандистскую кампанию для дискредитации патриарха Тихона.

Пропаганда поддерживалась тайными операциями по расколу церковной иерархии изнутри, которая осуществлялась по плану Л.Д. Троцкого, изложенному в письме Политбюро от 30 марта 1922 года. План предусматривал использование тайных операций ГПУ для расслоения церковных кругов, внедрение в сознание «обновленческого духовенства» идей о реформировании церкви, использование сотрудничавших с ГПУ священников для конфронтации с руководством церкви, захвата руководящих постов и для последующего уничтожения старой иерархии. Троцкий изложил такой план для членов политбюро: «Расколоть духовенство. Изъять ценности как следует быть. Расправиться с черносотенными попами. Побудить определиться и открыто выступить сменовеховских попов. Взять их на учет. Неофициально поддерживать». Эти предложения были обсуждены и одобрены политбюро ЦК РКП (б) на заседании 2 апреля и 26 мая 1922 года.

В мае 1922 года антицерковная пропаганда усилилась. На заседании политбюро 4 мая было принято решение выделить в помощь Л.Д. Троцкому для проведения, кампании по изъятию ценностей заведующего Агитпропотделом ЦК РКП(б) А.С. Бубнова. В это время Троцкий разработал новое предложение по интенсификации антицерковной агитации и выступил с обвинениями о слабости газетной пропаганды в стране. Политбюро ЦК РКП (б) 11 мая 1922 года на основе этого предложения приняло постановление «Об агитации по изъятию церковных ценностей». В постановлении начальнику Российского телеграфного агентства (РОСТА) Далецкому поручалось ежедневно давать провинциальной прессе для перепечатки ежедневную сводку содержания наиболее важных

антицерковных статей московской печати. РОСТА предписывалось увеличить объем информации об изъятии ценностей, направлявшейся редакциям газет в провинции.

Одновременно с пропагандой велась тайная операция ГПУ по развалу церковного иерархии. ГПУ использовало лояльных большевикам священников для дискредитации патриарха и митрополитов, выступивших против ограбления имущества церкви. В марте 1922 года обновленцы начали пропагандистскую травлю в газетах митрополита петроградской епархии. Сотрудничавшие с ГПУ А.И. Введенский, В.Д. Красницкий, Белков, А.Боярский и другие (всего 12) 24 марта 1922 года выступили в газетах Петрограда с обвинениями петроградского духовенства в контрреволюционных настроениях и с требованиями отдать все церковное имущество властям.

Кампанию изъятия ценностей в Петрограде, как и в Москве, предваряло образование агитационной комиссии и десятидневная организационная подготовка, приведение в боевую готовность отрядов милиции, чоновцев и чекистов. Инструкция начальникам районных и уездных подкомиссий по изъятию в городе и губернии детально регламентировала действия членов комиссий. В частности, учитывая опыт других городов, на время операции изъятия двери храма закрывались и никто, кроме оперативной группы, не мог выйти из него. Одному из членов комиссии вменялась в обязанности охрана колоколни. Одновременно с этим на заводы и фабрики посылали агитаторов для выступлений перед рабочими с «разоблачением действий черносотенного духовенства». Не всегда агитаторам удавалось убедить слушателей в необходимости действий властей. Например, по сводкам ГПУ в Петрограде: против изъятия велась тайная агитация на многих заводах и фабриках: на кожевенном заводе, заводах «Резчик» и «Треугольник», в Рождественском трамвайном парке и др. На химическом заводе докладчику петроградского комитета РКП(б) не дали даже выступить.

Для дискредитации духовенства большевики проводили показательные судебные процессы над «черносотенными попами». Важную роль в идеологической обработке населения во время процессов призвана была сыграть пресса. При отсутствии

исчерпывающих юридических оснований для приговоров именно пресса должна была формировать общественное мнение, нагнетать истерию, создавать такие антицерковные настроения в обществе, когда любое политическое решение приобретало видимость законного. Одно из церковных дел 1922 г. из фонда Политбюро ЦК РКП (б) о судебных процессах открывает инструкция Л.Д. Троцкого для московской и провинциальной прессы от 24 марта 1922 года по поводу кампании изъятия ценностей. Директива рассылалась от имени ЦК РКП (б) за подписью В.М. Молотова. Л.Д. Троцкий критиковал прессу, в которой печатаются «сатирические стишки против попов вообще». Политическая задача данного момента, по мнению Л.Д. Троцкого, заключалась в том, чтобы «расколоть попов или вернее углубить и заострить существующий раскол». Прессе давалось указание: «Еще раз: Политическая задача состоит в том, чтобы изолировать верхи церкви, скомпрометировать их на конкретнейшем вопросе помощи голодающим и затем показать им суровую руку рабочего государства, поскольку эти верхи осмеливаются восставать против него». Выполняя инструкцию Л.Д. Троцкого, пресса взяла «бешеный тон», развернула подготовку общественного мнения к судебным процессам.

В ходе московского судебного процесса политбюро ЦК РКП(б) планировало решить несколько задач: сформулировать обвинение в контрреволюционных действиях духовенства на фактах противодействия изъятию ценностей, создать видимость законности судебного постановления о расстреле обвиняемых священников, дискредитировать патриарха Тихона, подготовить общественное мнение к будущему смещению Тихона с поста патриарха, сформулировать обвинения для использования на церковном суде против Тихона, поддержать и усилить позиции обновленческих течений церкви, усугубить раскол церкви для того, чтобы руками «обновленцев» сломить митрополитов-сторонников Тихона.

На процессе «революционного трибунала», названном по количеству обвиняемых «процессом 54-х», рассматривались дела 20 священников. В число 34 осужденных прихожан московских храмов входили профессор, инженеры, студенты, сотрудники

институтов и музеев, работники фабрик и учреждений, торговцы, чернорабочие и безработные. Предварительно дело готовилось в ГПУ, а персональный список обвиняемых был составлен в начале апреля 1922 г. уполномоченным 6 отдела Московского ГПУ М.М. Шмелевым и затем передан в московский Ревтрибунал.

Фарс публичных заседаний и «судебного разбирательства» революционного трибунала был разыгран в здании Политехнического музея. Заседания велись под председательством М. Бека. Проходившим по делу предъявили обвинение о выполнении ими распоряжений патриарха Тихона и архиепископа Никандра, приведшими к сопротивлению действиям властей по осуществлению декрета об изъятии имущества церкви. Решающая роль в определении судьбы, обвиняемых принадлежала не трибуналу и не специально газданной комиссии ЦК РКП (б) по организации и проведению антицерковных судебных процессов, а Политбюро ЦК РКП(б) и Президиуму ГПУ, где и развернулась борьба вокруг окончательного варианта приговора.

В полночь 3 мая 1922 года состоялось секретное совещание Президиума ГПУ с участием первого заместителя Председателя ГПУ И.С. Уншлихта, начальника Секретного отдела ГПУ Т.П. Самсонова и П.А. Красикова. Рассмотрев ход ведения московского процесса, совещание обсудило предложение о вызове патриарха Тихона в Московский Ревтрибунал в качестве свидетеля. В повестке дня заседания пункта об аресте патриарха Тихона не было, а рассматриваемый вопрос звучал так: «2. О вызове Тихона в ГПУ для предъявления ему ультимативных требований по вопросу об отречении от должности, лишения сана и предания анафеме представителей заграничного монархического антисоветского и интервенционного активного духовенства». Но фактически, на совещании решался вопрос об аресте патриарха Тихона и привлечении его к суду. Эта проблема обсуждалась властями давно. Еще 12 апреля 1922 года газета «Известия», имея в виду «какие-то дополнительные меры изоляции патриарха на Троицком подворье», для проверки реакции православных масс на арест патриарха бросило «пробный шар», опубликовав объявление об аресте Тихона.

На совещании 3 мая 1922 года руководство ГПУ признало нецелесообразным вызов Тихона в московский Ревтрибунал, а вместо этого рекомендовало тайно вызвать его в ГПУ и потребовать в течение 24 часов опубликовать заявление об отречении от должности, лишении сана, а также отрешения от должности представителей зарубежной Русской православной церкви. От патриарха следовало потребовать издания послания зарубежному православному духовенству о немедленной выдаче представителям РСФСР всех ценностей, находящихся в заграничных церквях. В случае отказа Тихона от исполнения этих требований руководство ГПУ полагало необходимым его арестовать и предъявить ему «все обвинения, совершенных (так в тексте оригинала. - *Прим. ред.*) им против Советской власти по совокупности».

Ввиду предстоящего судебного процесса над патриархом Тихоном совещание ставило перед прессой задачу развить против Тихона «самую бешенную агитацию, как устную, так и в печати, в Республиканском (сохранена орфография текста - *Прим. ред.*) масштабе» и просить ЦК дать на места соответствующие указания. В связи с московским процессом совещание обращало внимание ЦК РКП(б) «на проявленную мягкость Президиума ВЦИК в отношении лишения и директивам ЦК РКП» (сохранен стиль и орфография оригинала - *Прим. ред.*).

В постановлении Политбюро ЦК РКП(б) по московскому процессу давалось указание: «Сегодня же инструктировать редакторов всех московских газет о необходимости уделять несравненно большее внимание этому процессу и, в особенности, выяснить роль верхов церковной иерархии».

В тот же день Л.Д. Троцкий послал директиву в редакции газет «Известия», «Правда», «Рабочая Москва», в ЦК РКП(б), а также заместителю председателя Моссовета, секретарю Московского комитета РКП(б) и члену ЦК РКП(б) И.А. Зеленскому об освещении в печати процесса над московскими священниками. В тексте «гонитель церкви» критиковал плохую работу редакций газет и то, что в московской печати уже два дня не было ни строчки об уголовном процессе. Он писал, что окончание процесса над священниками было отсрочено специально для создания нужного

политбюро общественного мнения, «чтобы дать возможность прессе выполнить свое прямо таки преступное упущение в деле освещения и разъяснения процесса». Обвинив прессу в прямом бойкоте и саботаже в отношении процесса, имеющего «величайшие политические последствия», Л.Д. Троцкий предложил отвести информации о заседании трибунала главное место в субботнем и воскресном номерах газет.

В указании требовалось внушать мысль о наличии «централизованной антинародной контрреволюционной организации, которая прикрывается религией, а на деле является политическим сообществом». Л.Д. Троцкий дал указание писать в статьях, что церковь является «преступным сообществом», где имеется заграничная монархическая организация. Церковная иерархия во главе с патриархом Тихоном якобы переправила туда огромные церковные ценности, растрачиваемые на богатую жизнь монархистов-попов, на контрреволюционную пропаганду и подготовку реставрации в России монархии. Газеты должны были подчеркивать, что значение шуйского и московского уголовных процессов над «черносотенными попами» состоит в том, что на них была раскрыта эта контрреволюционная организация, прикрывающаяся именем церкви. Л.Д. Троцкий угрожал привлечь к партийной ответственности сотрудников редакций газет за невыполнение постановления Политбюро ЦК. Следуя указаниям Л.Д. Троцкого, пресса усилила кампанию травли патриарха.

Утром 5 мая 1922 года, не обращая внимания на рекомендации ГПУ, патриарх Тихон был вызван в зал заседаний трибунала для дачи свидетельских показаний по делу московского духовенства и мирян о сопротивлении изъятию церковных ценностей. Вечером того же дня Политбюро ЦК РКП (б) приняло секретное постановление «применить к одиннадцати московским священникам высшую меру наказания». Патриарх Тихон 6 мая был заключен под домашний арест, а 7 мая трибунал огласил «расстрельный» приговор московским священникам. Таким образом, власти нейтрализовали высшего руководителя духовенства, запугали московских священников угрозой смерти.

Затем в операции ГПУ наступил следующий этап. В Петрограде 29 мая 1922 года состоялось учредительное собрание «обновленцев», официально оформившее раскол православной церкви и создавшее организацию «Живая церковь». Группа «обновленцев» во главе с А.И. Введенским во время встречи с руководителем петроградских большевиков Г.Е. Зиновьевым получила заверение в том, что они могут рассматриваться в качестве основы будущего соглашения между государством и церковью. В пропаганде эти люди назывались «революционными (красными, сменовеховскими) священниками».

В Москве во время секретной встречи двух представителей ГПУ с епископом Антонином (А. Грановским) «обновленцам» было рекомендовано «использовать момент» для выступления против патриарха путем воззвания, издания своего журнала, ведения миссионерской деятельности на основе своих принципов, сплочения сторонников и созыва своего церковного Собора. Епископу Антонину обещалась помощь в назначении митрополитом на кафедру и содействие журналу «Живая церковь».

Воззвание «сменовеховских священников» 10 мая 1922 года составлялось под руководством ГПУ и ЦК РКП(б). Его текст был отпечатан на машинке Реввоенсовета Республики (РВСР), возглавлявшегося Л.Д. Троцким. Секретарь председателя РВСР М.Глазман заверил своей подписью воззвание и 12 мая передал И.В. Сталину для рассылки членам политбюро. В воззвании духовенство обвиняли в контрреволюционной деятельности, призывали к немедленному созыву поместного Собора для суда над патриархом Тихоном и его сторонниками, требовали передать обновленцам управление церковью. Текст воззвания одобрили и на нем расписались члены политбюро И.В. Сталин, Л.Б. Каменев, М.П. Томский, А.И. Рыков, Г.Е. Зиновьев, М.И. Калинин, после чего 13 мая воззвание было тиражировано в газете «Известия»

Популяризация событий «революции в церкви» в прессе не ослабевала. Л.Д. Троцкий 14 мая направил письмо членам политбюро с копиями в редакции газет «Правда» и «Известия». В письме содержалось требование к редакторам газет помещать на первых страницах сведения об обновленцах, а о содержании «воззвания» говорилось как о «глубочайшей духовной революции в русском

народе». От газет требовали больше давать материалов на первых полосах о «революционных священниках», «всемерно оглашая, поддерживая и комментируя сменовеховские голоса».

ГПУ завершило операцию по захвату власти в церкви 18 мая, когда группа сотрудничавших с ГПУ священников во главе с А.И. Введенским прибыла к находившемуся под арестом патриарху Тихону и заставила его передать им ключи от канцелярии синода. Затем ПТУ перевело патриарха под арест в Донской монастырь, а «обновленцы» заняли Троицкое подворье и объявили о создании «Высшего Церковного Управления» во главе с епископом Антонином (А. Грановским). Так через шесть месяцев после избрания патриарх был при помощи агентов ГТТУ насильственно отстранен от престола, а власть в церкви при поддержке большевиков захватили «обновленцы» во главе с Грановским и Введенским. Однако элита большевиков наряду с поддержкой предателей из числа церковников одновременно составляла секретные директивы для партии, в которых указывалось, что для РКП(б) будет гораздо выгоднее, если между тремя группами раскольников церкви «разгорится серьезная борьба».

Второй пропагандистской операцией после ареста патриарха Тихона явилась травля в прессе митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина, которая завершилась показательным судебным процессом. Вначале в качестве провоцирующей акции власти 12 мая 1922 года вскрыли в лавре раку с останками Александра Невского. Однако митрополит Вениамин не поддался на провокацию во время этого надругательства над святыней, сохранив выдержку и спокойствие. Он отлучил от церкви «митрополита» В.И. Введенского 28 мая 1922 года и не подчинился требованию ГПУ об отмене этого постановления. Тогда в петроградской прессе появились статьи с клеветой и персональными выпадами в адрес митрополита Вениамина. Его арестовали по сфабрикованному обвинению и судили 10 июня показательным процессом в зале филармонии, находившейся в центре Петрограда на Михайловской площади. Через три недели 5 июля трибунал объявил смертный приговор митрополиту Вениамину и еще девяти священникам Петроградской епархии.

Окончательно судьбу митрополита решил пленум ЦК РКП (б), который 2 августа принял постановление: « а) Отклонить ходатайство Президиума ВЦИК о пересмотре директивы ЦК по вопросу о полах, б) Считать необходимым интервью т. Калинина в печати по поводу нашей политики, в церковном вопросе. Текст поручить составить комиссии из т.т. Троцкого, Калинина и Бубнова». В ночь с 12 на 13 августа 1922. года митрополит Вениамин и трое других священников были тайно расстреляны. Перед расстрелом осужденных обрили и одели в лохмотья, чтобы их невозможно было узнать. Опасаясь волнений в Петрограде, по указанию ГПУ его агенты распустили слухи, что митрополита увезли в Москву.

Осенью 1922 года антицерковная пропаганда большевиков многократно усилилась. Организационное бюро ЦК РКП(б) постановлением от 13 октября 1922 года создала Антираелигиозную комиссию ЦК РКП(б) на базе существовавшей ранее комиссии по антирелигиозной пропаганде. Новой организации были даны широкие полномочия как по ведению дел с церковными группами («Возрождение», «Живая церковь», «Левая»), так и по ведению антицерковной пропаганды. Политбюро на заседании 19 октября утвердило состав комиссии, назначив ее секретарем начальника 6-го отделения секретного отдела ГПУ Е.А. Тучкова. С 25 января 1923 года почти два десятилетия председателем Антираелигиозной комиссии Политбюро ЦК РКП(б) был Емельян Ярославский (Е.Губельман).

С ноября 1922 года начался выпуск массовым тиражом антирелигиозной газеты «Красная новь» (затем название было изменено на «Безбожник»), главным редактором которой стал Е.Ярославский. Политбюро одобрило план издания серии книг и брошюр с критикой церкви. В масштабах государства проводились антицерковные семинары, лекции, диспуты, собрания. Комиссия подготовила и провела в 1922 году по всей территории страны «Комсомольское рождество», а весной 1923 года - «Комсомольскую пасху». (Комсомол - Коммунистический Союз Молодежи - *Прим. ред.*) В городах для молодежи проводились «безбожные карнавалы».

Для окончательного устранения патриарха ГПУ проводило операцию по подготовке общественного мнения к его отрешению от

сана и к церковному суду. С 12 апреля 1923 года патриарх Тихон по секретному решению Политбюро ЦК РКП (б) был переведен с домашнего ареста в тюрьму. В ответ на это представители русской православной церкви за рубежом подняли волну протестов, усилили в газетах пропаганду с критикой террора большевистских властей. Нарком иностранных дел СССР в связи с этим направил в Политбюро записку с предложением не выносить Тихону смертный приговор, поскольку «вынесение смертного приговора в деле Тихона еще более ухудшит наше международное положение во всех отношениях». Однако на заседании Политбюро 12 апреля это предложение было отклонено. Политбюро поручило всем редакциям газет, РОСТА, НКВД развернуть антитихоновскую кампанию, «особо подчеркнуть, что Тихон стоял не только во главе церковной контрреволюции, но и контрреволюции церковно-помещичьей, а, следовательно, и против передачи земли крестьянам». Политбюро приказало ответственным за агитацию лицам в газетах приглушить недовольство судебным делом и вынесением смертного приговора главе католической церкви в России Буткевичу и «усилить контрагитацию в связи с его расстрелом». НКВД получил указание усилить за границей агитацию о контрреволюционной деятельности патриарха.

Началась атака агентов ГПУ на патриарха, в ходе которой захватившие управление церковью обновленческие группировки провели 2 мая 1923 года Второй поместный собор русской православной церкви, на котором они лишили Тихона сана патриарха и устроили суд над ним. После суда Собор отменил акт о восстановлении патриаршества в России. Летом того же года в тюрьме проводились многочисленные допросы патриарха, на которых его вынудили написать «покаянное заявление». В обмен на это «покаяние» Тихон 27 июня 1923 года был освобожден из-под стражи, а антирелигиозная комиссия большим тиражом издала листовки с текстом его «воззвания» и «обращения».

По всей стране в 1923 году активисты «движения безбожников» вели агитацию за «празднование понедельника», а не воскресенья. Проводились закрытия церквей. Только за 7 месяцев 1923 года в Москве закрыли 61 церковь, 2 монастыря, 4 религиозные общины. В Орловской области по решению губернского исполкома были

закрыты все церкви и молитвенные дома. К исходу 1922 года ГПУ передало в руки «обновленцам» 20 тысяч храмов, а остальные 262 тысячи церкви были разграблены и разрушены.

В течение 1922 года по всей России было проведено 250 показательных судов «революционного трибунала» над священниками. К середине июня были осуждены 731 человек, многие из которых были приговорены к расстрелу. В 1923 году только в шестом отделении секретного отдела ГПУ велось 301 следственное дело на 375 арестованных священников, а 146 человек были высланы в Среднюю Азию, в Сибирь или за границу. К концу 1924 года в тюрьмах и лагерях побывали около половины российских епископов - 66 человек. По статистике Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, общее число репрессированных в 1921-1923 годах составило более 10 тысяч человек. Затем в 1929-1931 годах было осуждено в 5 раз больше лиц духовного звания, чем в 1922 году, а в 1937 году репрессировано в 20 раз больше священников, чем в 1922 году.

Репрессии лиц духовного звания, агентурные способы раскола церковной иерархии и захвата верховной власти в церкви, ограбление и уничтожение храмов в сочетании с массовой антицерковной пропагандой привели к глубокому кризису церкви. Церковь была лишена независимого руководства, преобразована в лояльную большевикам организацию, наполненную тайными агентами и осведомителями ПТУ, число которых по докладу Е. А. Тучкова с 1922 года до 1924 года возросло в 6 раз. Православная церковь, являвшаяся противником большевиков, была сломлена и ввергнута в состояние упадка. Население не препятствовало акциям властей по уничтожению церкви. Оно было запугано террором и дезориентировано интенсивной антицерковной пропагандой.

Ведение пропаганды на мусульман (1918-1926)

С 1918 года в течение примерно десяти лет большевики вели пропаганду среди мусульманского населения, боевых частей и банд с целью их разложения, нейтрализации и привлечения на сторону Красной Армии. Эта деятельность делится на три периода: 1) ведение разлагающей пропаганды во время боевых действий против белогвардейских войск, имевших в своем составе мусульманские части (1918-1919 гг.); 2) подготовка пропагандистов из иностранных граждан для революционной работы в Афганистане, Персии, Индии и Турции (1920-1921 гг.); 3) разложение басмачества, консолидирующая пропаганда среди населения в Средней Азии для прекращения жителями поддержки остатков бандитских групп (1919 - 1926 гг.). Созданная в 1918 году в Москве центральная мусульманская военная коллегия при политотделе РВС республики руководила ведением пропаганды на мусульман. Коллегия издавала на татарском языке газету «Кызыл Яу» (Красная Армия), а также несколько газет и журналов на языках народов Средней Азии.

С 1919 года при политотделе РВСР работал отдел Востока. В 1920 году этот отдел издавал ежедневную газету «Красный Восток» (тираж 7,5 тыс. экземпляров), газету «Укчи», журнал «Восточное дело» на татарском языке. На Туркестанском фронте и во входивших в его состав на правах фронтов группах войск пропаганду на мусульман вели мусульманские секции при политических отделах. В феврале 1919 года штат муссекции политотдела Туркестанского фронта составлял 8 человек. Через год в составе этой секции работало уже 67 сотрудников. Задачами муссекции были снабжение фронтов пропагандистской литературой на «мусульманских языках», коммунистическое воспитание мобилизованных в РККА мусульман, организация коммунистических ячеек и культурно-просветительных кружков в частях, а также разложение мусульманских частей противника. В декабре 1919 года наряду с муссекцией Туркестанского фронта был создан восточный отдел. Общие положения об отделе предусматривали, что «вся работа по политпросвещению народностей, живущих как внутри Туркестанского края, так и за его пределами, сосредотачивается в специальном органе - восточном отделе при политуправлении при РВС Туркестанской республики». Восточный отдел состоял из

туркестанского отдела с секциями по числу национальностей края, а также отдела закордонной работы, который вел «политико-просветительную работу среди зарубежных народностей». Отдел закордонной работы состоял из нескольких секций по числу народностей в зарубежных государствах.

В январе 1920 года документ с обоснованием решения о введении штатов отдела закордонной работы указывал, что «мотивом создания отдела служит необходимость данной работы среди войск противника, противостоящих Красной Армии на всех фронтах, в целях разложения их армии и агитации в пользу власти рабочих и крестьян.. Закордонная работа должна быть расширена на все мусульманское население сопредельных иностранных государств.... Эта работа должна быть согласована с командованием на фронтах и на всякий раз отдельно, что вполне возможно осуществить политотделам бригад и дивизий, действующих на этих фронтах. Работа среди населения границ сопредельных государств, где может быть предположен к осуществлению тот или иной военный план, может быть с успехом возложена на политотделы и агитпросветотделения при военных комиссариатах... При создании агитационно-просветительных отделений при уездных комиссариатах... в волостях и крупных кишлаках... сфера влияния политотдела распространяется на весь Туркестан и ближайшие пограничные области»

Деятельностью отдела закордонной работы и туркестанского отдела, входивших в состав восточного отдела, руководила коллегия в составе трех человек. Восточный отдел следил за изданием газет на сартском (узбекском), киргизском и туркменском языках. Тексты материалов газет готовились и тиражировались литературно-издательским отделением при политотделе фронта. С санкции политотдела фронта восточный отдел в декабре 1919 года открыл двухмесячные курсы подготовки агитаторов - организаторов для работы среди народов Востока. План обучения предусматривал 512 часов занятий (52 дня по 6 часов занятий). Для собеседования и чтения периодической литературы выделялось дополнительно по 2 часа в день. Общее время аудиторных занятий, таким образом, было доведено до 416 часов. Программа курсов состояла из 29 тем лекций и 13 тем дополнительных занятий, в числе которых были темы:

«Роль Востока в мировой революции», «Учение Магомета и коммунизм», «Техника агитации и организации». Содержались курсанты восточного отдела по нормам снабжения красноармейцев.

Для ведения агитационной работы среди местного населения и разложения противника приказом командующего № 18 от 26 января 1920 года в войсках Туркестанского фронта при дивизиях и бригадах были учреждены вторые политические отделы по особым штатам. Всего для этой цели создали семь особых политотделов дивизий и два особых политотдела бригад (в 1 кд, 2 кд, 3 кд, 5 кд, 24 кд, 25 кд, 49 кд, в первой и татарской бригадах). Пропагандистской работой среди личного состава частей противника в войсках Туркестанского фронта руководили военные комиссары. В обязанностях военного комиссара, утвержденных 4 февраля 1920 года, пункт восьмой гласил: «По отношению к военному противнику прилагать все усилия, чтобы узнать силы, расположение и настроения противника, принимать все меры, чтобы внести разложение в его ряды».

Значительный по численности аппарат был создан и для ведения пропаганды среди местного населения в занятых Красной Армией районах. По приказу командующего Туркфронта № 17 от 28 января 1920 года, «для противодействия английской подрывной пропаганды на Востоке, а также для пропаганды идей советской власти и РКП среди коренного туземного населения» при уездных военных комиссариатах Туркестана были созданы агитационно-просветительские отделения. Приказом № 26 от 19 февраля 1920 года для пропагандистской работы среди местного населения были созданы политотделы военных комиссариатов (в уезде - 114 человек, в округе - 121 человек, в каждой из пяти областей Туркестана - 170 человек). В штатах каждого политотдела кроме агитационно-просветительских отделов предусматривался клуб, кинематограф, библиотека, подвижный театр.

Для улучшения работы среди мусульман в штаты военных комиссариатов всех уровней приказом № 29 от 26 марта 1920 года были введены вторые помощники военного комиссара из мусульман. «Совет интернациональной пропаганды на Востоке» в мае 1920 года был создан в Ташкенте. Он стал руководить агитационной работой всех политотделов. Реорганизация аппарата пропагандистской работы среди мусульманского населения и войск противника

произошла в ноябре 1920 года после покушения на председателя совнаркома Татарской республики, когда в Москве все сотрудники центральной мусульманской коллегии были арестованы. После расследования их выпустили из-под стражи, однако приказом РВСР 24 ноября 1920 года центральная мусульманская коллегия все же была упразднена, и вместо нее создали восточные отделы при ПУРе и Всероссийском Главном штабе. Подобные же восточные отделы создали при политотделах 1-й, 4-й и 5-й армий (1 А, 4 А, 5 А). Издательская работа на языках народов Туркестана, афганцев и персов была целиком передана восточным отделам. Таким образом, в составе соединений Туркфронта и военных комиссариатов на территории Туркестана была создана система подразделений для ведения агитационно-пропагандистской работы среди мусульманского населения, бандформирований из народов зарубежных государств. Общий штат аппарата пропаганды на мусульман в конце 1920 года превышал 3 тысячи человек. По мере продвижения Красной Армии от центра России в юго-восточном направлении объектами пропагандистского воздействия последовательно стали татары, башкиры, киргизы, узбеки, таджики, туркмены, а затем афганцы и персы.

Устную пропаганду на мусульман политические органы 5 А начали после того, как 7 августа 1918 года войска белых заняли Казань. Чтобы разложить тыл белой армии, большевики засылали своих агитаторов, которые вели пропаганду среди татарского и башкирского населения, убеждая людей в том, что при новой власти у мусульман будет лучше жизнь, чем при царском режиме. Параллельно с пропаганды накапливали военные силы, в результате чего 5 А смогла 10 сентября отбить у колчаковских войск Казань, а 31 декабря захватила один из крупнейших городов Башкирии - Стерлитамак.

Осенью 1918 года выросла потребность ведения пропаганды на мусульман, поэтому в штабе фронта была создана мусульманская коллегия, занимавшаяся подготовкой агитаторов-мусульман, переводом и изданием листовок на татарском и башкирском языках. Первый крупный тираж листовок на башкирском языке отпечатали в январе 1919 года после подготовки текста воззвания М.В. Фрунзе к населению Башкирии. Листовка опровергала слухи о том, что во

главе правительства Башкирии большевики, планировали посадить своих комиссаров, а также предупреждала, что «все лица, ведущие злостную агитацию, являются врагами трудового народа, и с ними будет поступлено на основании законов революции».

Работники мусульманской коллегии в первом квартале 1919 года были привлечены для перевода литературы, в которой излагались основные тезисы коммунистической доктрины. Издание таких работ осуществлялось в помощь агитаторам, ведущим работу среди татарского и башкирского населения. Первые три брошюры на «мусульманских языках» были изданы тиражом по 3 тысячи экземпляров. В политический отдел Туркестанского фронта переводные статьи «Очередные задачи Советской власти» В.Ленина, «Что такое советская власть?» Л.Карпинского и «Принципы коммунизма» Н.Бухарина были доставлены в мае 1919 года. В следующем месяце дополнительно были получены еще 6 брошюр «красной мусульманской литературы», среди которых уже имелись издания на персидском языке. Их через агентурные каналы стали переправлять в Туркестан. В начале мая 1919 года в Самаре при политотделе Туркфронта была создана мусульманская секция в составе 9 человек, направлявшая агитаторов в группы войск и на фронты для ведения разлагающей пропаганды на противника. Например, 15 мая на Абыльском фронте агитаторы муссекции провели переговоры с баем Ашурмухамедом о переходе на сторону Красной Армии. В том же месяце в Акмолинском уезде группа агитаторов договорилась о выделении местному баю 150 винтовок при условии его ухода от Колчака и поддержки РККА.

Из Москвы 20 июня 1919 года в адрес Туркестанской центропечати был послан арабский шрифт, после чего в Самаре началось регулярное издание газет и листовок на татарском, башкирском и узбекском языках. В июле 1919 года основные материалы готовились на татарском языке. На Актюбинский фронт 10 июля были посланы листовки для воевавших в составе колчаковской армии татарских подразделений тургайских и оренбургских казаков. С августа 1919 года возросло количество наименований и тиражи издававшихся материалов, когда на фронт стали регулярно высылаться газеты «Мовляни» на татарском и «Иштрак» на узбекском языке, а также прибыла тысяча экземпляров брошюр на

узбекском языке «Конституция советской власти», «Что такое советская власть?» и 25 тысяч брошюр «Программа коммунизма» Н.Бухарина. В сентябре тираж печатных материалов возрос еще больше. На фронт для агитаторов были доставлены по 5 тыс. экземпляров брошюр «Что такое советская власть?» Л.Карпинского «Почему надо заново избирать деревенские советы?» Н.Асинского. «Комитет деревенской бедноты», «Устав освобождения Востока», «Устав партии коммунистов» и «Программа коммунистов» Н.Бухарина. Используя эту коммунистическую литературу, агитаторы вели беседы с мусульманами в захваченных Красной Армией районах.

Летом 1919 года пропагандистской работой среди мусульман на Туркестанском фронте стал руководить заместитель заведующего политотделом фронта. В июне 1919 года для усиления пропаганды он командировал агитаторов из политотдела на постоянную работу в Закаспийский, Ферганский, Семиреченский и Актюбинский фронты. Для расширения масштабов агитационной работы среди мусульман в июле-сентябре в распоряжение политотдела фронта были направлены 425 мусульман-членов РКП/б/, которых также разослали для работы по фронтам. Осенью 1919 года крупных успехов удалось добиться агитаторам, засылавшимся в тыл башкирских частей, воевавших на стороне Колчака. После получения агентурных сведений и донесения комиссара красной башкирской бригады Валиева о том, что башкирские части, воевавшие против 20-й и 24-й дивизий, готовы перейти на сторону красных, командующий фронтом М.В. Фрунзе отдал приказ Реввоенсовету 1 А об обеспечении перехода через линию фронта сдающихся башкир и недопущения по отношению к ним актов мести.

Для придания уверенности сдающимся в плен, что им сохранят жизнь, М.В. Фрунзе отдал приказ: «1/ отправить на участок, занимаемый белобашкирскими частями, команду красных башкир с представителями башкирского ревкома... 2/ отдать приказ по дивизиям о недопущении никаких эксцессов по отношению к сдавшимся башкирам, возложив ответственность за исполнение приказа на командный и комиссарский состав дивизии». В дальнейшем факт перехода башкир на сторону РККА широко использовался для ведения разлагающей пропаганды на противника, а

перебежчики-башкиры засылались в тыл белой армии с задачей агитации за сдачу в плен. На эту тему также издавались листовки.

С осени 1919 года значительные усилия были направлены для увеличения масштабов печатной пропаганды на мусульманское население Башкирии и Татарстана. С этой целью в октябре при политотделе Туркфронта в Самаре было создано литературно-издательское отделение. Оно начало печатать листовки на башкирском языке, среди которых наибольшими тиражами в октябре была издана листовка, обещавшая, что «советская власть спасет несчастных башкир от голода, холода и вымирания», а также листовка, цитировавшая постановление СНК от 6 октября 1919 года о выделении 150 миллионов рублей на восстановление 80 башкирских селений, разрушенных во время боев с белыми частями. В октябре 1919 года в Самару прибыла посланная из Петрограда цинкография, что позволило начать выпуск иллюстраций для печатных изданий. Наряду с изданием 5 брошюр тиражом 70 тыс. экземпляров на татарском и башкирском языках впервые в этом месяце были напечатаны плакаты и картинки из «мусульманской жизни». Расширение печатной базы позволило одновременно с газетой «Иштрак» также начать издавать журнал «Шарк» на узбекском языке.

Наиболее крупный тираж листовок на башкирском языке был издан по указанию В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого от 30 января 1920 года. Это было новое обращение М.В. Фрунзе, которое гарантировало предоставление автономии Башкирии, призывало «не верить яростной и злой агитации белогвардейцев». Наряду с ведением пропаганды среди башкиров осенью 1919 года велось пропагандистское воздействие на «киргизов» (старое название казахов - *Прим. ред.*), воевавших против красных в Астраханской, Оренбургской и Тургайской областях. С целью разложения киргизских отрядов РВС Туркестанского фронта 4 ноября издал постановление, в котором объявлялось о том, что «советская власть... предоставит киргизскому народу автономию». Постановление объявляло «полное прощение всему киргизскому народу, прямо или косвенно принимавшему участие в борьбе против Советской России». Условиями применения амнистии признавалось заявление о безоговорочном признании Советской власти, немедленное прекращение всяких видов помощи белогвардейскому казачеству и

выдачу белогвардейцев, укрывавшихся в степях северного Казахстана, а также помощь советским войскам по уничтожению белогвардейцев.

Содержание постановления по приказу РВС Туркестанского фронта рассказали населению казахских поселков агитаторы «киргизского (т.е. казахского) революционного комитета». Эта пропаганда способствовала нейтрализации казахов и внесению раскола в белогвардейское движение в Астраханской, Оренбургской и Тургайской областях. После проведения широкомасштабной подрывной агитации среди казахов в середине декабря 1919 года западное отделение казахского правительства «Аллаш-Орда» оповестило части Красной Армии о намерении сдаться со всеми запасами оружия и военного имущества. Переговоры с делегатами от казахских отрядов в зависимости от их местонахождения вели представители РВС 1А и 4 А. В основу переговоров были положены постановления об амнистии. Сдавшихся джигитов из отрядов сначала использовали в командах вспомогательного назначения. Затем после интенсивной политической обработки создали из наиболее надежных солдат казахскую часть, которая под командованием комиссара Джангильдина под предлогом бегства от красных обманым путем проникла в тыл белоказакам и захватила г. Тургай. Комплекс мер подрывной пропаганды в сочетании с военной хитростью ослабил силы казаков, внес раскол в их ряды, способствовал поражению белоказаков в Тургайской области, где в январе 1920 года в плен красным сдалось более 20 тысяч казаков.

В Средней Азии результаты подрывной агитации были более скромными. Агитаторам на Ферганском фронте удалось распропагандировать крупную банду курбаши (командир отряда. - *Прим. ред.*) Ашурмата, который в августе 1919 года согласился перейти на сторону РККА при условии принятия его отряда в качестве второго эскадрона ферганского советского кавалерийского полка. В начале октября 1919 года агитацией в сочетании с предоставлением материальной и продовольственной помощи удалось переманить на сторону большевиков Абдурмата курбаши, 136 джигитов которого были приняты в ферганский советский мусульманский полк. В дальнейшем для разложения банд пропагандисты РККА использовали мусульман этого полка. Так, в

ноябре после длительных переговоров на сторону РККА за оружие и сумму в 25 тысяч рублей перешли три банды, контролировавшие волости Хурдан, Теляу, Аблык вдоль железной дороги от Урсатьевска до Башкишлака. В декабре удалось договориться о том, что 250 членов бандгруппы будут охранять железную дорогу.

В начале декабря 1919 года проводились напряженные переговоры с четырьмя главарями банд на Аблыкском фронте. Посланный для помощи в проведении переговоров бывший главарь басмачей Абдул Хаджи, ставший комиссаром 2-го мусульманского полка, направил главарям письма с условиями перехода на сторону РККА. После получения этих писем на фронт прибыла делегация от трех бандгрупп Ашурмата, Мухамедкула, Рахматкула, которые согласились перейти на сторону РККА при условии получения оружия и продуктов. Однако из-за незнания особенностей национальных традиций и психологии главарей банд командующий Аблыкским фронтом сорвал переговоры с четвертым баем. Абдул-Хаджи пожаловался в РВС Туркфронта на то, что командующий фронтом заставил его написать грубое и строгое письмо с угрозами послать войска. В результате этого четвертый бай отказался прибыть на переговоры. Несмотря на отдельные неудачи, к концу 1919 года в Южном Туркестане на сторону РККА перешли несколько десятков бандгрупп, из которых были сформированы 1-й, 2-й и 11-й мусульманские советские полки и 4-я туркменская стрелковая бригада.

Осенью 1919 года агитация велась не только в частях, сформированных из бывших басмачей, но также и в тех полках, куда были мобилизованы татары и башкиры. Среди них была татарская бригада в 1 А, татарская и башкирская бригады 4 А, 3-й, 4-й и 5-й крепостные полки, а также запасной полк в Самаре, где в общей сложности насчитывалось до 3 тысяч мусульман. Агитаторы политотделов фронтов работали в мусульманских частях эпизодически. Они еженедельно проводили митинги. Так, во 2-й татарской бригаде за сентябрь-октябрь было организовано 8 массовых митингов. В ноябре командированный из агитационно-организационного отдела политотдела Туркестанского фронта в г. Верный (современная Алма-Ата) агитатор Тулегенов работал во 2-ом мусульманском полку. Три агитатора провели митинг в г. Полторацке

среди мусульманских резервных частей. На Закаспийском фронте прибывшие из Ташкента агитаторы устроили 7 ноября массовый митинг. Агитатор орготдела Кузибаев работал в 159-м госпитале в Ташкенте, где вел беседы с находившимися там мусульманами.

С ноября 1919 года агитационно-организационный отдел (агиторган) Туркфронта создал два постоянных национальных политотдела в полках бывших басмачей Камдама и Туйчи, где пропаганду стали вести штатные агитаторы. Одновременно с этим была начата пропагандистская работа среди местного населения Туркестанского края. Агитатор агиторгана фронта Исмаилов провел в декабре 1919 года работу в двух городах Мерве и Юлатане. Кроме проведения двух митингов и двух собраний в Юлатане он вел индивидуальные собеседования и принял в РКП(б) 32 мусульманина. За ноябрь 1919 года члены мусульманской секции фронта и агитаторы провели 35 лекций с охватом 1450 человек и 10 групповых собеседований с 485 людьми. В общей сложности с 14 ноября 1919 года по 14 февраля 1920 года 55 агитаторов 379 раз выступали перед населением и мобилизованными в РККА мусульманами. Эти выступления на митингах и концертах прослушали в общей сложности 57 тысяч человек.

Однако среди жителей было мало желавших служить в армии, несмотря на агитацию. Для увеличения масштабов пропагандистской работы среди мусульман в середине ноября 1919 года краевое мусульманское бюро Туркестана приняло решение о направлении 25 % мусульман-членов РКП(б) в боевые части. После проведения «партийной жеребьевки» те, кому выпало служить в Красной Армии, были отправлены на агитационно-организаторские курсы. Затем их послали для работы в войска. В среднем на каждый фронт прибыло до 20 человек. Так, 23 ноября 1919 года была создана мусульманская секция Семиреченского фронта, куда прибыли 15 агитаторов. Мобилизация 25 % членов РКП(б) позволила увеличить количество мусульманских агитаторов, создать «крестьянскую мусульманскую секцию» политотдела, которая вела пропаганду на местное население. С конца 1919 года в прифронтовую полосу и во вновь занятые области посылались агитаторы, которым давались инструкции, предусматривавшие ведение политической разведки, проведение митингов, общего собрания жителей, а также работу по

созданию организации РКП в населенных пунктах. Еще более интенсивно работа среди населения началась после того, как в последнюю декаду декабря 1919 года был создан агитационный поезд «Красный Туркестан», имевший 2 классных и 7 товарных вагонов с наглядной агитацией из 37 плакатов в восточном стиле, 14 «мусульманских лозунгов» и 12 надписей. Кроме того, в поезде была оборудована кинобаза с 13 фильмами, из которых два были художественными, три - видовыми, шесть - хроникально-документальными и одна лента была комедийная. Пропагандисты поезда «Красный Туркестан» стали вести агитацию по маршруту вдоль железной дороги Самара - Ташкент. За январь-февраль 1920 года работниками агитпоезда и просветительских пунктов Ферганской железной дороги было проведено 112 групповых бесед с охватом 17 тысяч человек и 42 лекции для 9 тысяч человек.

С весны 1920 года политическую работу с местным населением вдоль железных дорог Туркестана стали вести также сотрудники второго агитпоезда «Михаил Фрунзе». В связи с увеличением количества агитаторов в Туркестане стала ощущаться резкая нехватка печатной литературы, используемой в помощь проводившим беседы и лекции. Так, из Самары в адрес политуправления в Ташкент за сентябрь 1919 года поступило только 12 тыс. экземпляров газеты «Иштрак», в октябре - 14,7 тысяч. Несколько больше получили газет в ноябре - 48,4 тыс. экземпляров, однако, уже в декабре 1919 года присланный тираж снова составил только 15,7 тыс. экземпляров. В связи с отсутствием газет агитаторы в частях находились на «голодном пайке», получая по 3-4 экземпляра газет на полк. Так, в декабре 1919 года в команду выздоравливающих при госпитале в г. Ташкенте было направлено только шесть газет «Иштрак», хотя там находилось несколько сот мусульман.

С целью увеличения тиражей печатных материалов 6 декабря 1919 года в Ташкенте при Краймуебюро создали издательский отдел и Туркцентропечать, задачами которой являлось тиражирование и доставка в войска печатных материалов на мусульманских языках. В литиздатотделение были введены должности трех «литераторов из мусульманских сотрудников», что позволило в январе 1920 года выпустить первый номер газеты «Тюркская беднота». Листовки стали издавать в ташкентской типографии. Так, 26 декабря 1919 года

листовка «Воззвание к ферганским мусульманам» была издана тиражом 20 тыс. экземпляров на персидском языке. Однако в связи с тем, что до 90 % населения Туркестана были неграмотными, основное воздействие на них оказывали агитаторы. Успехи разложения отрядов басмачей убедили командиров полков фронтовых групп в целесообразности использования агитаторов для разложения басмачества. Так, 10 декабря 1919 года командир 1-го Туркестанского полка Аблыкской группе войск в письме, адресованном в РВС Туркфронта, докладывал: «... мы ударимся на агитации в противоположном лагере, используем перебежчиков-курбашей для этого дела, а по мере возможностей выполним намеченный план: ведения борьбы агитацией, а не вооруженной силой. Высылайте немедленно мусульман, знающих таджикский язык». Просьба командования была выполнена, и 15 декабря в дополнение к агитатору, владевшему киргизским языком, были присланы агитаторы-таджики, поскольку часть членов банд говорило по-таджикски.

РВС Туркфронта для подкрепления, разлагающей пропаганды материальными акциями решил поддержать семьи бывших басмачей, перешедших на сторону Красной Армии и поступивших на службу в боевые части. Им стали давать продовольственный паек наравне с семьями красноармейцев. В Фергану этот приказ № 60 от 20 января 1920 года был направлен уполномоченным РВС фронта на следующий же день после подписания, что стимулировало переход банд на сторону РККА. Как правило, курбаши банд назначались командирами батальонов или бригад, получая соответствующее материальное обеспечение и права командиров Красной Армии. Уже в феврале-марте 1920 года во 2-й дивизии в г. Фергане создали Первую узбекскую кавалерийскую бригаду, в составе которой были отряды бывших басмачей Мадамина, Акунджана, Акбар Али. Командиром бригады был назначен Мадамин.

Представитель ревкома 2-й дивизии Рахимбаев 22 марта в Ходженте завершил переговоры с главарями банд Аманкулом и Кизьякбаем о переходе в подчинение Красной Армии на «стандартных условиях, какие были предоставлены Мадамину», что включало предоставление обмундирования, продовольствия и боеприпасов. Текст этих стандартных условий по запросу был телеграфирован из

Ташкента в Ходжент, после чего 20 марта заключили соглашение с курбаши банд. В начале мая 1920 года в Ханабаде член РВС Туркфронта Ю.Ибрагимов после переговоров заключил соглашение с курбаши Джанибеком, который выразил желание служить со своими 800 джигитами под началом командира бригады Мадамина. Каждая из сторон при заключении подобных соглашений преследовала свои цели, поэтому за новыми «командирами Красной Армии» устанавливалось агентурное наблюдение. Так, агентура докладывала, что Мадамин в контролировавшемся районе управлял как «верховный правитель Туркестана», ставя на документы свою печать «Временное правительство Туркестана».

Успехи разлагающей пропаганды позволили на краткое время нейтрализовать басмачей Ферганской области. Новое «революционное» руководство Ферганы творило произвол и беззастенчиво грабило население. М.В. Фрунзе пытался реабилитировать советскую власть в глазах мусульманского населения. В мае 1920 года он издал «Приказ мусульманскому населению Ферганской области», который был отпечатан листовкой тиражом 20 тыс. экземпляров, расклеен во всех кишлаках и зачитан в мечетях. В тексте приказа признавалось, что прежнее руководство города Ферганы своей политикой грабежей, насилий над местными жителями, а также бесчинствами отрядов Красной Армии подрывало веру жителей в советскую власть. В приказе признавалось, что «среди населения сложился взгляд на басмачество, как на средство защиты от власти, вот что давало ему силы». В качестве средства восстановления доверия населения к большевистской власти командованием фронта был избран террор. Приказ объявлял, что «всякий, кто будет изобличен в каком бы то ни было содействии басмачам, будет беспощадно расстрелян. Из всякого кишлака, который будет поставлять басмачам продовольствие, будут их укрывать, или оказывать какую-либо помощь, будут взяты заложники и тоже расстреляны».

Командующий М.В. Фрунзе и член РВС фронта Ю.Ибрагимов в начале августа 1920 года в ходе инспекционной поездки в Фергану применили карательные меры и издали приказ об усилении пропагандистского воздействия на жителей, который содержал следующие положения: «Басмаческое движение, которое

возобновилось в Фергане, требует максимального напряжения политической работы среди населения с военными мероприятиями. Необходимо ускорить присылку формирующегося поезда политуправления, включив в число работников лекторов из мусульман для агитационно-организационных курсов, открывающихся для коренного населения, где будут служить курсанты, собранные по несколько человек из волостей, которые должны стать за малый промежуток времени проводниками идеи советской власти, также необходимо прислать работников из мусульманского издательского отдела для постановки мусульманской газеты».

Большинство изданных в Туркфронте листовок в 1920 году являлись текстами приказов командования фронтов и дивизий. По значению дивизии приравнялись к армиям, так как в тот период в Туркестане армии были уже ликвидированы. Текстами приказов, изданными в виде листовок во второй половине августа 1920 года, являлись приказы № 64 и № 68 начальника 2-й дивизии в г. Фергане. Реввоенсовет фронта постановил для оповещения населения «перевести приказы № 64 и № 68 на мусульманский язык и широко распространить среди мусульманского населения, а также расклеить на видных местах. Автомашинами разбросать эти приказы в гнездах басмачей». Текст приказа № 64 от 19 августа 1920 года ставил задачу всем командирам бригад и начальникам боевых участков брать заложниками баев и служителей мусульманского культа ишанов для направления их в концлагерь в г. Фергану и их расстреле в случае неоповещения жителями командиров частей РККА о готовившемся нападении басмачей. Приказ № 68 оповещал население о расстрелах заложников «если население и семьи заложников не примут мер противодействия басмачам».

Репрессии против населения вызывали рост враждебных настроений среди бывших басмачей, которые стали служить в рядах РККА. Командование Туркфронта получало все больше донесений агентуры о переговорах бывших главарей банд с целью совместного выступления против большевиков. Из-за этого в Ташкенте решили разоружить часть мусульманских отрядов. Обезоружить джигитов бескровно во время «смотрa войск» не удалось, после чего 25 мая 1920 года в г. Андижане начались уличные бои. Командующий

фронта М.В. Фрунзе был вынужден издать в виде листовки приказ, чтобы «все верные советской власти джигиты вернулись в штаб бригады». Боевые действия в городе прекратились, однако вновь вспыхнули в сентябре 1920 года, когда бывшие джигиты Мадамина опять завязали уличные бои с Красной Армией, закончившиеся многими сотнями убитых и расстрелом 24 сентября «зачинщиков беспорядков». Об окончании боевых действий и уничтожении сторонников Мадамина агитаторы сообщили населению. Эта информация содержалась и в специально выпущенных листовках.

В 1921 году в Сыр-Дарьинской, Семиреченской, Ферганской, Самаркандской, Закаспийской областях работу среди мусульман вели политотделы пяти окружных военных комиссариатов и несколько боевых соединений. Наряду с консолидирующей пропагандой среди местных жителей они воздействовали на бандгруппы засылкой в районы их действия групп агитаторов. Направленность содержания пропаганды и политической разведки в тот период определялась положениями секретной резолюции «Об изучении Туркестана и сопредельных с ним стран как возможного театра войны», принятой на совещании политработников Туркфронта 26 июля 1921 года. На способы пропаганды влияло то, что почти все сельские жители Туркестана были неграмотны. Среди военнослужащих РККА в мае 1921 года 21,2 % были совершенно безграмотны, а 18 % могли лишь решить четыре арифметических действия в пределах до 100. После демобилизации русских в 1921 году грамотные остались лишь в штабах дивизий и полков. Так, 2-я дивизия в Фергане насчитывала до 95 % неграмотных. Поэтому главным способом воздействия на людей являлась устная пропаганда с использованием агитаторов, которые работали среди мобилизованных в Красную Армию мусульман, засылались в бандгруппы и кишлаки, контролировавшиеся исламскими служителями культа и местными баями.

Содержание пропаганды на мусульман Туркестана в 1921-1923 годах соответствовало темам, которые широко использовались в конце 1920 года. Лишь с первой половины 1921 года стало отмечаться появление новых тем пропаганды в связи с тем, что она стала вестись на бандгруппы в Восточной Бухаре. Основные силы пропагандистов на мусульман в этот период были посланы боевым

частям в долины Таджикистана. Наибольшие силы пропагандистов были сосредоточены в кишлаке Душанбе, где располагались политотделы 13-го кавалерийского корпуса и 2-й кавдивизии. Политотдел 8-й кавдивизии размещался южнее, за горным хребтом в кишлаке Яван, около 30 км к юго-востоку от Душанбе. Разлагающую пропаганду на басмачей также вел политотдел 6-й отдельной кавбригады в кишлаке Куляб примерно 115 км юго-восточнее Душанбе. Пропагандисты политотделов Хорогской группы войск (Хива), сотрудники политотделов 2-ой кавалерийской дивизии (Самарканд) и Узбекской Красной Армии (Бухара) занимались в основном консолидирующей пропагандой среди населения.

В связи с многолетними боевыми действиями и террором против семей мятежников в Туркестане численность бандгрупп в середине 1924 года сократилась, вследствие чего количество боев уменьшилось. Так, с мая 1924 года до 1 января 1925 года, было проведено только 1369 боев и отбито 434 нападения бандгрупп на посты, основная часть которых находилась в Восточной Бухаре. Практически не велись боевые действия в Кашкар-Дарьинской и Сурхан-Дарьинской областях, где количество басмачей после 10 месяцев боевых действий в 1925 году стабилизировалось на минимальном уровне. Размещение военных гарнизонов по всем населенным пунктам в долинах привело к тому, что в Самаркандской области в ноябре 1925 года осталась лишь одна бандгруппа из 11 человек, а в Зеравшанской области - две банды численностью в 56 человек.

Основное внимание в политической работе с 1925 года уделялось Восточной Бухаре (современный Таджикистан - *Прим. ред.*). Там 97 % территории составляли горы, служившие надежным укрытием для басмачей, и военные действия не приносили никаких результатов. Не смогло решить проблему басмачества и объявление весной 1925 года амнистии. Хотя после проведения многомесячной пропаганды указа об амнистии сдалось добровольно 610 членов, банд и 190 сдалось в ходе боев, это сократило число басмачей только наполовину: с 2598 в январе 1925 года до 1050 на первое апреля 1925 года. Сдавшиеся в плен составляли примерно 52 % от общего числа потерь басмачей за шесть месяцев боев. Однако оставшиеся бандгруппы постоянно пополнялись за счет притока, молодежи,

мстящей за смерть родственников. Это сводило на нет боевые успехи. Военными - методами решить проблему басмачества оказалось невозможно. Для усиления возможностей ведения политической разведки и оказания пропагандистского влияния на бандгруппы решили привлечь сотрудников школы востоковедения, которые в начале мая 1925 года из Бухары были командированы в Душанбе в распоряжение 13-го кавалерийского корпуса. Целью работы специалистов школы являлось изучение и анализ национальных, родовых отношений социальных групп Восточной Бухары, поддерживавших басмачество, а также ведение пропаганды среди населения. В политической директиве политуправления Туркфронта военному комиссару школы 2 мая 1925 года указывалось: «В пропагандистской работе широко использовать ослабевшую мощь басмачества, антагонизм в стане курбашей, террор и насилие, творимые басмачами над жителями коренного населения... Военная пропаганда и пропаганда национальных формирований должна вестись постоянно, преломляться во всех мероприятиях школы».

Несколько месяцев интенсивной пропаганды в сочетании с военными действиями не изменили обстановку. Поэтому в ноябре 1925 года политуправление Туркфронта разработало «Комплексный план ликвидации басмачества в Восточной Бухаре». В нем военные действия увязывались с агентурной работой, ведением политической разведки и политической пропаганды, которые должны были осуществляться различными ведомствами. Военным частям поручалось «уничтожение банды в целом путем военных действий». Задачами ОГПУ являлось «физическое уничтожение отдельных руководителей, курбашей, их приближенных, советников, помощников». Большое внимание уделялось пропагандистской обработке местных жителей. Политическим отделам в директиве ставились задачи: «В области политической работы считать необходимым усиление агитационной работы путем собраний, митингов, а где возможно распространение листовок и воззваний, привлекая к этой работе партийные советские организации, и особенно усилить популяризацию мероприятий правительства, направленных к поднятию дехканского хозяйства». Задачами политической разведки являлись изучение феодально-племенных связей, выявление этнических групп и национальных меньшинств,

поддерживающих банды. В 1925 году главным содержанием пропаганды стала популяризация решения о создании в Восточной Бухаре самостоятельной Таджикской республики, во главе правительства которой были поставлены лояльно настроенные к большевикам представители туземного населения. Так власти пытались воздействовать на национальные чувства местного населения, привлечь на свою сторону таджиков, оторвать их от главарей банд.

Наряду с ведением политической пропаганды для сбора информации о настроениях населения предписывалось расширить агентурную сеть политорганов в кишлаках, а также внедрить целый комплекс организационных мер: создать систему коллективной ответственности в населенных пунктах во главе с «кишлачными ответчиками», организовать «комитеты борьбы с басмачеством» из авторитетных представителей тех национальностей, которые соответствовали национальному составу местных бандгрупп; проводить демонстрации населения против басмачества, организовать добровольные «отряды палочников» в кишлаках и отряды для помощи в боевых операциях Красной Армии. Все эти мероприятия популяризировались в политической пропаганде среди местных жителей. В 1925-1926 годах комплексное ведение мероприятий против басмачества позволило уменьшить количество бандгрупп в Восточной Бухаре. Наиболее крупные банды перешли через границу Афганистана. Там они создали свои базы и под руководством английских военных советников продолжали нападения.

В 1927 году велись боевые действия по разгрому баз басмачей в Северном Афганистане. В плане ведения политической работы фронта среди населения Афганистана в тот период впервые упоминалось о двух типах листовок - мобилизационных и оперативных. Под мобилизационными понимались листовки, которые писались, заблаговременно в запас для издания и распространения в первый день войны. Самые общие темы содержания текстов гарантировали то, что листовки не устареют в течение многих лет. План предусматривал подготовку двенадцати таких листовок. Оперативные листовки предполагалось писать по оперативно складывавшейся обстановке.

Оценивая пропаганду среди мусульман в Туркестане, можно сделать вывод, что в целом она была достаточно успешной. Причиной успеха являлось то, что пропаганда подкреплялась конкретными материальными акциями: военным контролем всех населенных пунктов, созданием концлагерей для родственников и членов семей басмачей; репрессиями служителей исламского культа, материальным стимулированием басмачей, которые согласились сотрудничать с командованием Красной Армии. Основной причиной успеха пропаганды было то, что материальные условия жизни людей в городах и крупных поселках Туркестана улучшились из-за больших поставок из России в Узбекистан и Таджикистан продовольствия и товаров по дешевым ценам. Для неграмотного населения открывали школы, библиотеки, клубы, показывали фильмы. В таких условиях листовки с текстами приказов командования Красной Армии оказывали влияние на людей.

Вторым фактором, обеспечившим эффективность воздействия пропаганды, было то, что она велась на «открытое сознание» неграмотных людей, зачастую не имевших никаких представлений по тем вопросам, о которых вели речь агитаторы. Первая информация принималась сознанием неграмотного человека за основу, поскольку не требовалось преодолевать в сознании уже сформированные стереотипы. Это намного облегчало достижение пропагандистских результатов. Наличие «открытого сознания» людей обеспечивалось тем, что все грамотные служители исламского культа в населенных пунктах были уничтожены. В Туркестане не осталось людей, которые могли бы внушать жителям негативные психологические установки или враждебные мысли с опорой на цитаты из священного Корана.

Третьим фактором, способствовавшим достижению положительного результата пропаганды, являлось то, что для оказания воздействия на жителей привлекались агитаторы из числа лояльных представителей туземного населения. Такие носители туземного менталитета, воспринимались местным населением как их единоверцы, земляки. Это способствовало достижению психологического контакта с людьми, повышало доверие к содержанию излагавшейся информации, улучшало ее усвоение и запоминание. В 1920-1926 годах высшие руководители государства,

командующие фронтами лично участвовали в ведении пропаганды. Это обеспечивало хорошую координацию и взаимодействие между командирами, политическими отделами, группами иностранных коммунистов, особыми отделами и агентурной разведкой для пропагандистского воздействия на противника и туземное население.

Основными целями пропаганды на врага являлось побуждение национальных меньшинств к борьбе за национальную независимость, возбуждение у людей надежд на лучшую жизнь при свержении старой власти. В содержании пропагандистских материалов основное место занимал показ положительной альтернативы - счастливого коммунистического будущего, идеальные представления о котором соответствовали надеждам людей на жизнь в обществе социальной справедливости, равенства и братства. Пропаганда негативной направленности с целью устрашения объекта воздействия занимала в общем объеме пропагандистских материалов незначительное место.

Пропаганда в Туркестане подкреплялась политикой безжалостного уничтожения баев, служителей исламского культа, басмачей и членов их семей. Одновременно с этим оказывалась материальная помощь бандам, перешедшим на сторону РККА. Семьи бывших басмачей обеспечивали ежемесячным продовольственным пайком. Это содействовало достижению эффекта пропаганды. Когда обещания «счастливого будущего» находили подтверждение в реальном улучшении жизни, люди с готовностью верили новым пропагандистским обещаниям.

Пропаганда на противника в военных конфликтах на Дальнем Востоке

В октябре-ноябре 1929 года части Особой Дальневосточной армии (ОДВА) в ответ на военные провокации китайцев на Китайской Восточной железной дороге (КВЖД), являвшейся собственностью СССР, провели военную операцию в Северной Маньчжурии. Соединения ОДВА с двух направлений вторглись в северо-восточную часть Китая. Наиболее глубоко войска СССР из

Забайкалья продвинулись вдоль КВЖД до г. Хайлар. На другом направлении от впадения реки Сунгари в Амур войска вклинились в Китай на 80 км от границы до города Мишань. Командование соединений ОДВА вело работу среди китайского населения. Эта деятельность носила кратковременный характер, поскольку подразделения находились в городах Мишань, Фуцзинь и крепости Лахасусу (современный г. Тунцян) лишь двое суток. Около месяца до конца декабря 1929 года части ОДВА были в городах Маньчжоули, Чжалайнор и Хайлар.

Сразу после окончания боев в городах Маньчжоули, Фуцзинь и Лахасусу населению бесплатно раздавалась захваченная на складах мука, продовольствие. По распоряжению командующего ОДВА В.К. Блюхера пятистам рабочим угольных копей Хайлара была выдана месячная зарплата и топливо. Интенсивно пропаганда велась в г. Маньчжоули, где расклеивались приказы и объявления, там была организована выставка фотографий об успехах экономического строительства в СССР. В кинотеатре проводились митинги и бесплатные показы фильмов, перед которыми собравшимся читали доклады о внешней политике СССР. В г. Чжалайнор для китайских рабочих был организован «вечер смычки» Им показали фильм «Броненосец Потемкин», провели совместный ужин с солдатами ОДВА прочитали несколько докладов. Плановмерно велась пропаганда среди более чем 9 тысяч китайских военнопленных на территории СССР. Пленным читали статьи из московских газет, транслировали радиопередачи. Пленные-активисты в лагере выпускали стенгазеты, проводили вместе с военнослужащими ОДВА «митинги солидарности». Более тысячи раненых пленных лечились в госпиталях вместе с бойцами ОДВА получая одинаковое питание. В результате гуманного обращения и пропагандистской обработки 1240 пленных написали заявления с просьбой отправить их жить в СССР, 47 человек написали заявления о желании вступить во Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи, а 240 просили принять в профсоюз и дать работу в СССР

После военного конфликта 1929 года на Дальнем Востоке наступил мир, который был нарушен летом 1938 года, когда японские войска захватили территорию СССР в районе озера Хасан. Во время боев для работы в поезде- типографии ОДВА в г. Ворошилове

(Уссурийске) были призваны на военную службу сотрудники редакций газет. Согласно штатам военного времени, из Москвы в г. Ворошилов послали редакционных работников из газеты «Правда». Однако агитационные материалы не успели подготовить из-за быстрого завершения конфликта, который длился только две недели. Негативный опыт попытки издания агитматериалов за период конфликта на озере Хасан показал недостатки штатов мирного времени для фронтовых поездов-типографий, которые не смогли обеспечить быстрого издания листовок. Поэтому в апреле 1938 года политическое управление РККА (ПУРККА) изменило штаты поездов-типографий в Чите, Хабаровске и Ворошилове. Новый штат был утвержден 16 апреля 1939 года после обсуждения просьбы политуправления Забайкальского военного округа (ЗабВО) от 23 марта 1939 года о дополнительном включении в штатное расписание восточного отдела поезда-типографии на мирное время редактора, двух инструкторов и секретаря, а также пяти сотрудников типографии (трех наборщиков иероглифического текста, печатника и метранпажа).

Решение об усилении подразделений пропаганды на противника было продиктовано опасной обстановкой на Дальнем Востоке, где с 11 мая японцы вели военные провокации в районе Халхин-Гола. С начала мая 1939 года японцы осуществляли подрывную пропаганду путем распространения листовок шарами-пилотами в Забайкалье, Хабаровском и Приморском краях. В ответ на подрывную пропаганду японских спецслужб, а также учитывая усиление военной угрозы на Дальнем Востоке и на Западе, ПУРККА принял решение «о проведении идеологической борьбы с противником». Директива № 169 о проведении военных сборов (т.е. о призыве на военную службу для выполнения боевых задач - *Прим. ред.*) сотрудников редакций газет на иностранных языках была послана 5 июня 1939 года в приграничные военные округа СССР кроме Среднеазиатского и Одесского округов, а также в 1 Отдельную Краснознаменную армию (ОКА) в Уссурийск и во 2 ОКА в Хабаровск.

В этот период пропагандистские подразделения Красной Армии содержали по небольшим штатам мирного времени. По мобилизационным планам 1939 года в политуправлениях ЗабВО и 1 ОКА имелись поезда-типографии. В каждом из них были восточные

отделы, имевшие штат пять человек (редактор-переводчик, корректор и 3 наборщика). Однако эти отделы не были укомплектованы из-за отсутствия специалистов со знанием китайского и японского языков. С середины мая 1939 года по директиве ПУРККА в политуправлениях Забайкальского ВО, 1 ОКА и 2 ОКА были начаты сборы специалистов со знанием иностранного языка. Из них создали редакции газет на китайском, японском, корейском языках. Затем дополнительные 45-дневные военные сборы были организованы во 2 ОКА - с 20.06.1939 года, а в 1 ОКА и ЗабВО - с 1.07.1939 года. Одновременно в июле ввели в действие штат военного времени временных редакций и типографий газет на иностранных языках при армейских группах. По этому штату 22 июля была создана редакция японской газеты в 1-й армейской группе (АГ) в районе реки Халхин-Гол. Работу по изданию материалов на китайском, японском монгольском языках в 1 ОКА вели 21 человек, во 2 ОКА - 13, а в ЗабВО - 45 участников сборов редакций газет на иностранных языках. Из Москвы в Читу 29 мая 1939 года телеграфом были переданы тексты первых листовок «К японским солдатам», «К населению и солдатам Маньчжурии». Утверждал тексты в Москве лично нарком обороны СССР К.Е.Ворошилов. Для перевода текстов в Чите привлекли гражданских специалистов

Ведение пропаганды на противника потребовало иметь подразделения для издания материалов на иностранном языке. В связи с этим в июле 1939 года ПУРККА решило развернуть по штатам военного времени при политуправлении ЗабВО три редакции газет на иностранных языках: «Монгольский арат», газеты на японском языке «Голос солдата» и газеты на китайском языке «Китайский партизан». Штат каждой газеты имел 10 сотрудников, в числе которых были ответственный редактор, два инструктора-литератора, два переводчика-литератора, секретарь редакции, два печатника, другие работники.

Первые листовки «К японским солдатам» и «К населению и солдатам Маньчжурии» были отпечатаны и распространены после приказа из Москвы тиражом по 5 тысяч экземпляров. За июнь было дополнительно подготовлено и издано 7 листовок, основная часть которых предназначалась для китайских солдат и населения подчиненного японцам государства Маньчжоу-Го. С его территории

японские милитаристы вторглись в Монголию в районе Халхин-Гола. Все листовки были маскировочного характера. Издавали их от имени «партизан Северо-Восточного Китая», «Северо-Восточной антияпонской объединенной армии», «группы солдат баргутского кавалерийского полка» (баргуты - этнос Северо-Восточного Китая - *Прим. ред.*). В Чите листовки на китайском, японском языках тиражировали в поезде-типографии политуправления ЗаБВО, в котором типографские машины были смонтированы в четырех пульмановских вагонах. В них имелся комплект шрифта с 40 тысячами иероглифов, которыми можно было набирать тексты на китайском и японском языках

Из-за отсутствия специально подготовленных наборщиков иероглифических текстов набор вели офицеры-переводчики и редакционные работники, знавшие японский и китайский языки. Это замедляло подготовку и тиражирование листовок, так как творческие работники были вынуждены вместо написания листовок тратить время на набор иероглифических текстов. Листовки на монгольском языке готовила редакция в Чите, но из-за отсутствия шрифта тексты передавались телеграфом в Улан-Батор для тиражирования в городских типографиях. Материалы на монгольском языке начали тиражировать в Чите только после того, как 9 июля 1939 г. специальным поездом из Улан-Уде в Читу был доставлен монгольский шрифт. В ходе издания листовок выявились недостатки. Много времени тратилось на передачу текстов из Читы шифром в Москву для утверждения и передачу из ПУРККА отредактированных текстов обратно в политуправление ЗаБВО и в Улан-Батор для перевода и печатания. После всего этого листовки доставляли из Читы самолетом за 600 км на Халхин-Гол. Вся процедура занимала до 15 суток. В результате листовки теряли актуальность. Находившийся в командировке в г. Чите начальник ПУРККА Л.З. Мехлис для решения этой проблемы 9 июля отменил посылку текстов для утверждения в Москву. Он приказал издавать листовки самостоятельно в Чите. Л.З. Мехлис направил телеграмму на Халхин-Гол в политотдел 57-го стрелкового корпуса: «Вы имеете возможность разлагать противника и его тыл... Как огня бояться японцы правдивого слова. Прекратите крохоборничество в этом деле и разверните идеологическую борьбу широким фронтом». После

такой телеграммы в Тамцак-Булаке на расстоянии 120 км от фронта на реке Халхин-Гол создали группу из трех офицеров, которые должны были вести пропаганду на противника.

В конце июля 1939 года изменился процесс издания листовок после приказа начальника ПУРКА 22 июля создать из командированных на Халхин-Гол политработников в составе 1-й армейской группы временную редакцию газеты на японском языке. Первоначально редакция состояла из четырех офицеров: редактора (Соркин П.И.), заместителя редактора (Бурцев М.И.) и двух редакционных работников (Леванов В.В., Усов М.П.). Никто из них не знал японского языка, поэтому они составляли тексты листовок на русском языке и отправляли их самолетом в Читу для перевода и тиражирования

На Халхин-Голе офицеры редакции начали работу со сбора информации о состоянии боевого духа войск противника. На допросе японских пленных 3 июля 1939 года выяснили, что японские части были самыми боеспособными в Квантунской армии Действовавшая здесь 23-я пехотная дивизия (пд) официально была «непобедимой, храброй и могущественной дивизией императорской армии». На флангах 23 пд воевали кавалерийские части созданного японцами марионеточного государства Маньчжоу-Го, состоявшие из баргутов и маньчжуров. Допросы пленных баргутов и маньчжуров показали, что их боевой дух гораздо ниже, чем у японцев.

Допросы японцев показали, что для достижения большей оперативности пропаганды следует перебазировать редакции и типографскую базу из Читы ближе к линии фронта, чтобы процесс издания листовок стал более быстрым и пропаганда могла реагировать на изменения обстановки на фронте. Поэтому 13 августа 1939 года находившийся в районе Халхин-Гола начальник ПУРКА Л.З. Мехлис телеграммой потребовал направить печатную базу и работников со сборов редакций из Читы на Халхин-Гол. Три бомбардировщика ТБ-3 15 августа доставили на аэродром Обо-Сомон 32 офицеров со сборов редакций в Чите, 40 тысяч знаков иероглифического шрифта, ротационную и тигельную типографские машины. В этот же день 25 офицеров и ящик с 3 тысячами иероглифов были доставлены в место расположения на Тамцак-

Булак. Офицеры в звании до капитана начали копать землянки для редакций, подземелье для типографии, ставили юрты для личного состава. Это происходило потому, что штаты не предусматривали в редакциях подразделений материально-технического обеспечения. В редакциях было мало рядовых, которых можно было бы использовать для выполнения хозяйственных работ. Поэтому офицеры вместо подготовки текстов листовок были вынуждены копать землянки и ров для размещения типографских машин.

Работы по установке 50-метровой палатки для редакций и оборудованию места размещения продолжались до 17 августа, а 18 августа прибыли последние 8 офицеров и оставшаяся часть иероглифического шрифта, которые задержались на аэродроме из-за дождя, размывшего дороги. Так в Тамцак-Булаке было собрано 26 офицеров со знанием иностранных языков, в том числе японисты И.В. Вардуль, Н.М. Кострюков, Павлов, Туманов; Китаисты И.Н. Акопов (Лин-Син), Н.Т. Федоренко и другие. Двух офицеров, знавших иностранные языки, по приказу Л.З. Мехлиса направили на командный пункт в Хамар-Дабу для работы переводчиками в штабе армейской группы. В 120 км от фронта в объединенной редакции осталось 30 офицеров со сборов в Чите. Часть иероглифического шрифта дополнительно прислали в район боевых действий из Москвы.

Одновременно с этим 15 августа 1939 года в политотделе 1 АГ было создано штатное отделение по работе среди войск противника в составе начальника отделения М.И. Бурцева, трех офицеров-политработников Леванова, Усова, Табачкова, а также приданных им фотокорреспондента Фекленко и машинистки. Три редакции на Тамцак-Булаке стали подчиняться этому отделению. Фактически, в 1 АГ на Халхин-Голе пропаганду на войска противника начали со второй половины августа 1939 года, когда было создано штатное отделение, объединенные редакции завершили размещение на новом месте и приступили к выпуску первых листовок. Здесь выпускали листовки, которые распространяли на вторые сутки после тиражирования в отличие от листовок из Читы, требовавших 15 суток на доставку. Эти «оперативные» листовки не теряли актуальность, имели конкретную информацию о боевых действиях войск и выигрывали в сравнении с теми агитматериалами, которые

были изданы на значительном удалении от линии фронта, имели «академический, неконкретный характер».

Опыт Халхин-Гола показал необходимость размещать печатную базу и редакции газет на иностранных языках ближе к линии фронта для увеличения оперативности пропаганды на войска противника. Этот опыт привел к изменению штатов политотдела армии РККА, где на военное время стало предусматриваться штатное отделение по работе среди войск противника и военнопленных в составе начальника отделения и трех переводчиков. Особое значение для развития способов пропаганды на противника в боевых порядках войск оказало решение о создании подразделения для ведения звуковых передач. Приказом наркома обороны СССР № 106 от 20 июня 1939 года «для усиления политработы техническими средствами» в Забайкальский военный округ был откомандирован звуковещательный отряд, штат которого насчитывал 13 человек. В составе технических средств отряда была мощная установка МГУ-1500 на базе четырех грузовых машин ЗИС-5 и ЗИС-6, разработанная в ленинградском институте радио и передающей аппаратуры (ИРПА) в 1937 году для имитации шумов. Станция имела звукозаписывающий аппарат, набор пластинок, звукофильмов, музыки и шумов. Не успев пройти государственные испытания, звукостанция была направлена в район боевых действий, где в условиях боевой обстановки и в неблагоприятном климате использовалась для дезинформации и ведения звукопередач на противника.

Звукоотряд из поселка Мытищи, расположенного к северо-востоку от Москвы, 22 июня 1939 года был отправлен в район боевых действий. После прибытия 17 августа в район Халхин-Гола отряд за короткое время подготовился к работе. По приказу командира армейской группы Г.К. Жукова ночью 19 августа для дезинформации врага звукостанция передавала шум инженерных работ по устройству проволочных заграждений, а 20 августа накануне наступления в 3.00 утра имитировала шум подхода танков к центральной переправе через реку Халхин-Гол. С 20 до 27 августа после прорыва линии фронта, когда уничтожали окруженную японскую группировку, отряд передал 9 обращений под названием «политический час для японцев». В передачах говорилось об

окружении, утверждалось, что офицеры обманывают солдат. Тексты передач читал знавший японский язык диктор Г.И. Селянинов. До 1 сентября 1939 года звукоотряд провел в общей сложности 60 передач по текстам 11 программ. РККА получила первый опыт ведения звукопропаганды на линии фронта с помощью МГУ-1500. В результате работы опытной звуковещательной станции МГУ-1500 был выявлен ряд недостатков. Их описал в докладной записке на имя начальника ПУРККА диктор Г.И. Селянинов. Во-первых, плохая компоновка оборудования станции на связанных кабелем машинах приводила к тому, что в случае выхода из строя одной машины вся звукостанция не могла работать. Во-вторых, конструктивные недоработки электрической схемы приводили к тому, что внутри работающей станции температура поднималась до 60 градусов. Это делало трудным длительную работу экипажа. Кроме того, диктор не мог читать тексты из будки станции, поскольку в микрофоне возникали сильные посторонние шумы, гудение и треск от работавшей аппаратуры и источников питания. Из-за этого экипаж мог вести передачи через микрофон только при помощи выносного кабеля, а диктор был вынужден читать тексты, располагаясь в 50 метрах от станции в воронке от снаряда. Это было неудобно, так как он зажигал свечу, чтобы видеть текст. При этом сверху на воронку набрасывали две шинели, чтобы ночью свет не демаскировал расположение звукостанции. В-третьих, тяжелый вес колесных машин (по 6-7 тонн каждая) приводил к тому, что машины часто застревали. Большие габариты, высота более 4 метров делали крайне сложной маскировку станций, подвергая их большой опасности при обстрелах. Спасло МГУ-1500 от уничтожения то, что передачи велись короткое время на окруженные японские войска, не имевшие артиллерии. Указанные недостатки были учтены, когда последующие образцы звукостанций стали делать только на базе одной грузовой машины. Однако предложение Г.И. Селянинова сделать новую звукостанцию на базе гусеничной машины не было выполнено из-за экономии средств.

Наряду с опытом ведения звукопередач также получили опыт ведения печатной пропаганды на противника. За период с июля по 10 сентября в Забайкалье и на Халхин-Голе было издано 5368 тысяч экземпляров листовок и газет (в т.ч. 4328 тысяч листовок). Две

отдельные армии в Хабаровске и Ворошилове продолжали издавать и распространять пропагандистские материалы на территории Маньчжоу-Го даже после подписания 15 сентября 1939 года в Москве договора с Японией о прекращении боевых действий на Халхин-Голе. Так, 2 ОКА (Хабаровск) с июня по ноябрь издала 115 наименований листовок на японском и китайском языках тиражами соответственно по 190 и 159 тысяч экземпляров, а также газету на японском языке тиражом 10 тысяч экземпляров. Для издания этих материалов участникам сборов редакций пришлось выполнить большую работу, перебрав и разложив по 232 кассам 3,5 тонны иероглифического шрифта старой китайской газеты «Рабочий путь». Листовки и газеты 2 ОКА разведывательный отдел армии распространял через китайских партизан. Политработники дивизий запускали шары-пилоты с листовками на операционных направлениях Сахалин и Сунгари.

В 1 ОКА (Ворошилов) работали три специалиста, призванные на сборы из Москвы, а также призванные на сборы 16 преподавателей и студентов Дальневосточного университета. С июня по конец сентября 1939 года они издали на китайском языке 15 листовок, 28 лозунгов, 2 плаката и 2 газеты «Китайский партизан», а также 19 листовок, 14 лозунгов и 2 газеты «Голос солдата» на японском языке общим тиражом примерно 300 тысяч экземпляров. Все эти материалы были заброшены через границу при помощи китайских партизан. Таким образом, во время военного конфликта на Халхин-Голе общий тираж листовок и газет для войск противника и населения Маньчжоу-Го, изданных Забайкальским военным округом, двумя отдельными армиями и 1-й армейской группой на Халхин-Голе превысил 6 млн. экземпляров.

Одновременно издавать листовки и газеты на иностранных языках не удавалось. Выпуск небольших по формату однополосных, односторонних газет (62 x 40 см) в условиях нехватки опытных специалистов занимал много времени. Первые газеты были выпущены лишь через 99 дней после начала боев на Халхин-Голе. Газеты на японском языке в Чите были изданы 30 июля, 2 августа и 1 сентября, а на китайском - 20 июля и 2 августа 1939 года. Для издания газет специалисты в Чите, Хабаровске, Уссурийске и Тамцак-Булаке затратили много усилий и времени. Однако результатом их работы

были издания с неактуальным содержанием и множеством ошибок. В газете на монгольском языке были настолько очевидные ошибки, что командование приняло решение ее не распространять.

Статьи газеты «Монгольский арат», предназначенные для полуграмотных солдат баргутских кавалерийских полков, использовали слова «концерны», «синдикаты», «милитаризм», «империализм». По приказу командования 1 АГ тираж газеты был уничтожен после его доставки самолетом из Читы на Халхин-Гол. Во время военного конфликта листовки для войск врага печатали мало. С конца мая и до 1 июля было издано всего 60 тысяч экземпляров листовок. Это было недостаточно для линии фронта протяженностью 74 километра. До середины июля тиражи были небольшими. Лишь в августе листовки стали печатать ежедневно. (Приложение № 1).

Не все изданные материалы были распространены. В сентябре около 250 тыс. листовок и 2 номера газет на китайском и японском языках тиражом 250 тысяч и 275 тысяч экземпляров соответственно были заложены в запас в связи с тем, что уже 7 сентября 1939 года было принято решение прекратить распространять газеты и листовки. Часть печатной продукции не была распространена в связи с тем, что 21 августа был сбит средний бомбардировщик СБ-1, имевший на борту 135 тыс. листовок, и 25 августа при бомбежке японцами аэродрома Обо-Сомон сгорели 140 тыс. листовок. Таким образом, всего в районе Халхин-Гола было распространено около 3,8 млн. листовок.

В заключительный период войны с 19 по 30 августа 1939 года после окружения японцев распространили 1,71 млн. листовок и около 0,5 млн. экземпляров газет. Самое большое количество листовок было предназначено для японских солдат. В три раза меньше этого количества издавалось листовок для маньчжуров и солдат баргутских частей японского марионеточного государства Маньчжоу-Го. (Приложение № 2).

Анализ содержания текстов 52 агитационных материалов показал, что основными целями пропагандистского воздействия 49 листовок, лозунгов и 3 звукопрограмм являлось возбуждение у китайцев ненависти к японцам, дискредитация командования противника, возбуждение недоверия к японским помещикам и капиталистам, создание представления о неблагоприятном

положении в тылу противника, устрашение противника, возбуждение у солдат сентиментальных чувств, создание у солдат врага благоприятного представления о плене, распространение пораженческих настроений среди солдат противника, побуждение к сдаче в плен, дезертирству, а также к ведению вооруженной борьбы китайцев против японцев. (Приложение № 3).

Тексты листовок и лозунгов в основном имели декларативный характер, не содержали фактов, подкреплявших тезисы этих материалов. Многие листовки и лозунги состояли всего лишь из 2-3 предложений, имели грамматические и смысловые ошибки. Причиной невысокого уровня содержания текстов являлось то, что они выпускались неподготовленными людьми, слабо знавшими иностранный язык, не имевшими журналистского образования и опыта работы. Эти люди не знали обстановки в Японии и Китае, слабо представляли национальный менталитет японцев и китайцев.

Анализ показывает, что главный объект воздействия пропаганды был выбран неправильно. Основное количество листовок и лозунгов (2200 тыс. экземпляров 71 наименования) предназначалось для японских солдат, имевших высокий боевой дух, стойкие антирусские стереотипы, подвергавшихся многолетней идеологической обработке в антирусском, антикоммунистическом духе. Листовки не воздействовали на японских солдат. Хотя безвозвратные потери японцев на Халхин-Голе составили около 20 тысяч человек, однако из этого количества лишь 90 японских солдат сдались в плен. (Всего сдалось 1773 человека). Опросы 35 военнопленных-японцев показали, что только 11 из них читали листовки, а 4 приняли решение добровольно сдаться в плен после чтения листовок.

На китайских солдат листовки действовали эффективней. Большую часть из 476 добровольно сдавшихся составляли солдаты государства Маньчжоу-Го. Только 22 августа 1939 года в плен организовано сдались 246 военнослужащих-маньчжуров, среди которых было 12 офицеров. У всех солдат имелись листовки-пропуска, наколотые на штыки. Факты свидетельствуют, что на Халхин-Голе не было определено наиболее слабое звено в группировке войск противника - части из солдат маньчжуров и баргутов. На них пропаганда велась меньше, чем на японцев. Почти за 4 месяца войны на маньчжуров издали только 881 тысячу

экземпляров листовок и лозунгов 33 наименований, а на военнотружущих баргутов - 648 тысяч экземпляров 25 наименований. К тому же листовки на китайском языке не попадали в районы расположения маньчжурских войск при их разброске с самолетов, так как пилоты самолетов брали листовки как дополнительный груз при вылетах на боевые задания Цели боевых вылетов, как правило, не соответствовали объекту воздействия листовок. Еще более сужало возможность воздействия агитматериалов то, что летчики зачастую бросали листовки неразвязанными пачками, и они падали комом в одном месте, о чем рассказывали при опросах пленные.

Не все листовки могли оказать желаемое воздействие, поскольку в некоторых случаях тексты имели многочисленные грамматические и смысловые ошибки. Это происходило потому, что самых лучших знатоков японского языка из редакций забрали в штаб. Три офицера-переводчика, хорошо знавших японский язык, находились на командном пункте армейской группы в Хамар-Дабэ и один - в политотделе. Оставшиеся 15 переводчиков с хорошим и посредственным знанием языка работали в редакции газеты на японском языке в Тамцак-Булаке на тыловом командном пункте за 120 км от линии фронта. Ни в дивизиях, ни в полках переводчиков не было, поэтому ощущался недостаток информации о противнике, не было материалов с подробным изложением допросов и бесед с пленными. Это явилось одной из главных причин абстрактного, общего характера текстов листовок, делало понятным слова доклада Г.И. Селянинова в феврале 1940 года о том, что «большинство листовок носило налет серого однообразия, для них были характерны общие положения и отсутствие конкретных фактов».

На содержание текстов листовок влияла слабая подготовка переводчиков. Большинство из них призвали на службу в армию в 1934 году со вторых-третьих курсов институтов. Они плохо знали иностранный язык, дословно переводили тексты с русского, делали много грамматических и смысловых ошибок. Усугубляло положение то, что возглавляли работу офицеры, не владевшие иностранным языком (Бурцев, Соркин), которые были не в состоянии исправить ошибки. В СССР было мало специалистов со знанием японского, китайского языков и опытом пропагандистской работы. На должности специалистов иногда назначались люди, не знавшие

иностранного языка. Так, один такой «переводчик» китайского языка был назначен в штат редакции на Тамцак-Булак только потому, что он родился в Маньчжурии. Второй «специалист по китайскому языку» был призван для работы в редакцию потому, что он был корейцем. Третий «специалист» знал несколько слов по-китайски и мог досчитать до десяти. Все это приводило к появлению многочисленных ошибок в текстах агитационных материалов. Усугубляло положение отсутствие в редакциях газет словарей, справочной литературы по стране и армии противника.

Незнание офицерами особенностей менталитета японских солдат привело к ошибкам в пропаганде. Так, среди первых листовок в период с 20 по 25 июля 1939 года была листовка с обвинениями в адрес японского императора, в том, что на нем лежит вина за новую агрессию Японии. Казалось, что текст не должен вызывать никаких возражений и сомнений со стороны японских военнослужащих. Однако офицеры при чтении этой листовки военнопленным для проверки их реакции внезапно столкнулись с тем, что японцы выразили решительный протест и несогласие с текстом. «Император - это бог на земле и символ японской нации. Он всегда справедлив, и ругать его нельзя», - заявили пленные. «Можно ругать правительство, генералов, но ни в коем случае нельзя ругать императора. В случае, если японские солдаты прочитают листовку с оскорблениями в адрес императора, они станут настроены еще более агрессивно против вас», - сказали пленные. Ошибка была замечена вовремя, и тиражировать текст листовки не стали. Этот факт показал важность проведения опросов пленных, знания национальных традиций, представлений и национального менталитета тех людей, на которых необходимо вести пропагандистское воздействие.

Других ошибок в содержании пропаганды избежать не удалось. Это стало ясно после допросов военнопленных, проведенных после окончания боев в период с 1 по 5 сентября 1939 года. Так, один из пленных, оценивая текст листовки, сказал: «В листовке написана неправда о том, что родители, жены и дети японских солдат голодают. Это неправда, так как у нас старые родители и жены получают пенсию». Другой военнослужащий заявил: «Призывать в листовках к убийству офицеров - это неправильно. По японским понятиям убить офицера равносильно тому, чтобы убить отца или

мать». Неудачными также оказались попытки дискредитации японских помещиков и капиталистов. Отвечая на вопрос, правильно ли писалось в листовках, один из пленных сказал: «Нет, неправильно. Помещики и капиталисты - хорошие люди. Они дают работу и платят деньги».

Дискредитировало пропаганду завышение количества потерь противника. Так, в листовке от 27 августа утверждалось, что в результате боев на Халхин-Голе «было убито до 50 тысяч вражеских военнослужащих». Японцы относились к подобным сообщениям скептически, поскольку в районе Халхин-Гола количество японских и китайских солдат почти равнялось цифре безвозвратных потерь, указанных в листовке. В результате допросов стала понятна неэффективность звукопередач на окруженных японцев с призывами сдачи в плен. Военнопленный сказал: «То, что передавали в звукопередачах: «У вас сейчас нет продуктов. Прекращайте сопротивление и сдавайтесь в плен» - это неправильно. Нас, фактически, призывали содействовать поражению японской армии». После таких слов офицерам РККА стало понятно, что в передачах надо было использовать другие аргументы, чтобы убеждать противника в бесперспективности сопротивления.

Негативный опыт пропаганды на Халхин-Голе не анализировали и не обобщали. Вместо анализа недостатков была издана книга, где в радужном свете рисовались успехи Красной Армии и высокая эффективность политической работы среди войск противника. Подобная мифологизация истории явилась одной из причин недостатков в подготовке кадров для ведения пропаганды на войска противника в 1941 году.

Оценивая эффективность воздействия пропаганды на японские и маньчжурско-баргутские войска, следует отметить, что на восприятие пропаганды с призывами к сдаче в плен оказывал сильное влияние уровень боевого духа и пленоустойчивости противника. Так, если соотношение убитых и пленных в японских частях составило более чем 20 : 1 (безвозвратные потери - более 20 тыс. человек, а пленных - 90 человек), то в маньчжурско-баргутских кавалерийских полках это соотношение было 3 : 1 (более 5 тысяч убитых и 1683 пленных).

Низкая эффективность воздействия пропаганды на японцев объяснялась объективной причиной. У японских солдат был высокий

боевой дух, сильное презрение к монголам и русским как к «низшей расе». Это мешало им воспринимать содержание русской пропаганды. Главной ошибкой периода военного конфликта на Халхин-Голе являлось то, что вместо ведения пропаганды с целью создания благоприятных представлений о плене основное внимание в содержании листовок и звукопередач уделяли дискредитации офицеров и устрашению солдат, что не позволило преодолеть в сознании солдат противника негативных стереотипов об уничтожении русскими пленных.

Пропаганда в войне против Польши (1939)

В войне против Польши осенью 1939 года основными объектами пропагандистского воздействия на территории Западной Украины и Западной Белоруссии являлись национальные меньшинства этой страны (украинцы, белорусы и евреи), наиболее угнетенные и подверженные восприятию подрывной пропаганды. По переписи 1931 года 39% населения Польши составляли национальные меньшинства (украинцы - 5,66 млн., евреи - 5 млн., белорусы - 2,02 млн. человек). Отношения поляков и нацменьшинств характеризовались явной неравноправностью и открытым угнетением их в экономическом, культурном и религиозном плане. Со времени захвата в 1921 году земель Западной Украины и Западной Белоруссии усилия польских властей были направлены на насильственную «полонизацию» и усмирение национальных меньшинств. Запрещалось любое общественное движение или профсоюз на национальной основе, закрывались школы, в которых преподавание велось на украинском, белорусском языках. Эта часть страны была превращена во внутреннюю колонию Польши, в которой проживало наибольшее количество неграмотных, была наивысшая детская смертность, был наименьший уровень потребления продуктов. Явное угнетение национальных меньшинств дополнялось пропагандой превосходства польской нации и политикой предоставления руководящих должностей только полякам. В результате возросла напряженность межнациональных отношений, враждебность украинцев, белорусов и евреев по

отношению к полякам. Все эти факторы ослабляли единство населения Польши, подрывали духовную готовность общества к перенесению трудностей по защите государства от внешней агрессии, делали большую часть населения предрасположенной к восприятию пропаганды о перемене социального устройства и борьбы за социальную справедливость против правящей верхушки страны.

Весной 1939 года в Польше восемь армий были развернуты по полному штату. В них 23 марта 1939 года были призваны первые 700 тысяч резервистов. В конце лета численность войск была доведена примерно до миллиона человек (39 дивизий, 11 кавалерийских бригад и другие части). В ответ на наращивание военной группировки вероятного противника по приказу Наркомата обороны СССР в Белорусском особом военном округе (БОВО) и Киевском особом военном округе (КОВО) с 25 июля 1939 года было начато развертывание дивизий по варианту «литер Б», означавшему призыв на военную службу 5,5 тысяч человек приписного состава дивизии. Дополнительный призыв 30 - 40 % личного состава дивизий по варианту «литер А» был завершен к исходу 7 сентября 1939 года. Для войны против Польши в БОВО было создано пять армейских групп из 29 дивизий. В Киевском особом военном округе было развернуто три армейские группы из 18 дивизий. Кроме этих соединений, в Белорусском и Украинском фронтах было развернуто 33 бригады и другие части. Общая численность войск превышала 500 тысяч человек.

Создание фронтовых подразделений для ведения пропаганды на население Польши и войска польской армии было начато за 12 суток до начала боевых действий. По штатному расписанию 1939 года в полевом управлении каждого фронта формировался отдел по работе среди населения, войск противника и военнопленных. В таком отделе Белорусского фронта имелось десять офицеров: начальник, шесть переводчиков польского и три переводчика белорусского языка. При политуправлении фронта разворачивалось по три редакции и типографии газет на иностранных языках, численностью по 25 сотрудников. В Белорусском фронте были созданы редакции газет «Белорусская звезда» на белорусском языке, «Глас жовнежа» на польском языке, «Голос немецкого солдата» на немецком языке. На

Украинском фронте стали действовать редакции и типографии газет «Червона Украина» на украинском языке, «Рот фронт» на немецком языке и «Слово жовнежа» на польском языке.

По директиве ПУРККА № 243 от 5 сентября 1939 года для пропагандистского обеспечения боевых действий против Польши редакции газет на иностранных языках в КОВО и БОВО были развернуты по штатам военного времени. Уже к 9 сентября в поезда-типографии политических управлений округов были доставлены латинский, украинский шрифт и печатная техника, дополнительные вагоны для размещения работников редакций газет. После ввода войск 17 сентября на территорию, захваченную Польшей в 1921 году у России, фронтовые поезда-типографии продвигались за наступающими войсками. Они остановились для выпуска листовок и газет в г. Волковыск (Белорусский фронт) и в г. Львове (Украинский фронт). Эти подразделения работали там вплоть до начала декабря, когда редакции газет на немецком языке были отозваны обратно в Киев и Смоленск, где были сокращены до штатов мирного времени (4 человека), и с 15 декабря 1939 года приступили к работам по плану мирного времени. Находясь в г. Волковыск и г. Львове, работники фронтовых редакций газет на немецком языке своих изданий не печатали, а только помогали издавать листовки на польском языке. Они также помогали издавать газеты на белорусском и украинском языках, выходявшие тиражом по 10 тысяч экземпляров.

Подразделения пропагандистского обеспечения деятельности войск были не только во фронтовом звене. В каждой армейской группе, состоявшей из 5-7 дивизий, штатное расписание предусматривало создание политуправления (31 офицер). В его составе имелся отдел по работе среди населения, войск противника и военнопленных (7 человек). Также имелась редакция газеты на белорусском или украинском языке (25 сотрудников). Были и исключения из правил. Так, в 11 АГ было два штата политуправлений и, соответственно, два отдела по работе среди населения, войск противника и военнопленных, а также две редакции газеты на белорусском языке

В армейских группах редакции были созданы позже фронтовых. Так, в 3 АГ редакция газеты «Вильна праця» была сформирована к 15

сентября 1939 года за двое суток до начала боевых действий. Это произошло из-за трудностей в обеспечении редакций походными типографиями. После ввода войск на территорию Западной Белоруссии выпуск листовок и газет осуществляли армейские редакции газет «Вильна праця» (5 А), находившаяся в Луцке, «Вильна Украина» (6 А) и «Радянська Украина» (12 А) в г. Станиславе, «Свободная Беларусь» (3 А) в г. Поставы, «Знамя Советов» (11 А) в г. Лида, «Белоруски араты» (10 А) в г. Белостоке, а также редакция газеты на белорусском языке «Свободный груд» (4 А) в г. Бресте.

Армейские газеты для населения освобожденных районов укомплектовывались людьми и техникой накануне боевых действий, поэтому они зачастую сталкивались с затруднениями на начальном этапе работы. Так, газета 3 А «Свободная Беларусь» лишь к 15 сентября укомплектовала штаты. Она выехала из Витебска вслед за наступающими войсками только 19 сентября из-за отсутствия передвижной электростанции. За две недели освободительного похода редакция смогла издать лишь четыре листовки на белорусском языке: «Памятка бойцу РККА», «Обращение к крестьянам Западной Белоруссии», «Речь Молотова 17 сентября 1939 года» и «Обращение к трудящимся Западной Белоруссии о борьбе с остатками офицерско-панских шаек». Большие сложности были с выпуском газеты, поэтому первые три номера тиражировались в пункте постоянной дислокации в г. Витебск, а четвертый со значительным перерывом вышел на новом месте базирования штаба 3 А в г. Поставы.

Основой содержания газет были темы о встрече Красной Армии с населением, рассказы о жизни в СССР, показ «счастливой зажиточной жизни колхозников», роста культуры, искусства советского народа, описание боевых эпизодов, героических дел частей Красной Армии. В дальнейшем главной темой газет стала подготовка к выборам в Народное собрание Западной Белоруссии и Западной Украины.

Редакции газет на иностранных языках армейских групп были снабжены передвижными типографиями с шрифтами, позволявшими печатать тексты на белорусском и украинском языках. Они

издавались десять недель и после приказа НКО СССР о демобилизации призванных из запаса военнослужащих с 25 ноября 1939 года получили статус областных газет. В общей сложности на территории Западной Белоруссии и Западной Украины политорганы фронтового и армейского звена организовали издание 12 газет для местного населения на польском, белорусском и украинском языках.

Фронты кроме издательской техники имели звукостанции на базе автомобилей для ведения передач для населения. В политуправлении каждого фронта было выделено по две звуковещательные станции МГУ-35 и МГУ-36, которые имели по четыре металлических динамика в тыльной части крыши корпуса автобуса и предназначались для озвучивания митингов. Штатные подразделения пропаганды являлись лишь небольшой частью огромной «армии пропагандистов» из призывников украинской и белорусской национальности. Военкоматы Киевской и Житомирской области призывали в части Украинского фронта более 166,2 тысяч человек, которые по рассказам родственников знали о массовых расстрелах пленных и издевательствах польских офицеров над солдатами Красной Армии в 1920 году. Движущей силой «классового подхода» военнослужащих РККА к противнику было то, что польские офицеры воспринимались ими, как ненавистные враги, а отношение к солдатам Войска Польского украинской и белорусской национальности было сочувственным и дружеским.

В боевых действиях против Польши главной целью пропаганды фронтовых и армейских подразделений пропаганды, так и на уровне солдата-агитатора РККА было разложение польской армии по национальному признаку. Главным объектом воздействия пропаганды в польских боевых частях являлись национальные меньшинства. В войсках двух фронтов РККА было много солдат, знавших украинский и белорусский язык, однако ощущалась острая нехватка людей со знанием польского языка. Так, в политорганах Белорусского фронта в начале октября 1939 года насчитывалось только 15 офицеров со знанием польского языка, из которых 6 работали в редакции газеты «Глос жовнежа», 5 были в политуправлении фронта переводчиками отделения по работе среди населения, войск и военнопленных. В системе политических органов четырех армий Белорусского фронта работал лишь один офицер,

знавший польский язык. Польский язык также знали три политработника в полках. Работники политуправления 11 АГ решили проблему за счет привлечения к работе в редакциях газет местных жителей для издания газет «Знамя советов» в г. Лида, газеты в г. Гродно и газеты «Свободный Белосток». Из-за нехватки переводчиков первый номер газеты в Белостоке вышел 26 сентября лишь с одной статьей на польском языке.

Меньшие трудности испытывали редакции при выпуске листовок. Текст первой листовки, заблаговременно подготовленной для распространения в первый день войны, гласил: «Солдаты польской армии! Буржуазное правительство Польши, втянувшее вас в авантюристическую войну, позорно провалилось. Оно оказалось бессильно руководить страной и организовывать ее защиту. Министры и генералы, захватив награбленное золото, трусливо сбежали, оставив армию и народ Польши на произвол судьбы. Польская армия потерпела жестокое поражение, от которого она не в состоянии оправиться. Вам, вашим женам, братьям и сестрам угрожает голодная смерть и унижение. В эти тяжелые дни Советский Союз протягивает Вам руку братской помощи. Не сопротивляйтесь Рабоче-Крестьянской Красной Армии, ваше сопротивление бесполезно и обречено на полную гибель. Мы идем к вам не как завоеватели, а как ваши братья по классу, как ваши освободители от гнета помещиков и капиталистов. Великая и непобедимая Красная Армия несет на своих знаменах свободу трудящимся, братство и счастливую жизнь.

Солдаты польской армии! Не проливайте напрасно кровь за чуждые вам интересы помещиков и капиталистов. Вас заставляют угнетать украинский и белорусский народы Правящие круги Польши сеют национальную рознь между поляками, белорусами и украинцами. Помните, не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. Трудящиеся украинцы и белорусы - ваши друзья, а не враги. Вместе с ними стройте счастливую трудовую жизнь. Складывайте оружие. Переходите на сторону Красной Армии. Всем обеспечена свобода и счастливая жизнь.

Командующий Белорусским фронтом командарм 2-го ранга
Михаил Ковалев

17 сентября 1939 г.».

Для издания листовок требовалось меньше специалистов со знанием польского языка, чем для выпуска газет. Уже к 1 октября 1939 года в течение двух недель фронтовая редакция газеты ка Украинском фронте издала 13 листовок: «К населению Западной Украины о цели прихода Красной Армии», «Обращение к польским солдатам», «Текст речи Молотова 17 сентября по радио». «Приказ о деньгах», «Обращение к населению о сдаче оружия и военного имущества», «О власти временных управлений и крестьянских комитетов», «Против разжигателей еврейских погромов», «О национальной политике советской власти», «О борьбе со спекуляцией», «Письмо военнопленных солдат польской армии», «Текст статьи «Правды» от 30 сентября 1939 года с договором о взаимопомощи с Эстонской республикой», «О дружбе и границах с Германией», «Текст письма Молотова на имя Риббентропа и ответное послание Риббентропа».

В директиве ПУРККА о содержании пропаганды во время освободительного похода предписывалось придерживаться пяти основных направлений: пропаганды успехов наших войск, зажиточной жизни рабочих и крестьян в СССР, распространения правды об истинных причинах войны, разоблачения планов империалистов и виновников войны. Однако изучение текстов 11 листовок, изданных в ходе наступления 17-24 сентября 1939 года, показало, что в них было гораздо больше направлений, по сравнению с директивой ПУРККА. Контент-анализ текстов 5 листовок, 5 обращений и писем пленных показал, что наиболее часто использовались темы, призванные дискредитировать польское правительство, возбудить у национальных меньшинств антипольские настроения и чувства уязвленного национального достоинства, создать у военнослужащих польской армии благоприятные представления о плене, побудить население оказывать помощь РККА, побудить жителей выступать против помещиков и капиталистов, а также захватывать помещичьи земли, побудить население разоблачать действия банд, устроить членов банд угрозой смерти и угрозой наказания. (Приложение № 4).

Анализ содержания листовок показал, что значительная часть текстов отличалась декларативностью, наличием многочисленных

призывов. Недостатком являлось то, что тезисы не были подкреплены никакими фактами или аргументами. Это делало содержание листовок явной пропагандой. Содержание листовок изменилось после 22 сентября, когда запланированная к захвату территория оказалась под полным контролем РККА, и с немецким правительством было заключено соглашение о медленном поэтапном отходе частей Красной Армии на Восток по 20 км в сутки к согласованной сторонами линии разделения зон оккупации. В этот период были изданы листовки, целью которых было добиться большего авторитета у читающих показом хорошего взаимопонимания и сотрудничества руководства СССР и Германии. В это время издавали тексты посланий и ответов на эти послания министров иностранных дел СССР и Германии, а также тексты соглашений между правительствами двух стран.

В конце сентября 1939 года листовки лишь дополняли содержание газет. Осенью 1939 года газеты фронтов и армий перепечатывали отдельные статьи центральных московских газет «Правда» и «Известия». ПУРККА телеграфировало указания о тиражировании статей центральной прессы в военных изданиях. Среди главных статей в газетах на украинском, белорусском и польском языках были: статья Е.Ярославского «Кому мы идем на помощь» (Правда, 17.9.1939), передовая статья «Правды» под названием «Советская политика мира и дружбы народов» (30.9.1939), статья «Мир или война» (Известия, 9.10.1939), а также статья «К вопросу о советско-финских переговорах» (Правда, 3.11.1939).

Особенностью содержания материалов газет Белорусского и Украинского фронтов являлось наличие в них большого количества статей об успехах экономики СССР, о всенародной поддержке интернациональной политики ВКП(б). В материалах по вопросам внешней политики просматривалась цель популяризации военных успехов немецкой армии в войне против Польши. Особенностью пропаганды того периода являлось употребление имевшего негативную эмоциональную окраску слова «империализм» только для обозначения Франции и Англии, но не Германии. Разница содержания военных изданий на языках населения Западной Украины и Западной Белоруссии и центральных московских изданий

заклучалась в том, что с 6 октября во всех газетах Белорусского и Украинского фронтов началась кампания пропаганды по проведению выборов в народное собрание Западной Белоруссии и Западной Украины. Так, утвержденное 6 октября военным советом Украинского фронта «Положение о выборах в украинское народное собрание Западной Украины» было отпечатано в газете «Красная армия» тиражом 100 тысяч экземпляров. В газете «Красное знамя» это положение было отпечатано на польском языке тиражом 50 тысяч экземпляров, а на украинском языке - тиражом 15 тысяч экземпляров. Этот документ был также издан отдельной брошюрой тиражом 20 тыс. экземпляров в типографии газеты «Червона Украина». Текст положения был также перепечатан всеми армейскими газетами.

Лишь в период 17-22 сентября содержание пропаганды было направлено на разложение личного состава польской армии, населения Западной Украины и Западной Белоруссии. Но уже с 24 сентября и вплоть до прекращения сопротивления отдельных отрядов польских войск 5 октября стала использоваться и консолидирующая пропаганда. Она заняла доминирующее положение с первой декады октября 1939 года. Тогда главной целью стало объединение различных социальных групп вокруг новых органов местной власти и пропаганда выборов представителей народных собраний.

Работа среди войск, населения и военнопленных противника осенью 1939 года делится на несколько периодов. С начала войны и до 5 октября велась пропаганда на военнослужащих противника, которые оказались полностью деморализованы и разложены. Эффекту пропаганды с призывами сдачи в плен способствовало то, что к 17 сентября главные силы поляков были переброшены на Запад Польши для боевых действий против вермахта. Оставшиеся части из резервистов были плохо обучены и слабо боеготовы. Вступление СССР в войну для них явилось полной неожиданностью. Солдаты психологически не были готовы оказать организованное сопротивление. Много подразделений пыталось спастись бегством в Прибалтику, Румынию и Венгрию. Хаос и беспорядочное отступление привели к смешению подразделений в неорганизованную общую массу. Так, среди пленных 6 АГ Украинского фронта были военнослужащие девятнадцати пехотных дивизий и шести бригад, отступавших в смешанных колоннах.

Трудным оказалось ведение пропаганды на подразделения и отряды общей численностью около 10 тысяч человек, которые обороняли Сарненский укрепленный район. Там после четырех суток упорных боев солдаты 60-й стрелковой дивизии (сд) при туманной погоде забрасывали бойницы долговременных огневых точек мешками с землей, подкатывали на 20-25 метров орудия и затем предлагали полякам ультиматум о сдаче в плен. Результативным был ультиматум 26 сентября командирами 81 сд и 36 легкой танковой бригады (лтбр) о сдаче в плен военнослужащих польской оперативной группы в районе г. Хелм, сформированной из остатков 3, 7, 16, 19 и 29 пехотных дивизий. Основная часть опергруппы сдалась в плен, а остатки частей были рассеяны и отошли в направлении г. Люблина. Предъявлению ультиматума гарнизону войск в г. Львове предшествовала пропагандистская обработка польских войск. На окруженный город с самолетов было разбросано 40 тысяч листовок с обращением к населению Западной Украины, а также 22 тысячи газет «Советская Украина» на украинском языке. После окружения города эта пропаганда повлияла на решение коменданта гарнизона г. Львова полковника Лангера о принятии условий капитуляции, предложенные командованием Красной Армии. Наряду с печатной пропагандой эффективно велась работа по склонению солдат к прекращению сопротивления в лесах под Львовом. Газета польских эмигрантов в Детройте «Глас людовы» 26 сентября 1940 года со слов очевидца так описала эту работу на группировку 10 тысяч солдат в лесах под городом. «Приближались советские бронемашины. Из громкоговорителей звукостанций на польском, украинском, белорусском и языке идиш были переданы обращения: «Братья солдаты, мы пришли освободить вас из-под ярма польских панов. Сложите оружие и не стреляйте Мы ваши друзья». Из первых бронемашин вышли женщины, накормили солдат, угостили их папиросами, раздали газеты, велели идти домой... После этого один командир, приказавший стрелять в Красную Армию, был убит своими же солдатами. Войска под Львовой прекратили боевые действия».

Примечательно, что во время «освободительного похода» издали лишь одну листовку с призывом сдаваться в плен под названием «Обращение к солдатам в августовских лесах», подписанное

командующим 4 А Чуйковым. Это объясняется тем, что надобности в листовках подобного рода не было. Полностью деморализованная и разложившаяся польская армия не была настроена воевать. Достаточно эффективны были устные призывы сдаваться в плен. Устной пропаганде сдачи в плен, помогла политика разделения армии по национальному и классовому признаку. Солдаты украинцы и белорусы отпускались домой сразу же после пленения, дав подпись под обязательством не участвовать в боевых действиях против Красной Армии. Именно этим было достигнуто полное разложение польской армии, отказ солдат подчиняться приказам офицеров.

Успех пропаганды обеспечивался гуманным отношением к сдавшимся в плен. В результате этого военнослужащие польской армии сами становились проводниками идеи прекращения сопротивления. Так, на Украинском фронте уже на пятый день военных действий по приказу командующего 12 АГ № 26 от 22 сентября 1939 года всех сдавшихся в плен рядовых солдат, проживавших на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, освобождали и отпускали по домам сразу же после проведения предварительного опроса. По приказу командующего Белорусским фронтом № 584 от 4 октября 1939 года всех солдат украинской и белорусской национальности, проживавших на территории, освобожденной Красной Армией, после проверки освобождали. Поэтому лишь малая часть из более чем 453 тысяч пленных попала в стационарные лагеря. На приемных пунктах военнопленных после проведения индивидуальной беседы с пленным и проверки достоверности его биографических данных с него брали расписку о том, что он не будет вести вооруженную борьбу против Красной Армии, а затем отпускали домой. Из сдавшихся в плен войскам Украинского фронта 353025 пленных уже к 1 октября 1939 года на приемных пунктах оставалось под стражей 11063 солдата, 579 офицеров, 226 жандармов и 64 вызывавших подозрения человека, проверявшихся сотрудниками НКВД.

Количество политработников, работавших с военнопленными, было невелико. Так, на Украинском фронте политуправление выделило на пункты приема военнопленных кроме комиссаров еще 18 офицеров, что было явно недостаточно, учитывая то, что эти

офицеры польского языка не знали. Впоследствии работу с пленными вели также политработники армий. По приказу командующего 11 А № 18 от 17 октября 1939 года политуправление армии стало вести политработу среди перевозимых по железной дороге пленных. На питательных пунктах Гродно, Лида, Молодечно, Барановичи, а также на сборных пунктах военнопленных работа была начата с 19 сентября по приказам политуправлений фронтов. В сборных пунктах военнопленных политработники проводили с пленными митинги, беседы, организовывали для них выступления военных артистов. Так, на сборных пунктах в Дубно, Стрые, Дорогобыче было проведено 15 митингов с охватом 7760 человек, 100 бесед для 2090 человек, 22 собрания для 10,5 тысяч человек, показано 50 концертов прибывших из Москвы военных ансамблей и оркестров, которые смотрели 12,5 тысяч пленных. Отобранные среди военнопленных жители районов, оккупированных немцами, направлялись в стационарные лагеря. Оттуда их небольшими партиями везли в Перемышль и Брест, где с 23 октября проходил ежесуточный обмен 1,5 тысячами пленных с немецкой стороной. В лагерях перед отправкой пленным выдавался хлеб и сахар на время следования, проводились беседы по двум темам «О выборах» и «О сталинской конституции». По состоянию на 30 октября такие беседы провели с 7967 пленными. Все сборные пункты и пункты питания пленных обеспечивались газетами. Через Брест до 31 декабря 1939 года было отправлено в Германию 24705 пленных, а через Перемышль - около 5 тысяч. Для пропагандистской работы со следовавшими через Брест военнопленными была создана группа политработников, которые проводили с пленными беседы, снабжали их газетами на польском, украинском и белорусском языках. В целом политическая работа с пленными проводилась эпизодически из-за малого количества офицеров, знавших иностранный язык.

Из 130242 интернированных военнослужащих польской армии (в т.ч. интернированных из Прибалтики - *Прим. ред.*) немецкой стороне были переданы 42492 солдата и унтер-офицера, постоянно проживавших в Западной Польше. Перед отправкой их подвергали пропагандистской обработке. Особенностью пропаганды на население в 1939 году являлась ее массовость, которая обеспечивалась участием тысяч офицеров и солдат украинской и

белорусской национальности. Эффект достигался из-за предрасположенности белорусов и украинцев к восприятию российской пропаганды, поскольку люди видели в военнослужащих Красной Армии «братьев-освободителей». Для подобных взглядов имелось основание. Значительная часть из 500 тысяч призывников двух фронтов составляли уроженцы Украины и Белоруссии, считавшие этот поход освободительной войной. Это подтверждают многочисленные факты радостной встречи частей Красной Армии при переходе ими границы 17 сентября 1939 г. Так, население г. Поставы выстроило для частей 3 АГ праздничную арку, украшенную флагами и цветами, встречало наши войска с красными флагами. Белорусское население 19 сентября встречало части 150 сд в праздничной одежде с цветами, выдавая красноармейцам прятавшихся по домам польских солдат. Вплоть до 26 сентября белорусские крестьяне добровольно давали сено кавалерийским частям 10 АГ, отказываясь от денег. Отставших от проходящих частей солдат крестьяне подвозили на своих телегах.

Во время продвижения по территории Западной Белоруссии в дивизиях проводились встречи, беседы с жителями, митинги, населению демонстрировались кинофильмы. Так, за 10 дней наступления офицерами политуправления 10 АГ населению были прочитаны 8 докладов, были проведены 2 групповые беседы, 2 раза показывали кинофильмы. Двум тысячам жителей г. Волковыск, собравшимся 26 сентября на площадь, офицеры 11-го стрелкового корпуса (ск) передавали через звукоусилительную установку последние известия, а затем показали кинофильмы «Парад Первого мая», «Москва и город Ленина». Несколько офицеров предназначенной для захвата Варшавы Дзержинской конно-механизированной группы (КМГ) провели в Белостоке 10 митингов, на которых присутствовало в общей сложности 15 тысяч человек. В последние дни сентября 1939 года население Белостока проявляло высокую активность во время массовых мероприятий в поддержку войск РККА. Так, на митинге 20 сентября, проводившемся политуправлением 10 АГ, после завершения выступлений ораторов около 3 тысяч горожан хором пели «Интернационал» на белорусском, русском и языке идиш. Доброжелательное отношение жителей белорусской и украинской национальности поддерживалось

высокой интенсивностью пропагандистской работы, проводившейся советскими войсками. Так, к 17 октября офицеры дивизий 11 АГ провели в деревнях и пунктах постоянной дислокации 50 собраний и групповых бесед, организовали около 200 киносеансов, посещавшихся примерно 3,5 тысячами крестьян. Значительные силы выделялись политорганами для помощи в создании местных органов власти на освобожденной территории. Так, политуправление Белорусского фронта выделило более 100 офицеров для помощи в работе 16 временных управлений городов и 43 крестьянских комитетов крупных деревень.

Для работы с населением в городах создавались временные управления, состоявшие из нескольких отделов. Начальниками отделов были политработники, а на другие должности брали местных жителей. В Белостоке временное управление насчитывало 14 офицеров-политработников в десяти отделах: продовольственном, промышленном, финансовом, здравоохранения, образования, коммунальном, политпросветработы, связи, административном и отделе печати. В небольших городах в управлениях работало 3-4 офицера. Кроме штатных работников пропагандистскую работу среди местного населения вели и военнослужащие, знавшие язык местных жителей. Во время боев политуправление Украинского фронта выделило для работы с населением 80 офицеров из резерва кадров политуправления фронта. Еще больше людей участвовало в пропагандистском обеспечении избирательной кампании по выборам в народное собрание Западной Украины и Западной Белоруссии.

Для ведения разъяснительной работы по выборам в Народный совет Западной Белоруссии политорганы Белорусского фронта выделили 3,7 тысячи офицеров. На избирательных участках и в округах 48 тысяч активистов и 51725 агитаторов разъясняли информацию о проведении выборов. Эффективности пропаганды на жителей содействовал быстрый раздел помещичьей земли между беднейшим сельским населением Западной Украины и Западной Белоруссии, в результате чего большая, часть людей улучшила свое материальное положение. Дополнением к этим мерам явились беседы с жителями, показ кинофильмов в деревнях, выступления перед крестьянами армейских ансамблей и художественной самодеятельности, издание газет на белорусском и украинском

языках. Подобная политика отличалась от проводившейся в Польше политики национального угнетения. Именно поэтому политическая работа среди местного населения в октябре и ноябре 1939 года была эффективной.

В целом пропагандистская работа в ходе польского похода РККА была удачной. Во-первых, причиной успешного ведения пропаганды являлось то, что пропаганда велась на полностью деморализованную, разложившуюся армию с низким уровнем дисциплины и боевого духа. Соотношение погибших поляков к сдавшимся в плен составило 1 : 6,8 (123 тысячи погибли, 694 тысячи оказались в немецком плену и 130 тысяч - в русском плену). Сдававшихся в плен было в шесть раз больше чем тех, кто погиб в бою. Это повлияло на возможность восприятия противником призывов сдачи в плен, снизив до минимума пленоустойчивость солдат Войска Польского

Во-вторых, успешность разлагающего влияния пропаганды на польскую армию объяснялась наличием в подразделениях большого количества этнических белорусов и украинцев, которые были предрасположены к восприятию пропаганды РККА.

В-третьих, сильное воздействие пропаганды с призывом сдачи в плен объяснялось тем, что у большинства солдат польской армии отсутствовала психологическая установка на недоверие российской пропаганде. Многие военнослужащие действительно считали русский плен меньшим злом, чем плен немецкий. Поэтому при наличии возможности выбора военнослужащие польской армии предпочитали сдаваться в русский плен. Именно этим объяснялась сдача гарнизона г. Львова русским, а не немецким войскам.

В-четвертых, пропаганда была успешной потому, что она подкреплялась адекватными материальными акциями: быстрым отпуском по домам пленных солдат белорусов и украинцев, разделом помещичьей земли между бедняками, выборами угнетенных при польском режиме крестьян и рабочих в органы местной власти. Успех объяснялся также тем, что пропаганда отвечала национальным интересам угнетавшихся поляками белорусов и украинцев, поэтому пропагандистские обещания соблюдать права национальных меньшинств вызывали поддержку людей. Такая пропаганда дополнялась реальной политикой: изданием газет на языках национальных меньшинств, созданием вооруженных отрядов из

представителей нацменьшинств (например, еврейской милиции в г. Белостоке), выборами представителей нацменьшинств в органы местной власти.

Сильной стороной пропаганды в Западной Украине и Западной Белоруссии являлась ее массовость и широкий охват пропагандой самых различных слоев населения и социальных групп, обеспечивавшийся специально выделенными, для этой цели тысячами военнослужащих, знавших украинский, белорусский и язык идиш. Многочисленные контакты с населением, выступления артистов, показы кинофильмов, проведение митингов и бесед содействовало проникновению в массовое сознание пропагандистских установок, которые разрабатывались московскими пропагандистами.

Пропаганда на население и войска противника в войне против Финляндии

В финской войне с 30 ноября 1939 до 13 марта 1940 года пропаганда велась на личный состав финской армии и население, которое этнически было почти полностью однородным. Лишь несколько десятков тысяч жителей северных районов Финляндии являлись национальным меньшинством шведского происхождения. Единство финской нации обеспечивалось пропагандой при помощи постоянного показа внешнего врага - русских. Осознание внешней угрозы сплачивало различные социальные группы финского общества, делало людей, занимавших нижние ступени социальной иерархии, терпимыми при несоблюдении принципов социальной справедливости. Отсутствие социальных протестов объяснялось также тотальным контролем за поведением и высказываниями граждан, запретом коммунистической и других оппозиционных партий.

Ввиду отсутствия явных уязвимых мест и противоречий в финском обществе подрывная пропаганда велась в неблагоприятной для СССР обстановке. Правительство Финляндии много лет воспитывало у населения антирусские настроения, а во второй

половине 1939 года осуществляло психологическую подготовку людей к неизбежной войне с СССР. Высокой интенсивности антирусская пропаганда Финляндии достигла уже 9 октября 1939 года, когда радио Хельсинки оповестило население страны о двух вариантах территориальных требований Советского Союза к Финляндии. Поэтому для жителей страны война не явилась неожиданностью. Все финны были к ней готовы, а их сознание было перестроено на военный лад. За месяц до начала военных действий Финляндия отобилировала самую крупную в истории страны военную группировку. Еще в октябре жители приграничных районов на Карельском перешейке были выселены вглубь страны, скот вывезен, а дома подготовлены к поджогу с началом войны, чтобы они не достались противнику.

В период подготовки войны финская пропаганда спланивала нацию показом общего врага - СССР, возбуждала ненависть к русским, убеждала население в справедливости войны в защиту своих земель, в неприступности оборонительной линии Маннергейма. К 30 ноября 1939 года финская пропаганда, смогла внедрить в сознание людей образ врага в лице СССР, а также психологическую установку на недоверие к пропаганде из вражеских источников. Ввиду того, что финская пропаганда обработала население в антирусском духе, подрывная пропаганда СССР велась в неблагоприятных условиях. Все социальные группы Финляндии были консолидированы перед лицом общего врага, поэтому отсутствовали темы, которые пропагандисты могли бы эффективно использовать. Самой значительной трудностью было то, что в Финляндии не было национальных противоречий.

Наряду с объективными трудностями имелись недостатки субъективного рода. Возможность влияния пропаганды СССР на противника уменьшилась из-за неправильных представлений о финнах в сознании правительства СССР, командного состава Красной Армии. Неудовлетворительная разведка привела к тому, что правительство в Москве недооценило потенциал Финляндии. Это было характерно для военного прогноза сроков войны, так и для прогноза о морально-психологическом потенциале противника. Генштаб СССР планировал прорвать 135-километровую оборонительную полосу из более чем тысячи подземных бетонных

сооружений и полностью захватить Финляндию за 14 суток. Такой план войны мог осуществиться лишь при разложении финской армии и нежелании финнов защищать свою страну. Начальник Генштаба РККА Б.М. Шапошников возражал против плана нанесения главного удара на узком Карельском перешейке, защищенном укреплениями линии Маннергейма. Однако правительство СССР отстранило его от планирования операции и отправило "отдыхать" на Черное море.

Подразделение, которое должно было собирать информацию с целью подготовки к ведению пропаганды на противника во время войны, было создано 1 июля 1939 года. На военные сборы призвали работников редакции газеты на финском языке. Среди них имелось семь офицеров, три из которых владели финским языком слабо. Дополнительно к редакции газеты 25 сентября при политуправлении ЛВО было развернуто отделение по работе среди населения и войск противника численностью 10 человек, из которых лишь три переводчика знали финский язык. Остальные офицеры по штату являлись переводчиками эстонского (3 чел.) и латышского языка (3 чел.). Эти два подразделения не могли собрать информацию о социально-политических процессах в финском обществе. Финских газет для этих редакций не доставляли из-за экономии валюты. Сотрудники не слушали финские радиопередачи, так как в это время в войсках строго запрещалось слушать иностранные радиопередачи.

Подразделения по работе среди населения и войск противника были созданы не только во фронтовом звене. В политических управлениях 7 А и 14 А к началу боевых действий также были созданы отделения по работе среди населения и войск противника. Кроме того, в 7 А имелась и редакция газеты на финском языке "Финский рабочий". Редакция финской газеты имелась в 8 А, которая издавала газету "Кансан валта". Одноименную газету издавала также редакция газеты 1-го корпуса "финской народной армии". После неудачи попыток прорыва укреплений линии Маннергейма силами только одной армии 25 декабря на Карельском перешейке создали еще одну 13-ую армию. В ее политуправлении сформировали отделение по работе среди войск и населения противника из семи офицеров. В 13 А также создали редакцию газеты на финском языке, сотрудники которой прибыли для работы 15 января 1940 года.

С 30 ноября 1939 года в первый месяц военных действий газеты и листовки поступали в 7 А, 8 А и 14 А из политуправления Северо-Западного фронта. В январе 1940 года политуправления 7 А и 13 А выдвинули инициативу самостоятельного издания листовок. Хотя политуправление Северо-Западного фронта выступило против этого, в Москве ПУРККА разрешило издание печатной продукции в 7 А, 8 А, 9 А, 13 А, 14 А 15 А при условии учета и сохранения всех образцов для архива. Со 2 февраля 1940 года по два экземпляра образцов листовок для тиражирования стали присылать в 7-ю, 8-ю, 9-ю, 13-ю и 14-ю армии из Москвы, где их писали офицеры отдела пропаганды и агитации (2-го отдела) ПУРККА. В этом же месяце после прорыва пяти оборонительных полос линии Маннергейма изменили процесс распространения листовок Северо-Западного фронта. Линия фронта отодвинулась от Ленинграда больше чем на сто километров, поэтому при отделе снабжения штаба ЛВО была создана специальная экспедиция для доставки листовок в дивизии.

Печатная пропаганда развивалась в качественном отношении. Со второй половины декабря листовки издавали с иллюстрациями профессиональных художников. По заказу политуправления 7 А мастерские Академии художеств в Ленинграде изготовили 85 эскизов к листовкам, лозунгам и плакатам. Многоцветные иллюстрации и фотографии листовок, печатали в стационарных типографиях Ленинграда, имевших хорошее оборудование и опытных специалистов. Так, 30 января тиражировали фотомонтаж "Финские солдаты, ваше сопротивление Красной Армии бесполезно". В нем помещалось несколько фото разрушенных долговременных бетонных сооружений и уничтоженной техники финской армии. Содержание текстов редактировали привлеченные для этой цели ленинградские писатели.

Печатная пропаганда во время финской войны велась интенсивно. С 30 ноября 1939 года до 12 марта 1940 года в подразделениях Северо-Западного фронта было издано 81 наименование листовок общим тиражом 30952,5 тыс. экземпляров. В Москве ПУРККА издало 7 наименований листовок тиражом 3554,1 тысяч экземпляров. Выпускали листовки политуправления 7 А, 13 А, 8 А Балтийского флота. Особенностью печатной пропаганды было то, что впервые листовки издавали не только на белой, но также на

розовой, голубой, желтой бумаге, чтобы сделать их более заметными при падении на снег. Помимо листовок на финском языке издавали 5 газет: газету Северо-Западного фронта, три армейские газеты в 7 А, 8 А и 13 А, а также газету 1-го корпуса финской народной армии. Четыре газеты имели одинаковое название "Кансанвалта" (Голос народа). Это объяснялось наличием в сознании политического руководства Красной Армии представления о том, что оно вело правдивую "народную" пропаганду, а в Финляндии антинародное" правительство вело лживую "антинародную" пропаганду. В Москве полагали, что правду финны могут узнать только из газет, являющихся "голосом народа". Правительство СССР думало, что от "народной" пропаганды население Финляндии восстанет против своих капиталистических правителей. Газету "Голос народа" кроме Северо-Западного фронта издавали финский корпус, 13-я армия, а также 8-я армия в Петрозаводске, которая, не имея своей типографской базы, использовала городскую типографию. Общий тираж газет армий составил за войну около 22,177 млн. экземпляров. Обычно, газеты армий издавались разовым тиражом 5000 экземпляров, как например в 14-й армии. Исключением была лишь газета 7 А "Финский рабочий", тиражировавшаяся в объеме 15 тысяч.

Маленьким редакциям было трудно готовить материалы на двух полосах газеты. Например, штат газеты 13 А по приказу НКО № 05 от 3 января 1940 года составлял 12 человек. В их числе имелось лишь пять творческих работников: три инструктора, секретарь редакции и редактор, которым подчинялись два корректора, старший наборщик и четыре наборщика. Редакция газеты 9 А состояла всего из пяти человек, которые тиражировали газету в городе Петрозаводске без указания издателя, номера экземпляра, числа опубликования газеты.

Основным способом распространения газет и листовок являлась разброска с самолетов. За время войны авиация распространила более 17 млн. печатных материалов. Авиация главного командования (27-я дальняя бомбардировочная бригада) доставляла листовки в глубокий тыл Финляндии во время бомбежек городов. Армейская авиация распространяла листовки в оперативном и тактическом тылу финской армии. Воздушные шары для разброски листовок не

применялись, так как ветры в этом районе не позволяли запускать шары и листовками в западном направлении. Кроме того, слабая точность такого способа заброски была непригодна в условиях низкой плотности населения в восточных приграничных районах Финляндии.

С помощью средних бомбардировщиков (СБ) распространили наибольшее количество листовок. Истребители бросали листовки редко. Так, 59-я легкая авиабригада, на вооружении которой находились истребители И-15, И-159, И-16, распространила только 617 тысяч листовок, 15 тысяч договоров и 400 газет. Фанерные агитационные бомбы (ФАБ) для разброски листовок почти не применялись из-за сложности их снаряжения агитационными материалами. Агитбомбами были распространены только 1,1 млн. листовок над Хельсинки и Выборгом в первую неделю войны. Обычно, летчики бросали пачки листовок из кабины. Если над городами точность разброски листовок не имела значения, то над позициями противника снос листовок из-за ветра или неправильных действий экипажа приводил к потере значительного количества материалов. По оценке, достигло адресатов менее 1 % сброшенных авиацией листовок.

В феврале-марте 1940 года при сбросе листовок на Выборг районы их падения оцеплялись жандармерией, которая не пускала людей до завершения сбора и уничтожения листовок специально созданными командами. Эти факты показали, что правительство Финляндии боялось содержания листовок, разбрасывавшихся авиацией над городами после прорыва линии Маннергейма.

Второе место по количеству распространенных материалов во время войны заняла артиллерия. С помощью агитационных снарядов и агитмин было распространено около 5 млн. листовок. За три месяца для этих целей использовали 7419 агитационных снарядов: в 7 А - 4630, в 13 А - 1083, в 8 А, 9 А, 14 А, 15 А - всего 1706 агитснарядов. Агитмин было применено намного меньше.

Незначительное количество листовок и газет распространила войсковая разведка - около 200 тысяч. Листовки забрасывались в расположение противника на линии фронта также подручными средствами в пустых консервных банках, связках. Не все изданные

материалы распространили из-за прекращения войны. После 12 марта 1940 года на складах типографий остались несколько миллионов листовок и газет, которые были впоследствии уничтожены.

Наряду с распространением листовок и газет в финской войне использовалась радиопропаганда. Для чтения текстов передач в качестве дикторов привлекали людей, которые эмигрировали из Финляндии в 30-х годах. В Москве диктором работал коммунист Лине Каллио, а в Петрозаводске - Сайми Мария Виртане. С начала войны передачи на финнов вела из Москвы "Радиостанция имени Коммунистического Интернационала". Первую пробную передачу радио из Ленинграда на финском языке провели 13 декабря 1939 года. В начале января в Ленинграде создали радиоредакцию. В ее состав включили 5 человек: трех финнов, представителя политуправления Северо-Западного фронта и представителя Ленинградского комитета по радиовещанию.

Постоянные передачи на финском языке начались с 1 февраля 1940 года, когда освободились передатчики для глушения финских радиопередач на русском языке. Одна станция вещала из Ленинграда. Вторая редакция располагалась в Куоккала и вещала от имени "народного правительства Финляндии". В конце декабря стали работать еще две радиостанции в Тайполе и Муста Йоки. Ежедневно проводилось 7 выходов в эфир по 20-30 минут каждый, при этом общее время вещания составляло 3-4 часа в сутки. До 18 февраля объем передач составил 107 часов 45 минут. В дополнение к передачам на финском с 15 февраля 1940 года вещали и на шведском языке.

Из общего времени вещания в период с 15 января до 12 марта 1940 года текстовые передачи на политические темы заняли 70 часов 35 минут (около 30%). В программах радиопередач в основном были материалы о деятельности "народного правительства" Финляндии во главе с Отто Куусиненом, статьи с разоблачением "преступной клики Рюти-Таннера-Каяндера". Также передавались материалы об успехах Красной Армии, о жизни в СССР, статьи на международные темы. Источниками материалов являлись сообщения газеты "Кансан валта", московские газеты "Правда" и "Известия", тексты листовок. Кроме того, передавали материалы журналистов на заказанные темы,

которые передавали в эфир после проверки офицерами политического управления ЛВО. С 3 по 18 февраля 1940 года по радио передали 4 документальных радиополфильма. В их числе были: "Беседа с пленными финнами", "Беседа с партизаном Кянуненом", "Советские танкисты", инсценировка "О боевых действиях на Карельском перешейке". По радио также транслировали воззвания коммунистической партии Финляндии к финскому народу. Все материалы читались на финском языке. Лишь некоторые листовки с 15 февраля 1940 года читали как на финском, так и на шведском языке для национальных меньшинств Финляндии.

Литературно-музыкальные передачи заняли 82 часа 2 минуты (35%). В их состав входили материалы на темы о "революционной литературе Финляндии", а также произведения писателей, которые жили эмигрантами в СССР. Также передавалась финская народная музыка в исполнении "Театра финской народной армии", хорового ансамбля народной армии, хора Ленинградского радиокомитета. Дополнительно к этим музыкальным номерам транслировали записи концертов моряков ансамбля Балтийского флота. Политизация музыкальных программ заключалась в том, что в перерывах между музыкальными номерами передавались призывы и лозунги к финским солдатам.

Ежедневная программа предусматривала первый выход передач для Финляндии в 20.00. Последние известия передавали в 23.00. Программа продолжалась до двух часов ночи. Время вещания на финнов без московских передач станции Коминтерна составило 232 часа 27 минут за 795 выходов в эфир. (Приложение № 9) Материалы о Финляндии в программах составляли около 40%, материалы о жизни в СССР - 13,1%. Темы о ходе боевых действий и успехах Красной Армии заняли 24,2% , а сообщения на международные темы - 22,7% всех материалов.

Во второй декаде февраля 1940 года обучали дикторов финского языка для радиостанции «народного правительства» Финляндии и для работы в Ленинградском радиокомитете, интенсивно готовили материалы для "второго этапа вещания с финской территории" из г. Выборга. В это же время заработали две радиостанции в Тайполе и Муста Йоки. Передачи с одного микрофона одновременно транслировались на 4-10 передатчиков, работавших на различных частотах. Из радиостудий сигналы по кабелям поступали на 11

передатчиков Ленинграда и Москвы.

Опросы пленных показали, что большое количество мощных передатчиков не позволили финнам заглушить передачи. Больше всего финны слушали последние известия, передававшиеся ежедневно в 23 часа. Остальные передачи интереса у слушателей не вызывали по причине их перегруженности коммунистической риторикой, к которой финский слушатель был равнодушен. Радиопередачи являлись для финнов альтернативным источником информации. Они слушали русских для того, чтобы проверить правительственные источники информации. Особенно часто это происходило после прорыва линии Маннергейма, когда средства массовой информации в Хельсинки пытались замалчивать катастрофическое положение финской армии на фронте.

Наряду с радио в финской войне для пропаганды применили звуковещательные станции. В 1935 - 1939 годах Ленинградский институт радиовещательного приема и акустики (ИРПА) создал несколько экспериментальных станций для дезинформации противника передачей шумов движения танка, полета самолета, строительства инженерных заграждений. В каждой станции имелся комплект шумов, записанных на пленку из целлулоида, аппарат звукозаписи и передачи через микрофон. Для пропаганды во время войны использовали семь звукостанций моделей: МГУ - 4, МГУ-34, МГУ-35, МГУ-36, МГУ-39, МГУ- 1000. Каждая станция была изготовлена в единственном опытном экземпляре. Дополнительно к станциям ИРПА политическое управление фронта приказало изготовить станцию на базе танка. Опыт был осуществлен, когда 20 января звукостанцию смонтировали на легком танке Т-26 в 20-й танковой бригаде 7-й армии, действовавшей в районе Ханалетто.

До начала войны на Северо-Западном фронте имелось только две кустарно изготовленные звукостанции. К 30 ноября пять станций сосредоточили в 7 А на Карельском перешейке под названием "звуковещательный отряд". В конце декабря 1939 года после создания новой 13-й армии на Карельском перешейке звуковещательную технику распределили по армиям. Две звукостанции получила 13 А, две - 8 А в Петрозаводске. Одна станция была отправлена 9 А. В 7-ю армию дали только две станции.

Звуковещательные станции в ходе войны передавали 25 текстов, одобренных политуправлением фронтам. Некоторые из программ

записали в Ленинграде на пластинки, поскольку в войсках не было профессиональных дикторов. Наряду с передачами текстов станции использовали по их прямому назначению - для имитации шума движения танков и дезинформации противника.

Опыт звуковещания выявил недостатки в конструкции опытных образцов станций, которые часто ломались. Станции на базе автомобиля были громоздкими, что делало их хорошей мишенью для артиллерии. Аппаратура звуковещания не имела запасных частей, поэтому для ремонта станции везли за сотни километров от места работы в Ленинградский ИРПА. Аппаратуры станций работала только на хороших дорогах, но на бездорожье ломалась.

Отсутствие опытных, подготовленных дикторов для вещания звукостанций мешало работе. Привлечение к ведению передач сотрудников редакций газет на иностранных языках не решало проблемы, а лишь затрудняло ведение печатной пропаганды. Дикторы, плохо владевшие финским языком, делали много ошибок в произношении слов, читали тексты с русской интонацией, что затрудняло понимание содержания. В передачах не учитывались психологические особенности восприятия устной речи. Тексты читались быстро, что делало неразличимыми слова при их восприятии на большом расстоянии или в условиях помех от шума стрельбы.

Наряду с ведением звукопередач на солдат врага пропаганда велась и на пленных. В результате работы с захваченными в плен людьми пропагандисты получали информацию для своих материалов, изучали эффективность пропаганды, морально-психологическое состояние финнов. Обращения пленных к своим сослуживцам, их письма родным использовались как материал радиопередач, газет и листовок. Так, беседы с пленными из сестрорецкого госпиталя и из приемного пункта военнопленных были записаны на пленку и передавались в радиопередачах на финском языке.

Пропагандистскую обработку пленных вели в стационарном лагере, расположенном в Грязновецке. По состоянию на 1 марта 1940 года там содержалось 477 захваченных в плен. С ними вели беседы и читали им статьи газет. Так, 29 января проводилась читка газет и беседы по следующим темам: "Война в Европе и взаимоотношения с

прибалтийскими государствами", "Мирные предложения СССР и позиция бывшего правительства Финляндии", "О решениях ХУШ съезда ВКП(б)". Также людей информировали о текущих событиях, давали читать газеты "Кансан валта". Пленных убедили подписать тексты 53 индивидуальных обращений к сослуживцам, а также два групповых обращения, которые подписали 28 и 56 человек.

Часто пленных просили написать письмо родным. Письма пленных читали и во время передач звукостанций. Так, в 9 А передавали текст письма пленного капрала финской армии. Уже на пятый день войны в 7-й армии бывший рабочий Велинх, захваченный в плен вместе с двумя другими солдатами, написал письмо жене. Это письмо издали в виде листовки. В 9-й армии после работы с пленным, который до призыва в армию работал учителем, составили обращение к интеллигенции Финляндии, изданное листовкой 9 декабря тиражом 10 тысяч экземпляров.

Наряду с получением материалов для издания писем в виде листовок получали информацию о влиянии пропаганды на врага. После допросов пленных стала ясна ошибочность преувеличения силы Красной Армии в листовках и газетах, поскольку это дискредитировало русскую пропаганду в глазах финнов. Опросы трех пленных в 13 А в период с первого по десятое марта 1940 года показали, что большая часть финских солдат не одобряла содержание и структуру звукопередач. Выявились ошибки в пропаганде хороших условий службы солдат в "финской народной армии". Так, 6 февраля пленный во время беседы сказал: «Сомневаюсь, что может в жизни быть так, как сказано в газете "Кансан валта", так как ваши солдаты одеты в плохую обувь».

Допросы пленных показали, что пропаганда оказалась малоэффективной потому, что ее содержание основывалось на клише советской пропаганды 30-х годов. Такая революционная пропаганда повторяла идеи 1918 года, но не соответствовала периоду войны 1940 года. В Финляндии в период 1918-1939 годов под влиянием пропагандистской обработки в националистическом духе не осталось людей, которые бы могли воспринять революционные и классовые идеи. Финнов воспитали в духе национализма, а не мировой революции. Финский историк Арво Тусминен в статье 1989 года

описал эффект воздействия русских листовок. Он сделал вывод о том, что вначале их тексты вызывали у читавших недоумение, затем насмешки, а после этого просто сердили людей. Хотя содержание листовок периода неудач Красной Армии и содержание листовок конца февраля-марта 1940 года после прорыва линии Маннергейма имело различия, однако первое впечатление о русской пропаганде финны получали от листовок с революционными призывами, изданных в декабре 1939 года.

Основными целями пропаганды в первый период войны являлись: побуждать к сдаче в плен; дискредитировать финское правительство; пропагандировать "народное правительство демократической Финляндии" во главе с Отто Куусиненом; побуждать к вступлению в первый корпус финской народной армии; дискредитировать командование финской армии и финских офицеров. Содержание пропаганды показывает контент-анализе 44 листовок, тексты которых отличает декларативность. Призывы занимали 57,7% общего количества тем и призывов листовок. (Приложение № 10).

Основным объектом воздействия пропаганды являлась финская армия, однако между военнослужащими не делалось различия. Хотя среди пленных соотношение кадровых солдат к резервистам составляло 1 к 10, но ни одна из листовок не была обращена к мобилизованным в армию солдатам. Не велась пропаганда на иностранный добровольческий корпус, который на 1 марта 1940 года насчитывал 8 тысяч шведов, 1000 норвежцев, 600 датчан, а также представителей некоторых других национальностей. Не велась пропаганда на этнических шведов, служивших в финской армии.

Ошибкой пропаганды в войне с Финляндией являлось то, что в листовках использовался подлог и явные искажения. Это резко снижало авторитет материалов. Например, опрос пленных показал, что солдаты не верили даже достоверным фактам в листовках, после чтения выдумки о том, будто сами финны приканчивают своих раненых товарищей. Другой пример фальсификации виден на примере публикации письма-рассказа пленного о "прекрасной жизни" в плену. Финские пропагандисты центрального отделения пропаганды написали опровержение от имени этого солдата. Оно

послужило основой контрпропагандистской кампании, дискредитировавшей советскую пропаганду плена.

Содержание листовок было неадекватно обстановке и настроениям финнов. Например, на второй день войны 1 декабря 1939 года издали листовку-лозунг "Да здравствует свобода финского народа". Никаких других слов в листовке не было. Издатель листовки не указывался, поэтому финские солдаты недоумевали, почему русские самолеты разбрасывали финские листовки.

Вред авторитету советской пропаганды принесли листовки с призывами к дружбе между советским и финским народами. Они не учитывали того, что воздействовали на людей, имевших стойкие антирусские стереотипы, у которых финская пропаганда много лет воспитывала ненависть к СССР. Пленный на допросе так оценивал листовку с призывами к дружбе: "Видел и читал листовку о дружбе народов СССР и Финляндии, Многие солдаты ее тоже читали. Все смеялись, ибо в листовке написано: "Да здравствует дружба народов СССР и Финляндии!" Это в то время, когда Советский Союз наступает на Финляндию, и мы убиваем друг друга. Смешно".

Ошибкой пропаганды явились персональные нападки и оскорбления руководителей Финляндии: Например, премьер-министра Каяндера сравнивали с "оружием петухом", с "извивающейся змеей". Его также называли "шутком гороховым", "маленьким, жадным хищником, у которого нет зубов". Правительство Финляндии в листовках было "шайкой воров". Маршала Маннергейма описывали как "кровавого палача финского народа", "предателя и террориста, ведущего нацию к гибели". Так как авторитет Маннергейма был высок, финские солдаты после чтения таких листовок сражались с еще большим ожесточением.

По свидетельству финских исследователей, из-за ошибок пропаганды в первый период войны абсолютное большинство листовок финны не принимали всерьез. Однако по мере роста военных успехов Красной Армии возрастало и количество удачных пропагандистских материалов. Опросы позволили определить листовки, содержание которых повлияло на финнов. Так, в период с 11 по 22 февраля 1940 года в карманах пленных обнаружили

листовки о братании, а четверо опрошенных признались, что перешли в плен под влиянием чтения этих листовок.

Пленные оценили, как удачные, два текста листовок с обращениями женщин Финляндии. По отзыву опрошенных, убедительную листовку написали о положении мирного населения на занятой Красной Армией территории. Успех имела листовка, тиражированная 29 декабря. В ней на карте показывалось, что в обмен на территорию площадью 4 тысяч кв. километров по договору с народным правительством Финляндия получает территорию в 70 тысяч кв. километров. Пленный офицер на допросе положительно оценил листовку, в которой говорилось о трудностях войны и предлагалось солдатам прекращать кровопролитие и начинать братание. Об этой листовке он отзывался как о "серьезном пропагандистском документе". Оказали эффект листовки - письма пленных. Были и другие удачные листовки, написанные в уважительном тоне без ругательств и рабоче-крестьянской, классовой риторики.

После прорыва линии Маннергейма, когда Красная Армия вышла на подступы к Выборгу, опросы пленных показывали, что солдаты и население Финляндии находились в полной растерянности. Они не верили правительственной пропаганде, которая много лет подряд убеждала их в неприступности линии оборонительных сооружений, построенных непрерывной цепью на дальность до 135 километров от границы. Резко возросло количество людей, которые тайно слушали последние известия русских радиостанций. В конце войны было много фактов для пропагандистского воздействия на финнов, однако заключение мирного договора помешало использовать это для пропаганды.

Таким образом, ведение пропаганды в финской войне позволил опробовать разные способы воздействия на врага, дало опыт и знания многим специалистам Красной Армии. В финской войне впервые применили агитационные мины. Также впервые в истории России в больших масштабах велась радиопропаганда на врага. В первый раз листовки издавали на разноцветной бумаге для их лучшего обнаружения на снежном покрове. (На Халхин-Голе листовки также издавали на разноцветной бумаге - *Прим. ред.*) Однако в целом опыт

ведения пропаганды зимой и весной 1940 года оценивается неудовлетворительно. Не была достигнута главная цель пропаганды - побудить военнослужащих к сдаче в плен. Более 22,6 тысяч солдат финской армии погибли, а сдались РККА лишь 477 человек (соотношение погибших к пленным 45:1).

Причин неудач пропаганды было много. Самым главным было то, что отсутствовала обратная связь пропагандистов с объектами воздействия. Информация листовок и радиопередач во многом не соответствовала интересам финнов. Содержание пропаганды не меняли после получения отрицательных отзывов опрашивавшихся пленных. Революционная риторика пропаганды не соответствовала интересам финнов сохранить жизнь в плену. Пропаганда пыталась внедрить в сознание финнов политические идеи, дискредитировала правительство, а не предлагала вариант поведения для сохранения жизни человека. Люди, писавшие тексты радиопрограмм, листовок и звукопередач хотели заставить финнов осуществить революцию, не поддерживать правительство, выступать за коммунистические идеи. Это в условиях тотального контроля поведения солдат и населения было невозможно сделать. Цели пропаганды не были адекватны возможностям людей в Финляндии.

Политические условия СССР не позволяли специалистам РККА самостоятельно разрабатывать содержание листовок, газетных статей, радиопередач. Они лишь выполняли роль передающего звена, переводили на иностранный язык материалы, подготовленные и утвержденные в Москве, в политическом управлении фронта (армии). Никакой инициативы автора не допускаюсь. Пропаганда являлась точной копией внутренней пропаганды СССР, переведенной на иностранный язык. Это делало тексты листовок и газет странными для финнов, у которых были свои пропагандистские клише, свои представления о целях войны. Стереотипы некомпетентных в вопросах пропаганды политических лидеров СССР оказались непригодными при воздействии на представителей другого этноса.

Опыт пропаганды периода финской войны показал нежелание и неспособность представителей разных народов понять интересы друг друга. Командование Красной Армии требовало от финских солдат невозможного. Оно пыталось внедрить в их сознание политическую

идеологию, а не помочь сохранить жизнь. Люди в СССР и Финляндии находились на различном культурном и образовательном уровне. У них были разные представления о целях войны, о политической культуре, о нравственности. Перевод текстов с русского на финский язык делал содержание текста непригодным для восприятия его человеком с другой системой взглядов и другим национальным менталитетом.

Опыт финской войны свидетельствовал, что привлечение этнических финнов только для перевода с русского языка пропагандистских материалов не мог дать положительного эффекта в воздействии на сознание населения противника. Цели пропаганды СССР и ее содержание были неадекватны реальности. Политическое руководство в Москве требовало от офицеров-пропагандистов вызвать революционные выступления народа против правительства Финляндии в поддержку «братьев по классу». Но эта цель не соответствовала интересам граждан Финляндии и военнослужащих ее армии. Попытка внушить стереотипы политической пропаганды, а также военные неудачи Красной Армии в первые месяцы войны дали сильные аргументы финской контрпропаганде, дискредитировали военную мощь Красной Армии. Все перечисленные факторы поставили пропагандистов РККА в неблагоприятное положение. За три с половиной месяца войны пропаганда РККА не смогла преодолеть в сознании финнов негативные стереотипы, внедренные в ходе многолетней обработки в антирусском духе.

Пропаганда на противника в 1940 году

Через три месяца после окончания советско-финской войны летом 1940 года почти одновременно были проведены две фронтовые операции. На северо-западе СССР в три армии Ленинградского военного округа (ЛВО) и Белорусского особого военного округа (БОВО) призвали резервистов и укомплектовали воинские части до полных штатов военного времени для ведения Прибалтийской операции, которая началась 13 июня 1940 года. На юго-западе СССР три армии Киевского особого военного округа (КОВО) и Одесского

военного округа (ОдВО) с 27 июня 1940 года участвовали в операции по освобождению Бессарабии и Северной Буковины, захваченной Румынией у России в 1921 году.

Закончив войну против финнов на севере, политическое руководство готовилось к другим войнам. В случае наступательной войны в Румынии или на территории Прибалтики в Москве прогнозировали возможное вступление Англии и ряда европейских стран в войну против СССР. В связи с таким прогнозом после подписания мирного договора с Финляндией систему подразделений пропаганды на иностранных языках реформировали. По приказу НКО СССР № 10 от 15 марта 1940 года, подписанного Л.З. Мехлисом, количество редакций газет на иностранных языках в РККА увеличили до 27. Одновременно ликвидировали 5 редакций; на немецком, латышском и эстонском языках в ЛВО, а также две редакции газет на японском и китайском языке в 57-м особом корпусе в Монголии.

Правительство в Москве предполагало возможность войны с Англией и ее союзниками на северо-западной и южной границах СССР. Поэтому четыре редакции газет на английском языке были созданы в 14 А ЛВО, Закавказском и Среднеазиатском военных округах (ЗакВО и САВО). Также образовали редакцию газеты на шведском языке в ЛВО против Швеции, проводившей проанглийскую политику, враждебную СССР. Для будущей войны были созданы две редакции газет на языках урду и пенджаби в САВО, а также одна редакция газеты на румынском языке в ОдВО. Итак, вновь были созданы семь редакций газет, а одна редакция газеты на монгольском языке в Монголии из состава 57-го ОСК была передана в штат 1-й армейской группы. В общей сложности 27 редакций газет на 15 иностранных языках, содержались по трем вариантам минимальных штатов мирного времени. В любой из этих редакций газет имелось 4-5 сотрудников, из которых не более 2 человек были на командных должностях. Офицерских должностей то время не было.

Через месяц после войны с Финляндией в отделе агитации и пропаганды ПУРККА создали отделение по руководству печатью на иностранных языках. По приказу НКО СССР № 70 от 10 апреля 1940

года в нем работали шесть сотрудников: начальник и пять старших инструкторов. Таким образом, в начале апреля 1940 года в РККА была создана система подразделений пропаганды на противника, в которой до 15% командных должностей занимали кадровые сотрудники. В мирное время они изучали противника, накапливали информацию о зарубежных странах и тренировались в издании материалов. Недостатком системы было то, что в каждом подразделении было мало работников (не более двух-трех). Это уменьшало возможность разделения труда, вынуждало специалистов в разных военных округах трехмесячные сборы в Военно-политическое училище имени В.И. Ленина в Москву. Трехмесячные курсы являлись ускоренными, так как плановые курсы переподготовки работников редакций военных газет были рассчитаны на один год. К началу сборов прибыли 116 человек, среди которых было 32 типографских работника. Не прибыли лишь сотрудники редакции газеты на монгольском языке из 1 АГ в Монголии. Участники сборов изучали иностранный язык, газетное дело, военную географию (46 часов), военную пропаганду (идеологическая обработка личного состава зарубежных армий и опыт пропаганды на Халхин-Голе) Они занимались также стрелковой подготовкой.

Директива ПУРКА о создании газет на иностранных языках была составлена через день после принятия решения о подготовке к ведению боевых действий по возвращению территории Бессарабии и Северной Буковины. Начальник Генштаба СССР 14 марта 1940 года направил начальнику Управления военно-технической службы директиву № 125293 с заданием разработать карты движения в Бессарабию. В этот же день командующий КОВО дал в войска округа директиву № 4/1285 о представлении заявок на мобилизационную потребность формируемых частей и учреждений. Эти директивы имели большой уровень секретности, предназначались для строго ограниченного круга лиц и поэтому не были известны ни ПУРКА ни сотрудникам редакций газет на иностранных языках, продолжавших ускоренную учебу в Москве по планам мирного времени.

Наборщики иностранного текста занимались с 5 апреля 1940 года в типографии "Искра революции". Из общего количества

работников типографий наибольшее количество составляли наборщики японского текста (7 человек). Кроме них учились наборщики китайского текста (6 чел.), иранского текста (5 чел.), польского текста (3 чел.), немецкого (3 чел.), румынского (2 чел.), английского (2 чел.), а также по одному наборщику индийского, турецкого, шведского и финского текстов. Такое количество обучавшихся отдельным языкам показывало, как правительство в Москве воспринимало приоритет угроз со стороны соседних стран и прогнозировало вероятность войны в апреле 1940 года.

В ходе сборов работников редакций и типографий было принято важное решение. По директиве ПУРККА № 27 от 31 мая 1940 года Воениздату приказали в месячный срок оборудовать в 3-й московской типографии цех с иностранными шрифтами для выпуска литературы на английском, немецком, французском, шведском, эстонском, латышском, литовском, польском, венгерском, румынском, афганском, иранском, индийском, китайском, монгольском, турецком, корейском, японском языках. Решение о подготовке шрифтов на языках стран Прибалтики свидетельствовало об изменениях в приоритетах военной политики СССР, поскольку лишь за десять недель до этого приказа в Ленинградском военном округе были расформированы редакции газет на языках прибалтийских стран. Однако рост военной угрозы с Запада вынудил руководство страны пересмотреть это решение для подготовки к возможным военным действиям в этом регионе.

Получая все больше разведывательных данных о планах Германии использовать страны Прибалтики в качестве плацдарма экспансии, правительство СССР решило упредить события. НКО СССР 13 июня 1940 года приказал 11-му стрелковому корпусу и 6-му казачьему корпусу "отрезать границу Литвы от Германии". Правительствам стран Прибалтики был предъявлен ультиматум. На их территорию дополнительные ввели войска. Они усилили имевшиеся в каждой из стран стрелковые корпуса численностью по 25-30 тысяч человек (65 оск в Эстонии, 2 ск в Латвии, 16 ск в Литве).

Перед Прибалтийской операцией политуправления ЛВО и БОВО получили директиву ПУРККА № 5258. Она дала указания о формировании редакций газет, отделов по работе среди населения и

войск противника, а также о содержании пропаганды на население противника. Одновременно с приказом о дополнительном вводе войск в Литву по приказам ПУРККА № 68 и 69 от 13 июня 1940 года в Ленинграде были начаты сборы сотрудников редакций газет "Народная правда" на эстонском языке и "Свободная жизнь" на латышском языке. В каждую из этих редакций были призваны по шесть сотрудников. На 26 июня 1940 года в ЛВО сформировали четыре редакции в полном составе: две на латышском и две на эстонском языке. При политуправлении направленной в Таллинн 8-ой армии создали две эстонские редакции в полном составе. Они для тренировки издавали газеты небольшим тиражом.

В Белорусском особом военном округе были призваны на сборы работники редакций газет на литовском языке. Первый номер газеты "Красное знамя" был подготовлен представителями литовской коммунистической партии и тиражирован на типографской базе БОВО 19 июня 1940 года. В это же время работники редакции литовской газеты в БОВО издавали газету "Голос народа", четвертый номер которой 29 июня был отослан в Москву на рецензию. Параллельно с этим 19 июня 1940 года в литовском городе Каунасе был выпущен первый номер еще одной военной газеты на литовском языке «Голос народа», отосланный на рецензирование в Москву 22 июня. Издание газет продолжалось регулярно. На 6 июля 1940 года было выпущено 52 номера газет на латышском языке. Днем позже был тиражирован 103-й номер газеты на эстонском языке.

Подготовленные кадры из Ленинграда были направлены на усиление редакций военных газет в странах Прибалтики. По распоряжению начальника ПУРККА 12 июля 1940 года в Ригу "для участия в сборах редакции газеты 3 А на латышском языке" из ЛВО было послано 30 человек. Тремя днями позже тринадцать участников сборов редакции эстонской газеты 15 июля 1940 года выехали из Ленинграда в Таллинн. В политуправлении 8 А они продолжили "участие в сборах", выпуская газеты для населения. Один из участников сборов в Ленинграде секретарь редакции газеты "Свободная жизнь" В.К. Мишке 27 июля 1940 года был назначен в Риге редактором латышской газеты "Циня".

Обращает внимание, что в июне 1940 года "сборы" редакций газет на языках прибалтийских стран проходили отдельно от сборов остальных редакций газет на иностранных языках. В дальнейшем это повлияло на формирование структуры службы военной пропаганды. Редакции газет на эстонском, латышском и литовском языках были подчинены отделению печати 2-го отдела ПУРККА. Однако они не подчинялись начальнику отделения печати на иностранных языках того же отдела ПУРККА.

Пропагандистское обеспечение ввода дополнительного контингента войск СССР в страны Прибалтики проводилось без достаточной подготовки творческих работников редакций. Это происходило потому, что военные сотрудники газет выполняли лишь вспомогательные задачи. С первых дней после ввода войск писали тексты, редактировали и готовили материал к печати члены коммунистических партий стран Прибалтики. Именно поэтому всего лишь 28 дней подготовки на сборах работников редакций газет оказались достаточными для работы по выпуску армейских газет на литовском, латышском, эстонском языках.

В начале сборов сотрудников редакций газет на языках стран Прибалтики в Москве уже завершали свою работу другие сборы. Слушатели подготовили тексты, в учебных целях напечатали несколько образцов листовок и газет. В ПУРККА работники отделения по руководству печатью на иностранных языках проанализировали эти материалы, после чего 10 и 25 июня 1940 года написали на них рецензии. Параллельно с занятиями работников распределяли по военным округам. Слушатели курсов 20 июня были внесены в списки по редакциям и должностям на постоянную работу. С 25 по 30 июня всех участников сборов по очереди вызывали в ПУРККА. В начале июля, прибывшие на сборы 122 человека из Москвы были отправлены к постоянному месту службы.

В первой половине 1940 года вопросам ведения пропаганды на противника занимались не только работники 2-го отдела ПУРККА но и высшее политическое руководство Красной Армии. Весной на совещании в ПУРККА 23 мая начальник политуправления сделал доклад-разбор работы политуправления Красной Армии. В этом докладе для начальников отделов ПУРККА он проанализировал

пропаганду на иностранных языках. Л.З. Мехлис заявил, что к маю в трех военных округах ЛВО, КОВО, БОВО действовали постоянные штаты "отделений по работе среди населения и войск противника", имелось 27 редакций газет на иностранных языках по минимальному штату. Также работало отделение по руководству печатью на иностранных языках во 2-м отделе ПУРККА. Докладчик отметил успехи в выпуске печатных материалов во время военных конфликтов. Он привел цифры выпуска печатных материалов: "Халхин-Гол - до 5 млн. листовок и 40 тысяч газет, освободительный поход - 12 газет на польском, украинском, белорусском языках, Финляндия - 7 газет и более 40 млн. экземпляров печатных материалов".

Начальник ПУРККА в докладе сделал критические замечания. Он отметил, что "население зарубежных стран мы знаем по трафаретным лозунгам и упрощенной пропаганде". Особо примечательный вывод заключался в словах: "Глубоко вкоренился вредный предрассудок, что якобы население стран, вступающих в войну с СССР, неизбежно и чуть ли не поголовно восстанет и будет переходить на сторону Красной Армии, что рабочие и крестьяне будут встречать нас цветами. Это ложное убеждение вырастает из незнания действительной обстановки".

Это суждение было сделано на основе опыта пропаганды в войне с Финляндией. Подобные мысли в докладе начальника политического управления предназначались только для начальников отделов ПУРККА. До высшего военного командования РККА доводилось другое мнение. За несколько недель до этого доклада в апреле 1940 года Л.З. Мехлис на заседании подкомиссии по партийно-политической работе Военного совета РККА сказал: "Опыт работы среди японско-маньчжурских и белофинских войск показал, что хорошо развернутая идеологическая война с противником понижает боеспособность его войск и революционизирует солдат и население противника". В 1940-1941 годах мнение о "революционизирующем влиянии" подрывной пропаганды на противника получило широкое распространение среди политического и военного руководства СССР. Критического анализа негативного опыта пропаганды в финской войне проведено не было.

В 1940 году в директивах ПУРККА по партийно-политической работе стали даваться указания по ведению работы среди населения и войск противника. Первым подробным указанием о пропаганде в боевых условиях стала директива ПУРККА № 2585 от 21 июня 1940 года о подготовке к войне против Румынии. Три пункта в ней были посвящены работе среди населения и войск противника. Директива ставила задачу:

"...19. Укомплектовать отдел по работе среди войск противника и редакции газет на румынском и русском языках для населения. Иметь людей, владеющих румынским языком сверх комплекта, чтобы обеспечить широкий размах работы.

20. Основная цель политической работы среди войск противника сводится к тому, чтобы быстро разложить его армию, деморализовать тыл и, таким образом, помочь командованию Красной Армии в кратчайшие сроки и с наименьшими жертвами добиться полной победы. Наша пропаганда должна умело бить по больным и слабым местам неприятеля, живо реагируя на экономические и политические затруднения в стране и армии, на внешнеполитические затруднения и т.д.

На конкретных фактах показывать тяжелое положение трудящихся масс, особенно батраков и малоземельных в Бессарабии, террор и насилие в тылу со стороны полицейско-жандармского аппарата. Подчеркнуть, что налоги в Бессарабии вдвое больше, чем в остальной части Румынии. Государственные чиновники получают здесь на 50 процентов больше заработной платы, чем в Румынии и "покупают" (взятки) у крестьян продукты по таким ценам, каким им заблагорассудится.

Разъяснить румынским солдатам несправедливость и безнадежность войны против СССР и задачи Красной Армии. Разоблачать произвол офицеров на фронте, капиталистов, помещиков, чиновников и полицейских в тылу. Показать подлинное лицо военно-политических и политических организаций, работающих в армии и в тылу противника, являющихся опорой военщины. Учесть, что по своему составу румынская армия является крестьянской (90 %). На долю национальных меньшинств приходится около 50 % от всей численности рядового состава.

Национальные меньшинства в армии подвергаются дикому гонению, над ними издеваются, их посылают на самые грязные и тяжелые работы. Пропагандировать переход на нашу сторону и антивоенные настроения в армии противника. Широко пропагандировать каждый факт поражений румынских войск.

Разъяснять, что бойцы и командиры Красной Армии товарищески относятся ко всем, кто добровольно сдается в плен, и что пленные находятся в СССР в безопасности и содержатся в хороших условиях. Призывать их переходить на сторону Красной Армии, расходитья по домам создавать солдатские комитеты для борьбы за мир и дружбу с Советским Союзом. В лагерях для военнопленных издавать газету дивизионного типа "Друг военнопленного" на румынском и русском языках. Обеспечить лагеря звукопередвижками. Демонстрировать военнопленным лучшие советские кинофильмы, особенно патриотического содержания.

Вся печатная пропаганда должна быть конкретной и правдивой. Это достигается хорошим знанием страны и армии противника, его истории, культуры, экономического и политического положения рабочих, крестьян, особенностей воспитания солдат. Необходимо быстро и политически остро откликаться на все существенные события, происходящие в Румынии, в ее армии, в частях и подразделениях.

Показывать счастливую и радостную жизнь рабочих и крестьян в СССР. Разъяснять, что рабочие и крестьяне СССР управляют государством без капиталистов и помещиков. Противопоставить этому бесправное положение рабочих и крестьян в Румынии, Показать принципиальную разницу между царской Россией - тюрьмой народов и Советским Союзом - братским союзом освобожденных народов.

21. Политическое управление Красной Армии направило в политуправление КОВО четыре звуковещательные станции и четыре радиостанции "РАТ". Политическому управлению округа и политическому управлению армии обеспечить эти станции людьми, владеющими румынским языком. Программы передач через звуковещательные станции и радио должны отличаться особой

оперативностью и конкретностью. Программы разрабатываются отделениями по работе среди войск противника и утверждаются начальником ПУарма или его заместителем. В необходимых случаях отдельные передачи разрабатываются политотделами соединений".

Для войны с Румынией с 9 июня 1940 года вблизи ее границ начали сосредоточение группировки войск, состоявшей из трех армий. В них насчитывалось 33 дивизии, 11 бригад и другие части. В 5 А было 6 дивизий и 3 бригады, в 12 А - 5 дивизий и 5 бригад и 9 А - 12 дивизий и 3 бригады. Общая численность войск фронта составила около 300 тысяч человек. Командующим Южным фронтом был назначен Г.К. Жуков.

В июне 1940 года на территории Бессарабии и Северной Буковины, захваченных Румынией в 1918 году у России, проживало более 6757,9 тысяч человек. Из этого числа румын было чуть меньше половины. Национальные меньшинства, молдаване, украинцы, гагаузы, русские составляли 3384 тысячи человек. В Румынии отношение к национальным меньшинствам было дискриминационным, доходившим порой до прямого надругательства и унижения. Так, встречались даже таблички с надписью: "Вход молдаванам и с собаками воспрещен". Территория восточных районов Румынии была намного более бедной по сравнению с западной частью страны. Все это углубляло межнациональные противоречия, позволяло вести пропаганду с целью разложения тыла противника и румынской армии.

Для пропагандистского обеспечения боевых действий было создано две фронтовые газеты и две армейские газеты на иностранных языках. В дополнение к этому почти все 44 дивизионные газеты могли издавать материалы на румынском языке. Лишь в двух из них не было латинского шрифта. Во фронте также имелись 6 звуковещательных станций и 6 радиостанций типа "РАТ". Из них в армиях КОВО было по 4 станции, а по две станции работали в армиях ОдВО. Во фронте создали отделение по работе среди населения и войск противника численностью 10 сотрудников, в армиях - такие же отделения по 7 офицеров. Кроме штатных работников во фронте, армиях и дивизиях имелось много командиров со знанием молдавского и украинского языков, а также

группа сотрудников ПУРККА из Москвы. Они помогали вести пропаганду на население Бессарабии и Северной Буковины.

В КОВО 13 июня был подготовлен поезд-типография и укомплектованы по штату военного времени редакции газет на румынском и украинском языках. Занятия сотрудников газет начались с 17 июня за 10 дней до дня начала операции. Для ведения печатной пропаганды и работы среди населения Бессарабии и Северной Буковины в политуправление КОВО было отобрано 64 человека со знанием молдавского, румынского языков и опытом пропагандистской работы. Среди них имелось 34 редакционных работника и 30 пропагандистов. Дополнительно к этому в 5 А и 12 А были развернуты редакции газет на румынском языке. Там занятия с редакционными работниками начались за неделю до ввода войск.

Правительство СССР 27 июня 1940 года предъявило Румынии ультиматум в четырехдневный срок освободить территорию Бессарабии и Северной Буковины. Оценив бесперспективность войны с СССР, румынское руководство приняло эти условия. Договорились о постепенном отводе румынских войск с темпом 20 км в сутки, однако войскам было запрещено вывозить в Румынию материальные ценности. Армии Южного фронта по приказу начали движение на территорию Бессарабии 28 июня 1940 года в 14.00 московского времени. В Кишинев направлялась 12 А , а 9 А - в Корпешты.

Фронтная газета на румынском языке из г. Проскурова была переведена в состав 9-й армии для увеличения скорости доставки газет населению занимаемой территории. Дополнительно 19 офицеров были посланы 30 сентября в 30 сд и 25 сд 37-го стрелкового корпуса с целью усиления передовых дивизий пропагандистами из резерва 9 А. В это же время в политуправлении 9 А сформировали группу из 30 офицеров для организации митингов населения в городах Кишинев и Аккерман.

В ходе движения войск по территории Бессарабии дивизиям доставляли листовки, брошюры и газеты для раздачи населению. Так, 29 сентября частями 9 А было роздано жителям 11 тыс. экземпляров листовок "О мирном разрешении советско-румынского конфликта по вопросу о Бессарабии и Северной Буковине", 4 тысячи экземпляров

брошюры " Доклад товарища Сталина о проекте конституции СССР". На следующий день из г. Проскурова политуправление КОВО направило частям 900 тысяч листовок на румынском, украинском и русском языках, а также 600 тысяч экземпляров "портретов вождей". Газета на румынском языке "'Земля и воля" к 30 сентября отпечатаала около миллиона листовок, 3 тысячи экземпляров лозунгов, 80 тысяч "портретов вождей". В качестве текстов листовок тиражировалась передовая статья газеты "Правда" от 29 сентября 1940 года о Бессарабии. В период 27-30 сентября окружные газеты ОдВО на румынском и русском языках отправили в части 158 тысяч газет; 8,5 тысяч брошюр, 61 тысячу листовок, 25 тысяч "портретов вождей", а также 5 тысяч лозунгов и плакатов.

Интенсивно проводилась работа среди населения. Офицеры политуправления 9 А провели 29 и 30 сентября 35 групповых бесед, сделали четыре доклада. Во всех дивизиях выделили агитаторов со знанием молдавского и румынского языков, которые беседовали с жителями. Например, офицеры 51 сд провели в населенных пунктах 2 митинга. Самые крупные митинги были проведены в Бендерах (два митинга по 3 тысячи человек) и в Кишиневе - 20 тысяч человек. На митинге в Кишиневе кроме командования армии и представителей от местных жителей выступил первый секретарь ЦК Украинской компартии Н.С. Хрущев.

Во всех населенных пунктах жителям бесплатно показали фильмы "Ленин в 1918 году", "На границе", "Трактористы", "Великий гражданин", "Детство Горького", "Шахтеры". В больших количествах населению раздавали брошюры "О конституции СССР", "Доклад наркома иностранных дел товарища Молотова". После проведения массовых мероприятий в Кишиневе перешли к работе с "различными категориями населения". Уже 1 октября было проведено три собрания с учителями (1200 человек), с молодежью (800 человек) и с врачами города (500 человек). Во время этих встреч людям давались заверения о доброжелательном отношении армии к населению о выполнении войсками всех требований законов и конституции СССР. Офицеры разъясняли направления внешней политики Советского Союза и политическое положение в мире.

Контрпропаганду на население Бессарабии пыталась вести Румыния, использовавшая авиацию для разброски листовок. Так, 30 сентября и 1 октября 1940 года румынские самолеты разбрасывали листовки с информацией о продлении срока эвакуации войск до 13.00 часов 3 октября, о нарушении СССР договора, о назначении комиссии по расследованию инцидентов. Румынская пропаганда и протесты румынского правительства влияли лишь на жителей румынской национальности. Национальные меньшинства Бессарабии не обращали внимания на румынскую пропаганду, поскольку у них имелись сильные антирумынские настроения. Были даже случаи, когда люди отказывались брать русские листовки на румынском языке, так как они ненавидели румынский язык. Пропагандисты Южного фронта не ожидали подобной реакции жителей, однако они находили выход из положения в том, что раздавали листовки на русском языке.

Ведение пропаганды не было безупречным. Имелись срывы, отказы техники. В 176 сд перед показом населению кинофильма политработник объявил, что "сейчас будет показан кинофильм на аппарате советского производства". После объявления этот аппарат были вынуждены три часа ремонтировать. Однако в целом пропаганда на население была успешной по причине того, что население молдавской и украинской национальности воспринимало Красную Армию, как освободительницу от жестокостей румынского ига. Жители были настроены к войскам очень доброжелательно, имели психологическую установку на восприятие информации от военных пропагандистов. Такое отношение людей нейтрализовало неблагоприятные моменты, связанные с отказами техники или примитивизмом пропаганды.

Пропагандистское обеспечение ввода войск в Бессарабию и Северную Буковину было кратковременным. Уже 1 ноября 1940 года все призванные из запаса специалисты со знанием иностранных языков были демобилизованы из редакций, и в штате каждой фронтовой редакции газеты на иностранном языке осталось только по три человека.

Успехи Прибалтийской операции, операции в Бессарабии и Северной Буковине неблагоприятно повлияли на научное осмысление

вопросов пропаганды на противника. Этот успех нейтрализовал неблагоприятное впечатление о неэффективности пропаганды и безуспешности попыток повлиять пропагандой на финнов. Военные успехи и легкость ведения пропаганды летом и осенью 1940 года закрепила у руководящих работников в Москве представление о пропаганде как о "могучем оружии партии". Укрепился стереотип о том, что можно пропагандой вызвать революционное выступление населения в тылу противника против своего правительства.

По приказу ПУРККА № 162 от 26 июля 1940 года штаты подразделений пропаганды на противника сократили по сравнению со штатами 1919-1922 годов. В 1919 году редакции газет на иностранных языках во фронте и армии имели по 36 сотрудников. Интернациональные отделения по работе среди войск противника в каждом фронте насчитывало 23 человека, в армии и дивизии - по 14 человек (начальник и десять старших агитаторов). В 1940 году новые штаты ликвидировали редакцию и типографию газеты на иностранном языке в армии (армейской группе).

Сокращению подверглись фронтовые отделы по работе среди войск и населения противника, численность которых была уменьшена с 10 человек (штат 1938 года) до 7 человек (штат 1940 года). В армиях по сравнению с 1919 годом отделение было сокращено с 14 до 6 сотрудников. В дивизии вместо отделения был оставлен лишь один старший инструктор по работе среди войск и населения противника. Штаты 1940 года ввели должность старшего инструктора по работе среди войск противника в политотделе стрелкового корпуса, инструктора - в отдельной бригаде и в воздушно-десантном батальоне. Новые штаты уменьшили число работников армейского и дивизионного уровней, сделали их только распространителями печатных материалов редакций фронтового звена и Главного управления политической пропаганды РККА. (так переименовали ПУРККА - *Прим. ред.*)

Опыт пропаганды в военных конфликтах 1940 года не успели проанализировать. В сборнике о партполитработе в советско-финской войне не было даже упоминания об этом роде деятельности. В военных конфликтах 1940 года сложился стереотип о содержании и способах пропаганды на противника. Он заключался в том, что на

солдат и население врага тиражировался набор из 10-12. кратких лозунгов.

В 1940 году были разработаны директивы, регламентирующие работу по пропаганде на врага. В январе появилась директива № 20, регламентирующая ведение военно-политического изучения противника. В мае начальник ПУРККА в докладе-разборе оценил комплекс вопросов пропаганды на иностранных языках, назвав эту деятельность "политическая работа среди войск и населения противника". В октябре была составлена директива № 267, ставившая задачи по учебной работе подразделений пропаганды в мирное время и указывавшая возможное содержание пропаганды в войне. В ноябре 1940 года было разработано штатное расписание для приписного состава всех редакций газет на иностранных языках в военных округах. Факты показывают, что в 1940 году сформировался третий вариант системы военной пропаганды на иностранных языках в XX веке. (Первый - в 1915 году, второй - в 1919 году). Однако из-за секретности этой работы сотрудники подразделений пропаганды РККА ничего не знали о работе предшественников, так как не было написано книг с анализом опыта пропаганды в предыдущих войнах.

Подготовка и ведение пропаганды в 1941 году

Во второй половине 1940 года в отделе по работе среди войск противника (7-й отдел) при Главном управлении политической пропаганды Красной Армии (ГУППКА) не предполагали возможности скорой войны СССР с Германией. После заключения договора 1939 года третий рейх считали союзником СССР. В связи с этим редакция газеты на немецком языке Ленинградского военного округа в марте 1940 года была полностью ликвидирована, что уменьшило возможность изучения Германии. Руководство ГУППКА ориентировало сотрудников 7-го отдела, что наиболее вероятными противниками в будущей войне станут государства на южной границе СССР. Отдел готовился к ведению пропаганды на войска и население стран южного театра военных действий (ТВД). Такая подготовка была начата после того, как 16 февраля 1940 года по

директиве 1/1/176264 был увеличен штат мирного времени редакций газет Среднеазиатского военного округа (САВО) на языках фарси, афганском, урду, английском и создана редакция на языке пенджаби. В апреле 1940 года в штат отделения по руководству печатью на иностранных языках ГУПКА был назначен работавший до этого редактором газеты "Коммунист Таджикистана" И.С. Брагинский, знавший таджикский язык и язык фарси. Осенью того же года он и еще два сотрудника 7-го отдела были вызваны на доклад к наркому обороны СССР, которого особенно интересовало положение в странах Востока "по ту сторону наших границ". И.С. Брагинский доложил наркому С.К. Тимошенко военно-политическую обстановку в Афганистане. Заместитель начальника отдела по работе среди войск противника А. А. Самойлов сообщил о положении в Иране. Руководства НКО СССР проявляло особый интерес к положению в государствах, расположенных на Южном ТВД, поэтому начальник ГУПКА дал указание офицерам И.С. Брагинскому и И.П. Байкову ежемесячно выступать перед руководящим составом ГУПКА, в штабах и управлениях родов войск с информацией о военно-политическом положении на Среднем Востоке и в Индии.

Интерес к странам Южного ТВД проявился и в директиве ГУПКА № 267 от 12 октября 1940 года по ведению пропаганды среди войск противника в боевых условиях. Одно из положений директивы ставило задачу: «Раскрывать истинную роль империалистических агентов в колониальных и зависимых странах (советников, военных инструкторов, миссионеров, банковских чиновников и т.д.)». Понятно, что подобная задача не могла быть выполнена при войне на Западном ТВД.

Для подготовки к работе среди населения государств вблизи границ СССР в Москве велось изучение их географического положения, дорожной сети, населенных пунктов. По состоянию на 13 февраля 1941 года из числившихся в 7-м отделе ГУПКА 59 географических карт различных стран только 3 изображали территорию Германии, 2 - Польши. В то же время карт Ирана было 9, Афганистана - 12, а Индии - 13, Турции - 14, Румынии - 16.

Зимой 1941 года СССР готовился ввести войска в Иран и в Афганистан. Старший инструктор 7-го отдела И.П. Байков в феврале

1941 года выезжал в Ташкент участвовать в "оперативно-военной игре" САВО "Армейская наступательная операция", где отрабатывались вопросы ввода войск в Афганистан и Иран. По условиям военной игры 21 февраля 1941 года выполнялся приказ "перейти границу Афганистана и Ирана. Помочь трудящимся Ирана, Афганистана и Индии свергнуть гнет английских империалистов и афганской и иранской военщины". В ходе учения работники редакций газет на иностранных языках подготовили макеты газет и несколько плакатов, изображавших, как одетые в набедренные повязки и чалмы бедняки южных стран радостно встречали бойцов РККА.

Интерес руководства ГУППКА к странам Востока имел и другие последствия. Специалиста по Афганистану И.С. Брагинского, прожившего много лет в Таджикистане, после 22 июня 1941 года назначили начальником отделения по работе среди войск Германии в 7-й отдел. Это отчасти объясняет особенности содержания пропаганды на вермахт и Германию во время войны, поскольку этой работой руководил человек, не являвшийся экспертом по Германии.

Внимание руководства ГУППКА к странам Среднего Востока влияло на сбор информации о вероятных противниках. Сбор сведений о социально-политических процессах в Германии не являлся приоритетной темой. Начальник отдела по работе среди войск противника не ставил подчиненным задач по изучению военно-политической обстановки в Германии. Так, в плане работы отдела, утвержденном в ноябре 1940 года, предусматривалась подготовка к 15 декабря 1940 года обзоров о положении в нескольких странах. Однако обзор "Положение в Германии" был вычеркнут карандашом из списка работ. В начале 1941 года в делах 7-го отдела находились подробные справочные материалы по Ирану, Афганистану, Маньчжурии, однако отсутствовала справочная информация о Германии.

Вследствие того, что третий рейх не являлся приоритетным объектом для сбора информации, в Москве и в военных округах по подписке получали только 1-2 наименования немецких периодических изданий. С таким скудным выбором изданий периодической печати было трудно получить достаточный объем сведений о социально-политических процессах в Германии. К тому

же руководствов Москвесдерживало изучение третьего рейха, запрещая переводить статьи с критическими высказываниями в адрес СССР. Так, 2 апреля 1941 года начальник 7-го отдела М.И. Бурцев из Москвы направил работникам редакции газеты на немецком языке Прибалтийского особого военного округа (ПриБОВО) документ, который запрещал переводить статью с критикой в адрес СССР под названием "Между вчера и сегодня", напечатанную в "Фелькишер беобахтер" 14 февраля 1941 года. Подобные же запрещения были сделаны сотрудникам других редакций газет. Кроме того, 13 марта 1941 года М.И. Бурцев запретил работникам редакций газет САВО в Ташкенте переводить критические материалы об СССР из иранских газет.

В Москве работники 7-го отдела за два месяца до начала войны с Германией не могли получить подробную информацию о немецкой армии из разведывательных источников. В мае и июне информационный отдел разведуправления Генштаба РККА посылал ему в рамках взаимодействия информацию не о Германии, а о других зарубежных странах. В этот период получили сообщение о политической работе в китайской 8-й армии (355 страниц), "О населении и армии Ирана"(65 страниц), обзор о внутреннем положении в Бельгии (49 страниц), донесение "О еврейских организациях в Палестине" (16 страниц). О Германии поступило только два материала: краткий перевод речи партийного функционера Лея в мае 1941 года (24 страницы) и информация о настроениях жителей Берлина (21 страницы). Факты свидетельствуют, что в предвоенные месяцы основную информацию офицеры 7-го отдела в Москве получали не о Германии, а о других странах. Источниками информации о третьем рейхе для них были немецкие газеты, подвергавшиеся в Германии строгой цензуре. Критические и враждебные СССР материалы немецких газет на русский язык не переводились, поскольку до мая 1941 года в 7-м отделе не было офицера с хорошим знанием немецкого языка.

Нельзя сказать, что в военных округах Германия совсем не изучалась офицерами отделов по работе среди войск противника. На Западном ТВД офицеры ЗаПОВО и КООВО изучали третий рейх, как вероятного противника. Повышенный интерес к Германии в этих округах стал отмечаться в апреле-мае 1941 года. Однако прогноз

военных действий против Германии в тот период предусматривал наступление войск СССР на территорию Польши. Так, в КОВО на сборах офицеров редакции газеты на польском языке 9 апреля 1941 года была выпущена учебная газета, в которой говорилось: "Военные действия Красной Армии против Германии имеют своей целью принести освобождение польскому народу из-под фашистского ярма". В соответствии с наступательной военной доктриной того периода в середине мая 1941 года Москва поставила задачу работникам редакций газет на иностранных языках ЗапОВО "собрать материал и издать справочник по польскому генерал-губернаторству". За несколько дней до начала войны не отмечалось предвидения нараставшей военной угрозы. План написания работы было приказано подготовить к 23-25 июня 1941 года.

Поскольку руководители СССР не считали третий рейх главным вероятным противником, то в Москве 7-й отдел ГУПКА не собирал информацию о Германии и о морально-психологическом состоянии военнослужащих вермахта. Единственным подробным материалом о немецкой армии в делах 7-го отдела ГУПКА являлось октябрьское донесение 1940 года "Политпропаганда в вермахте" (15 страниц). Информация о немецкой армии содержалась и в сводке 1940 года разведуправления ПриОВО о положении в захваченном Германией у Литвы городе Мемеле, составленной на основе опросов литовских беженцев,

В такой обстановке призванный из Ленинграда 3 мая 1941 года на военную службу в 7-й отдел ГУПКА кандидат филологических наук Н.Н. Берников по заданию командования начал составлять первый обзор политико-морального состояния немецкой армии. Совершенно неадекватно обстановке мая 1941 года в этом обзоре говорилось о "падении дисциплины, антивоенных высказываниях и аморальных поступках солдат и офицеров". Был написан раздел "Антивоенные настроения" и делался вывод о том, что "в немецкой армии начались процессы разложения и упадка духа". Такой документ в начале июня 1941 года отдали высшему руководству РККА, а 9 июня поступило указание тиражировать его в нескольких экземплярах для высшего командного состава РККА, начиная с заместителей командиров дивизий. Нападение Германии помешало выполнить это распоряжение в июне, так как начальник отделения по работе среди

войск Германии И.С. Брагинский дорабатывал текст. Он еще добавил в него два раздела: "Революционные настроения" и "Режим террора в армии". Это полностью исказило первоначальный замысел Н.Н. Берникова. После доработки 2 июля обзор поступил для тиражирования.

Таким образом, факты показывают, что накануне войны с Германией в Москве среди сотрудников подразделения по работе среди войск противника было мало специалистов по Германии, и они не готовились заблаговременно к ведению пропаганды против вермахта. Офицеры 7-го отдела не имели представления о менталитете немецких солдат и об обстановке в немецкой армии. В дальнейшем эта неподготовленность и недостаточная компетентность кадров негативно влияла на содержание пропаганды, на эффективность пропагандистского воздействия на войска противника.

Недостатки в структуре размещения специалистов по ведению пропаганды также мешали изучению вероятного противника. Из 74 работников 27 редакций газет на иностранных языках в РККА было лишь 9 офицеров, которые в декабре 1940 года работали в редакциях газет КОВО, БОВО и ПриБОВО на немецком языке. Среди этих трех редакций лишь редакция газеты Киевского военного округа имела свою типографскую базу, а остальные не могли самостоятельно издавать газеты и листовки.

Мешало сбору информации о вероятном противнике слабое знание офицерами немецкого языка. В результате этого интеллектуальный потенциал офицеров аппарата по работе среди войск противника был невысок. На 15 мая 1941 года в каждом военном округе был только один офицер с хорошим знанием немецкого языка. Общее количество офицеров аппарата по работе среди войск противника, знавших хорошо немецкий язык, не превышало четырех человек. (Приложение № 7). Большинство офицеров знали лишь разговорный немецкий язык на уровне 4-го класса школы. Низкий уровень знаний языка объяснялся тем, что в политические отделы на должности назначались лишь члены ВКП(б), процент которых среди научной интеллигенции, студентов факультетов иностранных языков или младших офицеров был крайне

мал. Из-за этого выбор для замещения должностей сильно ограничивался. Кроме того, подразделения пропаганды по сравнению с разведкой не являлись приоритетными для направления в них выпускников разведывательных факультетов военных академий, знавших иностранный язык.

Накануне войны изучению социально-политической обстановки в Германии мешала недостаточно продуманная система комплектования штатов подразделений пропаганды в мирное время. По состоянию на 15 мая 1941 года в 7-х отделах и редакциях газет на иностранных языках на Западном ТВД было лишь одно подразделение в составе 16 человек (7-й отдел ГУПКА), два отделения по 6 человек, четыре подразделения по 5 сотрудников, тринадцать подразделений по 4 человека, два отделения по 3 сотрудника. В остальных подразделениях работало по 1-2 офицера. Таким образом, накануне войны против Германии интеллектуальный потенциал, уровень знаний о войсках вермахта, уровень подготовки к ведению пропаганды на Германию и войска противника, материально-техническое обеспечение подразделений пропаганды Красной Армии были невысокими.

Уже с первых дней Великой Отечественной войны и в течение всего 1941 года пропаганда СССР по тиражам изданных пропагандистских материалов на врага более чем в 1,5 раза превышала тиражи листовок и газет, изданных вермахтом. Однако в содержании пропаганды имелись серьезнейшие недостатки из-за низкой компетентности кадров. За первые два месяца войны вермахт и Красная Армия издали соответственно более 200 млн. и более 330 млн. экземпляров пропагандистских материалов. На 1 января 1942 года вермахт издал и распространил более 436 млн. экземпляров, а РККА - более 634 млн. экземпляров листовок (в т.ч. ГлавПУРКА - 499,5 млн. экз., Ленинградский фронт - более 15 млн. экз., Западный фронт - 24,115 млн. экз., Северный фронт - более 15 млн. экз., Карельский фронт - 5,181 млн. экз., Закавказский фронт - более 24,07 млн. экз., Юго-Западный фронт - более 53,048 млн. экз., САВО - 0,57 млн. экземпляров для Ирана, отдельная Приморская армия - более 2,9 млн. экз., другие армии - более 2,3 млн. экз.). Согласно экспертной оценке 1946 года, тиражи изданных материалов ГлавПУРКА

составили 87 %, а на фронтах (без учета армий) - 17 % общего тиража изданных материалов. (ЦАМО, ф.32, оп. 11306, д.47, л.89.)

Наибольшее количество листовок и газет на противника издавалось в Московской типографии издательства "Иностранный рабочий". Тиражи листовок не всегда были одинаковыми. В условиях крупнейшей военной неудачи СССР, когда вермахт вышел на подступы к Москве, в составе ГлавПУРККА 7-й отдел 16 октября 1941 года был эвакуирован в Куйбышев. Это нарушило систему организации пропаганды на противника, привело к ее кризису. В результате в сентябре-ноябре 1941 года тиражи листовок, брошюр и газет сократились в 2-3 раза. (Приложение № 8).

При планировании пропаганды в 1941 году не обращали внимания на наиболее уязвимое звено в составе коалиционных сил противника. Пропаганду на 1 миллион солдат сателлитов Германии вели мало. Из общего количества изданных в 1941 году агитационных материалов почти 92% составляли тексты на немецком языке. Кроме того, было издано 45,68 млн. экземпляров листовок на 13 иностранных языках. На румынском языке выпустили 15,3 млн. экземпляров материалов, на финском - 5,3 млн., на венгерском - 4,199 млн., а также 3,4 млн. экземпляров - на итальянском языке.

Из-за эвакуации 7-го отдела с конца октября и в ноябре 1941 года листовки на личный состав немецкой армии издавали на территории Автономной республики немцев Поволжья в типографиях городов Куйбышев и Энгельс. Это в несколько раз увеличило время доставки тиражей листовок по железной дороге на фронты. Содержание пропагандистских материалов стало сильно отставать от развития обстановки. В тот период возникли сбои в работе цепочки "тиражирование-доставка-распространение листовок". Так, на Юго-Западный фронт в октябре-ноябре листовки не поступали, а в начале декабря 1941 года прибыл целый вагон листовок с устаревшим содержанием. В 21 А листовка "Одессу вы никогда не возьмете" для распространения была доставлена уже после эвакуации войск СССР из Одессы через 51 день после издания.

Второй причиной отставания от обстановки содержания фронтовой пропаганды на войска противника было то, что при разработке штатов редакций газет на иностранных языках исходили

из наступательной военной доктрины. Предполагалось, что типография газеты и редакция будут с минимальными перемещениями размещаться в занятых иностранных городах. Штат не предусматривал транспортных машин и машин для перевозки личного состава. Кроме того, маленький штат редакции был рассчитан на привлечение к работе членов коммунистических партий зарубежных государств в местах издания газет. В условиях отступления по своей территории фронтовым редакциям газет на иностранных языках не хватало транспорта и работников со знанием иностранного языка. В результате этого для выпуска одного номера газеты требовалось 2-3 недели, и содержание текстов устаревало.

Отсутствие квалифицированных кадров со знанием иностранного языка приводило к появлению в текстах значительного числа опечаток и грамматических ошибок. Так, например, ГлавПУРККА пришлось запретить Западному фронту распространять газету "Вархайт" под номерами 1 и 2 из-за огромного числа ошибок. Работа редакций газет на иностранных языках оказалась неэффективной. Они не оправдывали затрат. Из-за обострения кризиса в производстве бумаги 5 октября 1942 года в Красной Армии все 17 газет были расформированы.

Грамотность составления текстов, быстрота информирования и содержание текстов влияли на эффективность воздействия пропаганды. Исследование содержания пропагандистских материалов показало, что в начальный период войны пропаганда ставила цель побудить вражеских солдат к революции. Уже на второй день войны 24 июня 1941 года в первых 10 лозунгах к немецким солдатам, утвержденных бюро военно-политической пропаганды под руководством начальника ГУППККА Л.З. Мехлиса, был выдвинут призыв к революционному выступлению солдат против руководства Германии: "Запомните, уничтожение кровавого господства Гитлера и его приспешников - единственный путь к миру".

С июля 1941 года в тексты листовок помещались призывы "Долой (свергай) Гитлера", частота употребления которых достигла наивысшей интенсивности в период с 12.XI.41 года по 5.IV.42 года. В то время по личному указанию Л.З. Мехлиса призыв "Прощай

Москва, долой Гитлера" помещался в текст любой листовки ГлавПУРККА или фронта, общее число которых превысило несколько сотен наименований. Причиной появления в содержании пропагандистских материалов попыток революционизировать солдат вермахта являлось наличие в сознании политических руководителей стереотипов о революционном влиянии советской пропаганды на противника.

Руководящие работники политических органов РККА навязывали подчиненным свои взгляды о возможности революционных выступлений в вермахте. Тех, кто не разделял подобного мнения, преследовали. Так, в августе 1941 года из инспекционной поездки в Вологодский лагерь НКВД возвратился Н.Н. Берников. Он доложил начальнику Главного политуправления РККА (создано на базе ГУППКА в августе 1941 года. - *Прим. ред.*) о том, что среди немецких пленных отсутствуют революционные настроения. За этот доклад Л.З. Мехлис приказал партийной организации наказать его выговором. Это грозило ссылкой из Москвы на фронт. От наказания Н.Н. Берникова спасло только то, что командированные в другие лагеря офицеры сделали аналогичные выводы. На фронтах за самостоятельное мнение наказывались даже командиры подразделений по работе среди войск противника. Например, в декабре 1941 года и мае 1942 года по указанию члена военного совета Ленинградского фронта А.А. Жданова начальник 6-го отдела политуправления фронта С.И. Тюльпанов был наказан за то, что в двух ежеквартальных обзорах политико-морального состояния вермахта им была допущена "недооценка степени разложения германской армии".

Наличие установки руководства ГлавПУРККА на "революционность" пропаганды против вермахта показывает расследование в Москве взглядов С.И. Тюльпанова, сосланного в мае 1942 года на Северо-Кавказский фронт за то, что он "осуждал общий тон наших листовок в первый период войны". В документах, направленных из Москвы на фронты, подвергались резкой критике выводы декабрьского обзора листовок 6-го отдела политуправления Ленинградского фронта. Автор критики начальник отделения 7-го отдела ГлавПУРККА К.Л. Селезнев в апреле 1942 года подчеркивал, что "наша пропаганда призывает к свержению Гитлера и носит строго

революционный, а не какой-то реформистский характер ". Эти факты показывают, что хотя фронтовые пропагандисты понимали ошибочность призывов к революции в Германии, однако под давлением мнения политических руководителей в Москве они были вынуждены подчиняться. В результате этого в листовках для немецких нацистов, обладавших иммунитетом к коммунистической пропаганде, помещались обращения о классовой солидарности рабочих всех стран и призывы к свержению Гитлера.

В условиях крупных поражений Красной Армии в первые месяцы войны подавляющее большинство немецких солдат было уверено в скорой победе над СССР и возвращении домой к Рождеству 1942 года. Именно для этих солдат были предназначены крупнейшие разовые тиражи листовок в 1941 году "Пропуск в плен для немецких солдат" (№ 96 от 3 августа) тиражом 30 млн. экземпляров и "Пропуск в плен для немецких солдат" (№ 65 от 19 июля) тиражом 10 млн. экземпляров. Неадекватность пропаганды плена обстановке того периода видна по факту того, что на 10 августа 1941 года в плену находилось только 974 военнослужащих вермахта, значительную часть которых составляли сбитые над нашей территорией летчики, а также парашютисты и диверсанты, захваченные в тылу.

Большинство листовок первых месяцев войны являлись лозунгами из нескольких слов или имели лозунговый характер, поскольку в них не было аргументов и фактов. Анализ содержания 63 листовок 1941 года показал, что из 138 призывов по частоте повторения в листовках на первом месте был призыв "Сдавайтесь /переходите/ в плен"(24 раза). Это показывает главную цель пропаганды на войска противника в 1941 году. На втором месте по частоте употребления был призыв "Свергай /долой/ Гитлера" (19 раз), а на третьем - призыв "Кончай войну!" (17 раз). В первые дни войны основой содержания была пропаганда с газетными штампами о пролетарской солидарности трудящихся, о "стране рабочих и крестьян". Например, листовка Д.З. Мануильского и Фриды Рубинер "Стой, здесь страна рабочих и крестьян". Однако содержание листовок изменилось после декабрьского контрнаступления Красной Армии под Москвой.

Для понимания особенностей содержания пропаганды на военнотружущих вермахта в 1941 году следует принять во внимание социально-политическую обстановку того времени. Опросы участников войны показали, что главное влияние на содержание пропагандистских материалов 7-го отдела в Москве оказывал начальник ГлавПУРККА Л.З. Мехлис. Он навязывал свои взгляды по содержанию пропаганды работникам 7-го отдела, подавлял все попытки "инакомыслия", проявления оригинального подхода к решению задач ведения пропаганды на противника. В СССР особенностью традиций поведения людей в 30 - 40 годах являлось то, что для всех главным было мнение политического руководства в Москве. Мнение рядового исполнителя во внимание не принималось, даже если он был специалистом в своей области. Единственным требованием в пропаганде, выполнявшимся неукоснительно, являлись указания Л.З. Мехлиса. Заседания бюро военно-политической пропаганды этот человек сводил к распределению заданий по написанию листовок.

На фронтах пропаганду вели по указаниям начальников политуправлений. Так, А.А. Жданов определял содержание пропаганды на Ленинградском фронте. Осенью и зимой 1941 года полковой комиссар Л.И. Брежнев на Южном фронте контролировал подготовку текстов газеты на румынском языке. В донесении проверяющего из ГлавПУРККА отмечалось, что он, фактически, отстранил от этого дела ответственного редактора газеты. В 1941 году работников 7-х отделов не особенно интересовали мнения солдат противника о газетах и листовках, а также их реакция на русские пропагандистские материалы. Темы листовок определял начальник ГлавПУРККА, который каждый день вызывал к себе начальника 7-го отдела М.И. Бурцева и давал ему указания по содержанию текстов листовок, подлежащие безусловному выполнению. Следствием подобного положения явилось отсутствие учета реакции солдат противника на пропаганду, отсутствие обратной связи с объектом воздействия. Листовки писали только так, чтобы это понравилось своему руководству.

Особенностью содержания советской пропаганды на войска противника в начальный период войны было то, что на всех фронтах она была почти одинакова. Уже с 13 июля политуправление

рассылало из Москвы матрицы текстов листовок фронтам для тиражирования. В июле 1941 года 60-70% текстов материалов газет фронтов составляли материалы листовок 7-го отдела ГлавПУРККА. В ноябре 1941 года Л.З. Мехлис запретил всем фронтам, кроме Ленинградского и Юго-Западного, издавать свои тексты общеполитических листовок. В условиях запрета на проявление собственного мнения в 1941 году военная пропаганда на фронтах выполняла роль ретранслятора информации, получаемой в виде листовок и матриц текстов листовок из Москвы.

Ошибки, допущенные при написании текстов листовок в Москве, многократно увеличивались при их тиражировании на всех фронтах. Грубой ошибкой в содержании советской пропаганды на войска противника в начальный период войны, нанесшей глубокий урон и подорвавшей ее авторитет, явилась указание Л.З. Мехлиса в августе 1941 года издать листовки сексуальной направленности. Несколько листовок: "Случные пункты для арийцев" (№ 108 4.8.41), "Как нацистские чиновники обманывают солдатских жен" (№130 12.8.41) и четыре порнографические листовки серии "Гитлеровская банда превращает Германию в публичный дом" (№ 133 14.8.41) были изданы ГлавПУРККА общим тиражом 9,5 . млн. экземпляров и переизданы всеми фронтами. Факт распространения листовок сексуальной тематики позволил нацистской пропаганде называть впоследствии листовки СССР "классово-порнографической пропагандой". Содержание этих пропагандистских материалов вызвало негативную реакцию у военнослужащих вермахта. Так, при анкетировании 40 лояльно настроенных военнопленных 22 ноября 1941 года листовка "Случные пункты для арийцев" по количеству отрицательных отзывов оказалась на втором месте. Она была оценена как "явная глупость и бред".

Другой ошибкой, подрывавшей усилия по воздействию на противника, являлось упоминание в листовках огромных цифр потерь немецкой армии. Так, 21 июля в листовке "Когда мы шли в бой" говорилось, что за 1 неделю войны было убито 0,3 млн. солдат, за 2 недели - 0,7 млн. человек, за 3 недели - 1 млн. человек. В газете "Фронт иллюстрирте" № 3 в августе 1941 года говорилось, что за 2 месяца войны Германия потеряла убитыми 1,5 млн. человек. В изданных 18 декабря 27 лозунгах и в газете "Фронт иллюстрирте" №

11, упоминалось о 6 миллионах убитых на Восточном фронте. В то же время реальные цифры потерь были в десятки раз меньше. О потерях было известно военнослужащим вермахта, так как эти данные официально публиковались. Например, на выступлении 11 декабря 1941 года в Спортпаласте Гитлер заявил, что на начало декабря Германия потеряла 162314 человека убитыми, 571767 ранеными и 33334 пропавшими без вести. Эта цифра лишь на четверть занижала реальное количество безвозвратных потерь. Генерал Б. Мюллер-Гиллербранд после войны подсчитал, что они составили 251,7 тыс. убитых и 16,2 тыс. пропавших без вести. Такие цифры отличались от упоминавшихся в листовках "6 миллионов убитых", когда на Восточном фронте вермахт насчитывал только 3,8 млн. человек.

Анализ документов показал, что пропаганда СССР приводила явно завышенные данные о потерях противника по двум причинам. Во-первых, в Генштабе называли выгодные руководству СССР цифры. Главное военно-санитарное управление РККА при оценке потерь врага перенесло динамику потерь Германии в войне 1914-1918 годов на период 1941 года. Получалось, что на 22-е сентября потери вермахта должны были составить 4,9-5 млн. человек. Во-вторых, преувеличение цифр потерь вызывалось тем, что советская пропаганда того периода была основана на преувеличениях и показе хотя бы мнимых военных успехах Красной Армии. Однако немецкие солдаты цифрам во вражеских листовках не верили, поскольку имели правительственные источники информации. В результате такими "статистическими данными" пропагандисты СССР убеждали только самих себя.

Серьезной ошибкой пропаганды начального периода войны было использование приемов, характерных для советской печати того времени. Противника стремились унижить, показывали его в смешном и беспомощном виде. Так, в листовках серии "Международная информация" 3 августа говорилось: "При виде советского истребителя германские летчики улетают в паническом страхе". Другая листовка 6 августа утверждала: "У немецкой армии нет резервов, нет провианта". Очень часто наша пропаганда выдавала желаемое за действительное. Особенно от этого страдали прогнозы листовок. Так, Ленинградский фронт 9 декабря 1941 года издал листовку "Близкий конец захватнической войны Финляндии".

Несколькими днями позже 22 декабря листовка ГлавПУРККА утверждала; "Румыния как союзник Германии потеряна". Переоценка своих сил привела к появлению 31 декабря утверждений типа: "1942 год - год великой катастрофы гитлеровской Германии". Несбывшийся прогноз был напечатан и 4 января: "1942 год будет годом окончательного уничтожения зла человечества - гитлеризма".

Ошибкой пропаганды начального периода войны являлись оскорбления и персональные нападки на высших руководителей Германии с целью их дискредитации. Много оскорблений было в адрес Гитлера, пользовавшегося в 1941 году непререкаемым авторитетом у немецких солдат. В листовках его называли "чудовище Гитлер" (№ 79 27.6.41), "горилла Адольф" (№ 140 29.8.41), "глупый, ничтожный политик" (№ 519 28.12.41), "прохвост, истеричка, евнух, жалкий импотент, наглый пустозвон" (т. 1414 17.5.42).

Среди пропагандистов успехом и достижением считалась изданная 25 августа 1941 года листовка "Хайль байль" (Да здравствует топор). Издевка заключалась в аналогии с нацистским приветствием "Хайль Гитлер". На рисунке Гитлер был карикатурно изображен в виде топора с усиками рядом с плахой. Однако вместо успеха карикатура привела к неудаче. Анкетный опрос сорока военнопленных в ноябре 1941 года показал, что листовка набрала наибольшее количество отрицательных отзывов. Пояснения пленных свидетельствовали о том, что "это отталкивающее изображение", оскорбления Гитлера и карикатуры на него в 1941 году солдатами вермахта воспринимались как личное оскорбление. Такая пропаганда имела обратный эффект вместо дискредитации руководства Германии.

Анализируя причины низкой эффективности воздействия пропаганды на вермахт в 1941 году, следует рассмотреть объяснения неудач советской пропаганды в мемуарах и исторических описаниях. Авторы объясняли их тем, что "аппарат пропаганды не был готов к выполнению задач из-за запоздалости его создания". Факты свидетельствуют об обратном. Все редакции газет на иностранных языках начали работать в марте 1939 года за два года до начала войны. Реальные причины неудач заключались в том, что по указанию политического руководства внутреннюю пропаганду СССР

лишь переводили на немецкий язык. Работники 7-го отдела были лишены инициативы, неукоснительно выполняли указания начальника ГлавПУРККА, ставившего задачу революционизировать солдат вермахта, побуждать немцев к революционным выступлениям. Отсутствовал учет менталитета иностранных солдат, не учитывалась их реакция на пропагандистские материалы. Из-за некомпетентности кадров был неправильно выбран главный объект пропаганды, усилия сосредоточили на немцах, а не на союзниках вермахта.

Немцы и на румыны по-разному реагировали на пропаганду. Если сравнить пропаганду Западного и Южного фронтов в 1941 году, то в вермахте солдатам не запрещалось читать советские листовки. Однако в румынских войсках уже в июле 1941 года за нахождение в кармане русской листовки солдату грозила каторга. В румынской армии был издан приказ о "чрезвычайной вредности большевистской пропаганды". Аналогичные приказы имелись и в соединениях. Так, в 14-й пехотной дивизии румынских войск 12 июля был издан приказ № 24209 "О необходимости проводить широкую контркампанию против советской пропаганды".

Пропаганда на румын была эффективна, хотя отдел по работе среди войск противника Южного фронта создали поздно, лишь после 22 июня 1941 года, из-за перевода в полевое управление 9 А имевшегося отдела политуправления ОдВО. Эффект пропаганды определялся не поздним временем создания отдела, а объективными условиями. В числе этих причин были предрасположенность румын к восприятию пропаганды плена и успешная оборона нашими войсками Одессы, где, по признанию румынского командования, румынская армия потеряла 71535 солдат. Гибель сослуживцев и реальная угроза собственной смерти заставляла румынских солдат внимательно читать тексты листовок с предложением сдаваться в плен. Даже в окруженной Одессе Красной Армии сдалось 660 румын, в числе которых было 15 старших и 29 младших офицеров. Уровень "пленоустойчивости" румынских солдат был намного ниже по сравнению с солдатами вермахта. За первый год войны на каждую тысячу военнослужащих на фронте немцев в плену было 2, а румын - 17,8.

Более высокая эффективность воздействия пропаганды на румын являлась следствием того, что в коалиции войск противника румынская армия являлась наименее боеспособным, уязвимым звеном. Однако некомпетентность руководства ГлавПУРККА и 7-го отдела не позволила направить основные усилия пропаганды на разложение румынской армии, армий других государств-сателлитов Германии. Вместо этого огромные финансовые и материальные средства были потрачены для пропаганды на вермахт и Германию, хотя уровень боевого духа военнослужащих вермахта в 1941 году не позволял воздействовать на солдат пропагандой с призывами к сдаче в плен.

За 1941 год в вермахте из 3,8 млн. человек погибло лишь 290,7 тысяч (менее 8 %). Остальные солдаты были убеждены, что останутся в живых, надеясь на скорое победное завершение войны. Немцы боялись погибнуть в плену, поэтому из общего количества безвозвратных потерь Германии незначительное количество военнослужащих сдавалось в плен. По данным бывшего офицера штаба сухопутных войск вермахта генерал-майора Б.Мюллер-Гиллербранда, за июнь-ноябрь 1941 года соотношение убитых и пропавших без вести (т.е. сдавшихся в плен - *Прим. ред.*) составило 15,5 : 1 (251,7 тысяч убито и 16,2 тысячи пропали без вести). (см. таблицу)

Безвозвратные потери Вермахта в 1941 году

Месяц	Убито (тыс. чел.)	Пропало без вести (тыс. чел.)	Соотношение
У1	22,0	0,9	24,4 : 1
У11	51,0	3,2	15,9 : 1
У111	52,8	3,5	15,0 : 1
IX	45,3	2,1	21,5 : 1
X	42,4	1,9	22,3 : 1
XI	28,2	4,6	6,1 : 1
XII	39,0	10,45	3,73 : 1

Уровень сдачи в плен резко вырос и боевой дух снизился лишь в декабре, когда соотношение убитых и пленных понизилось почти в пять раз до 3,7 : 1 (39,0 тысяч убито и 10,45 пропало без вести). Хотя декабрьские потери вермахта были ниже месячных потерь в июле, августе, сентябре и октябре, однако боевой дух резко упал. Этим объяснялось то, что в декабре солдатам стали запрещать читать

листовки, а командование вермахта болезненно реагировало на листовки СССР, где основными тезисами стали факты военного поражения немцев под Москвой и призывы сдаваться в плен.

Примером удачной листовки является изданное Волховским фронтом в декабре 1941 года письмо военнопленного Фрица Максталера, в ответ на которое ОКВ было вынуждено издать приказ с попытками опровержения и утверждениями о гибели этого солдата. Показателем эффективности влияния листовок СССР стал изданный в декабре приказ германского командования "Десять заповедей против вражеской пропаганды".

Таким образом, факты показывают, что общее состояние советской пропаганды на войска стран гитлеровской коалиции до декабря 1941 года можно оценить как кризисное по объективным причинам. При постоянных, многомесячных поражениях и подходе вражеской армии к стенам Москвы трудно влиять на врага пропагандой. Однако наряду с этим условием имелись и другие недостатки. Во-первых, причиной кризиса пропаганды являлось то, что командование в Москве неправильно выбрало главный объект пропагандистского воздействия. Основные усилия пропагандистов были направлены не на имевших низкий боевой дух союзников третьего рейха, а на обладавших стойким иммунитетом к коммунистической пропаганде солдат вермахта. Работники 7-го отдела ГлавПУРККА не предпринимали мер, чтобы переубедить руководство в ненужности массовой пропаганды на немцев. Если бы основные усилия пропаганды сосредоточили на румынах и итальянцах, то 90 % сотрудников оказались бы без работы, поскольку они не знали этих языков. Личный интерес пересилил общественную необходимость.

Во-вторых, причиной неэффективности пропагандистского воздействия на противника являлся диктат со стороны начальников политических органов. В связи с этим содержание пропагандистских материалов определялось не по информационным потребностям военнослужащих противника, а в соответствии с требованиями начальника ГлавПУРККА, начальников политуправлений фронтов. Эти люди зачастую имели неверное и субъективное представление о противнике. Руководством не учитывались данные о реакции

военнослужащих противника на пропаганду. Из-за диктата начальников не учитывалось мнение специалистов о необходимости изменения содержания пропаганды.

В-третьих, сотрудники подразделений пропаганды на врага имели слабую квалификацию. После мобилизационного развертывания и призыва резервистов большинство должностей оказалось занято людьми, некомпетентными в вопросах пропаганды на войска противника. Они слабо знали иностранный язык, не были способны грамотно вести пропаганду на врага. Эти люди также не могли правильно оценивать морально-психологическое состояние войск противника, не интересовались реакцией врага на советскую пропаганду. В июле 1941 года положение ухудшил приказ об откомандировании с фронта в тыловые подразделения всех этнических немцев, работавших в редакциях газет на немецком языке. Хотя Л.З. Мехлис имел право оставить немцев в редакциях газет, написав для этого ходатайство И.В. Сталину, однако он этого не сделал. Также не ходатайствовали об оставлении немцев на должностях все начальники 7-х отделов во фронтах. Это было сделано по двум причинам: из-за сильнейшей ненависти к немцам, а также из-за желания увеличить свой авторитет и показаться более компетентными в вопросах немецкого языка людьми, чем эти работники являлись на самом деле. В результате этнические немцы оказались в тыловых подразделениях, а их место заняли малокомпетентные в немецком языке люди, призванные в РККА из запаса.

В-четвертых, причиной неэффективности пропаганды в начальный этап войны являлась чрезвычайно высокая централизация пропаганды, подавление инициативы работников на местах. Фронтовые редакции и отделы по работе среди войск противника были превращены в ретрансляторы текстов агитационных материалов из Москвы. Результатом этого явился общий характер пропаганды, отрыв от реальной обстановки на фронтах, абстрактные рассуждения без конкретных и актуальных фактов, интересных для солдат врага.

В-пятых, недостатки штатной структуры привели к рассредоточению специалистов по многочисленным мелким подразделениям, которые дублировали работу друг друга.

Параллельно с маленькими редакциями газет на иностранных языках на фронтах существовали маленькие отделы по работе среди войск противника, а в армиях - отделения по работе среди войск противника. В результате не было возможности сосредоточить интеллектуальный потенциал для разработки содержания пропаганды. Все эти подразделения лишь контролировали распространение пропагандистских материалов, поступавших из Москвы.

В 1941 году пропаганда на противника имела и отдельные успехи. Весьма удачным способом явилась публикация в виде листовок оригинальных писем пленных с указанием фамилии, имени пленного и его фотографий. Такие листовки вызывали болезненную реакцию вражеского командования. Попытки опровержения увеличивали интерес солдат противника к этим материалам. Письмо пленного на солдата воздействовало сильнее, чем рассуждения на политические темы и попытки дискредитации высших руководителей государства противника. Командование вермахта со второй половины декабря 1941 года опасалось деморализующего влияния на солдат листовок, содержащих фотографии пленных и разбитой немецкой техники под Москвой. Военные успехи содействовали успехам пропаганды.

Ведение пропаганды в 1942 году

В 1942 году пропаганда велась на население оккупированных районов СССР, на немецкие войска, на союзников вермахта – румынов, итальянцев, венгров и финнов, испанцев, поляков, словаков; на солдат Туркестанского легиона, который в 1942 году на 50 % состоял из узбеков, а также на военнотружущих эстонских и латышских дивизий СС, воевавших на стороне рейха. По масштабам тиражей листовок, газет и радиопередач основное внимание уделялось воздействию на население оккупированных областей СССР. На втором месте по масштабам и интенсивности пропаганды было воздействие на население Германии и вермахт. В меньших объемах вели пропаганду на армии стран-сателлитов третьего рейха: на финнов, румынов, итальянцев, венгров, испанцев, словаков.

Эпизодически издавали материалы для воевавших на фронте латышей, эстонцев и солдат Туркестанского легиона.

Содержание пропаганды в 1942 году можно разделить на три периода. До мая в пропаганде преобладали темы об успехах контрнаступления под Москвой, об успехах общего наступления Красной Армии. Летом преобладали темы о мощи союзников антигитлеровской коалиции, о близком разгроме третьего рейха в 1942 году, об открытии второго фронта в Европе в 1942 году, о нарастании недовольства и революционных настроений в немецком тылу. С 19 ноября 1942 года пропаганда показывала успехи наступления под Сталинградом.

Основу содержания пропаганды в Москве и на фронтах определяли приказы и выступления И.В. Сталина. С 23 февраля вся пропаганда основывалась на выдержках из приказа Сталина № 55, в котором говорилось о том, что Красная Армия берет вражеских военнопленных в плен, давалась гарантия сохранения жизни в плену и возвращения на родину после войны. Директива ГлавПУРККА № 31 от 26 февраля 1942 года «О задачах пропаганды среди войск противника на ближайший период» предписывала «популяризировать приказ товарища Сталина № 55». Из Москвы разослали по фронтам в качестве образцового примера донесение начальника отделения по работе среди войск противника 12-й армии М.П. Усова. В этом донесении от 13 марта 1942 года делался вывод: «1. Основным документом, способным сломить недоверие немецких солдат, является приказ тов. Сталина № 55. Надо его распространять в миллионных тиражах. 2. Любая листовка, каково бы ни было ее содержание, должна иметь ссылку на приказ тов. Сталина».

Выполняя эту директиву, Калининский фронт в марте докладывал, что «устная пропаганда на врага была всецело подчинена приказу тов. Сталина». В четыре армии направили полученные из Москвы 52 патефонные «специальные пластинки» на немецком языке с выдержками из этого приказа. На Ленинградском фронте к 15 марта было проведено 240 передач звукостанций с текстом приказа № 55. ГлавПУРККА к 1 мая 1942 года издало более 150 листовок с выдержками из приказа № 55. За этот же период Карельский фронт издал 27 таких листовок тиражом 1470 тысяч и полный текст приказа

тиражом 520 тысяч. Западный фронт издал листовки с цитатами из приказа Сталина в объеме 2563 тысячи, Ленинградский фронт - 520 тысяч экземпляров. Приказы Сталина определяли содержание пропаганды и в мае 1942 года. Например, согласно докладу Ленинградского фронта, “в мае пропаганда на врага была подчинена выполнению директивы тов. Сталина “Разгромить врага в 1942 году”. В соответствии с указаниями Сталина, ГлавПУРККА в июне издал листовку серии “Известия с фронта” №211, в которой утверждалось, что “второй фронт будет открыт в 1942 году”.

С середины мая 1942 года после прорыва немцами фронта под Харьковом темы пропаганды изменились и повторялись до ноябрьского наступления Красной Армии под Сталинградом. В это время главное внимание уделяли устрашению противника цифрами больших потерь немцев, внушению солдатам тревоги за судьбу родных в подвергавшихся английским бомбардировкам германских городах, устрашению мощью союзников, показу военных успехов союзников в Африке, показу нарастающего количества актов саботажа и выступлений населения в немецком тылу. Третий период с 19 ноября и до конца 1942 года главное внимание пропаганда уделяла показу военных успехов Красной Армии под Сталинградом и пропаганде хороших условий плена.

В 1942 году наибольший эффект имела пропаганда на языках народов СССР, оказавшихся в районах немецкой оккупации. Для этого отдел пропаганды на языках народов СССР (6-й отдел) 2-го управления ГлавПУРККА с августа 1941 года издавал листовки серии “Вести с Советской родины”. За пять месяцев 1941 года отдел издал 79 листовок на русском языке и 61 наименование таких листовок на украинском, белорусском, литовском, эстонском, латышском языках. С января по май 1942 года “Вести с Советской родины” издавались ежедневно на русском, украинском, белорусском языках тиражом по 300 тысяч экземпляров. С мая листовки этой серии на русском языке издавали по четным дням тиражом по 200 тысяч, а изредка и по 300 тысяч экземпляров. По нечетным дням печатали листовки на украинском языке тиражом 200 тысяч. С ноября 1942 года русские листовки стали печатать раз в четыре дня тиражом по 400 тысяч, а на украинском языке - раз в два дня по 300 тысяч экземпляров. По

оценке, за 1942 год было издано более 750 млн. листовок “Вести с Советской родины”.

ГлавПУРККА раз в пять дней тиражировал листовки на литовском языке серии “Литовский крестьянин”, которых к декабрю 1942 года издали 69 наименований общим тиражом до 7 млн. экземпляров. Наряду с серийными листовками под одним названием в Москве издавали сотни наименований листовок, плакатов, лозунгов и брошюр самой разной тематики. К июлю 1943 года ГлавПУРККА издал для оккупированных районов в общей сложности 3347 наименований листовок на языках народов СССР. Фронты переиздавали эти листовки с присылавшихся из Москвы готовых матриц.

Наряду с листовками в Москве и на фронтах издавали газеты на языках народов СССР для оккупированных районов. С конца декабря 1941 года в Москве при ГлавПУРККА работали 6 редакций газет на украинском, белорусском, молдавском, латышском и литовском языках. При политуправлениях фронтов работали редакции газет на языках народов СССР. Как правило, разовый тираж газеты составлял 25 тысяч экземпляров. На Юго-Западном фронте, а после его переформирования на Сталинградском фронте издавали газету “За Радянську Україну”. На Северо-Западном фронте - к 15 апреля издали 26 номеров газеты “За Советскую Латвию” тиражом 863 тысячи экземпляров, а с марта 1942 года начали также печатать газету “За Советскую Литву”. На Ленинградском фронте дважды в неделю печатали эстонскую газету “Голос народа”. На Волховском фронте - газету “За Советскую Эстонию”, на Западном фронте - газету “За Советскую Латвию”. Общий тираж этой газеты на латышском языке с начала войны до апреля 1942 года составил 863 тысячи экземпляров, а к концу года вырос до 1,5 миллионов. Дополнительно к этому редакция издала еще и 1,5 млн. листовок для латышей. Наряду с латышской редакцией на Западном фронте действовали также редакции газет “За Советскую Литву” и “За Советскую Белоруссию”. Газета с таким же названием на белорусском языке печаталась редакцией Калининского фронта.

В 1942 году тираж материалов ГлавПУРККА, центральных комитетов коммунистических партий Украины, Молдавии,

Белоруссии, Латвии, Эстонии, Литвы; центральных комитетов Ленинских комитетов союзов молодежи соответствующих республик, а также издания фронтов для оккупированных областей СССР превысил 10 млрд. экземпляров. С начала войны, до 15 ноября 1944 года только по линии ГлавПУРККА в Москве было издано 8475 млн. листовок и 1025 млн. брошюр на языках народов СССР, использовавших алфавит с буквами кириллицы.

Изданные в Москве листовки и газеты разбрасывались самолетами авиации дальнего действия в глубоком тылу противника во время бомбометания. Авиация дальнего действия летала с аэродромов в Монино, Чкаловском, Серпухове, Мичуринске, Ярославле, Кратове. В июне 1942 года научно-исследовательский институт ВВС разработал инструкцию по прицельному сбрасыванию листовок со всех типов самолетов (ТБ-3, СБ, Пе-2, Ил-2, У-2, Р-5). Листовки на дальность до 200 километров от линии фронта разбрасывали самолеты фронтовой авиации.

В связи с тем, что листовки являлись дополнительным грузом, отвлекавшим от выполнения боевой задачи, летчики неохотно брали их с собой в полет. Проверяющие отмечали факты того, что на аэродромах скапливалось много устаревших листовок из Москвы. Например, 13 февраля 1942 года ГлавПУРККА расследовало факт того, что в 40-й авиационной дивизии скопилось 2,5 млн. листовок "Вести с Советской родины". Другое расследование показало, что на 15 мая у авиации Ленинградского фронта скопилось 16649 тысяч неразбросанных листовок. По приказу из Москвы на двух фронтах были созданы агитационные эскадрильи, для которых основной задачей была разброска листовок. На Западном фронте агитационная эскадрилья из 10 самолетов была создана по приказу ГлавПУРККА в мае, на Карельском фронте агитэскадрилья из 5 самолетов стала действовать с июня 1942 года.

С июня политические работники постоянно хронометрировали и контролировали процесс разброски листовок авиацией. Проверка в октябре 1942 года показала, что время от издания в Москве и до разброски листовки авиацией на Брянском фронте составляло 11-19 суток, а на Западном фронте - примерно 24 дня. В среднем 14 суток

требовалось экспедиционной службе для доставки печатных материалов в агитэскадрилию Западного фронта.

На фронтах наряду с авиацией 1-2% тиражей листовок в тылу врага распространялись наземными способами по линии отделов по партийно-политической работе среди населения оккупированных областей и партизанских отрядов. На Западном фронте такое подразделение называлось “8-й отдел”, на Северо-Западном - “10-й отдел”, на Брянском фронте - “4-й отдел”. На Ленинградском фронте распространял листовки в тылу врага “6-й отдел”. Например, за май-август 1942 года 8-ой отдел Западного фронта распространил в немецком тылу 28,5 млн. листовок на русском языке самолетами разведчиками Р-5 на дальность до 175 км от линии фронта. Еще 599 тысяч листовок забросили в тыл противника партизаны, армейская разведка, отряды особого назначения. Фронтвой отдел помогал партизанским отрядам издавать газету “Сталинский путь” в оккупированном городе Осташкове, 3 газеты в Орловской области и одну - в Белоруссии. В этот же период пять армий фронта самостоятельно издали 20 наименований листовок (в т.ч. 43 А - 7 наименований) и забросили их в немецкий тыл армейской авиацией.

На других фронтах также распространяли листовки. Так, Северо-Западный фронт за февраль-март 1942 года забросил в тыл врага более 16 млн. листовок. Из этого числа подавляющее большинство материалов было издано в Москве, а 15 наименований листовок тиражом 1,75 млн. экземпляров издали самостоятельно. Брянский фронт с января по сентябрь 1942 года забросил в тыл немцев 22,3 млн. листовок из Москвы и 2,38 млн. собственных листовок серии “Вести с Советской родины”. Фронтвой отдел помогал партизанам в лесах под Брянском издавать газету “Партизанская правда”. Летом 1942 года результатом подрывной пропаганды стало разложение Тарасовского и Шемякинского полицейских отрядов, из которых 154 человека с оружием бежали к партизанам.

Фронтвые отделы по партийно-политической работе среди населения оккупированных областей в октябре 1942 года в связи с тяжелой обстановкой на фронтах и большим недостатком офицеров были сокращены до отделений численностью 3 человека. С осени 1942 года фронты прекратили самостоятельно издавать

пропагандистские материалы на русском языке для заброски в тыл врага и стали распространять листовки, получаемые из Москвы. В дивизии вместо отделения для работы был оставлен только один старший инструктор.

В 1942 году директива из Москвы указала на важность ведения пропаганды в оккупированных районах. Каждый партизанский отряд был обязан принимать по радио информацию Совинформбюро, передававшуюся в замедленном чтении, и размножать ее на печатной машинке в виде листовок. В ноябре 1942 года такую пропаганду вели 1769 партизанских отрядов, бригад и групп партизан общей численностью примерно 125 тысяч человек. Пропаганда партизан ежедневно охватывала 85- 90 тысяч жителей в немецком тылу, которые в свою очередь рассказывали полученную информацию доверенным лицам. Доклады партизан свидетельствовали, что русское, украинское и белорусское население в немецком тылу с радостью читало листовки. Когда из Москвы листовки долго не поступали, у людей в оккупированных районах понижалось настроение.

С осени 1942 года на втором месте по степени эффективности влияния была пропаганда на 900 тысяч союзников вермахта, которую вел исполнительный комитет Коминтерна во взаимодействии с управлением пропаганды и агитации (2-м управлением) ГлавПУРККА. С января 1942 года в Москве возглавлял и координировал пропаганду на иностранных языках заместитель председателя исполкома ИККИ Д.З. Мануильский. По указанию ЦК ВКП(б) он был направлен в ГлавПУРККА, где всю войну до середины 1944 года занимал кабинет начальника отдела по работе среди войск противника М.И. Бурцева. Коминтерн рекомендовал для пропагандистской работы более 30 политэмигрантов разных национальностей. После проверки НКВД часть рекомендованных отобрали на постоянную работу в ГлавПУРККА. Отдел по работе среди войск противника перевели в находившийся через дорогу от здания ГлавПУРККА отдельный трехэтажный особняк, чтобы предотвратить возможность ознакомления эмигрантов с секретной информацией. Ежедневно в этот отдел приходили работавшие в Коминтерне “дежурные эмигранты” из состава живших в СССР румынов, венгров, немцев, испанцев и итальянцев. Как правило, эти

иностранцы- эмигранты писали листовки под руководством Д.З. Мануильского и работников отдела, которые курировали итальянское, румынское, финское, венгерское и немецкое направления.

Наиболее эффективна была пропаганда на румынов, которых на 1 ноября 1942 года на фронте насчитывалось 560 тысяч в составе 3-й армии под Сталинградом и 4-й армии на Дону. В январе-марте пропаганде на румынском языке уделялось незначительное внимание, поскольку все усилия были направлены на разложение немцев. Специально на румынов листовки составляли редко. Как правило, в это время одинаковые тексты листовок лишь переводили одновременно на несколько иностранных языков. Исключением являлась листовка, составленная по материалам конференции румынских военнопленных 28 января 1942 года в лагере НКВД. В листовке сообщалось, что 876 делегатов конференции осудили правящий режим в Румынии, обвинив его в гибели 250 тысяч солдат под Одессой и в Крыму. В пропагандистских целях цифры завышались. Реально, на 1 ноября 1942 года потери превысили 127 тысяч человек.

Тиражи издания листовок для румынов были маленькими. Так, в январе 1942 года издали 125 тысяч листовок, в марте - 110 тысяч, в апреле - только 80 тысяч, а в мае - 200 тысяч листовок. Учитывая то, что при разброске с самолетов солдатам врага попадало менее 1% листовок, по-видимому, немногие румынские солдаты смогли ознакомиться с содержанием изданных в Москве листовок. Дополнительные тиражи издавал Юго-Западный фронт, получавший по 3 матрицы листовок каждого наименования, (см. таблицу)

Пропаганда ГлавПУРККА на румынском языке в 1942 году

Месяц	Наименований	Тираж (тыс. экз.)	Месяц	Наименований	Тираж (тыс. экз.)
1	3	125	У11	5	500
11	6/3х	805	У111	7	2150
111	5/2х	110	IX	1	1000
1У	7/3х	80	X	8	500
У	7/2х	200	XI	13	1760
У1	8/5х	1520	XII	-	-

х/ в т.ч. количество наименований матриц листовок для фронтов /хх
Отсутствуют данные о количестве матриц в июле-декабре.

Основу содержания текстов составляла пропаганда на политические темы и попытки дискредитировать немецкую армию. Например, 8 февраля в листовке тематической серии (Т. 832) писали: “Германская армия стала армией вшивых, полуголодных оборванцев”. Тогда же в феврале 1942 года напечатали листовку: “Окончательное поражение немецкой армии неизбежно”. В апреле издали брошюру: “Что защищает советский народ”. В мае напечатали листовку: “Уходите домой, спасайте Румынию от немцев”.

В середине мая 1942 года немцы прорвали фронт. Вместе с ними в наступление перешли румынские армии, поэтому в июне пропаганда на румын значительно усилилась. Однако по-прежнему содержание листовок не было связано с событиями на фронте, а касалось общеполитических тем. В этом, месяце трижды издавали речь английского министра иностранных дел Идена общим тиражом 1,5 млн. экземпляров.

Интенсивность пропаганды на румын вновь возросла с августа, когда издали 2150 тысяч листовок. Затем количество изданных материалов опять сократилось. Апогеем воздействия стал ноябрь 1942 года, когда в Москве издали 1,76 млн. листовок, а на Юго-Западном фронте - 4,885 млн. листовок, из которых более 4 млн. были тиражированы с матриц текстов, полученных из Москвы. Во второй половине года румын запугивали огромными цифрами потерь. Так, 1 июля в листовке утверждали, что потери румынской армии с начала войны составили 472 тысячи человек. Эта цифра почти равнялось всему составу румынских войск на фронте.

Пропаганде хороших условий плена в первое полугодие уделяли мало внимания. Лишь в апреле выпустили листовку о первой конференции румынских пленных, резолюцию которой подписали 1393 пленных разных лагерей. В августе тиражом миллион экземпляров издали с фотографиями военнопленных следующий текст: “Мы, подписавшиеся, находимся в плену у русских. Все мы довольны. Русские знают, что мы воевали против своей воли, поэтому относятся к нам хорошо. Кормят иногда лучше, чем на родине. Кто работает, получает еще и дополнительный паек. После работы

отдыхаем: читаем, смотрим фильмы. Передайте нашим семьям, что мы живы и будем скоро дома”.

С конца лета издали четыре листовки серии “Жизнь румынских военнопленных” (31 августа 23 октября, 13 и 14 ноября). В каждой из листовок помещали по 6-8 жанровых фотографий о жизни пленных в лагере. Основное внимание пропаганде плена стали уделять в октябре-ноябре в ходе подготовки к прорыву фронта. В это время издали листовку “Приказ войскам Сталинградского фронта № 424 1 октября 1942 года”. Текст гласил: “Правительство СССР строго соблюдает все международные законы по отношению к военнопленным. Согласно решению Советского правительства № 1798 от 1 июля 1941 года и приказу Народного комиссара обороны СССР Статна № 55 от 23 февраля 1942 года, каждому сдавшемуся в плен Красной Армии гарантируется жизнь, а после войны возвращение на родину. Все пленные содержатся в специальных лагерях, посещаемых представителями международного Красного Креста. Лагерь для румынских военнопленных в СССР расположены в областях с умеренным климатом. Рабочий день для пленных - 8 часов. Работа оплачивается. Румынским пленным в СССР дается три раза в день горячая пища 400 г. хлеба (для работающих 800 г.), 500 г. овощей и картофеля, даются жиры, мясо, рыба, сахар, чай и табак. Пленные имеют право переписываться со своими семьями через Международный Красный Крест”. Содержание постановления правительства СССР № 1798 о питании пленных также цитировали в листовках, изданных 27 октября и 17 ноября 1942 года.

С 19 ноября 1942 года после прорыва фронта в полосе обороны 3-й румынской армии под Сталинградом главной темой листовок стала пропаганда сдачи в плен. Румынов призывали следовать примеру группы 106 сдавшихся под станицей Клетская. С 20 ноября издали листовку с 60 домашними адресами пленных. Затем каждый адрес пленного издали отдельно в виде листовки с просьбой нашедшему переслать ее родным солдата. В текстах постоянно сообщали цифры сдавшихся в плен. Если 20 ноября сообщили о 24 тысячах пленных, 24 ноября - о 34 тысячах, то 28 ноября речь шла уже о 70 тысячах сдавшихся (Листовки серии Т. 2107, 2111, 2131.) Для усиления деморализации солдат перечислили, что под Сталинградом разгромлены 1-я, 2-я, 5-я, 6-я, 7-я, 9-я, 11-я, 13-я, 14-я, 15-я пехотные

дивизии, а также 7-я кавалерийская и 1-я танковые дивизии. (Листовка Т. 2331).

ГлавПУРККА 5 ноября на направлении прорыва фронта 3-й румынской армии создало в 5-й танковой армии отделение по работе среди войск противника из 4 офицеров. Прибывшие из Москвы в штаб Юго-Западного фронта работники к 19 ноября издали на румынском языке 840 тысяч листовок. Из этого количества было 585 тысяч обращений “Румынские солдаты, вы окружены”, заранее подготовленных для прорыва фронта. За неделю с 22 по 30 ноября авиация Юго-Западного фронта сбросила на окруженные румынские части 285 тысяч листовок с пропусками для сдачи в плен. В том числе 23 и 24 ноября 80 тысяч листовок-пропусков сбросили на окруженных румын в районе станицы Распопинская. В результате большая часть румынских военнослужащих читали сведения о разгроме под Сталинградом и имели при себе пропуска в плен. Например, проверка в 76-й стрелковой дивизии под Распопинской 107 сдавшихся румын показала, что 50 % из них предъявили листовку-пропуск в плен.

Сотни пленных засылали в окруженные части с задачей привести с собой в плен сослуживцев. Как правило, пленного перед засылкой пугали. Ему говорили, что в случае невозвращения обратно в плен Красной Армии румынской контрразведке “Сигуранца” сообщат, что этот солдат выдал важные сведения, и это приведет к репрессиям семьи пленного. Низкий уровень боевого духа румынов способствовал успеху подрывной пропаганды. В январе 1943 года после разгрома 3-й румынской армии под Сталинградом начальник политического управления Юго-Западного фронта генерал М.В. Рудаков так оценил эту деятельность: “Работа по разложению и подрыву боеспособности войск противника сыграла свою роль в общем успехе декабрьского удара, в пленении 60 тысяч румынских солдат и офицеров”.

Общие итоги разгрома 3-й румынской армии под Сталинградом составили 80,54 тысяч убитыми и пропавшими без вести. Из этого количества более 60 тысяч сдались в плен. Это показывает низкий уровень боевого духа румын, так как соотношение убитых и пленных составило 1 : 3. Показателем разложения является тот факт, что более

20 тысяч румынских военнослужащих под Распопинской сдались уже на третьи сутки окружения после капитуляции своего командования. О разложении офицеров свидетельствуют и слова во время допроса командира 4-й пехотной дивизии генерала Димитриу: “Ваша пропаганда влияет не только на солдат, но и на румынских офицеров”.

По румынским данным, общие итоги боевых действий в 1942 году для 3-й и 4-й румынских армий составили 51517 убитых и 129732 пропавших без вести. (т.е. сдавшихся в плен. - *Прим. ред.*). Общее соотношение убитых и пленных составило 1:2,4. Такой низкий уровень боевого духа способствовал тому, что в 1942. году пропаганда сдачи в плен оказывала наибольший эффект на румынов.

Такая же сильная деморализация наблюдалась в 8-й итальянской армии, более 48 тысяч военнослужащих которой сдались в плен в период с 16 декабря до февраля 1943 года. Разложение было настолько велико, что в конце декабря итальянские солдаты даже не пытались сопротивляться. Например, в дивизии "Юлия" еще до приближения русских войск солдаты бросили винтовки и ожидали сдачи в плен. Итальянцы сдавались из-за разочарования в несбывшихся обещаниях легкой победы; из-за ненависти к немцам, относившимся к ним презрительно и посылавшим вместо себя на самые опасные участки прорыва фронта. Сильное воздействие на решение сдаваться оказало предательское поведение немцев, эвакуировавших самолетами из окружения 42 тысячи своих солдат и бросивших союзников сдерживать наступление русских. Подрывная пропаганда мало влияла на сдачу итальянцев в плен, поскольку большинство листовок не пропагандировало хорошие условия плена, а посвящалось дискредитации Муссолини и политического курса фашистской Италии.

В Москве пропаганду на итальянцев вели сотрудники Коминтерна Джерманетто, Гарланди, М.Эрколи, Ловера, Бьянко, Маризо. В период наступления под Сталинградом на фронт для пропаганды на 8-ю итальянскую армию была направлена группа эмигрантов, работавшая под руководством Мальтальяти и Вера. Интенсивность пропаганды на итальянцев в первый год войны была невелика. До июля 1942 года издали 36 наименований листовок,

средним разовым тиражом 20 тысяч экземпляров. Масштабы пропаганды были невелики до августа 1942 года, так как на фронте действовал всего один итальянский корпус (3 дивизии и 1 легион).

Пропаганда на итальянцев усилилась, когда осенью количество дивизий увеличилось до одиннадцати, объединенных в 8-ю итальянскую армию, которая вместе с немцами стала продвигаться к Волге. Наивысшей интенсивности разлагающая пропаганда достигла в ноябре 1942 года, когда из Москвы прибыла группа эмигрантов в созданный 5 ноября 1942 года на Юго-Западном фронте отдел по работе среди войск противника и редакционно-издательское отделение.

Содержание пропаганды на итальянцев регламентировалось ГлавПУРККА, который поставил задачи: “создавать среди солдат антифашистские настроения, распространять правду о Советском Союзе, популяризовать задачи войны Советского Союза из доклада товарища Сталина к 25-й годовщине революции, разоблачать предательскую политику в отношении интересов Италии, проводимую Муссолини в союзе с гитлеровской Германией, показывать разногласия стран оси Берлин-Рим-Токио с гитлеровской Германией, показывать непобедимость стран антигитлеровской коалиции, убеждать солдат, что немцы-гитлеровцы являются врагами Италии, популяризовать программу итальянского национального фронта ИККИ”.

Большинство текстов листовок написал Джерманетто, который даже сочинил 2 листовки-стихотворения. Ответственными за написание тематических листовок являлись Ловера (“Правда об СССР”), Гарланди (“Международная информация”), Бьянко (“Что происходит в Италии”), Маризо (“Жизнь итальянских военнопленных”). Часть текстов помогала писать Л.Владимирская. Контроль содержания текстов осуществлял офицер 7-го отдела ГлавПУРККА К.Л. Селезнев,

Большинство текстов листовок дискредитировало Муссолини, Например, в июле 1942 года из 9 листовок 7 содержали критику, персональные нападки или карикатуры на дуче Его называли “лгун”, “бандит”, “наглый обманщик”, “предатель Италии”, “хвостун под пятой Гитлера”, “сообщник Гитлера”. Муссолини также обвиняли в

том, что он “продался немцам”. Значительное внимание уделялось возбуждению недовольства политикой правительства. За год войны была издана 21 листовка серии “Что происходит в Италии”. В них описывались нехватка продуктов, маленькая суточная норма хлеба 150 граммов, говорилось о роскошной жизни и прибылях буржуазии. В период летнего наступления итальянского экспедиционного корпуса с 25 мая по 31 августа 1942 года издали 5 листовок серии “Итальянский информационный бюллетень”, посвященных описанию тяжелой ситуации в Италии. В июльских листовках солдат запугивали смертью, описывали горе 28 тысяч матерей, потерявших на фронте своих сыновей.

Тиражи листовок были невелики. Первые листовки пересылали из Москвы в виде трех матриц для тиражирования на Юго-Западный фронт. Затем листовки этой серии стали издавать в Москве тиражом по 100 тысяч экземпляров. В ноябре 1942 года основное внимание уделялось пропаганде хороших условий плена. Для этого 14 ноября издали листовку “Жизнь итальянских военнопленных в России” (Т. 2062), в которой рассказывалось о хорошей жизни 60 тысяч итальянских пленных.

Опросы пленных после разгрома 8-й итальянской армии показали, что советская пропаганда оказывала на итальянцев незначительное влияние из-за интенсивного запугивания солдат ужасами плена и смерти в русском плену. Например, пленный полковник Чимолино Армандо на допросе сказал “В Италии против русских велась такая пропаганда, что и я сам под влиянием этой пропаганды советовал не сдаваться в плен к русским, ибо они убивают пленных. Я читал русские листовки, в которых сообщалось о развитии русского наступления. Хотя мы им не верили, все же они вызывали смятение”.

Более 50 тысяч итальянцев в конце декабря сдались в плен под воздействием комплекса неблагоприятных факторов: больших потерь, предательства союзников, невозможности прорыва окружения, голода, сильных морозов. В декабре 1942 года деморализация противника во все большей степени способствовала разлагающая пропаганда с призывами сдаваться в плен.

Кроме итальянцев, пропагандой разлагали и 2-ю венгерскую армию. Тексты листовок на венгров готовили политические эмигранты и сотрудники Коминтерна М.Ракоши, Э.Гере, Э.Авдрич, И.Варга, Д.Лукач, А.Габор, Ш.Гертель, З.Вейнбергер, И.Реваи, Д.Ньистор. Зимой и весной 1942 года масштабы пропаганды были небольшими. В апреле листовки издавали разовым тиражом 20 тысяч и одинаковыми партиями по 10 тысяч посылали на Брянский, Юго-Заяадный фронты, против которых действовала венгерская армия. Интенсивность издания листовок возросла с июля 1942 года (см. таблицу).

Издания ГлавПУРККА для венгров в 1942 году

Месяц	У11	У111	IX	X	XI
Наименований	5	10	3	5	8
Тираж (млн. экз.)	1,2	2,05	2,15	0,45	0,52

Главной целью пропаганды являлось внушение недовольства внутренней политикой Венгрии, дискредитация режима Хорти. Для этого с 22 июля до 20 ноября тиражом по 50 тысяч выпустили четыре листовки серии “Что происходит в Венгрии”, описывавшие недостаток продовольствия, притеснения населения чиновниками. В развитии этой темы 4 сентября тиражом миллион экземпляров издали политическое обращение венгерских писателей-эмигрантов, в котором осуждалась политика правительства Венгрии.

Предпринимались попытки вызвать недоверие венгров к румынским союзникам. Например, в июле от имени двух сфотографированных пленных тиражировали листовку “Румыны венгерской армии”. Ее текст гласил: “Мы - два трансильванских румына из венгерской армии попали в плен к русским. Мы задали себе вопрос: “Что плохого нам сделали русские? И ответили: “Ничего”. Это Гитлер и Антонеску сделал нам плохо, отдав Северную Трансильванию и нас в руки венгров, В лагере с нами обращаются хорошо. Уж лучше воевать против венгров, чем против русских. Сдавайтесь в плен и вернетесь живыми к своим семьям!” В другой листовке 22 июля в развитие темы говорилось: “Венгры воюют кровью румын... Ваше место не на Дону, а на румынской границе”.

В листовке от 25 июля имелся следующий текст: “Венгерский генеральный штаб отдал секретный приказ № 3607/M1 “О ценности призванных неперевоспитанных румын”. В нем румын называют “неполноценной нацией”. Им приписывают такие черты: “лживость, вороватость, лень, лукавство, стадный инстинкт и низкий умственный уровень”. Но в огонь в первую очередь бросают их. Вот ваши союзники, с которыми вы воюете плечом к плечу против нас. Делайте выводы, кто ваши подлинные враги. Это - венгры и немцы, натравливающие вас друг на друга. А нам не за что воевать с вами. Снимайтесь с фронта! Уходите в Румынию!”

Когда попытки расколоть 2-ю венгерскую армию по этническому признаку не принесли результата, главное внимание стали уделять пропаганде хороших условий плена. Для этого 12 августа издали листовку “Приказ № 237 Юго-Западного фронта от 1 июля 1942 года” о создании в районах с умеренным климатом специальных лагерей венгерских военнопленных. В развитие этой темы 13 августа выпустили листовку с обращением 74 пленных и их подписями. Пропаганду плена возобновили 7 октября, когда в листовке серии “Жизнь военнопленных в Советской России” поместили фотографии венгерских пленных. От имени трех военнопленных 17-го венгерского пехотного полка 28 октября издали обращение, а 12 ноября тиражировали еще одно обращение пленного с призывом следовать его примеру. Пропаганда с призывами сдаваться в плен приносила результаты. После разгрома под Сталинградом на Дону увеличилось количество сдающихся венгров. В листовке 9 марта 1943 года (Т. 2423) сообщалось, что к концу февраля в русском плену находилось 65 тысяч венгров.

Из изданных ГлавПУРККА в 1942 году 1412 листовок, газет и брошюр общим тиражом 560591 тыс. экземпляров пропаганда на венгерском, итальянском, румынском и других языках стран-сателлитов рейха по тиражам занимала в общем объеме не более 5 %. Главные усилия пропаганды предпринимались для воздействия на немцев. Кроме листовок на немецком языке ГлавПУРККА издал 30 лозунгов тиражом 17,21 млн. экземпляров, 72 газеты тиражом 3,59 млн. экземпляров, 15 плакатов тиражом 6,71 млн. экземпляров. За год из Москвы на фронты послали 1903 матрицы текстов 319 листовок. Поэтому большинство тиражей листовок на фронтах воспроизводили

московские тексты. Например, из числа изданных Западным фронтом за 1942 год 80,276 млн. листовок для немцев примерно 55 млн. были размножены с присланных из столицы матриц.

За год интенсивность издания листовок в Москве была наивысшей с января до мая. Затем количество ежемесячно изданных наименований материалов снизилось примерно в два раза. Новый подъем пропагандистской активности произошел в декабре. (см. таблицу).

Издание материалов ГлавПУРККА в 1942 году

Месяц	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Наименований	1 6 1	1 5 5	1 2 9	1 4 2	1 8 5	1 1 4	8 8	9 2	5 5	4 6	1 1 6	1 2 9

Большая интенсивность пропаганды в январе-мае объяснялась чрезвычайными усилиями разложить вермахт, вызвать в нем восстания солдат и их неповиновение офицерам. В мае 1942 года усилия по пропаганде на врага возросли накануне разрекламированного Гитлером весеннего наступления. После неудач апрельского наступления Красной Армии, закончившегося разгромом под Харьковом, с июля по октябрь продолжалось стратегическое отступление войск СССР. В это время было трудно находить темы и факты пропаганды, которые бы могли повлиять на врага. Кроме того, захват вермахтом огромной территории вызвал кризис в снабжении бумагой, пик которого пришелся на октябрь. На фронтах было ликвидировано 17 газет на иностранных языках, чтобы создать резерв бумаги 19,6 тонн в месяц. По сравнению с маем 1942 года количество изданий сократилось в 2-3 раза, также сократили тираж изданий. (см. таблицу).

Тиражи листовок ГлавПУРККА в 1942 году (млн. экз.)

Месяц	Месяц
1	У11
11	У111
111	IX
1У	X
У	XI
У1	XII

На тираж листовок не повлиял кризис конца июня 1942 года, когда один раз за весь период войны Совет военно-политической пропаганды ГлавПУРККА в прямой постановке обсуждал проблему ведения пропаганды на противника. Это было связано с поражениями Красной Армии на юге и провалом попыток повлиять на солдат вермахта пропагандой. Хотя за год войны было издано 1290 млн. экземпляров листовок, газет и брошюр (в т.ч. на фронтах - 380 млн. экземпляров), однако немцы смеялись над этой пропагандой. Выступавший на заседании совета Д.З. Мануильский признался в кризисном положении возглавляемого им направления. В качестве самокритики он сказал: “Аргументы нашей пропаганды рассчитаны на красноармейца, а не на немца... “Дополнения” пропагандистами писем военнопленных делают их русскими”. Кризис в содержании пропаганды преодолели после ноябрьского наступления под Сталинградом. Появилось много выигрышных фактов, и количество наименований листовок возросло в два раза, однако тираж их при этом сократился наполовину.

Содержание пропаганды на немцев видно при анализе текстов 84 листовок 1942 года. В текстах было 592 темы и призыва. Листовки имели лозунговый характер и были перегружены призывами (336), которые зачастую использовались вместо фактов. Самым частым призывом являлось побуждение сдаваться в плен (241), за которым следовало побуждение прочитать листовку “Прочти...” (128 раз). На третьем месте по частоте находился призыв “передай листовку товарищу” (92). Фамилии сдавшихся в плен печатались 90 раз. На пятом месте находился призыв “Свергайте /долгой/ Гитлера” (78). О хороших условиях плена сообщалось 67 раз. Призыв “Создавайте комитеты борьбы за мир” встречался 59 раз. В листовках 56 раз сообщалась о количестве убитых на фронте немцев. На девятом месте по частоте находились упоминания о военной мощи США и Англии - союзников СССР по антигитлеровской коалиции (42 раза). В текстах 35 раз предпринимались попытки дискредитировать немецкую пропаганду. Персональные нападки и дискредитация Гитлера встречались 32 раза. В листовках 30 раз печатали фамилии родственников военнопленных, 28 раз повторяли призыв “Кончайте войну!”, 27 раз использовали призыв “Поднимите обе руки”. Кроме

того, 25 раз читателя устрашали открытием второго фронта в Европе в 1942 году и 21 раз пугали бомбардировками немецких городов. Также в текстах 5 раз повторяли призыв “Требуйте отправки домой”. Дважды был напечатан призыв “Не стреляйте в своих товарищей - рабочих!” Эпизодически использовались другие темы и призывы.

Основной целью пропаганды в первом полугодии являлась попытка вызвать в Германии революцию. Этой цели служила информация двух серий листовок: “Что происходит в Германии” (ЧПГ) и “Международная информация” (МИ). Листовки серии ЧПГ по приказанию начальника ГлавПУРККА с 8 августа 1941 года издавали ежедневно. Цель революционизации явно видна из названия листовки 8 мая 1942 года “Германии, проснись!”. В этих листовках помещались мрачные цитаты из трофейных писем немецким солдатам, которые выписывали из текстов 30 эмигранток, разбиравших захваченные документы и письма в помещении издательства “Иностранный рабочий”. В тексты листовок также добавляли короткие сообщения Совинформбюро, которые отбирал К.Л. Селезнев, а переводили на немецкий язык переводчицы М.Ривкина и Ф.Рубинер. Окончательный контроль и визирование текста осуществлял немецкий писатель Альфред Курелла, который ежедневно работал в 7-ом отделе ГлавПУРККА с листовками серии ЧПГ, а также готовил макет иллюстрированной газеты “Фронт иллюстрирте”. Поэтому в качестве иллюстраций в листовки серии ЧПГ он помещал фотографии пленных или разбитой немецкой военной техники.

Листовки серии “Международная информация” составлялись по материалам Совинформбюро группой из трех сотрудников 7-го отдела в составе Н.Н. Берникова, Ю.А. Жданова и Е.А. Константиновского. Содержание листовок серии МИ отличалось от серии ЧПГ тем, что в них сведения о катастрофическом положении в рейхе давались со ссылкой на иностранные средства массовой информации. Так, в листовке МИ № 201 9 июня утверждалось: “Дни Гитлера сочтены», в тылу против Гитлера восстают угнетенные народы”. Апогей попыток вызвать революцию в Германии был в марте-апреле 1942 года. Затем во втором полугодии по мере увеличения количества побед немецких войск количество листовок серии ЧПГ и МИ все больше сокращалось. Их выпуск

сократили до минимума в ноябре-декабре, однако последняя листовка серии ЧПГ была издана лишь в июле 1943 года. (см. таблицу).

Тексты листовок для революционизации Германии

Месяц 1942 г.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Серия МИ	27	27	27	27	31	13	5	5	-	-	-
Серия ЧПГ	22	23	26	27	16	16	5	5	1	1	1

Изменения в тематике листовочной пропаганды произошли во втором полугодии не только из-за перехода Красной Армии в отступление, но и в связи со снятием с должности начальника ГлавПУРККА, который главной целью пропаганды считал дискредитацию Гитлера. По его указанию для реализации этой цели при помощи загримированных ленинградских актеров 12 января 1942 года тиражом 500 тысяч экземпляров была впервые выпущена карточка-фотография “Фюреры развлекаются”. На фото захмелевшие Гитлер и Геринг сидели за столом с пустыми бутылками в обществе двух курящих девиц потрепанного вида. В листовке ЧПГ № 70 7 февраля по указанию начальника ГлавПУРККА поместили призыв: “К черту Гитлера и его цепных собак!”. До апреля 1942 года по приказу Л.З. Мехлиса в каждой листовке помещали лозунг “Прощай Москва, долой Гитлера!”. Одним из вариантов реализации этой цели 15 июня являлась листовка с призывом: “Повесьте Гитлера на немецкой веревке!” (Т. 1627), изданная огромным тиражом 10 млн. экземпляров. Однако дискредитация фюрера не принесла никакого эффекта.

Также неэффективной оказались попытки объяснить немцам, что СССР является “страной рабочих и крестьян”. Так, по указанию начальника ГлавПУРККА 7 февраля в листовке серии “Правда об СССР” № 2 солдатам вермахта объясняли: “Получение большой доли урожая и значительного дохода в личную собственность каждой крестьянской семьи является отличительным признаком любого колхоза”. Однако подобная информация желаемого воздействия на солдат вермахта не оказала.

Новый начальник ГлавПУРККА и Совинформбюро А.С. Щербаков 27 июня 1942 года во время заседания Совета военно-политической пропаганды поставил задачу “действовать на немецких солдат страхом, запугивать их мощью СССР и антигитлеровской коалиции; возбуждать тревогу солдат за семью, детей; возбуждать ненависть к войскам СС, внушать недовольство чиновниками нацистской партии и тыловиками”. Немцев запугивали огромными потерями на Восточном фронте. Например, 7 и 8 июля дважды издали листовку общим тиражом 2 млн. экземпляров, в которой говорилось, что “3,5 миллиона погребены в русской земле” (Т. 1678, Т 1683).

В 1942 году основной целью пропаганды было побудить немцев сдаваться в плен. Однако незначительное внимание уделялось созданию благоприятных представлений о плене. О жизни в лагерях писали мало и эпизодически. Например, 3 февраля в листовке серии “Что происходит в Германии” № 66 поместили фото с текстом: “В клубе лагеря военнопленные ставят пьесу, написанную ими самими. Пьеса идет с музыкальным оформлением оркестра военнопленных солдат”.

Специально для пропаганды хороших условий плена за год выпустили 63 листовки серии “Жизнь военнопленных в Советской России”. Первая листовка серии вышла 21 февраля, а листовка № 63 - накануне наступления под Сталинградом 14 ноября. В 1942 году листовки “Жизнь военнопленных в Советской Росии” составляли чуть более 4,4% из общего количества 560591 тысяч изданных материалов и 4,4% из 1412 наименований листовок. Наибольшие усилия по составлению листовок для создания хорошего впечатления о плене затратили в мае 1942 года, когда Красная Армия предприняла наступление под Харьковом. (см. таблицу).

Издание листовок серии “Жизнь военнопленных” (1942)

Месяц	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Наименований	7	10	11	15	5		5	7	1	1	1	-
Тираж	-	5,5	5,3	2,0	2,5	2,0	2,5	3,5	0,5	0,5	0,5	-

(млн. экз.)

Одна из самых радужных картин плена была изображена в листовке “Жизнь военнопленных в Советской России” № 18, изданной 7 апреля. В тексте описывалось, как в лагере № 64 проводили кинопоказ художественных фильмов: “Истребители”, “Большой вальс”, “Сто мужчин и одна девушка”, “Профессор Мамлок”, “Киноконцерт”, “Трактористы”, “Волга-Волга”, “Цирк”. На обратной стороне поместили фотографию обедающих пленных в столовой с подписью: “Они кушают с аппетитом”. Красочной была листовка этой серии № 57, выпущенная 15 августа тиражом 100 тысяч. В ней содержались 9 жанровых, фотографий о жизни пленных в лагере.

В последней декаде ноября после прорыва фронта, и окружения 6-й немецкой армии под Сталинградом также выпустили 60 листовок-писем с адресом семьи пленного. В их текстах содержалась просьба нашедшему переслать листовку по указанному на обороте адресу. В конце года стали уделять внимание разрушению стереотипа немцев о том, что русские не сразу убивают сдавшегося, но пленный быстро умирает в лагере. Для этого 30 ноября выпустили листовку с фотографией “Фриц Максталер год в плену” (Т. 2140).

Боевой дух солдат вермахта в период с февраля по октябрь был относительно высок. Кризисные явления, снижение пленоустойчивости происходили лишь в январе, ноябре и декабре 1942 года. Однако наблюдалась общая тенденция снижения боевого духа солдат. По данным Б.Мюллера-Гиллербранда, соотношение потерь и пленных в первое полугодие составляло 8,8 : 1 (220,5 тысяч убито и 25,0 пропало без вести). Однако во втором полугодии это соотношение снизилось до 3,2 : 1 (222,8 тысяч убито и 69,6 тысяч пропало без вести). (см. таблицу).

Безвозвратные потери вермахта в 1942 году

Месяц	Убито (тыс. чел.)	Пропало без вести (тыс. чел.)	Соотношение
I	44,4	10,1	4,3 : 1
II	44,5	4,1	10,8 : 1
III	44,9	3,6	2,4 : 1
IV	25,6	1,5	17,0 : 1
V	29,6	3,6	8,2 : 1
VI	31,5	2,1	15,0 : 1
VII	36,0	3,7	9,7 : 1
VIII	54,1	7,3	7,4 : 1
IX	44,3	3,4	13,0 : 1
X	25,5	2,6	9,8 : 1
XI	24,9	12,1	2,0 : 1
XII	38,0	40,5	1 : 1,06

Эффективность пропаганды на немцев с призывом сдаваться в плен была низкой в феврале-октябре 1942 года по ряду объективных причин. Во-первых, почти весь 1942 год боевые успехи были на стороне вермахта, который в ходе многомесячного наступления захватил Кавказ и вышел к Волге. В условиях, когда в сознании солдат имела надежда на разгром СССР в 1943 году, они не думали сдаваться в плен. Во-вторых, немцы полагали сдачу в плен равносильной смерти в лагере от голода, холода и болезней. На оккупированных землях они видели тяжелые условия жизни людей, нищету и голод. Поэтому немцы не верили информации листовок о хорошей жизни пленных. Немецкое командование также полагало, что личный опыт солдат в России явится важнейшим условием их невосприимчивости к вражеской пропаганде. Так, весной 1942 года в приказе ОКВ № 13 говорилось: «Немецкий солдат ежедневно видит низкий социальный и культурный уровень в оккупированных областях СССР. Он стоит слишком высоко, чтобы интересоваться содержанием листовок противника. Нищета населения, запущенные улицы, отсутствие гигиены и прочие наглядные уроки страны Советов настолько убедительны, что при данных обстоятельствах не нужно много слов для убеждения солдата». Однако в декабре 1942 года в окружении под Сталинградом немцы собирали листовки-пропуска в плен. Выступления немецких офицеров об «ужасах русского плена» не могли остановить солдат от сдачи в плен тем людям, кого они считали «низшей расой». Стремление сохранить жизнь оказалось сильнее презрения к русским.

Пропаганда на противника в 1943-1945 годах

В 1943-1945 годах результат пропаганды на врага зависел не только от содержания текстов и организации работы, но прежде всего от морально-психологического состояния войск противника, степени доверия людей к пропаганде СССР. Личный состав вермахта и некоторых союзных немцам армий являлся сложным объектом для пропагандистского воздействия. Долгие годы накануне войны у немцев целенаправленно воспитывали антисемитизм, недоверие к пропаганде коммунистов. Среди немецких военнослужащих было много людей, имевших нацистские убеждения. Так, изучение более чем 1700 военнопленных лагеря № 95 в Елабуге показало, что по состоянию на 15 ноября 1941 года убежденные нацисты составляли среди них 11 %, умеренные - примерно 52 % пленных, а нейтрально настроенные пленные - до 35 %. Воздействовать пропагандой на таких людей, обладавших сильнейшим иммунитетом к коммунистической пропаганде, было чрезвычайно трудным делом. Они имели психологическую установку на неприятие любой информации из источников СССР, считая ее откровенной ложью.

Снижала возможность пропагандистского влияния на немцев система тотального контроля солдат, внедренная в вермахте. В каждом подразделении имелись многочисленные доносчики тайной государственной полиции гестапо. Так, изучение более 800 пленных Темниковского лагеря в августе 1941 года показало, что около 20 % пленных военнослужащих ранее являлись тайными осведомителями гестапо. Система тотального контроля мыслей, поведения военнослужащих вермахта приводила к тому, что немцы боялись читать советские листовки или слушать передачи, так как это становилось известно гестапо.

Пропагандистскому воздействию мешал боевой дух противника, влиявший на поведение и восприимчивость к советской пропаганде. В 1941- 1942 годах боевой дух солдат врага был высоким. Однако по мере роста боевых потерь, затягивания войны, отсутствия обещанных быстрых побед "блицкрига" боевой дух войск снижался. В конце войны все большая часть военнослужащих противника предпочитала не гибнуть в боях, а сдаваться в плен. Если по результатам боевых

действий за два первых месяца после нападения Германии на СССР соотношение безвозвратных потерь и пленных солдат вермахта составило примерно 100 : 1 (100 тысяч убито и более 1 тысячи сдалось в плен), то к 1 декабря 1941 года за пять месяцев войны это соотношение понизилось до 44,1 : 1 (227 тысяч убито, а 5 тысяч сдалось). В боях последних четырех месяцев войны (14.1 - 9.5.1945) на 2-м Белорусском фронте соотношение погибших и пленных немцев понизилось до 3,6 : 1 (667 тысяч убито и 188 тысяч сдалось).

Анализ, статистических данных служившего в штабе сухопутных войск вермахта генерал-майора Б.Мюллер-Гиллербранда позволяет увидеть общую тенденцию снижения боевого духа военнослужащих вермахта в течение войны. Если по полугодиям сравнить соотношение убитых и пропавших без вести (т.е. сдавшихся в плен военнослужащих), то явно видно, что боевой дух немцев падал. В 1941 году такое соотношение составляло 10,9 : 1 (индекс 10,9), а за январь-апрель 1945 года оно снизилось до 1 : 3,8 (индекс «- 3,8»). (см. таблицу).

Соотношение погибших и «пропавших без вести»

(за полугодие)

	Убито (тыс. чел.)	Пропало без вести (тыс. чел.)	Соотношение
1941	290,7	26,65	10,9 : 1
1942	220,5	25,0	8,8 : 1
	222,8	69,6	3,2 : 1
1943	294,4	227,59	1,2 : 1
	287,03	115,99	2,4 : 1
1944х	212,7	116,14	1,8 : 1
	250,0	933,67	1 : 3,73
1945хх	265	1012	1 : 3,8

Примечание х - нет данных за декабрь.

хх- данные за январь-апрель.

Общее соотношение погибших и сдавшихся в плен изменилось, когда со второй половины 1944 года немцы стали в больших количествах сдаваться в плен на втором фронте американцам и англичанам. (см. таблицу).

Индекс соотношения погибших и «пропавших без вести»

(за полугодие)

1941	1942		1943		1944x		1945xx
10,9	8,8	3,2	1,2	2,4	1,8	-3,7	-3,8

Примечание. х - Соотношение в июле - ноябре 1 : 3,7.

хх - Соотношение в январе-апреле 1 : 3,8.

Следует отметить, что на Восточном фронте боевой дух и ожесточенность сопротивления немцев в боевых действиях были высокими вплоть до самого конца войны. Данные исследования Фрица Ханна свидетельствуют, что на Восточном фронте на 31 января 1945 года погибло 1105987 военнослужащих, а «пропало без вести» 1018365 человек (соотношение погибших к пленным 1,08: 1). При этом уровень боевого духа офицеров был примерно в 2,5 раза выше, чем у солдат. Офицеров в это время погибло 41594, а «пропало без вести» 16572 человека (соотношение 2,5 : 1).

Боевой дух врага падал, и число пленных увеличивалось сильнее при окружении. Соотношение погибших и сдавшихся в Корсунь-Шевченковском окружении было 4 : 1, в окружении восточнее Минска – 3 : 1. В последние месяцы войны при окружении в плен сдавалось больше солдат, чем гиблов боях. Так, в апреле 1945 года по результатам боев за окруженный г. Кенигсберг это соотношение составило 1 : 2,1 (42 тысячи убито и 94 тысячи сдались). Особенно сильно падал боевой дух, если в окружение попадали войска коалиционного состава, где были солдаты разных национальностей. Так, в сталинградском окружении, где вместе были немцы, румыны, итальянцы и солдаты других национальностей, соотношение погибших и сдавшихся составило 1,6 : 1. В яско-кишиневском окружении, где вместе оказались румыны и немцы, соотношение погибших и пленных было 1 : 1. В будапештском окружении, где вместе были венгры и немцы, соотношение погибших и сдавшихся было 1 : 2,76. По мере упадка боевого духа увеличивалось количество военнослужащих противника, воспринимавших призывы пропаганды к сдаче в плен. В то же время даже в окружениях немцы более ожесточенно сопротивлялись русским, чем американцам.

Пропагандистскому воздействию на солдат вермахта мешало то, что немцы имели высокий уровень сплочения внутри своих групп. Даже в условиях неизбежного поражения в 1945 году они вели себя конформно, были дисциплинированы, педантично исполняли приказы, подчинялись командирам. Эти качества делали немцев трудным объектом пропаганды с целью разложения внутригрупповой структуры.

Вместе с немцами в СССР вторглись армии нескольких государств-союзников третьего рейха, насчитывавших в 1941 году около миллиона человек. Среди союзников немцев наибольшее количество составляли финны (16 дивизий, 3 бригады, около 460 тысяч человек). Румынов насчитывалось 13 дивизий, 8 бригад общей численностью около 360 тысяч человек, а в ноябре 1942 года - 560 тысяч. Кроме них воевали венгры, из которых в августе 1941 года был создан корпус из 41 тысячи человек, а в 1942 - армия.

Среди союзников Германии наиболее восприимчивыми к подрывной пропаганде являлись румыны. Их боевой дух был невысок. Среди румын было много тех, кто не желал воевать. Показательно, что уже в первый день войны советским пограничникам добровольно сдалось 750 румынских солдат 15-го батальона морской пехоты, которые арестовали при этом 27 своих офицеров. Даже в осажденной Одессе в августе 1941 года войскам Красной Армии сдалось 660 румын, среди которых было 44 офицера. Если за первый год войны на тысячу немецких солдат на фронте в плену СССР находилось 2 человека, то румын было в восемь раз больше - 17,8 человек.

Румынские войска имели самый низкий уровень пленоустойчивости из всех союзных немцам армий. После капитуляции 2 февраля 1943 года окруженной группировки под Сталинградом из 116233 слабых от многомесячного голода и болезней военнослужащих, которые выжили в дороге и были доставлены в стационарные лагеря НКВД, румыны составили около 50 тысяч. Кроме них было более 50 тысяч итальянцев и только около 17 тысяч немцев. Значительная часть 3-й румынской армии (27 тысяч человек) сдались уже на третий день сталинградского окружения в районе станицы Распопинская. В то же время немцы держали

оборону 91 сутки, обеспечив эвакуацию по воздуху 42 тысяч своих войск. На всем протяжении войны румыны являлись наиболее уязвимым звеном среди армий стран гитлеровской коалиции. Они сильнее других немецких союзников были предрасположены к воздействию подрывной пропаганды.

Среди остальных участников гитлеровской коалиции невосприимчивыми к советской пропаганде, кроме немцев были финны и австрийцы. Если взять за основу показательные данные о количестве военнопленных, согласившихся летом 1943 года воевать на стороне СССР, то союзные вермахту армии в порядке понижения боевого духа располагались следующим образом. Среди немцев и финнов не было желающих воевать на стороне СССР. Согласившихся сотрудничать с русскими испанцев было 34 человека, австрийцев - 198, венгров - 499, югославов - 1380, поляков - 1545, итальянцев - 2657, чехов - 3217. Среди румын 18942 пленных согласились воевать на стороне СССР.

Факты показывают, что наиболее сложными объектами воздействия пропаганды являлись немцы, финны и венгры. В первый период войны для них были характерны стойкие психические установки на неприятие информации из советских источников, приводившие к своеобразной "блокировке" сознания, когда даже самые верные рассуждения не действовали на солдат армий противника, убежденных в "лживости коммунистической пропаганды".

После нападения армий государств гитлеровской коалиции на СССР пропагандистское воздействие на противника и на население в его тылу осуществлялось несколькими ведомствами и общественными организациями. Среди них были: ГлавПУРККА, Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), исполнительный комитет Коммунистического интернационала (Коминтерн), компартии республик СССР, коммунистические союзы молодежи республик СССР, Всесоюзный радиокомитет. Координировали эту работу Центральный комитет ВКП(б) и находившееся на правах отдела ЦК ВКП(б) главное политуправление РККА (ГлавПУРККА).

При ГлавПУРККА имелся отдел, который координировал пропаганду на языках государств гитлеровской коалиции, а также на

польском и персидском языках. Это подразделение называлось отделом по работе среди войск противника при ГлавПУРККА. Порядковый номер отдела в 1941 году был седьмым, поэтому для сохранения секретности его называли "7-м отделом". Штат этого подразделения в 1941 году состоял из 25 человек. Отдел привлекал для работы до 30 политэмигрантов-иностранцев, которые в течение всей войны постоянно занимались только пропагандистской деятельностью.

Пропаганда на немецком языке велась также редакцией газеты при ГлавПУРККА "Фронт иллюстрирте", созданной в июле 1941 года из редакции газеты "На стройке социализма". Все газеты и листовки с латинской графикой текстов тиражировали в Москве на технической базе издательства "Иностранный рабочий", которое всю войну выполняло только заказы ГлавПУРККА. В этом издательстве во время войны постоянно работала группа 30 политэмигрантов. Они переводили содержание трофейных документов, писем, дневников, периодическую печать вражеских стран. Такая информация использовалась разведкой, а также при составлении агитационных материалов для врага.

Пропаганду на население СССР в тылу противника и на воевавших на стороне Германии бывших граждан СССР вел "отдел по работе среди населения оккупированных областей и по руководству партизанским движением" (8-й отдел) ГлавПУРККА. Он был создан по приказу НКО № 338 от 4 сентября 1941 года и действовал до октября 1942 года. В задачи 8-го отдела входили руководство и координация работы по подготовке и изданию материалов на литовском, латышском, эстонском, молдавском, татарском, украинском, белорусском, русском языках для населения в немецком тылу. В дополнение к этому отдел контролировал работу пяти редакций газет на языках народов СССР на литовском, латышском, молдавском, белорусском, украинском языках, которые в декабре 1941 года были образованы при НКО СССР. С ноября 1942 года пропаганду на языках населения оккупированных районов СССР стал вести отдел агитации и пропаганды (2-й отдел) ГлавПУРККА.

В Москве после создания редакций газет при НКО и при ГлавПУРККА с января 1942 года были созданы несколько редакций

газет на иностранных языках, подчинявшихся НКВД и находившихся в штате этой организации. Эти газеты издавались как для военнопленных, так и для распространения за линией фронта. Среди них были: газета на немецком языке "Фрайес уорт" (с августа 1943 года - "Фрайес Дойчданд"); журнал "Митталунген"; газета на венгерском языке "Уй со", газета на румынском языке «Грайул либер»; на итальянском языке "Альба". Руководил работой этих изданий 99-й научно-исследовательский институт НКВД, в штате которого находились редакции всех этих газет. С 1942 года наряду с основным составом редакций газет создали и "дублирующие редакции" из 7-8 лояльно настроенных военнопленных, готовивших часть материалов для очередного выпуска. Газеты НКВД тиражировались на базе типографии "Искра революции".

Наряду с изданиями НКВД, НКО, ГлавПУРККА в Москве центральными комитетами коммунистических партий Латвии, Эстонии, Литвы, Молдавии, Белоруссии, Украины, а также центральными комитетами коммунистических союзов молодежи этих республик издавались газеты для населения оккупированных районов Советского Союза.

Большое внимание уделяли не только печатной пропаганде, но также и радиовещанию. В составе Всесоюзного радиокомитета для радиовещания на население СССР в тылу противника были созданы семь радиоредакций. Пять редакций было сформировано в 1941 году, в том числе: на русском языке - 3 июля, на литовском - 10 июля, на латышском - 15 июля, на эстонском - 17 сентября, на украинском - 23 сентября. В 1942 году были созданы редакции на белорусском языке (1 января) и на татарском языке (15 сентября). Эти редакции готовили и вели передачи параллельно с десятью редакциями радиостанции имени Коминтерна, вешавшей на немецком, финском, венгерском, румынском, чешском, польском, болгарском, итальянском, арабском и других языках. Кроме того, передачи на пекинском диалекте китайского языка для населения оккупированных японцами районов Китая велись из Хабаровска. Все эти радиоредакции подчинялись ГлавПУРККА.

В январе 1942 года была создана редакция радиостанции "Свободная Германия", осуществлявшая вещание на частоте

немецких государственных радиостанций в краткие интервалы времени между передачами или в паузы при чтении текста немецкими дикторами. Мощный коротковолновый передатчик и специальное оборудование позволяли диктору-политэмигранту Р.Гибтнеру вторгаться со своими критическими комментариями или краткими язвительными замечаниями в радиопередачи третьего рейха. Наибольшего эффекта станции удавалось достичь, когда все радиостанции рейха для трансляции настраивались на один канал перед выступлением Гитлера, и в вещании получалась длинная пауза. "Станцию-призрак" в Германии жители называли "человек из народа". Она дезорганизовала немецкое радиовещание, так как руководство тайной полиции гестапо приказало дикторам радиостанций читать текст без пауз. Это затруднило восприятие передач слушателям третьего рейха.

Одновременно со "станцией-призраком" работали еще две радиостанции, вещавшие от имени антиправительственных группировок Германии под названием "Дойче Фолькзендер" и "Штурмовик Отто Вебер". Сотрудниками этих станций были в основном немецкие политэмигранты. С октября 1943 года в эфир стала выходить радиостанция, вещавшая от имени Национального комитета "Свободная Германия", Кроме радиоредакций станций, вещавших на немецком языке, с 1943 года действовали также радиостанции на других языках. Среди них было "Радио Кошута" на венгерском языке, "Радио Христо Ботев" на болгарском языке и другие.

Наряду с подразделениями центрального аппарата в Москве на каждом фронте имелись подразделения по пропаганде на противника. Как правило, в политуправлении фронта действовал отдел по работе среди войск и населения противника. В его составе находились 9 человек: в том числе начальник, шесть старших инструкторов, секретарь отдела и машинистка. В 1941-1942 годах в политуправлении каждого фронта работал идентичный по штатам (9 человек) отдел по работе среди населения оккупированных областей и по руководству партизанским движением. Отдел по работе среди войск и населения противника (4-й отдел) в составе 6 человек действовал при политуправлении каждого флота. На Черноморском и Тихоокеанском флотах эти подразделения были образованы с ноября

1941 года, на Северном флоте - с января 1942 года, а с сентября 1942 года - на Балтийском флоте. В июне 1942 года соответствующее отделение в составе трех офицеров было создано при ГлавПУ ВМФ.

При политуправлении каждого фронта имелось несколько редакций газет на иностранных языках. Общее количество таких газет в конце 1941 года составило 24. В их составе были 6 редакций газет на языках народов СССР: литовском, латышском, эстонском, молдавском, украинском, белорусском. Как правило, при политуправлении фронта работали 3-5 газет на иностранных языках. В апреле 1942 года на Северо-Западном фронте действовали редакции газет на немецком, литовском и латышском языках. На Западном фронте в это же время имелись редакции газет на немецком, польском, украинском языке. На Ленинградском фронте было 5 газет на немецком, финском, норвежском, эстонском и шведском языках. Штат редакции каждой газеты составлял 23-25 человек. В их числе было 6 командных должностей специалистов со знанием иностранных языков.

После реорганизации штатов по директиве ГлавПУРКА от 4 октября 1942 года 17 редакций газет при политуправлениях фронтов были сокращены до редакционно-издательских отделов численностью по 13 сотрудников. В году фронты продолжали издавать только одну газету на финском языке (Карельский фронт). Также выходило 3 газеты на персидском языке в Иране, две из которых были в штате Закавказского фронта и одна - в штате Средне-Азиатского военного округа. Такая реорганизация была осуществлена по причине острой нехватки газетной бумаги. Второй причиной ликвидации газет для войск противника являлось то, что их было очень трудно доставлять через линию фронта. Редакционно-издательские отделы вместо газет стали издавать листовки.

При политуправлениях ряда фронтов кроме редакций газет действовали редакции радиостанций, вещавших на постоянных частотах для населения противника. Радиоредакции работали на Южном фронте (2), Ленинградском (3), Карельском (2), Закавказском и Юго-Западном фронте. При политическом управлении Ленинградского фронта с 1943 года заработала "радиостанция-призрак", которая стала вторгаться в передачи финских

государственных станций в периоды пауз и перерывов между программами. Диктором этой станции являлся финский политический эмигрант, писатель А.Эйкия. С конца 1943 года наряду с комментированием финских радиопрограмм он дважды в неделю делал обзор политических событий.

Наряду с радиоредакцией и редакциями газет на иностранных языках в штате двух управлений фронтов в 1942 году были созданы агитационные эскадрильи для распространения листовок на языках народов СССР, а также на языках населения государств гитлеровской коалиции. На Западном фронте агитэскадрилья насчитывала 5 легких учебных самолетов У-2 и 5 разведчиков Р-5. На Карельском фронте в агитэскадрилье действовало 5 самолетов.

Штатные работники аппарата пропаганды на противника и на население в его тылу имелись и в политотделах армий. По аналогии с 7-м отделом ГлавПУРККА большинство армейских отделений по работе среди войск противника в несекретной переписке получили кодовое название «7-е отделение». Однако на Ленинградском фронте в 1941-43 годах эти подразделения в армиях назывались "6-е отделение", а в армиях, на некоторых других фронтах - "4-е отделение". Разница в номере отделения объяснялась тем, что по порядку очередности эти отделения в политическом отделе данной армии занимали "6-е" или "4-е" место. В 1941 году отделение по работе среди войск противника до конца 1942 года имело штатную численностью 6 человек, а затем число сотрудников 7-х отделений было увеличено до 7 человек. В политотделах стрелковых корпусов, дивизий и авиационных дивизий, отдельных бригад и воздушно-десантных батальонов имелись должности старших инструкторов по работе среди войск противника.

В декабре 1941 года должности старших инструкторов в корпусах были ликвидированы, а в августе 1942 года были ликвидированы 116 должностей инструкторов в воздушно-десантных батальонах. Несколько позднее, осенью 1942 года, в политических отделах армий были сокращены отделения по работе среди населения оккупированных областей (4-е, 8-е, 10-е отделения на различных фронтах). Вместо них в политотделе была оставлена только должность старшего инструктора по работе среди населения

оккупированных областей. Летом 1944 года, когда была освобождена территория СССР, система подразделений по работе среди населения оккупированных областей была полностью ликвидирована. Тогда в августе 1944 года изменили штатное расписание ГлавПУРККА. Дополнительно к управлению кадров и управлению агитации и пропаганды было добавлено управление по работе среди войск и населения противника, общий штат которого составил вначале 57 человек (август 1944 года), а затем был увеличен до 82 сотрудников (январь 1945 года).

В январе 1943 года дополнили состав подразделений по пропаганде на противника во фронтовом звене. При некоторых управлениях контрразведки (НКВД) фронтов были созданы антифашистские школы (всего 6 школ), готовившие военнопленных для помощи пропагандистам действующей армии при ведении пропаганды на врага. Таким образом, общая численность подразделений, проводивших пропаганду на войска противника, военнопленных и население в тылу противника составляла 2,3-3,5 тыс. человек. (Приложение № 9).

Дополнительно к штатным сотрудникам в составе политических отделов действующей армии с лета 1943 года и вплоть до конца войны использовались подготовленные оперативными чекистскими отделами (ОЧО) лагерей НКВД военнопленные-пропагандисты. Их численность в 1943 году составляла 63 человека, а к январю 1945 года превысила 2 тысячи человек. После создания в лагерях демократических союзов военнопленных разных национальностей ЦК ВКП(б) приняло решение разрешить им иметь военную структуру в виде подразделений в Красной Армии. По постановлению НКО СССР на каждый фронт из специально подготовленных пленных послали пленного на должность фронтового уполномоченного Национального комитета "Свободная Германия" (НКСГ), армейского представителя НКСГ, дивизионного помощника НКСГ. Эти пленные снабжались по нормам рядовых Красной Армии и получали установленное жалование в рублях, а после пересечения границы СССР - в валюте тех стран, где находились войска СССР.

Для работы в действующей армии с июля 1943 года по февраль 1944 года НКВД наряду с немцами подготовил 21 пленного венгра и 15 румынов. Подготовка военнопленных-пропагандистов для замещения в действующей армии должностей в подразделениях пропаганды на противника осуществлялась НКВД в "спецобъектах" № 40, 41, 42 с несекретным названием "антифашистская школа" в Оранском, Южском и Красногорском лагерях военнопленных. Каждый из спецобъектов имел штат 250 человек администрации, преподавателей и переменного состава. В школе три месяца обучали пленных по утвержденной ГлавПУРККА программе.

На фронтах наряду с военнопленными-пропагандистами в политотделах использовались и политэмигранты-члены коммунистических партий зарубежных государств. Как правило, из них создавали пропагандистские группы для работы в действующей армии. Например, в сентябре 1942 года в политическом отделе 52-й армии Ленинградского фронта работала группа из трех эмигрантов членов компартии Испании. Они вели пропаганду на военнослужащих испанской 250-й "голубой дивизии". В Сталинградской операции несколько пропагандистских групп итальянских коммунистов вели пропаганду на 8-ю итальянскую армию. На 3-м Украинском фронте в 1944 году венгерская пропагандистская группа вела пропаганду на венгерские дивизии, действовавшие против 18-й армии.

Изменения в штате подразделений по работе среди войск и населения противника произошли после того, как в 1944 году Советская Армия перешла границу стран Восточной Европы. Тогда в состав фронтовых отделов по работе среди войск противника были введены отделения по работе среди местного населения (штат 5-6 человек). Аналогичные отделения из 5-6 человек были созданы в политотделах армий. По приказу ГлавПУРККА № 328 от 22 августа 1944 года на 2-м Белорусском фронте стали издавать газету для населения Польши. По постановлению ГлавПУРККА от 2 мая 1945 года при политуправлениях фронтов были созданы редакции газет на иностранных языках для населения Германии. Для стран Восточной Европы издавалось 5 газет. Работе этих редакций помогали пленные-пропагандисты и члены компартий зарубежных государств.

Факты показывают, что пропагандистское воздействие на войска противника, военнопленных и население в тылу противника осуществляла система пропагандистских подразделений общей численностью более 3 тысяч сотрудников. Руководство, координацию и контроль работы выполняли ЦК ВКП(б), ГлавПУРРККА, политические управления РККА и НКВД. Для пропагандистской деятельности на иностранных языках привлекалось много членов иностранных коммунистических партий и подготовленные НКВД военнопленные-пропагандисты.

Одним из главных способов пропагандистского воздействия на войска противника и население в его тылу являлось издание и распространение листовок, газет и брошюр. За 1941-1945 годы на языках стран гитлеровской коалиции было издано около 2,4 миллиарда экземпляров печатных материалов более чем 20 тысяч наименований. Для оккупированных республик СССР на эстонском, литовском, молдавском, татарском, белорусском, украинском языках, а также на русском языке для жителей захваченных противником районов было издано около 1 миллиарда экземпляров пропагандистских материалов.

Для понимания главных целей психологического воздействия, тематики содержания пропаганды во время Великой Отечественной войны главным является анализ содержания листовочной пропаганды по нескольким причинам. Во-первых, в листовке мысль излагали кратко, в "концентрированном" виде, что облегчает и ускоряет исследование информации текстов. Во-вторых, в 1941-1942 годах газеты для противника на фронтах выпускались на основе текстов московских листовок, которые включались в газетный текст в виде статей. В-третьих, в соответствии с приказанием ГлавПУРРККА, в 1941-1943 годах на фронтах тексты всех листовок зачитывали в передачах для войск врага с использованием рупоров и звуковещательных станций. В-четвертых, в 1941-1942 годах листовки раздавали пленным в лагерях для чтения. Эти обстоятельства позволяют делать вывод о том, что содержание листовочной пропаганды в основном отражает содержание других форм пропаганды на врага.

Анализ содержания текстов 1436 листовок периода 1941-1945 годов показал, что основными целями пропагандистского воздействия листовок являлись: создание позитивного представления о плене (23,1 % всех тем и призывов), устрашение противника (11,2 %), дискредитация политических лидеров противника (10,4 % тем и призывов), побуждение военнослужащих противника к сдаче в плен (8,0 %), подрыв авторитета командиров противника (5,8 %). (Приложения № 10, 18).

Цели психологического воздействия пропаганды на противника в различные периоды войны имели значительные различия. В начальный период войны пропагандистские тексты листовок отличались декларативностью, перегруженностью лозунгами и призывами. Анализ 594 призывов, содержащихся в 304 текстах листовок 1941 года показал, что по частоте употребления на первом месте стоял призыв "Переходи на сторону Красной Армии" (25,4 % всех призывов). Подобная цель воздействия была неадекватна обстановке, когда вермахт за несколько месяцев захватил Украину, Белоруссию, Прибалтику и вышел на подступы к Москве.

Остальные призывы листовок в регрессии по мере сокращения количества употреблений располагались в следующей последовательности: "Прочти и передай другому!" (18,0 %), "Кончайте /долой/ войну" (15,3 %), "Свергай /долой/ Гитлера" (9,2 %). Цели призывов о прекращении войны и свержении Гитлера в условиях 1941 года были невыполнимы и не соответствовали интересам и настроениям солдат третьего рейха. Более адекватным обстановке являлся призыв "Спасай свою жизнь" (5,89%). Не отвечали интересам военнослужащих врага призывы "Сдавайся в плен" (5,38 %) и "Иди /возвращайся/ домой" (2,35 %).

Солдаты вермахта верили обещаниям Гитлера победить Россию до нового 1942 года и на Рождество поехать домой в Германию. В условиях многомесячных побед врага и утраты огромной территории призывать немецких солдат к сдаче в плен и к дезертирству было непродуктивно. Другим призывом, вызывавшим ненависть и насмешки противника, являлся призыв "Поверните оружие против Гитлера" (2,02 % всех призывов). Он был явно невыполним в войсках,

находившихся на территории России в нескольких тысячах километрах от столицы третьего рейха и Гитлера.

Таким образом, анализ наиболее часто употреблявшихся призывов листовок 1941 года позволяет сделать вывод о том, что по целям психологического воздействия пропаганда того периода была неадекватна обстановке, не отвечала настроениям и интересам тех, на кого она была направлена. Призывы текстов листовок во многих случаях не соответствовали тематике листовок, не имели логической связи с информацией текста листовок. Так, из 733 тем анализированных листовок 1941 года главное место занимали темы, призванные устроить читателя (35,06 % всех тем). Читателя запугивали информацией о больших потерях противника (9,68 %), бедственным положением населения в Германии (7,91 %), возможной гибелью или увечьями (2,31 %), суровостью русской зимы (1,57 % всех тем). Помещать в таких листовках обязательный пропуск для сдачи в плен было явно неуместно.

Часто встречались темы, дискредитирующие политических лидеров Германии (15,55 % тем), возбуждающие недоверие к пропаганде противника (14,46 %), создающие позитивное представление о плене (5,59 %), апеллирующие к чувству классовой солидарности "немецких рабочих и крестьян в солдатских шинелях" (4,63 %), побуждающие солдат сдаваться в плен (3,6 %). Такое же количество по частоте употребления занимали темы, подрывавшие авторитет командиров (3,68 %) и возбуждавшие недовольство роскошной жизнью правящих классов Германии.

Текст листовки начального периода войны затрагивал много тем. В нем, как правило, отсутствовали конкретные факты, но имелись призывы к восстанию, к революции. В листовке часто помещались рассуждения на политические темы. Наиболее значительной ошибкой пропаганды того периода являлось помещение в каждую листовку призывов к переходу на сторону Красной Армии и к сдаче в плен независимо от того, какая информация в ней помещалась. Пропаганда начального периода войны явно не отвечала обстановке и была неадекватна реальности. Это являлось следствием некомпетентности людей, занимавшихся этой работой. Командование и пропагандисты ГлавПУРККА плохо представляли себе менталитет немцев, имели в

целом неправильное представление о противнике. Пропаганда 1941 года являлась не вполне удачной попыткой нащупать уязвимые места врага. Она велась со значительным количеством ошибок, часто дискредитировавших отдельные удачи и пропагандистские находки.

В содержании советской пропаганды первого периода войны были допущены ошибки, снизившие эффективность ее влияния. Значительной ошибкой пропаганды 1941-1942 годов являлось то, что она была рассчитана на сочувственно настроенных к СССР людей, имевших чувство рабочей солидарности, коммунистические убеждения. Пропаганда 1941 и первой половины 1942 года была сознательно направлена на революционизацию военнослужащих и населения Германии. Однако среди солдат вермахта отсутствовали люди, которые бы могли ее воспринимать.

Многолетней обработкой в национал-социалистическом духе нацистской пропаганде удалось внедрить в сознание большинства немцев стойкое отрицательное отношение к коммунизму и коммунистической революции. В сознании подавляющего большинства немецких военнослужащих слова "коммунизм", "интернационал", "большевик", "красный" являлись ругательствами. Использование в листовках, газетах и радиопередачах на противника дословного перевода статей из газеты "Правда", переводов речей Сталина, призывов к свержению Гитлера и к восстанию в Германии лишь подтверждали внедренный в сознание немцев стереотип о том, что советская пропаганда ведется евреями и людьми "низшей расы", которые хотят погубить Германию, вызвав в ней революцию наподобие революции 1918 года. Призывы к восстанию в условиях, когда вермахт дошел до Москвы и вышел на берега Волги, были явно неадекватными сложившейся обстановке. Их нельзя было выполнить в условиях тотального контроля командиров и гестапо. Поэтому попытки революционизировать солдат вермахта являлись наиболее значительной ошибкой советской пропаганды первого периода войны.

В ходе войны по мере накопления опыта и углубления знаний о противнике пропаганда на врага изменилась. В 1944 году призывы пропаганды стали конкретными, которые мог выполнить один человек. Главной целью пропагандистского воздействия стало

побуждение к сдаче в плен. Так, анализ 132 призывов 117 листовок 1944 года показал, что призыв "Сдавайся в плен" (41,66 % призывов) стал занимать главное место среди призывов последнего периода войны. По частоте встречаемости за ним следовали призывы "Кончайте войну" (9,89 %), "Следуйте примеру сдавшихся товарищей" (7,81 %). Среди наиболее часто встречающихся призывов того периода также были: "Проводите диверсии и саботаж" (5,72 %), "Дезертируйте из армии" (5,2 %), "Не выполняйте приказов" (5,2 % всех призывов).

Изменилась и тематика листовок. В 117 листовках 1944 года наибольшее количество тем содержало информацию, побуждавшую к сдаче в плен - 165 тем (62,5 %). В числе тем этого направления были: 110 призывов сдаваться и пропусков в плен (41,66 %), публикации имен и фамилий сдавшихся (9,46 %), сообщения о количестве сдавшихся в плен (9,09 %), публикация писем и обращений пленных (1,13 %), публикация обращений жителей занятых нашими войсками районов (1,13 %). На втором месте по частоте употребления стояли темы, внушавшие пораженческие настроения сведениями о военных поражениях противника и захвате немецких городов (26,89 %). Устрашение являлось целью 6,81 % тем, в числе которых были материалы, устрашавшие противника количеством потерь (4,52 %) и перспективой открытия второго фронта (2,27 %).

Положительное представление о плене формировали 14 тем (5 %), которые информировали о льготах для добровольно сдавшихся и о хороших условиях плена. Еще одной целью пропаганды являлось возбуждение у военнослужащих тревоги за судьбу родных сообщениями о бомбардировках немецких городов (2,65 %). Также использовались темы, возбуждавшие тревогу и неуверенность сведениями о трудностях в снабжении вермахта (0,75 %). Небольшую часть материалов составили темы, дискредитирующие правящие классы Германии сообщениями о том, что "богачи обжираются в тылу" (0,37%).

В завершающем периоде войны информация листовок в большинстве случаев соответствовала призывам. Тематика содержания отвечала интересам военнослужащих в получении новой информации, которой не было в официальных сообщениях третьего

рейха. В пропаганде последних месяцев войны главной целью стало информирование военнослужащих и населения противника. В это время почти не использовали политические призывы, и не было лозунгов, призывавших к революционным выступлениям. В целом пропаганда стала более реалистичной и адекватной обстановке.

Изменилось отношение немцев к русской пропаганде. Если в 1941-1942 годах подавляющее большинство военнослужащих противника не верили сообщениям советских листовок, то в последние месяцы войны отмечались случаи, когда солдаты вермахта покупали у детей листовки с удостоверениями добровольно сдавшегося в плен. Возросло количество добровольно сдавшихся в плен. Так, по итогам боевых действий 3-го Белорусского фронта из 229894 взятых в плен военнослужащих врага 105560 (46,3 %) сдались без оказания сопротивления, а 4357 (около 1 %) перешли на сторону Советской Армии добровольно.

Содержание советской пропаганды доводилось до военнослужащих противника, населения в его тылу и военнопленных различными способами, главными из которых являлись: распространение печатных агитационных материалов, ведение звукопередач при помощи звукостанций, ведение устной пропаганды с использованием рупоров, засылка военнопленных в тыл противника с агитационными задачами, обратный отпуск пленных в целях создания у солдат противника благоприятного представления о плене.

Звукопередачи велись с линии фронта в ночное время, чтобы скрыть источник звука, избежать уничтожения диктора и звукостанции огнем стрелкового оружия. Диктора, как правило, прятали в укрытие, блиндаж, окоп или в воронку от снаряда. При этом протягивали на дальность до 500 метров кабель с динамиком в сторону от места расположения диктора. С конца 1943 года в нескольких десятках метров от динамика ставилась охрана из 1-2 стрелков, поскольку вражеская разведка нередко срезала динамики работавших станций.

При ведении передач с переднего края ночью дальность отчетливого различения речи (350-500 метров) позволяла слышать станцию ОГУ солдатам в ротном опорном пункте противника. В светлое время суток вещание велось только из-за укрытия при боях в

городе, во время проведения митингов в занятых городах или при обращении к жителям в населенных пунктах. Как правило, на линии фронта в полосе боевых действий пехотной дивизии (2,5-4 км) работала одна звукостанция ОГУ. При разгроме окруженного противника все звукостанции фронта сосредоточивались для склонения врага к сдаче в плен, поэтому количество звукостанций в боевых порядках войск резко возрастало. Например, в 1945 году при уничтожении Данцигско-Гдынской группировки противника в дивизиях 2-го Белорусского фронта станции располагались через 600 метров фронта (41 звукостанция на 25 км линии фронта).

В наступлении звукостанции часто передавали обращения, ультиматумы к окруженным подразделениям. Передачи вели не только дикторы, но и пленные, обращавшиеся к своим сослуживцам. Выступление пленного, как правило, велось под контролем офицера и охраной 1-2 автоматчиков. Время передачи ОГУ не превышало двадцати минут, что зависело от емкости аккумулятора. Станции МГУ проводили за ночь несколько 20-минутных передач с получасовым перерывом, чтобы дать остыть нагретшейся аппаратуре. Количество звукопередач на противника значительно увеличилось в 1944-45 годах, когда промышленность стала серийно выпускать звукостанции. Каждую ночь в полосе одного фронта (200-220 км) проводилось от 20 до 50 передач. (Приложение № 14).

Частота звукопередач возрастала при ликвидации окруженных группировок противника. Так, в Берлинской операции (16.4- 2.5.1945 г.) была сделана 9071 передача. Это означает, что за сутки в среднем проводилось 533 передачи. Опыт подобной концентрации звукостанций был получен еще в первый период войны. На Карельском фронте с сентября 1942 года действовали две "звукобатареи" в составе восьми станций, которые располагались с интервалом 800-900 метров друг от друга и работали попеременно. Это делало невозможным для финнов заглушать передачи огнем из стрелкового оружия.

За время войны было разработано два типа звукостанций на базе автомобилей. Наиболее распространенной в армиях была модель МГУ-42 со звукоизлучателями мощностью 200 Вт. Аппаратура ОГУ устанавливалась на легкие самолеты-разведчики Р-5 и ночные

бомбардировщики У-2. На 1 июля 1943 года в РККА насчитывалось 17 самолетных звукостанций (СЗС), пять из которых действовали на Северо-Западном фронте. По две самолетные звукостанции работало на Карельском и Центральном фронтах. Ленинградский и Западный фронты использовали по одной СЗС. Еще одна СЗС находилась в распоряжении Дальневосточного военного округа.

С самолета У-2 передачи вели в ночное время. Для этого летчик над своей территорией набирал высоту 2,5 тысяч метров. После этого он выключал мотор, чтобы не дать врагу найти самолет по шуму двигателя, и планировал по спирали в сторону линии фронта. За 3 минуты планирования диктор мог сказать в микрофон несколько фраз. После этого пилот включал мотор и с набором высоты уходил из зоны обстрела в сторону расположения своих войск. Наибольшее количество передач с самолетов было проведено в 1943 году. В последующие годы вещание с самолетов не применялось по трем причинам. Во-первых, главной причиной были высокие затраты на ведение передач с самолета. Противник часто подбивал самолеты, с которых вели передачи дикторы, а исправных самолетов на фронте постоянно не хватало. Во-вторых, звукопередача с самолета для противника стоила дорого из-за затрат на авиационный бензин, которого не хватало для боевых вылетов. Надо было обслуживать самолет на аэродроме, ремонтировать пробоины в корпусе после обстрелов. В-третьих, вещание с самолета было очень кратким (не более 2-3 минут). Это не позволяло передавать много информации. Затраты на трехминутную передачу командиры считали неоправданно высокими и не соответствующими эффективности пропаганды.

В 1941 году была предпринята попытка создания танковых звукостанций. Институт связи РККА на базе танка Т-34 сделал экспериментальный «танк-агитатор». Он был направлен в 6-ой танковый корпус Западного фронта. Однако в боевых действиях под Ржевом танк сгорел от прямого попадания, не успев пройти испытания по звуковещанию. В дальнейшем танки решили не использовать в качестве базы для звукостанции из-за их высокой стоимости и нехватки на фронтах. Применяемые в июне 1943 года на Ленинградском и Юго-Западном фронтах звукостанции на базе

танкеток не были серийными образцами. Их изготовили в единственном экземпляре специалисты этих фронтов.

На немцев пытались воздействовать показом кинофильмов на фоне облаков. Институт связи РККА 19 января 1943 года сделал кинозвукоустановку "ЗКУ-ЗД-Г". Она предназначалась для показа кинофильмов при помощи проекции изображения на облака. Эта станция с конца января 1943 года проходила испытания в 11-й армии Северо-Западного фронта, где демонстрировала сюжет о колоннах пленных, сдавшихся в сталинградском окружении. Однако 30 марта в результате артиллерийского обстрела противника станция была уничтожена, получив 35 осколочных пробойн. По результатам испытаний институт связи принял решение прекратить работы по созданию звуко-киноустановок. Причиной было то, что противник легко определял место работы станции по направлению излучения света и прерывал работу артиллерийским обстрелом.

Пропаганда на врага велась также простейшими техническими средствами при помощи жестяных рупоров и мегафонов. Общее количество таких передач за время войны превысило 700 тысяч. Подобные передачи велись "рупористами" - солдатами, учившими наизусть 3-5 лозунгов на иностранном языке. Качество подобной пропаганды было невысоким из-за примитивизма лозунгов, грубых ошибок в произношении, сильного акцента дикторов, что вызывало насмешки вражеских солдат. Звукопропаганда оказывала сравнительно небольшое влияние на противника из-за маленького охвата аудитории воздействия. В 1943-45 годах на одном фронте (200-220 км) вещание звукостанций ежедневно в ночное время могли услышать военнослужащие 40-50 ротных опорных пунктов противника. Но аудитория воздействия сокращалась из-за того, что ночью большинство солдат спали. Слушали передачи не более 4-5 % солдат этих ротных опорных пунктов, которые ночью были часовыми.

Наряду с звукопередачами в 1941-1945 годах пропагандистское воздействие на противника велось при помощи радиопередач широкоэмитательных радиостанций на постоянных частотах. Такой способ пропаганды имел значительные ограничения. У населения воевавших стран были изъяты все радиоприемники с коротковолновым диапазоном, велось глушение нежелательных для

правительства передач. Жестокие репрессии применялись ко всем, кто слушал иностранные радиостанции. Военные радисты, имевшие доступ к аппаратуре прослушивания радиопередач, находились под контролем как своих офицеров, так и службы безопасности. Все эти меры крайне суживали аудиторию воздействия радиопропаганды. Однако Германия и страны гитлеровской коалиции не смогли полностью закрыть каналы информации из СССР.

Наиболее масштабными являлись передачи радиостанции имени Коминтерна из Москвы. На немецком языке вещание осуществлялось в течение шести часов в сутки. Кроме населения Германии эти передачи также передавались для немецких пленных. С 24 ноября 1941 года ГлавПУРККА приказало транслировать передачи радиостанции имени Коминтерна в Темниковском, Елабужском и Спасозаводском лагерях военнопленных. В дальнейшем наиболее крупные лагеря военнопленных оборудовали радиотрансляционной аппаратурой. Репродуктор на плацу лагеря по расписанию транслировал передачи на тех иностранных языках, на которых говорили военнопленные данного лагеря. На 1 января 1944 года в лагерях действовали 39 радиотрансляционных пунктов. Основой содержания радиопередач из Москвы являлись сообщения Совинформбюро, статьи газеты "Правда", "Известия", выступления Сталина, других руководителей партии и правительства. Использовались также и материалы, подготовленные политическими эмигрантами.

Одновременно с передачами из Москвы с первых дней войны начались радиопередачи на иностранных языках из Ленинграда, Днепропетровска и других городов Советского Союза. Вначале эти передачи вели работники редакций газет на иностранных языках при политических управлениях фронтов. Через несколько месяцев после начала войны были созданы радиоредакции при политуправлениях фронтов. Так, на Юго-Западном фронте редакция газеты "Свобода" на польском языке за пять месяцев войны не издала ни одной газеты из-за отсутствия на фронте польских войск. Она была сокращена до 13 человек и 9 декабря 1941 года преобразована в радиоредакцию для ведения радиопередач на польском и немецком языке. К марту 1942 года эта радиоредакция ежедневно вела часовые передачи на немецком, украинском языках. Также она готовила

двадцатиминутные программы на польском языке. Вещание осуществляли передатчики радиостанции г. Воронежа.

Наиболее интенсивно с началом войны велись радиопередачи редакции радиовещания Южного фронта. По мере отступления она использовала передатчики в городах Днепропетровск, Одесса, Сталино, Сталинград. За это время вещание велось на немецком, румынском, молдавском, итальянском, венгерском языках. Регулярным было вещание на немецком, румынском языках. Программа передач длилась до тридцати минут. Она включала информацию о положении на фронтах, международную информацию, выступления военнопленных, комментарии и музыку. С июля 1941 года по 5 июля 1942 года было передано более 2,1 тысячи передач, в том числе из Сталинграда - 1589 (628 на немецком, 619 на румынском и 342 передачи на итальянском языке).

Интенсивно работали радиоредакции Карельского фронта, которые вещали из Петрозаводска (редакция 3 человека) и из Мурманска (редакция 6 человек). Работники военных радиоредакций действовали вместе со специалистами радиокомитета Карело-Финской ССР и мурманской радиостанции. Если до июля 1942 года в эфир выходило 5 передач на немецком и столько же на финском языке, то с 15 июля количество выходов в эфир было увеличено до семи. До 1 октября 1942 года две радиоредакции сделали 3196 передач, в том числе 1752 на немецком и 1444 на финском языке. Содержание радиопередач на противника контролировалось военными политическими органами и секретарем ЦК Карело-Финской ССР Отто Куусиненом, который редактировал тексты всех радиопередач на Финляндию. Программы включали информацию Совинформбюро, ТАСС, сообщения с фронта, данные о потерях противника, сведения о партизанском движении, о внутреннем положении в Финляндии и Германии, письма и выступления военнопленных. Еженедельно передавался обзор сведений о Германии. Часто в программу включали сведения о международном положении и информацию об успехах тружеников советского тыла.

Для привлечения внимания слушателей к программам, длившимся 30 минут, периодически передавали выступления военнопленных. Их несколько раз анонсировали за 5-4 дней до

передачи в эфир. Через Мурманскую радиостанцию за период с сентября 1941 года до 1 октября 1942 года было проведено 27 выступлений пленных в прямом эфире. Радиостанция Петрозаводска располагалась на острове, поэтому вместо выступлений пленных в прямом эфире она передала 21 запись выступлений пленных, сделанных на пластинках.

Передачи на иностранных языках также велись из Ленинграда. Там офицеры радиоредакции фронта работали вместе со специалистами радиокомитета. Они ежедневно вещали на немецком, финском и норвежском языках. В общей сложности 6 фронтов имели свои радиоредакции, которые несколько раз в сутки вели в эфире передачи на иностранных языках. (Приложение № 19).

За рубежом в оккупированном японцами Шанхае отделение телеграфного агентства ТАСС с 21 августа 1941 года начало ежедневное вещание радиостанции “Голос Советского Союза”. Аппаратура радиостанции была установлена в одном из домов из квартала международного селтльмента, не входившего в юрисдикцию японских оккупационных властей и правительства Китая. Мощность средневолнового передатчика позволяла охватывать зоной уверенного приема местность более чем в 400 км от города. Передачи велись на волне 560 метров на четырех языках: русском, английском, немецком и китайском. Дикторами работали русский эмигрант В.Е. Валин, немецкий эмигрант Кэниг и китайская студентка Шанхайского университета “Кэт”. Содержание передач в основном раскрывало обстановку на фронтах в СССР и основывалось на информации Совинформбюро. Тему войны Японии в Китае не затрагивали, чтобы не спровоцировать оккупационные власти на закрытие радиостанции. Наряду с информационными сводками радиостанция передавала обзоры о военном положении и комментарии о ходе и перспективах войны, которые готовил бывший царский генерал Е.Г. Сычев. Кроме того, для русских эмигрантов в Шанхае транслировали песни в исполнении А.Н. Вертинского, инсценировки по литературным произведениям.

Сразу после начала вещания японские оккупационные власти начали глушение частоты вещания радиостанции, однако в ответ СССР на Дальнем Востоке стал глушить передачи японской

радиостанции в г. Харбине. Через некоторое время глушение передач «Голоса Советского Союза» было прекращено. Однако японцы предпринимали враждебные акции в отношении корреспондентов агентства ТАСС, готовивших информацию для станции. Двое из них в 1942 году были арестованы по сфабрикованным обвинениям, и их два года продержали в тюрьме. Японцы закрыли радиостанцию 9 августа 1945 года в день, когда СССР вступил в войну против Японии. Однако через месяц она возобновила работу после объявления императора о капитуляции Японии. Передачи продолжались до января 1947 года, когда после начала гражданской войны в Китае ее вновь закрыло правительство Чан Кайши. Радио "Голос Советского Союза" являлось альтернативным источником информации для иностранцев в Шанхае, конкурируя с английской коммерческой радиостанцией и японскими радиопередачами. Письма слушателей свидетельствовали, что передачи слушало китайское население в южных районах Китая, не контролируемых японскими оккупационными властями.

На территории СССР с октября 1943 года вешала радиостанция, которая выходила в эфир от имени Национального комитета "Свободная Германия". Передачи станции велись четыре раза в сутки по двадцать минут на трех передатчиках на коротких волнах. Вечером в 18.30, 19.40 и 21.15 дополнительно использовали средневолновый передатчик, который работал на частоте 481,8 метра. Передачи организовывались сотрудниками радиокомитета СССР. НКВД обеспечивал доставку и контроль выступлений в эфире пленных генералов, офицеров и солдат вермахта, постоянные проповеди двух пленных военных священников, а также выступления представителей групп, входивших в движение "Свободная Германия". Основу содержания передач радиостанции составляла информация о положении на фронтах, сведения о ситуации в тылу третьего рейха и выступления военнопленных.

Для привлечения внимания к передачам этой радиостанции ГлавПУРККА несколько раз выпускал листовки от имени НКСГ с объявлением частот и времени выхода радиостанции в эфир. Такие листовки были изданы 13 октября (НКСГ № 41), 12 ноября 1943 года, а также 19 февраля 1944 года (НКСГ № 104).

Передачи радиостанции НКСГ вызвали болезненную реакцию руководства третьего рейха. Германское верховное командование (ОКВ) опровергало содержание этих передач. Так, ОКВ официально объявил убитым дивизионного священника 76-й пехотной дивизии Иосифа Кайзера. Информация имела цель заставить радиослушателей сомневаться в подлинности регулярных проповедей по радио этого человека. Сдавшийся 15 января 1943 года в плен под Сталинградом И.Кайзер в своих радиообращениях стал дискредитировать информацию ОКВ о своей мнимой смерти. Одновременно 23 ноября 1943 года выпустили листовку НКСГ (№ 62), разоблачавшую ложь ОКВ. Передачи радиостанции НКСГ и листовки этой организации привели к тому, что в октябре 1943 года ОКВ было вынуждено издать специальный бюллетень "Сообщения для офицерского корпуса". В нем объявляли "фальшивкой" передачи и листовки от имени немецких генералов и офицеров. Это еще больше дискредитировало официальную пропаганду третьего рейха. В ответ московские пропагандисты и члены НКСГ провели по радио кампанию с разоблачением ложных сведений ОКВ,

Радиопередачи на постоянных частотах эпизодически дополнялись пропагандой на частотах станций связи в вермахте. Инициатором такой пропаганды являлись офицеры Северо-Западного фронта. В первый раз 1 мая 1942 года они при помощи войсковой радиостанции в течение 15 минут передавали сводку о положении на фронте на частоте связи в 11-м армейском корпусе вермахта. Пропаганда на частотах станций связи противника не стала крупномасштабной. Причиной было то, что в вермахте все связи в звене дивизия-корпус-группа армий велись при помощи передач кодовых групп цифр. Радиостанции были оборудованы аппаратурой автоматического засекречивания "Энигма". Тем не менее, по приказу ГлавПУРККА офицеры половины армейских отделений по работе среди войск противника (всего было 70 армий) передавали на частотах связи врага сообщения через 37 войсковых радиостанций. Каждые сутки в среднем передавалось 47 передач. Это означало, что ежедневно каждая радиостанция выходила в эфир более одного раза. Общее количество передач за 1943-45 год превысило 35 тысяч. Однако отсутствуют сведения о том, слушали ли эти передачи радисты противника. По оценке, количество слушателей не могло быть велико.

Этому препятствовала строгая дисциплина радиообмена в вермахте, контроль дежурных офицеров и службы безопасности. При вещании нашей радиостанции на частоте противника его радисты переходили на запасные и резервные частоты. Подтверждение о приеме передачи за время войны получали всего несколько раз. Это удалось сделать на Северо-Западном фронте, а также в январе 1944 года при вещании на окруженную группировку войск в районе Корсунь-Шевченковский.

Кроме радиопропаганды для выполнения агитационных задач на линии фронта использовали пленных. В 1943-1945 годах это делали двумя различными способами: кратковременно привлекали только что захваченных солдат для ведения пропаганды и много месяцев использовали перебежчиков для помощи в пропаганде. При кратковременном использовании пленный выступал через звуковещательную станцию, писал письмо родным. При возможности его посылали в свое подразделение агитировать сдаваться в плен. Наибольшие результаты засылка пленных через линию фронта приносила в наступлении и при окружении противника. По результатам засылки военнопленных на восьми фронтах: Донском, Западном, Юго-Западном, 1-м, 2-м и 3-м Белорусском, 2-м и 3-м Украинском фронте из 12027 засланных с агитационными целями часть возвратилась, приведя с собой в плен 68027 солдат противника. В результате засылки число дополнительно сдавшихся превысило количество людей в шести пехотных дивизиях вермахта. Результативной оказывалась засылка военнопленных в окруженные части с низким уровнем боевого духа, где военнослужащие понимали обреченность своего положения. Например, в Берлинской операции 1-го Белорусского фронта за семнадцать суток в части противника было заслано 2532 пленных и 2432 местных жителя, которые привели с собой около 15 тысяч немецких военнослужащих.

Командование вермахта предпринимало меры для нейтрализации этого способа воздействия. Согласно приказу, командир подразделения обязан был сдать отсутствовавшего без уважительной причины 6 часов военнослужащего для проведения дознания органам полевой жандармерии. Эта мера была предпринята для нейтрализации засланных и предотвращения их влияния на солдат. Учитывая меры противодействия врага, командование 2-го Белорусского фронта в 1945 году издало приказ, разрешавший всем офицерам от командира

взвода и выше самостоятельно отпускать военнопленного в тыл противника, не дожидаясь разрешения вышестоящего командования. Это решение обеспечивало быстроту засылки, содействовало более высоким результатам такого способа воздействия на противника.

При засылке военнопленному давалась отпечатанная типографским способом справка на русском языке о том, что он выполняет задание советского командования. Ему указывалось место на переднем крае, где солдаты были информированы о переходе одного или группы перебежчиков. На справке и на нескольких отрывных талонах пропуска добровольно сдающимся в плен проставляли одинаковый номер. Это облегчало учет количества солдат, которых привел с собой засылавшийся. Засылавшиеся в плен с агитационными целями не только приводили с собой солдат противника, но и выполняли другие задания. Часто засылали "почтальонов"- военнопленных, соглашавшихся тайно опустить письма пленных родным в ящики полевой почты вермахта. Такие "почтальоны" часто несли с собой листовки и газеты на иностранных языках, изданные советскими войсками. Так, засланные в подразделения вермахта пленные на 3-м Белорусском фронте перенесли с собой 200 тысяч листовок.

Долговременное использование пленных в агитационных целях начиналось после их обучения в лагерях НКВД. Оперативно-чекистские отделы лагерей проверяли пленных и направляли лояльных в антифашистские школы. Окончивших курс обучения и хорошо себя зарекомендовавших пленных НКВД направляло в действующую армию. Так, с июня 1943 года до 1 сентября 1944 года в распоряжение армейских политработников было передано 145 военнопленных для использования в качестве агитаторов. Среди них было 109 немцев, 21 венгр, 15 румынов. К январю 1945 года в действующей армии помогали вести пропаганду на врага более 2 тысяч пленных, являвшихся членами НКСГ. Во второй половине 1943 года с использованием военнопленных немцев и членов НКСГ было проведено 10157 передач звуковещательных станций. В 1943 году из изданных ГлавПУРКА и фронтами 849257 тысяч листовок примерно 20% составляли листовки, составленные от имени и при участии военнопленных.

После поступления в лагеря большого числа пленных из сталинградского окружения до лета 1943 года велась трудная работа по сплочению людей, критически настроенных к гитлеровскому режиму. Оперативно-чекистским отделам НКВД в лагерях удалось из активистов создать несколько демократических организаций: "Румынский национальный блок", "Венгерский национальный комитет", итальянский "Союз гарибальдийцев" и Национальный комитет "Свободная Германия". Несколько позже в сентябре был создан "Союз немецких офицеров", который вошел в НКСГ. Подготовку активистов проводили на трехмесячных курсах в центральных антифашистских школах - "спецобъектах" НКВД № 40,41,42 в Оранском, Южском и Красногорском лагерях. За 1942-1946 годы эти школы подготовили девять выпусков курсантов общей численностью 12441 человек.

Наиболее лояльные военнопленные-выпускники антифашистских школ составили костяк пропагандистов, который позволил выполнить на фронтах задачу "вести пропаганду голосом немцев". Пленным-активистам разрешили в военных типографиях издавать свои пропагандистские материалы. За 1943-45 годы НКСГ только в Москве издал 120 наименований листовок и 85 номеров газет общим тиражом 85,844 млн. экземпляров. Несколько миллионов экземпляров листовок выпустили за это время представители НКСГ на фронтах и в армиях. Привлечение лояльных военнопленных к ведению пропаганды позволило придать ей остроту, повысить авторитет изданий. Особый эффект оказывали те воззвания, которые писались военнопленными генералами. Нацистская пропаганда подвергла нападкам листовку-обращение 30 генералов во главе с бывшим командующим 6-й немецкой армии Паулюсом, которая критиковала политику руководства третьего рейха.

После создания в лагерях демократических организаций пленных началось формирование национальных боевых частей, сражавшихся на стороне Красной Армии против войск стран гитлеровской коалиции. В результате целенаправленной пропаганды в лагерях 18 тысяч военнопленных-румын в 1943 году написали заявление о желании вступить в формируемое румынское соединение. В начале была сформирована одна дивизия имени Тудора Дмитриеску штатной численностью 9,5 тысячи человек, а в апреле

1945 года - вторая дивизия. Пропагандистская работа среди военнопленных позволила также создать другие национальные формирования из пленных польской и венгерской национальности. К марту 1942 года из польских пленных было создано 6 пехотных дивизий армии Андерса численностью 75,4 тыс. человек, которые переправили через Иран в Европу. К маю 1943 года была сформирована польская пехотная дивизия численностью 15,5 тысяч человек, которая вела боевые действия вместе с Красной Армией.

Пропагандистскую работу в лагерях по стимулированию вступления военнопленных в боевые части, сражавшиеся на стороне Красной Армии, вели пленные, подготовленные в антифашистских школах на трехмесячных и одномесячных курсах. Общее количество подготовленных в таких школах военнопленных превысило за 1942-48 годы 39,6 тысячи человек. Среди них было 24988 немцев, 13518 японцев, 376 венгров, 318 румынов, 649 австрийцев. Выпускники антифашистских школ вели в лагерях военнопленных информационно-пропагандистскую работу, проводили митинги и собрания, читали лекции, организовывали занятия в кружках, вели диспуты, руководили лагерными оркестрами, хорами и капеллами, любительскими театральными труппами проводили шахматные, шашечные турниры.

Наряду с использованием военнопленных для ведения пропаганды как врага применялась наглядная агитация. Во время войны наглядная агитация на переднем крае велась на тех фронтах, которые длительное время имели стабильную линию обороны. В 1942 году наиболее интенсивно щиты с плакатами и рисунками устанавливали на Карельском фронте. В завершающем периоде войны наглядную агитацию вели эпизодически. В наступлении было трудно найти листы фанеры или материи для лозунгов и плакатов. Например, за всю войну в соединениях 3-й армии был подготовлен 41 плакат и рисунок. Из этого числа 39 было изготовлено в 1942 году. За 1944 год было сделано только два плаката, когда в марте армия была в обороне. Кроме изготовления плакатов и рисунков при боях в городе лозунги и призывы к сдаче в плен писались белой известью или краской на стенах домов. Такой способ применялся в основном при длительном сопротивлении окруженных гарнизонов противника в Сталинграде и Будапеште.

Таким образом, основными способами воздействия на сознание и психику врага наряду с наглядной агитацией являлись: печатная пропаганда, звукопропаганда, радиопропаганда, использование военнопленных для выполнения пропагандистских задач и другие способы. Эффективность пропаганды на противника зависела от многих факторов. Первым показателем результативности влияния пропаганды на врага являлось издание приказов противника о противодействии советской пропаганде. В них анализировалось содержание пропагандистского воздействия, давались рекомендации по способам нейтрализации такого воздействия. В румынской армии и дивизиях приказ "о чрезвычайной вредности большевистской пропаганды" был издан уже 14 июля 1941 года. Первый приказ вермахта против советской пропаганды был издан 10 декабря 1941 года после отступления под Москвой.

Другим показателем результативности пропаганды на врага явилось применение в странах противника законов, преследовавших за чтение листовок, прослушивание радиопередач иностранных радиостанций, за распространение информации из советских источников. Так, в румынской армии военнослужащие приговаривались к тюремному заключению за чтение и хранение советских листовок с июля 1941 года, в вермахте - с января 1942 года, а в финской армии - с февраля 1942 года.

Показателем результативности влияния пропаганды на врага стало создание во всех подразделениях германской действующей армии специальных групп для сбора и уничтожения листовок, привлечение гражданского населения для сбора листовок СССР. Так, в октябре 1941 года на Южном фронте в районах боевых действий 18-й армии РККА немцы платили местным детям по 10 копеек за каждую сданную листовку. Эффективность пропаганды на противника проявилась также и в появлении специальных исследовательских работ, в которых командному составу вражеской армии сообщались выводы о содержании пропаганды противника, анализировались ее сильные стороны, указывались слабые в уязвимые моменты пропагандистского воздействия. Примером подобного документа является приказ штаба 2-й немецкой армии 3-ноября 1942 года, в котором было проанализировано содержание более чем 1,3 тысячи наименований листовок, найденных в полосе

армии за 9 месяцев. В документе проводилась классификация листовок, указывался "особо опасный способ подрыва морального состояния фронта и тыла третьего рейха" - пересылка по почте листовок-писем пленных родным в Германию. Документ указывал, что "советская пропаганда работает, как истинно массовая пропаганда метким словом и целыми народными выражениями на широчайшей базе". В приказе делался вывод о широком влиянии советской пропаганды, приводя пословицу: "Кто много приносит, каждому что-либо принесет".

Результат пропагандистского воздействия трудно выразить в конкретных цифрах, однако одним из показателей является увеличение количества сдавшихся в плен относительно количества погибших. Разумеется, этот показатель нельзя рассматривать как прямой результат пропагандистского воздействия, но и отрицать это воздействие на противника нет никаких оснований. Результативность пропаганды с призывами сдачи в плен увеличивалась по мере приближения линии фронта к столице третьего рейха. По итогам боевых действий 2-го Белорусского фронта соотношение безвозвратных потерь противника к пленным в Белорусской операции было 6,2:1, в Восточно-Прусской - 6,5:1, в Восточно-Померанской операции это соотношение сократилось до 4,5:1, а в последней Западно-Померанской операции в 1945 году еще более понизилось до 1,5:1. Все большее количество военнослужащих противника следовали призывам советской пропаганды и сдавались в плен.

Особенно явно результаты пропаганды плена наблюдались при ведении пропаганды на окруженные группировки врага. Так, в Яско-Кишиневском окружении и в окруженном гарнизоне города Будапешта соотношение погибших и пленных было примерно 3:1. Весной 1945 года при окружении Хейльсбергской группировки этот показатель составил 1,7:1.

В наступательных операциях 1944-1945 годов интенсивно велись звукопередачи с призывами сдаваться, в подразделения врага засылались военнопленные с задачей агитации за сдачу в плен, позиции подразделений противника залистовывались пропусками для сдачи в плен и удостоверениями добровольно сдавшихся. Эта пропаганда давала значительный эффект. Так, на 2-м Белорусском

фронте в 65-й армии из более чем 1600 сдавшихся в Восточно-Померанской операции 1,3 тысячи человек (81,2 %) имели при себе листовки и удостоверения добровольно сдающегося в плен. Показателем результативности пропаганды являлось и то, что значительная часть военнослужащих противника сдавалась в плен без оказания сопротивления добровольно. По результатам боевых действий 1-го Белорусского фронта без сопротивления добровольно в плен сдалось более 75 тысяч человек, а на 2-м Белорусском фронте - 157,3 тысячи человек.

На принятие солдатами вермахта решения о сдаче в плен пропаганда оказывала большое влияние. Например, при ликвидации окруженной Данцигско-Гдынской группировки противника пропагандисты использовали 41 звукостанцию и 4896 раз обращались к окруженным с призывом к сдаче в плен. В результате этого более 14 тысяч военнослужащих противника сдались добровольно. Результативна была пропаганда и на союзные вермахту армии. Например, после засылки 232 венгерских солдат в окруженный гарнизон города Будапешта они привели с собой в плен 6208 венгерских военнослужащих.

Эффект подрывной пропаганды находился в прямой зависимости от успехов войск. Чем больше было побед, тем более эффективной была пропаганда на противника. Опыт 1941-1942 годов показал, что политическая пропаганда с попытками дискредитации руководителей третьего рейха и с призывами к восстанию не оказывала влияния на противника. Наиболее эффективной являлась пропаганда письмами с призывами к сохранению жизни и к сдаче в плен. Пропаганда с использованием пленных и засылка военнопленных в тыл противника с задачей агитации за сдачу в плен являлась более результативной в сравнении с пропагандой от имени командования Красной Армии. Солдаты врага больше верили военнопленным, воспринимали их как "своих". При этом информации не нужно было преодолевать в сознании солдат противника установку на недоверие и ломать стереотип о "лживости вражеской пропаганды".

В целом пропагандистское воздействие на немцев в 1941-1942 годах оказалось безрезультатным в связи с высоким боевым духом солдат из-за многочисленных побед вермахта. В этот период

наибольшего эффекта достигла пропаганда на население оккупированных районов СССР и на румынских военнослужащих. В 1944-1945 годах наивысшего эффекта пропаганды удалось добиться при оказании воздействия на союзников немцев - румын, на окруженные группировки противника, а также при ведении пропаганды в последние месяцы войны на призывавшихся в вермахт резервистов старших возрастов, понимавших, что участь третьего рейха уже предрешена.

Анализ содержания листовочной пропаганды различных периодов войны показал две закономерности. Во-первых, чем меньше было успехов у войск РККА на фронте, тем больше в листовках содержалось попыток устрашить противника угрозой гибели, ранения, помощью союзников, тем больше было попыток дискредитации руководящих деятелей государства противника. Во-вторых, чем больше было побед РККА, тем большее место занимало описание хороших условий плена, тем больше было призывов к сдаче в плен.

Пропаганда на население зарубежных государств

Военные подразделения стали вести пропаганду на население зарубежных стран 25 августа 1941 года, когда в северные провинции Ирана была введена 346-тысячная группировка войск СССР в составе 44 А, 47 А, 53 Особой среднеазиатской армии (ОСАА). Одновременно английские войска заняли южные провинции Ирана. В советской зоне оккупации пропагандистская работа с жителями продолжалась до декабря 1941 года. Затем в этой деятельности наступил перерыв, а с марта 1942 года ГлавПУРККА запретило военнослужащим всякие контакты с жителями Ирана. Пропагандистское воздействие иранцев возобновилось лишь в 1943 году и велось до мая 1946 года.

При подготовке к вводу войск с 12 августа 1941 года призвали на военную службу сотрудников редакций газет ЗакВО на персидском, французском, азербайджанском языках и редакции газеты САВО на персидском языке. В Баку и Ташкент доставили 4,5 млн. листовок из Москвы с текстом заявления правительства СССР и матрицами текстов этих листовок. При вступлении войск на территорию Ирана

до сентября 1941 года распространили 24,017 млн. листовок на персидском, армянском, азербайджанском и французском языках. Из этого количества 17,46 млн. экземпляров были разбросаны с самолетов, а остальные раскиданы с машин вдоль маршрутов ввода войск. Огромные тиражи листовок распространялись в Иране без учета того, что 95 % населения страны были неграмотными.

Уже в начале сентября 1941 года после занятия войсками отведенных для них районов две редакции газет Закавказского фронта были возвращены обратно в Баку. В Тавризе осталась работать только редакция газеты на азербайджанском языке. Газета САВО на персидском языке выпускалась в Ашхабаде и пересылалась в Иран самолетами. Большое удаление редакции от мест распространения газеты привело к тому, что в Мешхед газеты и листовки доставлялись через 5-6 суток, а в другие города северного Ирана - через 7-10 суток после их издания.

В сентябре 1941 года военные подразделения пропаганды на население Ирана насчитывали 89 человек, но к январю 1942 года были сокращены до 7 человек. На начальном этапе оккупации в политуправлениях САВО и Закавказского фронта было 18 офицеров двух отделов по работе среди войск противника, 50 сотрудников редакций газет, 15 офицеров трех армейских отделений по работе среди войск противника и в политотделах дивизий - 6 старших инструкторов. В этих пропагандистских подразделениях, входивших в состав политических отделов войск, 19 должностей остались вакантными из-за отсутствия членов ВКП(б) со знанием персидского языка. Из общего числа офицеров-пропагандистов лишь 12 человек знали персидский язык. Среди призванных из запаса офицеров многие являлись этническими азербайджанцами, армянами и таджиками, которые говорили на языках национальных меньшинств и коренного населения Ирана.

В 1941 году в северных провинциях Ирана издавали газеты, листовки, проводили агитационные рейды по населенным пунктам. До декабря 1941 года тиражировали газету на персидском языке "Мысли народа". За три месяца редакция выпустила 37 номеров газеты тиражом 370 тыс. экземпляров, а также 200 тысяч листовок для населения. Офицеры 53-й ОСАА в октябре провели агитационный

рейд по нескольким городам Северо-Восточного Ирана. Во время рейда они вели беседы с жителями, организовали выступления прибывших из Туркмении музыкантов. После этого работа с жителями была прекращена, так как с декабря 1941 года по март 1942 года 44 А, 47 А и один корпус из состава 53 ОСАА были возвращены в СССР на переформирование, а затем направлены на фронты войны против Германии. В северной части Ирана остались гарнизоны, где несли службу не более 10 тысяч военнослужащих, охранявших маршрут перевозок товаров от союзников в рамках поставок по "лендлизу". Лишь четыре офицера-пропагандиста в политотделах двух дивизий и в политотделе одного корпуса продолжали вести работу среди иранского населения. Им помогала группа из трех офицеров политуправления Закавказского фронта, направленная в долгосрочную командировку в Иран.

Главными объектами пропаганды на территории Ирана являлись национальные меньшинства: курды, азербайджанцы, армяне и айсоры. Много внимания уделялось работе с курдами, которых в стране насчитывалось до 3 миллионов человек. Уже в первые дни после ввода войск военная администрация СССР не стала вмешиваться, когда курды обезоружили иранские войска, жандармерию, захватили склады оружия и боеприпасов и создали в районе с центром в г. Мехабاده свои военные формирования. После этого курды перестали выплачивать налоги иранскому правительству. На просьбу Тегерана разрешить ввести в этот район иранские войска правительство СССР 1 декабря 1941 года ответило отказом. Военная администрация СССР поддерживала курдов, которые в населенных пунктах сформировали органы местной администрации, полицию, вооруженные силы. В 1942 году курды создали партию "Жекаф" (Жизнь Курдистана), а в конце 1945 года провозгласили создание независимой курдской области с центром в г. Мехабاده.

В течение всего времени пребывания оккупационных войск СССР в Иране офицеры отдела Закавказского фронта по работе среди войск и населения противника нелегально вели пропаганду среди курдов, собирали и анализировали информацию по курдской проблеме. В г. Мехабاده они встречались для инструктажа с руководством новой курдской администрации, а также с представителями нелегальных курдских организаций стран Среднего Востока. Так, в августе 1942

года капитан О.Вильчевский инструктировал в г. Мехабаде члена нелегальной курдской группы в иракской армии, который тайно перешел границу и предложил командованию Красной Армии посылать из Ирака курдских добровольцев в СССР для участия в войне против Германии.

По указанию ГлавПУРККА военная администрация СССР в Иране предоставила курдам-коммунистам типографское оборудование, и с 1942 года они нелегально печатали брошюры, журнал и листовки. Содержание листовок имело антииракскую направленность. Например, 2 октября 1944 года в текстах листовок содержался призыв свергнуть руководство Ирана и удовлетворить просьбу СССР о предоставлении ему нефтяной концессии в Северном Иране. С осени 1944 года в листовках и журнале агитировали за создание курдской национальной автономии.

Оккупационная администрация СССР на территории Иранского Азербайджана также интенсивно работала с национальными меньшинствами - этническими азербайджанцами. В 1941 году офицеры 6-го отдела политуправления Закавказского фронта в первые месяцы после ввода войск выполняли обязанности военных комендантов в населенных азербайджанцами городах Хой, Резайе, Тавриз. Они помогали создавать органы местного самоуправления, администрацию городов. Пропаганда на азербайджанское население началась с сентября 1941 года, когда "группа товарища Алиева" стала издавать в г. Тавризе газету "За родину" на азербайджанском языке тиражом 5 тысяч экземпляров. Газету издавали до декабря 1941 года, когда ее редакция была выведена из Ирана в СССР вместе с частями 44-й и 47-й армии.

В 1942-1943 годах воздействие на азербайджанское население велось в основном при помощи поддержки нелегальной коммунистической партии Иранского Азербайджана, подпольно издававшей журналы и газеты. Кроме того, в г. Казвине офицеры отделения по работе среди населения постоянно дежурили в комендатуре города для бесед с жителями. Пропаганда усилилась, когда с 10 апреля 1944 года стали издавать газету на азербайджанском языке "За родину". Она выпускалась в качестве официального органа советских войск и предназначалась "для красноармейцев". Если в

1944 году тираж газеты составлял 5 тысяч экземпляров, то в 1946 году он возрос до 15 тысяч. В воскресные дни газету печатали тиражом до 20 тысяч экземпляров. В сельских районах Ирана около тысячи лояльных Красной Армии азербайджанцев читали вслух для неграмотных газетный текст.

В 1944 году в гарнизоны Красной Армии было дано указание ежемесячно проводить бесплатно 6-7 киносеансов для местных жителей. В 1945 году после дополнительного ввода в Иран одной армии в Тавризе отделению по работе среди населения выделили десять передвижных киноустановок. По указанию из Москвы кинофильмы на азербайджанском языке стали показывать в сельской местности. Демонстрация фильмов вызывала большой интерес населения. Например, показ фильма "Крестьянка " на азербайджанском языке собирал до трех тысяч человек.

В 1944 году комендатуры городов Иранского Азербайджана в городах Хой, Тавриз, Казвин, Резайе получили радиотрансляционное оборудование. Это позволило транслировать радиопередачи из Баку на азербайджанском языке через громкоговорители военных комендатур. В том же году знавшие азербайджанский язык, офицеры отдела по работе среди войск и населения противника политуправления Закавказского фронта на длительное время были командированы в Тавризский дом культуры временных оккупационных сил (ВОКС). Они агитировали жителей и помогали издавать газету "За родину". С осени 1945 года пропаганда на азербайджанцев усилилась. В г. Казвин стала работать специальная группа центрального комитета компартии Азербайджана. В населенных пунктах и доме культуры ВОКС в Тавризе во взаимодействии с войсковыми политработниками она организовывала показы кинофильмов на азербайджанском языке.

По указанию военного совета Закавказского фронта в марте 1945 года на должности комендантов в города Иранского Азербайджана назначили азербайджанцев из СССР. Для подготовки комендантов создали месячные курсы. С 15 мая людей и средства на работу курсов выделяли за счет штата офицерского полка резерва фронта. Десять кандидатов для замещения должностей комендантов изучили опыт Красной Армии по работе среди населения (14 часов), опыт

пропаганды Англии и США (4 часа), основы разведки (4 часа), русский язык (90 часов) и другие дисциплины. Военные коменданты работали с жителями Иранского Азербайджана, руководствуясь политической директивой содействовать появлению в этой провинции Ирана автономной области. Итогом работы военной администрации с азербайджанским населением стало вооруженное выступление азербайджанцев и курдов в г. Резайе, в результате которого 3-я иранская пехотная дивизия была разгромлена и в декабре 1945 года создано правительство "демократического Азербайджана". Весной 1946 года перед выводом оккупационных войск в СССР из Ирана советская военная администрация передала руководству азербайджанской и курдской автономных областей две типографии и две облегченные звукостанции ОГУ, используемые для ведения антииранской пропаганды.

Одновременно с воздействием на национальные меньшинства вели пропаганду на персов. Однако они реагировали на нее не так, как национальные меньшинства этой страны. Персы относились к войскам СССР враждебно. Исламское духовенство в своих интересах манипулировало сознанием неграмотных людей, составлявших в сельских районах 95-98 % населения. Муллы запугивали жителей русскими. Они распространяли слухи о том, что "СССР разрушит основы мусульманской религии, присоединит к себе провинции Северного Ирана", что "Красная Армия заставит население принять христианство и перейти в коммунизм, уничтожит мечети и священные места мусульман". Для возбуждения презрения к солдатам муллы говорили, что "Красная Армия - самая дикая и недисциплинированная армия в мире, хочет превратить иранский народ в своих рабов". Наряду с религиозной пропагандой антирусскую направленность имело также содержание большинства иранских газет и журналов.

В такой обстановке по директиве ГлавПУРККА от 12 декабря 1942 года после годового перерыва оккупационные войска начали издавать газету на персидском языке "Друг Ирана", редакция которой размещалась в г. Горгане при штабе стрелкового корпуса. Первый номер газеты был выпущен 29 января 1943 года. Очередной номер выпускали раз в неделю тиражом до 5 тысяч экземпляров, а общий тираж за 1943 год составил 230,7 тысячи экземпляров. Наряду с этой

газетой офицеры оперативной группы Среднеазиатского военного округа при генконсульстве СССР в г. Хорасан 2-3 раза в неделю издавали малоформатную газету "Туг" тиражом до 500 экземпляров.

Содержание газет почти не затрагивало иранскую тематику, в основном посвящалось "пропаганде правды о Советском Союзе". Это не соответствовало интересам иранских читателей. Усугубляло положение то, что сотрудники газеты "Друг Ирана" не имели опыта журналистской работы, плохо знали язык фарси, штат не был укомплектован, отсутствовала валюта для обеспечения нужд редакции. Тираж газет на персидском языке не превысил 1 млн. экземпляров (10 % от общего количества 10,92 млн. экз. изданных в Иране газет). Среди местной интеллигенции газеты не пользовались авторитетом. Подавляющее большинство изданий в 1941-1946 годах было выпущено на азербайджанском языке.

Главным способом воздействия на жителей Ирана с 1944 года стала пропаганда действием: оказание бесплатной медицинской помощи и проведение бесплатных показов кинофильмов. С апреля 1944 года начали работать медицинские пункты для жителей в городах Мешхед, Казвин, Решт, Горган, Тавриз, Маку, Шахпур. В военных госпиталях оккупационных войск в Казвине, Тавризе и Шахпуре также принимали жителей на лечение. Общее количество бесплатно получивших медицинскую помощь составило в 1944 году 12 тысяч человек, в 1945 - 28 тысяч и за четыре месяца 1946 года - 13 тысяч человек.

Наряду с бесплатным лечением населения одним из способов пропаганды был бесплатный показ художественных фильмов. В 1944 году для этого в Иран направили 43 передвижные киноустановки. Они провели за год 1178 киносеансов для 617 тысяч жителей. С конца 1944 года населению стали показывать дублированные на таджикский язык (дари) фильмы "Чапаев", "Ленин в октябре", "Ленинград в борьбе", "Сын Таджикистана", "Приказ № 70 товарища Сталина". В некоторых случаях кинофильмы показывали не только для населения. Так, фильм "Чапаев" демонстрировали и для частей иранской армии.

Устная пропаганда в Иране велась мало. В дивизиях старшие инструкторы по работе среди населения в основном использовались, как переводчики военной администрации. Среди иранцев оказалось

мало людей, которые сами были заинтересованы в разговорах с офицерами Красной Армии. Кроме того, офицеров-пропагандистов было мало, поэтому они не могли общаться с большим количеством людей.

Эффективность пропагандистского воздействия на персов была ниже, чем на другие этнические группы Северного Ирана. Причиной этого было, во-первых, крайне враждебное и настороженное отношение жителей к советским войскам и их пропаганде, которую воспринимали с недоверием. На возможность работы с персами неблагоприятно влияла антирусская пропаганда мусульманского духовенства, которая усилилась с конца 1944 года. Во-вторых, низкий профессиональный уровень пропагандистов не позволял им работать эффективно. Многие пропагандисты были этническими таджиками, которые могли понимать только разговорную речь иранцев. Они не имели опыта пропагандистской работы, плохо знали письменность языка фарси. Из-за низкого культурного уровня такие офицеры-пропагандисты не пользовались авторитетом среди городских жителей Ирана.

В-третьих, руководство в Москве уделяло пропаганде в Иране недостаточно внимания. Для этого выделялось мало денег и специалистов. У военных пропагандистов в Иране, подчинявшихся двум разным военным округам, отсутствовал единый центр координации пропаганды. В связи с этим офицеры-пропагандисты Закавказского фронта и САВО работали автономно, не зная того, чем занимаются соседи. Офицеры в дивизиях зачастую не получали указаний о содержании пропаганды и были предоставлены сами себе. Эти факторы не позволили воспитать среди персов значительного числа доброжелателей, лояльно относившихся к войскам СССР. Персидская интеллигенция шла на контакт с представителями советской военной администрации неохотно. Военным пропагандистам в Иране помогали около 500 персов, тогда как среди азербайджанцев помощников было в два раза больше - примерно 1000 человек.

В 1945-1946 годах одновременно с работой в Иране военные пропагандисты действовали на Дальнем Востоке. Там после разгрома миллионной Квантунской армии, состоявшей примерно из 700 тысяч

японских и 300 тысяч китайских войск государства Маньчжоу Го, с сентября 1945 до мая 1946 года работа велась среди жителей Северо-Восточного Китая, Кореи и японцев южной части острова Сахалин. С 16 сентября 1945 года редакции газет при политических управлениях 1-го, 2-го Дальневосточного и Забайкальского фронтов по указанию Главного политуправления Советской Армии (ГлавПУ СА) для населения издавали ежедневные информационные листовки на китайском и корейском языке, в которых помещались сообщения советской прессы о важнейших событиях в СССР, Китае, других зарубежных странах.

Общий тираж выпущенных листовок на китайском языке составил 21,081 млн. экземпляров, а на корейском - 2,359 млн. экземпляров. Печатная пропаганда на китайском языке также велась, при помощи издания газеты "Шихуа бао" в г. Далянь (провинция Ляонин), редакция которой подчинялась Приморскому военному округу. В г. Чаньчунь (провинция Цзилинь) на монгольском языке издавалась газета "Чонгол арат", редакция которой состояла при политуправлении Забайкальско-Амурского военного округа. В Корее издавалась газета "Нодом симун". На южном Сахалине для репатриировавшегося японского населения издавали газету "Синсэмэй".

С 15 сентября 1945 года было организовано вещание радиостанций городов Харбин (Китай) и Чосон (Корея) по программам, составленным советскими офицерами-политработниками. В передачи включали тексты официальных документов Правительства СССР, международную и внутреннюю информацию ТАСС, статьи и очерки из центральных московских газет, музыку композиторов СССР.

Работу среди 40 миллионов жителей провинций Северо-Восточного Китая, а также в Корее и на Южном Сахалине вели 365 человек. В их составе было 27 офицеров фронтовых отделов по работе среди войск противника, 100 сотрудников редакций четырех газет, 72 офицера двенадцати армейских отделений по работе среди войск противника, 131 старший инструктор политотделов дивизий, 5 офицеров отдела по работе среди войск и населения противника Тихоокеанского флота и три офицера отделения Амурской флотилии.

Лишь незначительная часть офицеров владели китайским и японским языками из-за того, что в 1941-1945 годах основное внимание в СССР уделялось изучению немецкого языка. Кроме того, имелась объективная трудность обучению сложной иероглифике восточных языков, которую не всякий человек мог освоить. Из 365 офицеров владели иностранными языками примерно 20 %, в том числе японский язык знали 35 человек, китайский - 27, корейский - 12 офицеров.

Большинство офицеров знали разговорный язык слабо. Они писали иероглифы с большими затруднениями. По этой причине задачи по ведению бесед, выступлению на митингах, составлению и переводу текстов статей газет и радиопередач осуществляли этнические китайцы и корейцы. Их подбирали из числа членов антияпонских, коммунистических организаций в Маньчжурии и Корее. Руководили деятельностью китайских и корейских активистов люди, которые в течение 1943-1945. годов проходили обучение в СССР на Дальнем Востоке в особом батальоне. Одним из таких руководителей был будущий вождь народа Корейской Народно-Демократической Республики Ким Ир Сен, который в то время имел воинское звание капитана Красной Армии.

Офицерам 92 советских комендатур в населенных пунктах Маньчжурии помогали члены "Общества советско-китайской дружбы", "Союза демократической молодежи", "Демократической лиги женщин", профсоюзов. Основные задачи по ведению пропаганды среди населения с конца 1945 года стало выполнять общество советско-китайской дружбы. Советское военное командование передало ему трофейную японскую технику из типографий. Этому обществу выделили в городах здания, залы и даже театр для демонстрации фильмов из СССР и постановки спектаклей советских авторов.

Работа военных пропагандистов в Маньчжурии шла в благоприятной обстановке только в первые месяцы после освобождения от японцев. Население было настроено к русским войскам доброжелательно. Но уже с конца февраля и в марте 1946 года в крупных городах Чанчунь, Харбин проводились многотысячные митинги и демонстрации под антирусскими

лозунгами. В городах стали действовать "отряды народной самообороны", мешавшие работе советской военной администрации. В период с сентября 1945 до весны 1946 года, когда войска СССР были выведены на родину, пропагандистское воздействие на китайцев было малоэффективным. Среди главных причин подобного положения были: малое количество офицеров со знанием китайского языка, плохая языковая подготовка офицеров-пропагандистов, небольшой тираж издававшихся материалов, краткое время ведения пропаганды, неэффективность печатной пропаганды из-за почти полной неграмотности китайского населения. В связи с этим в основном требовалось вести устную пропаганду, однако для этого среди офицеров было мало людей, хорошо знавших разговорный китайский язык.

Условия и способы работы с населением в странах Восточной Европы значительно отличались от работы с жителями стран Дальнего Востока вследствие того, что в Венгрии, Польше, Германии в 1944-1945 годах работа с жителями велась в непосредственной близости от линии фронта. Во время боевых действий офицеры-пропагандисты использовали местных жителей для побуждения солдат противника к прекращению сопротивления. Имелись многочисленные случаи засылки жителей в тыл противника с агитационными задачами. Например, в Берлинской операции вместе с пленными в части вермахта были засланы 2365 местных жителей, которые привели через линию фронта более 15 тысяч добровольно сдававшихся в плен солдат.

В связи с тем, что немцы нередко убивали парламентаров, для передачи противнику ультиматумов советского командования засылали местных жителей. Например, 2 мая 1945 года офицеры политотдела 90 сд заслали на о. Рюген группу из трех немцев-парламентаров с ультиматумом. В их составе были священник и врач, чтобы противник не расстрелял засланных как «предателей народа». Часто офицеры-политработники привлекали местных жителей для написания обращений к солдатам с призывом прекращать сопротивление и сдаваться в плен. Так, политотдел 3-й армии за февраль-апрель 1945 года издал 16 листовок с обращениями женщин, врачей, священников, других жителей населенных пунктов с

призывами к ополченцам частей «фолькштурма» прекратить боевые действия.

Военное командование вело "пропаганду действиями". Для преодоления в сознании зарубежного населения враждебных стереотипов жителей снабжали продуктами, перед ними выступали артисты, самодеятельные ансамбли. Так, в апреле 1945 года после освобождения Вены по приказу военного совета фронта повара подразделений несколько дней варили на улицах суп и кормили им горожан. По постановлению военного совета 1 Белорусского фронта № 080 от 31 мая 1945 года была организована выдача молока для детей Берлина. Распространенным явлением были выступления концертных бригад в населенных пунктах. Например, в течение декабря 1944 и января 1945 года в городах освобожденных стран Восточной Европы выступали 74 агитационные бригады, которые более чем тысячу раз давали концерты после митингов, организовали 86 киносеансов советских фильмов. Концерты давали не только профессиональные артисты, но и солдаты. Так, за октябрь-ноябрь 1944 года в полосе ответственности комендатур 4-го Украинского фронта выступило 89 коллективов солдатской самодеятельности, которые показали концертные номера для 450 тысяч жителей.

Пропагандистская работа велась для информирования населения, обеспечения лояльного отношения жителей к войскам. Так, с октября 1944 до апреля 1945 года в дополнение к листовкам на войска противника для населения в Венгрии было издано 18235 тысяч листовок с информацией о положении на фронтах, о международных событиях, приказов и обращений военных властей к населению. Значительное количество листовок было выпущено также для жителей Германии (8,3 млн. экземпляров) и Румынии (3,841 млн. экземпляров). Наряду с листовками в населенных пунктах на территории Германии было расклеено 54 тысячи плакатов с призывами к лояльности и оказанию содействия Советской Армии.

В первое время после захвата района, пока не работало проводное радио, политотделы использовали звуковещательные станции для информирования населения. Так, со 2 мая до июля 1945 года в Берлине передачи программ для жителей вели четыре звукостанции МГУ и девять ОГУ. Звуковещательные станции

передавали также агитационные выступления военных пропагандистов и представителей военной комендатуры во время митингов. Например, на территории Венгрии с ноября 1944 года по февраль 1945 года с использованием звукостанций было передано 157 агитационных выступлений.

Сразу после освобождения населенного пункта от противника политический отдел устанавливал стенды информации на площади, распространял в городе листовки, плакаты, карты с изображением линии фронта. Офицеры политотдела проводили опрос местных жителей, выявляли среди них лояльных войскам людей, партий или общественных организаций. После выявления подходящих кандидатур и проверки их особым отделом эти люди назначались старостами деревень, руководителями и членами отделов городских магистратов, заместителями бургомистров, а в отдельных случаях - бургомистрами городов.

При создании в населенном пункте военной комендатуры офицеры-пропагандисты политотделов помогали в работе коменданта и бургомистра, создавая для этого актив. Как правило, в помощь бургомистру выбирались 12-15 членов комитета самоуправления города и 7-9 членов комитета содействия военному коменданту. В отдельных случаях подбирались и члены отрядов, помогавших комендатуре в поддержании порядка, в патрулировании населенных пунктов. Офицеры 7-х отделений армий использовали местных активистов и членов самоуправления городов для ведения агитации среди жителей, распространения листовок и газет, организации собраний с обсуждением производственных тем или проведения читательских конференций.

Другой характер работы с населением был в войсках на территории Болгарии и Югославии, где жители с энтузиазмом встречали советские войска, участвовали в приветственных митингах. Так, только за первый день после перехода границы Болгарии политработники 37 А провели 27 массовых митингов, в которых участвовало более 80 тысяч человек. В Югославии за октябрь 1944 года офицеры 57 А провели 284 митинга с жителями. Доброжелательное отношение населения позволяло сразу же после занятия города проводить выступления и лекции советских офицеров.

Наиболее часто в таких случаях населению рассказывали о политике СССР, об успехах боевых действий против Германии. Так, с сентября 1944 года по май 1945 года офицеры 3-го Украинского фронта провели в болгарских городах 1132 лекции об СССР и о Советской Армии. Особенностью работы с населением в Болгарии было то, что она велась на русском языке. В кинотеатрах Софии, Пловдива и Бургаса сразу после освобождения этих городов стали показывать русские фильмы без перевода на болгарский язык. Кроме того, в период до мая 1945 года болгарам были розданы 163 тысячи экземпляров книг и брошюр на русском языке

После вступления Советской Армии на территорию государств Восточной Европы по указанию ГлавПУ СА при политических управлениях фронтов и советской военной администрации в Германии (СВАГ) были образованы семь редакций газет на иностранных языках. (Приложения № 15, 16). Пропаганда в газетах на иностранном языке велась с целью "показать преимущества советского общественного и государственного строя, преимущества социалистической демократии перед капиталистической, разоблачать антисоветскую клевету об СССР буржуазной печати, пропагандировать роль СССР в разгроме фашизма, популяризировать мирную внешнюю политику СССР; показывать преимущества советской науки и культуры".

В газетах материалы публиковали по перспективному плану на месяц. Из четырех полос газеты две выделялись для материалов о Советском Союзе, а одна полоса отводилась информации на международные темы. В связи с тем, что в 1946-47 годах пропаганда велась в обстановке усиливавшейся конфронтации с США и Англией, много места в газетах уделяли статьям, в которых велась полемика с материалами зарубежных изданий, критиковавших политику Советского Союза.

Газеты для зарубежного населения издавались разовым тиражом 150 тысяч экземпляров. Военные комендатуры распространяли их при помощи групп активистов в населенных пунктах, куда тираж доставлялся на машине. В сельской местности в деревнях имелись активисты - "чтецы", читавшие вслух номера газет для неграмотных. В городах комендатуры вывешивали номера газет на стендах для

коллективного чтения. Некоторые газеты на румынском и венгерском языке, кроме того, распространялись в воинских частях зарубежных государств. В странах Восточной Европы газеты издавались редакциями при политуправлениях фронтов. Кроме того, в Москве для зарубежного населения также печатали газеты, брошюры и плакаты. Общий тираж изданных газет для стран Восточной Европы превысил 77,37 млн. экземпляров. Наибольшие тиражи газет издали для Германии (32,1 млн. экз.) и Польши (30,23 млн. экз.).

Для воздействия на население освобожденных стран Восточной Европы была создана система подразделений, которыми в Москве руководило Главное политуправление Советской Армии. В августе 1944 года в составе управления по работе среди войск и населения противника был создан отдел по работе среди населения. Он состоял из отделения Германии, отделения вассальных Германии стран, отделения оккупированных противником государств. В составе фронтовых отделов по работе среди населения противника были созданы отделения. В каждом имелось по 5 офицерских должностей. В армейские отделения ввели 2-3 офицерские должности инструкторов по работе среди населения.

В каждой военной комендатуре крупного города работал один инструктор. Он вел беседы с жителями в агитационной комнате (пункте), снабжал иностранных граждан пропагандистской литературой. Для привлечения людей в агитпунктах выдавали бланки для написания писем военнопленным в лагерях на территории СССР. Родственники пленных могли послать из агитпункта письмо на открытом бланке и здесь же получить ответ на стандартном бланке. Работники агитпункта по просьбе родственников делали запрос в СССР о судьбе пропавших без вести военнослужащих. Подобным образом поддерживались постоянные контакты с семьями пленных, во время которых на посетителей оказывалось пропагандистское воздействие.

В агитпунктах также читали лекции, доклады, демонстрировали кинофильмы, устраивали фотовыставки о жизни в СССР, проводили вечера художественной самодеятельности. Агитпункты являлись, кроме того, центрами работы с местными активистами. Здесь проводились совещания, семинары активистов по вопросам

содержания работы среди местных жителей, о распространении газет, листовок, брошюр. В агитпунктах было организовано постоянное дежурство офицеров-политработников. Им помогали агитаторы из числа бывших пленных, которые закончили в СССР антифашистскую школу или трехмесячные курсы антифашистского актива.

Для более интенсивной пропаганды среди жителей по решению ГлавПУ СА в столицах оккупированных государств Восточной Европы были созданы дома дружбы при политических управлениях групп войск и СВАГ. В Софии дом советско-болгарской дружбы был создан в августе 1946 года, в Берлине - в феврале 1947 года, в Бухаресте - в марте 1947 года. Штаты предусматривали в доме дружбы два отдела: учебно-лекционный и художественный, а также работников библиотеки. Задачами учебно-лекционного отдела была организация лекций, занятий на курсах русского языка, подготовка печатного и наглядного материала для лекций. Художественный отдел отвечал за проведение театрально-концертной деятельности и выставок. Библиотеки домов дружбы проводили книжные вечера и выставки книг.

Главным способом пропагандистского воздействия на жителей столиц зарубежных государств являлось чтение лекций и докладов с регулярностью 3- 5 раз в неделю. (Приложение № 17). Перед лекторами ставились задачи: "рассказать правду об СССР, показать достижения советского народа в экономической, политической и культурной жизни; показать преимущества советского социалистического общественного и государственного строя над капиталистическим; разъяснить роль партии Ленина-Сталина в создании советского государства и строительстве социалистического общества; показать роль советского человека в строительстве социалистического общества".

Тематика докладов и лекций разрабатывалась Глав ПУ СА. В ней были следующие темы: "Советский Союз сегодня", "Советские профсоюзы", "Рабочий класс СССР", "Советская демократия", "Почему в СССР однопартийная система", "И.В. Сталин", "Жизнь и деятельность В.И. Ленина", "Сталинская конституция", "Плановое хозяйство в СССР", "Советский колхозный строй", "Национальности и национальная политика в СССР", "Советская молодежь", "Женщина

в СССР", "М.Горький - великий гуманист нашего времени". Наибольшее количество лекций содержали сведения по различным аспектам жизни населения в Советском Союзе, о политике, экономике и идеологии СССР. Значительное место отводилось пропаганде Советской Армии (15 тем), руководящей роли Всесоюзной Коммунистической партии большевиков в жизни общества (4 темы).

Лекции читались штатными офицерами-лекторами домов дружбы. Также привлекались примерно 20 внештатных лекторов из числа офицеров редакций газет на иностранных языках, отделений по работе среди населения, отделов информации центральных военных комендатур, политуправлений групп войск и СВАГ. Доклады также делали партийные, государственные деятели, ученые и писатели зарубежных стран. Например, за год работы дома дружбы в Софии в нем граждане Болгарии читали доклады 67 раз, в том числе высокопоставленные партийные, хозяйственные руководители - 21 раз (31,3 %), профессора высших учебных заведений (23,8 %), генералы и старшие офицеры болгарской армии (22,3 %), научные работники (11,9 %), болгарские писатели (10,4 %). Тексты прочитанных в домах дружбы докладов и лекций стенографировались, публиковались на болгарском языке в газетах "Дружба", "Болгарско-советское единство", а также раз в неделю передавались по софийскому радио.

Художественные отделы домов дружбы организовывали тематические выставки работ художников, фотовыставки, выставки подарков И.В. Сталину, выставки материалов о жизни В.И. Ленина, М.Горького, А.С. Пушкина. После начала работы домов дружбы к сентябрю 1947 года было проведено более 40 выставок, в т.ч. в Софии - 21, в Бухаресте - 15, в Берлине - 6. Экспонаты и фотографии выставок помещались в павильонах и парках, посещавшихся большим количеством людей. В Болгарии выставки осмотрели 262 тысячи посетителей, в Румынии - около 100 тысяч, в Германии - около 60 тысяч человек. Сравнительно небольшое количество посетителей немцев по сравнению с посетителями выставок в других странах объяснялось враждебным отношением столичных жителей Германии к оккупационной армии, вследствие чего там было меньше желающих участвовать в подобных мероприятиях.

Наряду с организацией выставок художественные отделы уделяли много внимания популяризации советского киноискусства. Для этого проводились сеансы для небольшого числа строго определенных зрителей и массовые показы кинофильмов. Фильмы на русском языке демонстрировались в основном для изучавших русский язык студентов, школьников, преподавателей. По заявкам учебно-лекционного отдела дома дружбы после докладов и лекций проводились тематические показы фильмов. Наиболее интенсивно кинофильмы показывали в Болгарии, поскольку население в основном понимало их содержание без перевода. За год в Софии были проведены два кинофестиваля, посвященных годовщине Советской Армии и Октябрьской революции. К сентябрю 1947 года в Болгарии было показано 216 советских картин, которые посмотрели 531,8 тысяч жителей. В Румынии и Германии кинопоказы в основном проводили для ограниченного числа партийных, хозяйственных руководителей и специалистов. В плане кинопоказов были киноленты "Клятва", "Великий перелом", "Парад молодости" и другие, где главным героем изображался Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин).

Пропагандистское воздействие на население стран Восточной Европы оказывалось на более высоком профессиональном уровне, чем аналогичная деятельность в Иране и на Дальнем Востоке. Для этого выделялось больше денежных средств, создавались дома дружбы, к работе привлекались квалифицированные специалисты, лекторы, оплачивались выступления иностранных лекторов. В столицах европейских государств устраивались кинофестивали фильмов СССР, проводились выставки, работали библиотеки с советской литературой на иностранных языках и русском языке. Следствием более интенсивной и масштабной пропагандистской работы в странах Восточной Европы явилось то, что гораздо большее число жителей стали членами обществ дружбы, обществ культурной связи с СССР. Многие ученики, студенты и взрослые граждане в домах дружбы изучали русский язык и смотрели кинокартины на русском языке. В городах и небольших населенных пунктах работал многочисленный актив распространителей газет советской военной администрации.

Главной причиной более широкого охвата людей пропагандой в Болгарии было наличие доброжелательного отношения к русским

среди жителей. В то же время результаты пропаганды в Германии, Венгрии или Польше были более скромными из-за наличия настороженного или даже враждебного отношения большинства населения. Общая эффективность работы среди населения в странах Восточной Европы (особенно в Болгарии) была намного выше, чем в Иране или в Маньчжурии.

Создание в зарубежных странах крупных пропагандистских центров (домов дружбы), имевших большой штат профессиональных пропагандистов, литературу, технические и финансовые средства, явилось эффективным способом работы. В 1941-1947 годах в центрах пропагандистской работы были сконцентрированы лучшие специалисты, к чтению лекций в домах дружбы постоянно привлекалась национальная интеллигенция. Интерес к посещениям домов дружбы стимулировали бесплатными курсами изучения русского языка, показом кинофильмов на русском языке, а также раздачей газет, в которых печатались уроки русского языка.

Пропагандистская работа среди военнопленных

В период с 1941 по конец сентября 1945 года в стационарные лагеря СССР на большом удалении от фронта было доставлено более 4126,9 тысячи военнопленных. Во время войны количество сдавшихся возрастало неравномерно. За вторую половину 1941 года было захвачено примерно 5 тысяч военнослужащих вермахта. В следующем году сдалось примерно 9-10 тысяч человек. Лишь с 1943 года количество сдавшихся немцев ежегодно стало превышать двести тысяч человек. (Приложение № 20).

Для размещения военнопленных противника вначале использовали лагеря НКВД из которых перевели российских заключенных. В августе 1941 года было создано три лагеря: Темниковский, Оранский, Актюбинский. Осенью количество лагерей возросло, поскольку вместе с пленными в них поместили выселенных немцев из Автономной республики немцев Поволжья. В 1947 году количество

лагерей НКВД увеличилось до 582. (Приложение № 21). Наряду с лагерями НКВД действовали также лагеря Министерства Вооруженных Сил (МВС), а также 30 лагерей с индексом "ЛР", 212 отдельных рабочих батальонов (ОРБ) НКВД и более 600 ОРБ МВС, в которых трудились японцы. Как правило, в одном лагере содержалось 6-7 тысяч человек. Однако после войны концентрация военнопленных на территории лагеря постоянно уменьшалась, так как их переселяли ближе к местам работы. Каждый лагерь делился на удаленные друг от друга лагерные отделения, "командировки" и "подкомандировки", насчитывавшие по несколько сотен людей.

По национальному составу пленные были неоднородны. Самыми крупными этническими группами были немцы (2389560 человек), японцы (639635), венгры (513767), румыны (187370), австрийцы (156682), чехи и словаки (69997), поляки (60280), итальянцы (48957), французы (23136), югославы (21832), молдаване (14129), китайцы (12928), евреи (10173), а также другие этнические группы пленных численностью менее 10 тысяч человек.

Военнопленные разных национальностей находились в лагере вместе. Например, в лагере № 188 вблизи станции Рада содержались пленные 48 этнических групп. Однако имелись и лагеря, в которых находились пленные только одной национальности. В европейской части страны так содержали румын или немцев. Лагеря японских пленных имелись в Приморье, Хабаровском крае, Амурской области и в Сибири. Людей одинаковой национальности концентрировали в лагерных отделениях или бригадах. Большое количество пленных разной национальности требовало иметь во многих лагерях большое количество пропагандистов, знавших разные иностранные языки. Например, в начале 1947 года примерно 110 тысяч пленных венгров находились в 190 лагерях на территории 71 области СССР. Из общего числа мадяров в 46 лагерях насчитывалось менее чем по 1,5 тысячи человек, в 49 лагерях - менее чем по 500 человек, а в 73 лагерях - менее чем по 100 человек. Венгры были во многих лагерях, поэтому офицеров со знанием венгерского языка не хватало. Пропаганду вели сами пленные-активисты. Ее качество было невысоким, а выступления проводились редко.

На отношение пленных к пропаганде влияли условия жизни в лагере. В 1941-1942 годах рацион питания пленного предусматривал 400 граммов хлеба в сутки, также как и для гражданина СССР. Это давало человеку 2000 калорий в день. Суровые условия жизни, недостаточно теплая одежда, недостаток лекарств и тяжелая физическая работа приводили к потере сил, болезням и высокой смертности. В 1941-1945 годах смертность сравнительно молодых мужчин в лагерях достигала 218 человек на тысячу, в то время как до войны в обычных условиях показатель смертности стариков составлял 9 на тысячу. Лишь в 1946-1950 годах рацион питания улучшился, и смертность пленных в лагерях сократилась в два раза до 115 человек на тысячу.

От недостатка питания в лагерях был распространен диагноз «алиментарная дистрофия». Голод вел к тому, что многие пленные резко меняли свои убеждения, чтобы остаться в живых. Интерес к обучению в антифашистской школе обеспечивали тем, что учившихся освобождали от работ. Выпускники могли занять места пропагандистов или функционеров антифашистской школы, имевших более калорийный рацион питания и освобожденных от работ с 1947 года.

На эффективность пропаганды влияла военная обстановка на фронте. В первые месяцы войны пленные не верили информации из советских источников. Однако в 1944-1945 годах сведения о военном положении на фронтах и в мире воспринимались ими с большим доверием. После поражения в войне стран гитлеровской коалиции около 150 тысяч пленных учились на лагерных курсах марксизма-ленинизма. Они изучали курс истории Всесоюзной коммунистической партии большевиков /ВКП(б)/, слушали коммунистические лекции. Изучение коммунистической идеологии не было бескорыстным, поскольку выпускники школ и курсов репатриировались на родину в первую очередь. Они назначались на руководящие должности в аппарат управления государств Восточной Европы. Таким образом, на пленных влияла не коммунистическая пропаганда, а факторы материальной жизни, связанные с улучшением продовольственного снабжения пленного, изменением его социального статуса в лагере или после возвращения на родину.

Для пропагандистской обработки военнопленных с первых дней войны исполнительный комитет Коммунистического интернационала (ИККИ) назначал в лагеря политических инструкторов, переводчиков. Так продолжалось вплоть до роспуска ИККИ в июле 1943 года. Руководил пропагандистской обработкой пленных в лагере заместитель начальника лагеря по политической части. В лагерях штат сотрудников для работы с пленными на 1 января 1943 года составлял 86 человек. Среди них было 26 заместителей по политчасти (в 17 лагерях эта должность была вакантна), а также 60 политических инструкторов со знанием иностранного языка. Среди них 26 знали немецкий язык, 23 - румынский, 6 - итальянский, 3 - финский и по одному инструктору знали польский и венгерский языки. Пропагандистов для ведения работы не хватало. Так, в начале 1943 года один политинструктор со знанием венгерского языка не был в состоянии оказывать пропагандистское воздействие на все 65 тысяч пленных венгров, находившихся в десятках лагерей на огромном расстоянии друг от друга.

С лета 1943 года пропагандистскую работу в лагерях стали вести специально отобранные лояльные пленные-активисты из "Национального комитета "Свободная Германия" (НКСГ), румынского национального блока, итальянского "Союза гарибальдийцев", национального комитета "Свободная Венгрия", австрийского антифашистского союза. Из членов этих организаций были сформированы пропагандистские группы в лагерях, редакции газет, радиостанций. Например, из членов НКСГ была создана "редакция-дублер" газеты "Фрайес Дойчланд" в составе 7 человек, которые помогали работе основной редакции из штатных сотрудников НКВД, а также редакция радиостанции "Фрайес Дойчланд" (10 человек). В 1943-1945 годах в каждом лагере была введена должность уполномоченного НКСГ. Этот штатный сотрудник руководил пропагандистской работой активистов лагерной группы НКСГ. Под его контролем проводились доклады, лекции, дискуссии, митинги, собрания. Он организовывал учебу пленных в кружках. Под контролем уполномоченного работал любительский театр лагеря, хор и лагерный оркестр.

После идеологической обработки сдавшихся в плен под Сталинградом летом в 1943 году количество активистов лагерей

возросло в два раза по сравнению с 1942 годом и составило более 6600 человек. С 1943 года в пяти офицерских лагерях также появилось 1208 активистов, большую часть которых составляли румыны (706 человек). Затем по численности активистов- офицеров следовали немцы (371 чел.) и итальянцы (96 чел.). К середине 1944 года, когда неизбежность поражения Германии стала ясной, 90 % пленных стали «антифашистами». (Приложение № 22).

В течение 1943-1945 годов сотрудники НКВД постоянно направляли пленных из состава лагерного актива для формирования редакций газет для военнопленных, радиоредакций. Активистов также назначали офицерами в сформированные из пленных соединения, в которые за годы войны были направлены 56665 пленных-румын, 3217 чехов, 1545 поляков и 1380 югославов. Из-за откомандирования активистов из лагерей в 1945 году актив лагерей военнопленных сократился до 2314 человек. Однако в послевоенные годы число активистов вновь стало расти. В 1949 году оно достигло 59387 человек, среди которых почти половину составили японцы (23790 человек).

В 1943-1950 годах активисты лагерей работали под контролем и руководством оперативных чекистских отделов (ОЧО) лагерей. Деятельность лагерных союзов военнопленных также направлялась оперативными чекистскими отделами. Однако в секретных директивах руководство НКВД давало указание изображать демократические движения военнопленных как "дело рук самих военнопленных". Это делалось с целью скрыть связи активистов с администрацией и не дискредитировать тайную агентуру лагерей.

Система политической обработки пленных была расширена после приказа НКВД № 14 от 1 января 1945 года. Тогда в дополнение к ОЧО лагерей были созданы политические отделы в областях, краях, автономных республиках и республиках, отвечавшие за пропаганду в лагерях на их территории. Это усилило централизацию пропаганды, улучшило контроль из Москвы за работой среди пленных на местах. В приказе указывалось, что одной из задач оперативных чекистских отделов являлось "руководство антифашистской воспитательной работой среди военнопленных". Политической работой среди лагерного контингента занимался заместитель начальника ОЧО по

политчасти и один инструктор. В лагерных отделениях за работу среди военнопленных отвечал заместитель начальника по политчасти. Однако через шесть месяцев после этого приказа по директиве НКВД № 0051 от 8 июня 1945 года должности заместителей начальников лагерей и лагерных отделений по политчасти были ликвидированы.

В 1946 году аппарат пропаганды укрупнили. По постановлению ЦК ВКП(б) № 267 от 26 июля 1946 года были созданы 54 политотдела в лагерях. К концу ноября 1946 года при политуправлении МВД был создан отдел антифашистской работы, имевший в своем составе издательское отделение, а при политотделах лагерей были созданы отделения антифашистской работы. В это же время в каждом лагере и отдельном рабочем батальоне была введена должность инструктора по антифашистской работе.

Имевшийся штат инструкторов в лагерях был небольшим. Часто по своему культурно-образовательному уровню эти офицеры не могли эффективно решать пропагандистские задачи. Так, проверка сотрудниками 99-го научно-исследовательского института (НИИ) НКВД лагерей Ленинградской области показала, что в ноябре 1946 года на 30 тысяч пленных имелось только 25 инструкторов по антифашистской работе. Среди них было лишь трое с высшим образованием, шесть - со средним образованием. Восемь офицеров имели неполное среднее образование. Семь человек закончили только четыре класса. По культурному уровню и знаниям такие инструкторы не могли пользоваться у пленных авторитетом, а 64% этих работников не соответствовали должности. Проверка показала, что штаты лагерных отделений не предусматривали должность инструктора антифашистской работы. Из-за этого в 29 лагерных отделениях численностью 16243 пленных не было ни одного штатного пропагандиста. Там отсутствовали письменные или устные директивы о направлениях пропагандистской работы с пленными. Проверенный антифашистский актив, составлявший 7% пленных, был предоставлен сам себе. Из-за этого вместо занятий по политическим вопросам проводились лекции на другие темы. Например, активисты на лекции объясняли, как построить себе дом.

Положение с пропагандой в лагерях Ленинградской области напоминало ситуацию и в других лагерях. Имелись две главные

причины такой обстановки. Во-первых, образовательный уровень штатных пропагандистов был невысоким. Во-вторых, для лагерной администрации пропагандистская обработка пленных являлась второстепенным делом. Главное внимание начальство лагеря обращало на то, чтобы военнопленные выполняли производственные нормы, лояльно себя вели и не критиковали командиров лагерных рот и батальонов.

Окончательно сформировалась система подразделений пропагандистской обработки пленных в июле 1947 года. Тогда в отделении антифашистской работы лагеря была создана штатная должность функционера антифашистской работы, освобожденного от выполнения производственных заданий. Тогда же были образованы должности для военнопленных-активистов в лекторской группе при политотделе лагеря. С января 1948 года этим функционерам помогали члены лагерных антифашистских комитетов в составе 11 - 18 человек, которых пленные избирали тайным голосованием.

При создании в 1948 году лагерных антифашистских комитетов администрация лагерей строго следовала "классовому принципу". В результате этого в комитеты почти не попали офицеры и люди с высшим образованием. Основную часть комитетов составляли представители низших слоев общества. Например, в 35 лагерях среди 4131 члена 637 антифашистских комитетов было 39% людей с начальным образованием, 42% со средним и только 12% людей с высшим образованием. По социальному составу представителей интеллигенции было 5,5%. В то же время бывшие рабочие составляли 46% , служащие - 35% , крестьяне - 12% и торговцы - 1,5%. Низкий образовательный уровень этих людей позволял администрации лагерей эффективно руководить активистами, которые ради материальных благ были готовы не вспоминать постулаты нацистской пропаганды, лояльно повторять стереотипы коммунистической пропаганды.

Наиболее интенсивное пропагандистское воздействие на пленных оказывалось в антифашистской школе, действовавшей с апреля 1942 года при Оранском лагере № 74. К 1943 году стали действовать уже три антифашистские школы НКВД. Их называли "спецобъекты 40, 41, 42" при Оранском, Южском и Красногорском лагерях

военнопленных. Одновременно с ними работали одномесячные курсы и шесть фронтовых антифашистских школ НКВД. Штат каждой школы предусматривал в 1944 году 130-250 человек постоянного и переменного состава, из числа которых было 23 преподавателя. Три центральные школы работали вплоть до их расформирования 1 февраля 1951 года. С 1944 года наряду со школами в лагерях действовали 38 одномесячных и 40 трехмесячных курсов. После 1948 года по мере репатриации пленных количество курсов сократилось до 33. (Приложение № 23). В каждом лагере для пропагандистской работы штат предусматривал работников клуба, библиотеки, антифашистской комнаты. Эти объекты обслуживались военнопленными-активистами, которые по директиве МВД № 300 в апреле 1947 года были расконвоированы и ходили без сопровождения вооруженного конвоя.

Наряду с активистами и штатными сотрудниками наиболее важным звеном в системе пропаганды являлись редакции газет для пленных. Эти редакции состояли в штате 99-го НИИ НКВД в Москве, но с февраля 1948 года их перевели в штат при спецобъекте № 42 в Красногорском лагере, находившемся в нескольких километрах к северо-западу от столицы. Общий штат редакций газеты на немецком языке "Фрайес уорт" (с июля 1943 года - «Фрайес Дойчланд»), а также газет "Уи Со" (венгерский язык), "Грайул либер" (румынский язык) и "Альба" (итальянский язык) не превышал 38 человек. В среднем редакция состояла из 8 офицеров. В дополнение к этим сотрудникам для каждой из редакций имелась "редакция-дублер", в которой работали 7-8 лояльно настроенных военнопленных. В конце 1948 года штаты русских редакций газет были сокращены до 2-3 сотрудников. Одновременно "дублирующие редакции" увеличились до 12-13 человек. Не была уменьшена лишь редакция газеты для японских пленных "Нихон симбун", состоявшая при политуправлении Дальневосточного военного округа. В ней с 1946 до 1950 года работало 25 человек. Им помогали 17 японских военнопленных- выпускников школы демократического актива.

Содержание пропагандистской работы с военнопленными определялось указаниями политуправления НКВД и ГлавПУ Советской Армии. В директиве НКВД № 28/322 от 21 января 1942 года "О выявлении и сплочении антифашистов и об обобщении опыта

с пленными" указывались основные направления содержания пропаганды. В ней говорилось, что "воспитательную работу необходимо проводить для показа виновников войны, для объяснения того, что такое фашизм. Вести занятия по объяснению сущности советского государства, конституции СССР, национальной политики, программы и итогов сталинских пятилеток. Выявлять антифашистов, вести работу по их сплочению, организовывать работу по политическому воспитанию антифашистов". Согласно указаниям этой директивы, для подрыва влияния враждебно настроенных пленных на должности старших корпусов, барачных, комнат, а также рабочими в кухне, хлебопекарни, кладовые, мастерские и бани назначали лояльных активистов. С ними проводили беседы, им читали лекции. Эти лояльные пленные обсуждали рекомендованные для чтения книги.

Конкретизация задач пропагандистской работы была дана в директиве ГлавПУРККА 9 апреля 1943 года "Положение о политической работе среди военнопленных". В этом документе указывались три направления работы. Во-первых, перевоспитание военнопленных, превращение их в друзей СССР, во-вторых, воздействие на пленных для оказания ими помощи Красной Армии и содействия поражению противника в войне, в-третьих, подготовка пленных для участия в политической борьбе после возвращения на родину. Документ предусматривал обеспечение всех лагерей политинструкторами и переводчиками, которых должен был выделить ИККИ.

Содержание пропагандистской обработки пленных разрабатывалось 99-ым Научно-исследовательским институтом НКВД, в штате которого находились редакции газет для военнопленных. Сотрудники лагерей пользовались уже готовыми пропагандистскими материалами в газетах, изданных этими редакциями. (Приложения № 24, 25). Цели пропагандистской обработки зависели также от особенностей внутренней пропаганды в СССР, поскольку с 3 августа 1943 года военнопленным разрешили читать газету "Известия".

В начале войны вплоть до последней декады 1941 года по директиве ГлавПУРККА пленным было запрещено сообщать

информацию о положении на фронтах. В этот период содержание пропаганды на пленных и на войска противника совпадало, так как отсутствовали издания для пленных. Так, во второй половине декабря 1941 года в Актюбинском лагере пленным раздавали листовки ГлавПУРККА, издававшиеся для солдат вермахта на фронте. Информация и призывы этих листовок не соответствовали условиям жизни в лагере, оказывали деморализующее воздействие на пленных. В 1942 году в печатной пропаганде для пленных также не произошло изменений. В лагерях продолжали раздавать газету для военнопленных вермахта на фронте. Из 100 тысяч тиража газеты "Фрайес уорт" пять тысяч посылали в лагерь для пленных.

Изменения содержания печатной пропаганды произошли лишь в 1944 году. После вступления советских войск в Румынию и Венгрию весь тираж газет для военнопленных венгров и румын стали направлять в лагерь. В период с мая до ноября 1945 года весь 30-тысячный тираж газеты "Фрайес Дойчланд" также стал распространяться только среди военнопленных. Победа над рейхом привела к ликвидации организации НКСТ и прекращению издания газеты "Фрайес Дойчланд". По решению ЦК ВКП(б) с 1 января 1946 года для пленных тиражом 55 тысяч экземпляров стали издавать газету "Нахрихтен".

В 1941-1945 годах пропаганда на пленных велась с целью дискредитации Гитлера и других высших руководителей третьего рейха, разоблачения основных тезисов нацистской пропаганды, показа реакционной сущности нацистского государственного режима, популяризации примеров из истории Германии о патриотическом движении против французских захватчиков в 1812 году, разоблачения фальсификаций нацистских историков о революционных выступлениях 1848 года, о причинах первой и второй мировой войны; популяризация сведений об Октябрьской революции и достижениях СССР, убеждения в необходимости создания нового демократического строя в Германии. Много информации давалось о ходе войны, о международном положении и внешней политике СССР. Значительную часть пропагандистских материалов занимали тексты выступлений И.В. Сталина, других руководящих деятелей политбюро ЦК ВКП(б) и правительства СССР. В пропаганде периода 1946-1950 годов основное внимание уделялось популяризации истории ВКП (б)

и истории СССР. В газетах постоянно публиковались материалы в помощь лекторам и руководителям кружков политической учебы. Вся информация газет шла по четырем разделам: сообщения об СССР, информация о международной жизни, материалы в помощь изучающим идеологию марксизма-ленинизма, материалы раздела «Лагерная жизнь».

Редакции газет выполняли политическую установку ГлавПУРККА и политуправления НКВД о том, что "газеты не должны быть рассчитаны на читателей, нуждающихся в популярном изложении материала, а предназначены для политически зрелых солдат и офицеров". Поэтому содержание газет предназначалось для использования в работе пропагандистов и актива лагерей. С 1946 года во всех номерах газет для военнопленных стали публиковаться материалы в помощь руководителям кружков. Они следовали расписанию изучения "политминимума" из 16 тем, среди которых были: "Великая Октябрьская социалистическая революция" (4 беседы), гражданская война в СССР (3 беседы), восстановление народного хозяйства (3), социалистическая перестройка советской страны (6 бесед, в том числе темы: первая и вторая пятилетки, стахановское движение, сталинская пятилетка, расцвет советской культуры). Пятая тема содержала шесть бесед под рубрикой "Советское социалистическое общество". Пять бесед насчитывалось в теме "Советское социалистическое государство". Среди других тем были: "Государственное устройство СССР", "Высшие органы государственной власти", "Суд в СССР", "Основные права и обязанности советских граждан", "Ленинско-сталинская национальная политика и ее плоды", "Источники силы советского государства", "Партия большевиков - руководящая и направляющая сила советского государства", "Переход от социализма к коммунизму", "Основная экономическая задача СССР", "Послевоенная сталинская пятилетка - шаг на пути к коммунизму".

Содержание пропагандистской обработки военнопленных средствами печатной и устной пропаганды определялось не только программой изучения марксизма-ленинизма по программе политминимума. Кроме этого, конкретные задачи ставились политическими органами. Например, в декабре 1947 года НКВД направил в лагеря директиву № 118 об улучшении политической

работы среди венгров и румын, приказав сосредоточить их для этого в отдельных лагерных отделениях. С начала 1948 года 110 тысяч пленных венгров и 35 тысяч румынов подвергали пропагандистской обработке для того, чтобы после репатриации они голосовали за кандидатов коммунистической партии на выборах в своих странах. Особое внимание в работе с венграми уделяли вопросу поддержки ими при голосовании кандидатуры Имре Надя.

Газетная пропаганда на различные этнические группы военнопленных имела свои особенности. Так, в связи с тем, что среди пленных румын было много крестьян, в статьях уделялось значительное внимание объяснению земельного вопроса в СССР, показу "преимуществ колхозного строя над частными хозяйствами", показу того, "кому в СССР принадлежит земля". С конца 1943 года особенностью пропаганды на румынских пленных явилась популяризация в газете службы в созданной на территории СССР румынской дивизии имени Тудора Дмитриеску. С 31 октября 1943 года в газете стали регулярно печатать материалы об этой дивизии, письма военнопленных к добровольцам в дивизию и ответные послания в лагерь военнопленных. Летом 1944 года в газете на румынском языке начали публиковать литературные произведения "пролетарских писателей", первым из которых была "Мать" М.Горького. В этот же период была начата пропагандистская кампания популяризации передовиков производства и победителей соревнования между бригадами. Пропаганда движения «ударников» продолжалась вплоть до 1950 года. В газете также печаталось много материалов под рубрикой "Сталинская конституция", статьи Заславского, Эренбурга, Рыклина, братьев Тур, стихи Самуила Маршака.

В 1946 году газета "Грайул либер" публиковала материалы в помощь руководителям политических кружков. В дополнение к статьям, посвященным пропаганде марксизма-ленинизма в 1948-1949 годах в газете появилась рубрика "Доска почета". В ее статьях отражались вопросы трудового соревнования пленных. Перегруженность содержания газеты политическими вопросами, рассуждениями о теории марксизма-ленинизма не способствовало увеличению интереса пленных к чтению. Пленные румыны высказывали критические замечания по поводу содержания газеты,

поскольку в ней отсутствовали статьи о Румынии, о семьях пленных, не было материалов о спорте, стихов, ребусов, отсутствовал раздел "Юмор", почти не печаталось литературных материалов. Все это снижало интерес пленных к чтению. Однако критические замечания не привели к изменению содержания газеты. Она продолжала оставаться излишне политизированной, трудной для чтения.

С 1942 года газеты распределялись в лагерях, исходя из требования ГлавПУРККА о том, что один экземпляр должен был приходиться на 7-8 человек. Однако из-за неравномерности поступления пленных в лагеря, а также, вследствие ограниченных возможностей по изданию газет это требование не соблюдалось. В отдельных лагерях на одного пленного румына приходилось по три газеты, а для пленных других национальностей не было ни одной газеты. (Приложение № 24). По сравнению с 1942 годом в послевоенные годы тираж газет возрос в 5-10 раз. (Приложение № 25). Однако из-за значительного увеличения количества военнопленных очень немногие из них имели возможность взять газету в руки. В связи с этим в лагерях номера газет вывешивались на стендах для общего чтения. Также практиковалось громкое чтение газет специально назначенными чтецами. Особенно распространенной была громкая читка для румын, венгров, японцев, так как среди них было много неграмотных.

Весной 1947 года наряду с изданиями НКВД для пленных в лагеря стали присылать небольшое количество печатных изданий из советской зоны оккупации Германии. Среди этих газет был орган советской военной администрации Германии газета "Теглише рундшау", тысяча экземпляров которой распределялось во все лагеря. По тысяче экземпляров присылалось газет социалистической единой партии Германии "Нойес Дойчланд", "Иллюстрирте рундшау". Газеты "Старт", "Трибуна", "Нойе вельт" поступали тиражом по 500 экземпляров. Эти издания рассылали по 1-2 экземпляру в каждый лагерь. Их использовали преимущественно активисты, лекторы и руководители кружков, которые еженедельно после получения новой корреспонденции устраивали громкую читку полученных газет для активистов.

Печатная пропаганда не ограничивалась изданием газет. Уже в 1943 году в лагерях было создано 79 библиотек, в которые было направлено более трех тысяч журналов, 30 тысяч книг на иностранном языке издательства "Иниздат". Кроме того, из ликвидированной автономной республики немцев Поволжья в лагерь было послано 15 тысяч книг на немецком языке. В течение нескольких последующих лет количество библиотек продолжало увеличиваться, так как по штату в каждом лагере полагалось иметь библиотеку. По состоянию на 1 апреля 1947 года насчитывалось уже 582 библиотеки, которые пополнялись, как периодическими изданиями, так и книгами на иностранных языках. Издательское отделение антифашистского отдела при политическом управлении ГУПВИ МВД издало и направило в библиотеки лагерей 4,264 млн. экземпляров брошюр и газет.

О размерах библиотечного фонда лагерей военнопленных дает представление отчет об 592 тысячах годных к употреблению книг, оставшихся после расформирования лагерей. Среди этих книг было 348,18 тысячи экземпляров на немецком языке (31 наименование); 25,7 тысячи экземпляров книг на румынском языке; 9,2 тысячи экземпляров книг на итальянском языке; 6,6 тыс. экземпляров изданий на венгерском языке; 0,9 тыс. экземпляров на польском; 1,2 тыс. экземпляров на английском и примерно по 300 экземпляров книг на французском, испанском, финском и чешском языках. Если разделить количество книг на число лагерей, то в библиотеке одного лагеря в 1950 году имелось более тысячи книг, годных к использованию.

О содержании библиотечного фонда лагерей дает представление весьма характерный набор литературы на японском языке. Среди 198949 книг на японском языке наибольшее количество составляли брошюры с речами И.В. Сталина (8938 экз.), биография И.Сталина (7507 экз.), статьи из собрания сочинений И.В. Сталина (5762 экз.), а также перевод книги "Краткий курс истории ВКП(б) (6725 экз.), статьи В.И. Ленина (3047 экз.). Также имелось 166970 экземпляров брошюр со статьями советских авторов, опубликованными в периодической печати. Перечень этих изданий показывает, что значительную часть от общего количества книг и брошюр (14,6%) составляли книги о И.В. Сталине или его произведения. В

большинстве других материалов содержались обязательные ссылки на высказывания И.В. Сталина.

Наряду с печатной пропагандой для воздействия на пленных применялось радиовещание. Еще в ноябре 1941 года по указанию ГлавПУРККА в трех лагерях военнопленных были установлены радиоузелы для трансляции передач московского радио на иностранном языке. На 1 января 1944 года из 45 действовавших лагерей в 39 имелась радиотрансляционная аппаратура, осуществлялась ежедневная трансляция передач через громкоговорители на территории лагерей. После создания в июле 1943 года НКСГ с 18 июля 1943 года были организованы регулярные передачи радиостанции "Свободная Германия". Они выходили в эфир вначале три, затем четыре, а позднее - восемь раз в день. С мая 1945 года передачи стали вестись четыре раза в день на коротких и средних волнах. В связи с тем, что слышимость передатчика распространялась на всю Европу до Урала, по указанию ЦК ВКП (б) в период 1943-1945 годов была организована трансляция для немецких пленных передач станции "Свободная Германия". Для военнопленных других национальностей с 1943 года организовывали прослушивание передач московского радио на соответствующих иностранных языках.

Способом пропагандистской обработки пленных являлось их обучение в политических кружках. Администрации лагерей с 1947 года было приказано создать кружки численностью 2-3% от общего количества пленных для занятий с отрывом от производства сроком на 40 дней. Многие военнопленные учились в подобных кружках. (Приложение № 26). Например, среди румынских пленных в кружках занимались около 80%. Единая тематика занятий в кружках лагерей предусматривала изучение девяти тем, в число которых входили: "Конституция СССР", "Индустриализация и коллективизация", "Внешняя политика СССР", «Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства СССР», «Современное экономическое и политическое положение в стране». (страна выбиралась в зависимости от национальности пленных. - *Прим. ред.*) В кружках для немецких военнопленных предусматривались темы "Конституция Германии", "Двухлетний план советской зоны оккупации Германии", "Первая конференция Социалистической единой партии Германии", а

также резервная тема, зависевшая от указаний политического управления МВД. В 1949 году вместе с обычными кружками в лагерях стали работать "кружки повышенного типа", где изучались сложные темы, не предусматривавшиеся общей программой. Например, в лагере № 289 на территории Эстонии из 33 подобных кружков в семи изучалась марксистско-ленинская философия, в пяти - история ВКП (б), в восьми - политическая экономия.

Некоторые особенности были в работе кружков для японских пленных. Например, в 1947 году японцы занимались в 168 кружках со сроком обучения 20 дней, и в 379 кружках со сроком обучения 8-12 дней. Кроме того, имелось 700 тематических кружков для молодежи, в которых занимались примерно 25 тысяч молодых военнопленных. Среди общего количества кружков значительную часть составляли те, где изучалась история ВКП(б). Это объяснялось тем, что в помощь руководителям кружков имелаась книга «Краткий курс истории ВКП(б)», но было крайне недостаточно другой переводной литературы. В 1949 году количество тематических кружков японских пленных возросло до 1105, в которых занимались 16 тысяч человек. Еще 185,5 тысяч пленных занимались в 5817 кружках с единой программой.

Лекторские группы при политических отделах лагерей читали японцам в кружках лекции по девяти темам. Среди них пять тем описывали различные аспекты жизни в СССР. Также изучались темы: "Успехи народной демократии", "Победа китайского народа", "Внутриполитическое положение в Японии"; "Компартия Японии в борьбе за демократизацию страны"; "Задачи единого народного фронта". За 1947-1949 годы общее количество обучавшихся во всех лагерных кружках пленных составило около 600 тысяч человек. Учился каждый седьмой из общего числа военнопленных. (Приложение № 26). Главной целью обучения пленных в политкружках являлось; ознакомление людей с основными сведениями о СССР, интерпретация событий международной жизни с точки зрения руководства СССР. Это делалось для накопления пленными новой информации и преодоления негативных стереотипов, внедренных в их сознание в армиях стран гитлеровской коалиции.

Более сложную цель стремились достичь при обучении специально отобранных и проверенных военнопленных в антифашистских школах. Там курсантов обучали основам коммунистической идеологии. «Перевоспитанных» пленных потом использовали для ведения пропагандистской работы в лагерях или при ведении пропаганды на врага в действующей армии. После окончания войны обучение в антифашистских школах и на многомесячных курсах имело задачу подготовки функционеров в государственные и общественные организации на территории стран Восточной Европы, занятых Советской Армией. Срок обучения в трех центральных антифашистских школах (ЦАФШ) постоянно увеличивался. Если в 1942-1946 годах он составлял три месяца, то в 1947 году в двух школах срок обучения был увеличен до шести месяцев. В двух остальных школах обучали по девятимесячной программе. За период 1942-1949 годов в центральных антифашистских школах было подготовлено более 17,9 тысячи выпускников. Затем их направили на ответственные должности в государственные и общественные организации стран Восточной Европы, где находились войска СССР.

В 1947-1949 годах в связи с массовой репатриацией пленных стали учить по ускоренной программе на трехмесячных и одномесячных антифашистских курсах. Эти выпускники не направлялись в государственный аппарат и правительственные учреждения. По ускоренному курсу готовили функционеров в профсоюзные и другие общественные организации. По плану в 1948 году на курсах требовалось подготовить 10 тысяч будущих кадровых работников оккупированных стран, а в 1949 году - 30 тысяч. В связи с увеличившейся потребностью в лояльных, проверенных кадрах для работы на важных должностях в зарубежных государствах количество обучавшихся постоянно росло. В общей сложности на курсах и в школах лагерей подготовили 86,6 тысячи человек, что составило более 2% от общего числа пленных. (Приложение № 27)

Наряду с общей программой курсов работали и специализированные курсы для отдельных категорий военнопленных. Так, в 1947 году были проведены курсы политической подготовки 300 пленных журналистов, курсы для 200 врачей. Оригинальные курсы были организованы летом 1944 года в доме отдыха

железнодорожников под Москвой. Там на месячных сборах учили 34 пленных священников, которым читали лекции. С ними также проводили дискуссии и обмен мнениями. После сборов лояльно настроенных евангелических пасторов послали парами в лагеря военнопленных с правом ведения богослужений «по согласованию (то есть под контролем - *Прим. ред.*) с антифашистским активом лагеря».

Работа со специально отобранными, лояльно настроенными пленными значительно отличалась от задач работы с основной массой пленных, так как 97-98 % людей в лагерях были враждебно настроены к СССР и лагерной администрации. Они имели психологическую установку на неприятие информации из советских источников. Обычно пленные бойкотировали пропагандистские мероприятия в скрытой форме. Главной задачей пропагандистской работы лагерной администрации и активистов лагерей являлось обеспечение лояльного поведения пленных и выполнение ими производственных норм. В послевоенные годы решить эту задачу оказалось наиболее трудно в офицерских лагерях военнопленных, когда по приказу НКВД № 41 от 19 февраля 1946 года для работ стали привлекать не только рядовых, но также и офицеров в звании от младшего лейтенанта до капитана включительно. Это противоречило содержанию конвенции об обращении с пленными офицерами, не предусматривавшей принуждение их к труду.

Для стимулирования работавших солдат и младших офицеров им платили зарплату. В 1946-1950 годах пленному выдавали ту часть заработанных денег, которая превышала стоимость его месячного содержания (45 рублей). Работавших дополнительно поощряли выдачей почтовых открыток для писем на родину. Кроме того, лучшие работники имели право первоочередного возвращения на родину. По указанию политотдела ГУПВИ МВД с 1948 года была начата пропагандистская кампания "движения Генеке". Это был вариант пропаганды в 30-х годах трудовых подвигов образцового шахтера Стаханова и "стахановского движения". Генеке являлся немецким пленным, который перевыполнял нормы добычи угля. Участники "движения Генеке", достигавшие наивысшей производительности труда индивидуально или в составе бригады, поощрялись лагерной администрацией.

Наряду с первоочередной отправкой на родину и материальным поощрением с апреля 1947 года по директиве НКВД № 300 было разрешено водить на экскурсии лучших производственников лагерей. Например, в 1948 году было проведено 906 экскурсий для 28715 военнопленных. Они посетили музеи, театры, школы, предприятия. В Москве, Ленинграде, Минске и Свердловске лучшие пленные производственники смотрели балетные спектакли, ходили в Третьяковскую галерею, Русский музей, Эрмитаж. Лучшим работникам разрешали группами ходить в увольнение в кино и на танцы в сопровождении отвечающих за них советских офицеров.

Среди оригинальных способов культурно-массовой работы в лагерях явилось проведение в 1948 году конкурса пленных на лучшую пьесу для лагерного театра. По итогам соревнования из 35 представленных пьес было отобрано 2, разрешенных затем к постановке в 913 драматических кружках лагерей. Эти факты показывают, что воздействие на пленных не ограничивалось только пропагандой, но включала способы материального стимулирования и культурно-массовой работы.

Эффективность воздействия пропаганды на пленных была невелика. До 1942 года тайно от администрации действовали группы контроля поведения военнопленных, ведущие враждебную пропаганду. Например, 17 декабря 1941 года в офицерском лагере № 95 в Елабуге на берегу Волги семь пленных были взяты под стражу и осуждены по ст. 58 ч.2 (ведение антисоветской агитации) Уголовного кодекса СССР. Тайное противодействие пропагандистской обработке пленных продолжалось и в последующие годы. Так, в 1945 году группа бывших сотрудников абвера (войсковая разведка - *Прим. ред.*) искалечила активиста, читавшего в лагере лекции. Вплоть до декабря 1946 года часть руководящих должностей в лагерях занимали офицеры, мешавшие проведению антифашистской пропаганды. Так, проверка в ноябре 1946 года лагерей Ленинградской области показала, что в шести лагерных отделениях офицеры элитных охранных отрядов (СС) и штурмовых отрядов (СА) занимали руководящие посты. В 21 лагерном отделении бывшие офицеры возглавляли роты и батальоны пленных. Они препятствовали ведению пропаганды, отправили руководителей антифашистской

работы из лагерей на торфяные разработки. Случаи подобного рода происходили повсеместно. Пропагандистская работа антифашистов велась в условиях жесткого противодействия и прямого саботажа враждебно настроенных пленных.

Эффективна оказалась пропаганда на 2 % от общего количества военнопленных. Эти люди прошли обучение на антифашистских курсах и в школах. Определенный эффект был достигнут в политических кружках лагерей, где учились 14,5 % от общего количества пленных. Степень эффективности пропагандистской работы и уровень конформности поведения разных этнических групп пленных видны по итогам пропагандистской кампании в 1949 году по случаю 70-летия И.В. Сталина. Пленные показывали свою лояльность к лагерной администрации, подписывая для этого "благодарственное письмо Сталину". Немцы подписали это письмо больше других этнических групп пленных - 34,1 % от общего количества репатриированных пленных. Такой высокий процент подписавших объяснялся тем, что значительное количество пленных были морально сломлены. Они боялись наказания за нелояльность. Многие подписывали письмо из страха, чтобы не быть зачисленными в самую последнюю группу репатриантов, чтобы избежать статуса политически неблагонадежного человека после возвращения в Восточную Германию.

На втором месте по числу подписавших благодарственное письмо стояли японцы (21,5 %), традиционно имевшие высокую степень конформного поведения. Среди этнических групп пленных, негативно отнесшихся к участию в пропагандистской кампании подписания письма, были австрийцы (14,9 %) и венгры (9 %). Наибольшую враждебность продемонстрировали оставленные в лагерях румыны, которые отказались от службы в армии на стороне СССР (5,8 % от числа репатриированных). Факты показывают, что накануне завершения репатриации пленных наивысшую степень лояльности лагерной администрации и податливости на пропагандистское воздействие продемонстрировали немцы и японцы (21 - 34 % репатриированных пленных).

Условия пребывания в лагере оказывали значительное влияние на поведение и высказывания пленных. В последние годы

пребывания в лагерях среди пленных почти не осталось людей, выступавших с критикой или открыто заявлявших о своем мнении, если оно не совпадало с мнением лагерной администрации. К 1949 году число подобных пленных в лагерях составляло не более 2-3%. (Приложение № 28). Отвергали пропагандистское воздействие офицеры, большинство из которых принципиально не меняли свое мнение, несмотря на оказывавшееся на них давление. Таких людей в офицерских лагерях к 1947 году оставалось 15%. (Приложение № 29).

Показатели эффективности пропагандистского воздействия на пленных во время их пребывания в лагерях далеки от объективности. На людей оказывали сильное влияние не пропаганда, а условия жизни в лагере, и различные факторы обстановки, в связи с которыми пленные были вынуждены кардинально менять свои взгляды и убеждения. Например, в одном из самых больших солдатских лагерей за год почти весь состав стал "антифашистами". Если в июле 1943 года количество антифашистов составляло только 4,5% от общего состава пленных, то в июле 1944 года - 96,6%.

Сравнительно объективными данными о воздействии пропаганды являются цифры количества антифашистов в 1942-1943 годах, когда еще невозможно было предугадать исход войны, и было опасно пропагандировать антифашистские взгляды в лагере. В 1942 году в лагерях было только 2967 активистов, среди которых 1538 являлись выпускниками антифашистских школ. Количество активистов в 1943 году возросло до 6693 человек, среди которых насчитывалось 1538 выпускников ЦАФШ этого года. Таким образом, в период побед Германии количество активистов-антифашистов составляло не более 3% от общего числа военнопленных.

Среди представителей этнических групп наиболее стойкими и не изменившими пропагандистские стереотипы оказались немцы, имевшие более высокий культурно-образовательный уровень по сравнению с теми, кто вел на них пропаганду. В конце октября 1941 года лишь 158 пленных после двухмесячной обработки согласились подписать текст обращения с обвинениями Гитлера. В 1942 году в лагерях было 1467 антифашистов-немцев (7,4% пленных). В 1943 году активистов стало 2461 человек, что было менее 1% от количества пленных немцев. Наибольшую стойкость к

пропагандистской обработке проявили немецкие офицеры, среди которых в 1943 году лишь 371 человек заявил о своих антифашистских взглядах.

Результаты пропагандистской обработки пленных видны после их репатриации на родину. Многие активисты в лагерях обманывали администрацию, показывая свою лояльность и приверженность идеям марксизма. Например, только 1,3 тысячи активистов (5,4%) после возвращения в Японию на первом пароходе пошли под красными знаменами колонной вступать членами в коммунистическую партию Японии. Испугавшись случая массового вступления репатриантов в компартию Японии, американские оккупационные власти создали лагеря для возвращавшихся из СССР пленных. Там у пленных отбирали привезенную из Советского Союза литературу, проводили занятия о демократии и американском образе жизни. Бывшие японские активисты советских лагерей находились под наблюдением полиции, их преследовали, отказывали в приеме на работу.

Из семи тысяч военнопленных офицеров вермахта, которые в лагерях вступили в Союз немецких офицеров, лишь около 10% не изменили своим взглядам после репатриации. Более чем 23 тысячи членов НКСТ после возвращения на родину придерживались своих взглядов периода плена лишь в случае проживания в Германской Демократической Республике, поскольку в Западной Германии это было опасно.

Таким образом, результаты пропагандистского воздействия на пленных в 1941-1950 годах свидетельствуют о том, что в зависимости от уровня внутригрупповой сплоченности и конформности поведения результативность пропаганды на этнические группы пленных была разной. Наибольших результатов пропагандой достигли при воздействии на румын, около 30% которых удалось полностью разложить и убедить в необходимости служить на стороне СССР. Довольно высокую степень податливости к пропагандистскому воздействию проявили японцы. Среди них 4% состояли в активе лагерей, а 0,2% после репатриации вступили в коммунистическую партию Японии.

Немцы и венгры были неподатливы на попытки изменить их националистические стереотипы, и заменить их коммунистическими

представлениями. В период 1943-1945 годов менее 1% количества пленных составляли активисты, лояльные администрации лагерей. После конца войны, понимая необратимость политических процессов в советской зоне оккупации Германии, часть немцев стала более податливой на пропагандистское влияние. В результате этого из пленных немцев в 1948-1949 годах было подготовлено около 35 тысяч кадровых работников для занятия руководящих должностей в государственных структурах и общественных организациях Германской Демократической Республики.

Факты свидетельствуют, что наилучшие результаты пропаганды достигались при воздействии на рядовой состав, а также на людей с низким образовательным уровнем. Наиболее неподатливыми на пропагандистскую обработку оказались офицеры, имевшие стойкие враждебные стереотипы и психологическую установку на неприятие пропаганды СССР. На эффективность пропагандистской обработки военнопленных влияла военно-политическая обстановка в мире, а также перспективы улучшения материального положения и повышения социального статуса пленного в лагере или после репатриации на родину. Если пленный получал социальные привилегии или его материально поощряли за усвоение пропагандистских стереотипов, то он лучше усваивал дававшуюся ему информацию в антифашистской школе и на курсах. Для пленного повторение стереотипов коммунистической пропаганды являлось способом показа своей лояльности лагерной администрации. В большинстве случаев коммунистическая идеология пленными использовалась только для маскировки своих настоящих взглядов и не соответствовала внутренним убеждениям человека.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

Издание печатных материалов ЗабВО в 1939 году.

	1.6-1.7	1 - 8.7	8- 15.7	15.7 -15.8	15-30.8
Общий тираж	60	280	160	2410	более 2000
(тыс. экз.) в том числе:					
Наименований	12	28	8	53	32
Листовок					
Тираж (тыс. экз.)	60	280	160	1610	более 2000
Газет	-	-	-	6	1
Тираж (тыс. экз.)	-			800	150

Приложение № 2

Издание печатных материалов (с 1.7 по 10.9.1939 г.)

Наименований	Тираж	Наименований	Тираж (тыс. экз.)	
листовок	(тыс. экз.)	лозунгов		
На японском языке	59	1478	12	821
Для китайского населения	21	451	10	360
Для солдат-баргутов	19	535	6	113
Пропуска в плен	6	570	-	—

Приложение № 3

Контент-анализ содержания пропаганды на Халхин-Голе.

Тексты 49 листовок и 3 звукопрограмм имели 9 целей. Основной целью было возбудить у китайцев ненависть к японцам - 42 темы (21,2 %), в т.ч. информацией о том, что японский империализм грабит Китай, угнетает китайцев - 5, враги китайцев - японцы грабят, насилуют - 5, обманывают китайцев - 4, пытаются людей, убивают жен, детей китайцев - 2, хозяйничают в Китае - 1, увозят богатства Китая в Японию - 1; тема о том, что "нет больше сил терпеть подобное" - 6, а

также лозунги: "Вступайте в партизаны" - 7, «Уничтожай японский милитаризм» - 1, "Уничтожим японских милитаристов" - 1, "Все на борьбу с японцами" - 1, "Смерть самураям" - 1; призывы: "Бейте японцев" - 2, "Объединяйтесь против японских угнетателей" - 2, "Гоните японцев с китайской земли" - 1, "Убивайте японских варваров" - 1, "Поверни оружие против японцев" - 1.

Дискредитировать командиров противника являлось целью 40 тем (20,2 %), в том числе сообщения о том, что офицеры насилюют жен и сестер солдат - 10; темы о том, что офицеры предали солдат - 3; офицеры уничтожают письма с плохими новостями из дома - 3, офицеры - ваши враги - 2; офицеры бьют, издеваются над вами - 1, офицеры - "плохие вояки" - 1, а также призывы "Бейте /уничтожайте/офицеров" - 19, "Не верьте офицерам" - 1.

Целью пропагандистского воздействия 34 тем и призывов (12,1 %) являлось создать благоприятное представление о плене, в т.ч. обещания того, что "в плену вас примут как братьев" - 10, публикация фамилий пленных - 6, обещание гарантий сохранения жизни - 2, а также призывы "Переходите на нашу сторону" - 22, "Сдавайтесь в плен" - 9, "Поднимайте белые флаги" - 3, "Не бойтесь" - 2.

Дискредитировать японских помещиков и капиталистов являлось целью пропагандистского воздействия 22 тем и призывов (11,1 %), в т.ч. сообщения о том, что война выгодна только помещикам и капиталистам - 8, капиталисты пьянствуют и кутят в тылу - 2, развратничают с проститутками - 2, живут роскошно и весело, "бесятся с жиру" - 2; а также призывы: "Восставайте против помещиков" - 5, "Свергайте власть помещиков" - 2, "Устанавливайте народную власть"

Устрашить противника являлось целью 18 тем (9,5 %), в т.ч. темы: "Вы обречены на смерть", "Вы будете уничтожены" - 9, "Ты станешь калекой" - 1, "Тебя ждет участь голодного калеки" - 1, "В госпиталях плохой уход за ранеными" - 1, а также призывы: "Спасайте свою жизнь" - 5, "Не губите себя напрасно" - 1.

Создать представление о плохом положении в тылу врага являлось целью пропагандистского воздействия - 7 тем (3,5 %), в т.ч. сообщения о бунтах солдат в тылу - 4, о демонстрациях и забастовках

в Японии - 1, о росте недовольства крестьян - 1, о тяжелом положении, разорении крестьян в Японии - 1.

Целью пропагандистского воздействия 3 тем (1,5 %) являлось возбудить тревогу за судьбу родных, в т.ч. сообщения о том, что семьи солдат живут в нищете и лишениях - 1, устрашение перспективой того, что жены солдат станут вдовами, дети - сиротами - 1; а также призыв "Спасайте свои семьи" - 1.

Побудить к дезертирству являлось целью 22 призывов (11,1 %), в т.ч. "Возвращайтесь домой в Японию" - 9, "Кончайте войну" - 5, "Бросай оружие" - 4, "Бросайте воевать, уходите с фронта" - 3, "Уходите в тыл" - 1.

Возбудить пораженческие настроения имели целью 10 тем (5,0 %), в том числе темы о том, что "Красная Армия могущественна, непобедима" - 4, описание потерь и поражений японцев - 5, предсказание того, что "война будет Японией проиграна" - 1.

Приложение № 4.

Контент-анализ текстов листовок на Польшу (1939 г.)

В текстах листовок главное место занимали темы, дискредитирующие правительство Польши - 11 тем (22,0 %), в том числе 5 тем о бегстве правительства из страны в Румынию, 2 темы о похищении правительством золотого запаса страны. Целью трех тем являлось возбуждение у населения Западной Украины и Западной Белоруссии недовольства правительством Польши из-за жизни в голоде и нужде.

На втором месте по частоте употребления находились материалы, целью которых являлось возбудить антипольские настроения, чувства уязвленного национального достоинства - 5 тем (10 %), в числе которых были 4 темы, обвинявшие поляков в национальном притеснении украинцев и белорусов, и одна тема о том, что "поляки эксплуатируют вас".

Третьей целью являлось побудить население помогать Красной Армии - 3 призыва (6 %), в том числе 2 призыва оказывать содействие Красной Армии и один призыв доносить о складах оружия. Также в листовках и обращениях содержались призывы выступать против

помещиков и капиталистов, захватывать земли помещиков - 3 (6 %). Три темы и призыва имели цель дискредитировать офицеров польской армии, побудить солдат выступать против офицеров - (6 %), в том числе тема о том, что "офицеры предают вас", призыв не верить офицерам и призыв разоружать офицеров. Три темы (6 %) создавали благоприятное представление о плене и побуждали сдаваться в плен, в том числе информация о количестве сдавшихся в плен - 2 и призыв сдаваться в плен - 1.

Среди других целей пропаганды имелись призывы, внушающие читателям чувства общности на классовой основе с солдатами Красной Армии - 2 (4 %), в том числе призывы "Не стреляйте в своих братьев по классу", "Не проливайте солдатской крови - крови рабочих и крестьян". Три темы (6 %) имели целью возбудить недовольство населения преступлениями банд - 2, побудить население разоблачать действия банд. В двух темах (4 %) внушались пораженческие настроения сообщениями о неудачах противника.

В исследованных текстах содержались также призывы "Не верьте слухам о голоде", "Организовывайтесь в вооруженные отряды", "Рабочие, работайте на заводах", "Крестьяне, продавайте продукты", "Складывайте оружие". Две темы листовок (4 %) устрашали читателя смертью и наказанием.

Приложение № 5

Радиопередачи на Финляндию (1940 г.)

Период	Часов, минут	Число передач	Время Передачи	Политические темы	Передача музыки
15-31.1.40	43,47	130	2,30	21,35	22,12
1-29.2.40	188,40	665	6,30	31,01	59,51

Приложение № 6

Контент-анализ листовок периода войны против Финляндии

Цели воздействия текстов 44 листовок распределялись по 7 направлениям, в т.ч. побуждение противника к сдаче в плен - 44

призыва (16 %), дискредитация финского правительства - 36 тем (13 %), создание благоприятного представления о плене - 19 тем (7 %), побуждение к свержению правительства - 16 призывов (5 %), побуждение солдат к прекращению сопротивления - 15 призывов (5 %), подрыв доверия к пропаганде противника, обвинение ее во лжи - 13 тем (4 %), дискредитация офицеров - 12 тем (4 %).

Побуждение противника к сдаче в плен - 44 призыва (16 %) состояло из призывов «Переходите на сторону народного правительства демократической Финляндии - 17 раз, «Сдавайтесь в плен Красной Армии» - 13, «Переходите на сторону финской народной армии - 8, «Переходите на сторону РККА» - 6.

Дискредитация финского правительства - 36 тем (13 %) состояло из тем с дискредитацией Маннергейма - 16, которого называли «палачом», «провокатором войны», «лакеем английского империализма», «одним из негодяев», «старой сволочью», «кровавым маршалом», «кровавым генералом» и т.п. Других членов кабинета министров называли «бандой преступников», «воинствующими дураками», «белогвардейской сволочью», «предателями финского народа». Для правительства Финляндии применяли определения «марионеточное» и «плутократическое» правительство.

Создание благоприятного представления о плене - 19 тем (7 %) состояло из публикации фамилий пленных - 10 раз и сообщений о хороших условиях жизни в плену - 9.

Побуждение к свержению правительства - 16 призывов (5 %), среди наиболее часто употреблявшихся был призыв «Поверните оружие против ваших угнетателей» - 12.

Побуждение солдат противника прекратить сопротивление 15 раз (4 %), подрывали доверие к финской пропаганде обвинением ее во лжи 13 раз (4 %), дискредитировали офицеров 12 раз, в том числе наиболее часто офицеров обвиняли во лжи - 11 раз.

Приложение № 7

Аппарат пропаганды на противника (на 15.5.1941 г.)

	ЛВО	ПрибОВО	ЗапОВО	КОВО	ОдВО	ГУШКА	Итого
Всего 17 в т.ч. в редакциях		13	18	22	19	15	104
газет на ин. языках	9	3	9	6	9	-	36
Округ	5	4	6	5	5	-	25
Армия	3	6	3	5	3	-	20
кав. группа	-	-	-	6	-	-	6
Дивизия	-				2	-	2
Знали иностранный язык							
Немецкий	-	3	6	4	1	3	17
Румынский	-	-	2	2	3	1	8
Финский	4	-	-	-	-		4
Хорошо знали язык	-			-	-	2	2

Приложение № 8

Печатная пропаганда ГлавПУРККА (1941)

Месяц	У1	У11	У111	IX	X	XI	XII	Итого
Тираж (млн. экз.)	29,8	67,8	184,65	86,154	23,092	48,26	79,393	149
наименований	36	65	141	122	55	91	136	646
Издано повторно	4				11	34	1	108
	17		17	24				

Приложение № 9

Штат офицеров- пропагандистов

	1.8.41 г.	1.1.42г.	1.1.43 г.	1.1.44 г.	1.1.45 г.	1.9.45 г.
7-е, 4-е отделы	1479	1570	1175	1622	2698	288
ПУ ВМФ	-	12	24	24	24	24
Авиадивизии	24	29	21	21	23	5
8-е отделы	779	1081	-	-	-	-
Отделы пропаганды	-	60	810	810	810	810
НКВД						
ИТОГО	2382	2752	2030	2474	3565	1127

Приложение № 10

Контент-анализ текстов листовок 1941-1945 годов.

Проанализировано 1436 листовок, в т.ч. 822 листовки ГлавПУРККА, 213 листовок фронтов, 401 листовка армий. Всего в листовках содержится 5167 тем и призывов, по целям разделяющихся на 20 направлений.

Создать благоприятное представление о плене - 1197 тем (737 тем листовок ГлавПУРККА и фронтов / 462 темы листовок армий). В том числе пропуска для сдачи в плен - 634 (407/227), информация о хороших условиях плена, льготах добровольно сдавшимся - 134 (113/21), сведения о количестве сдавшихся в плен - 175 (113/62), фамилии пленных - 127 (61/66), письма пленных родным - 31 (31/0), письма пленных сослуживцам - 92 (4/84), обращения, подписанные пленными - 4 (3/1), обращения жителей занятого района с призывом солдатам сдаваться в плен - 4 (3/1).

Устрашить противника - 980 тем (719/261), в т.ч. устрашение смертью - 403 (277/126), информация о количестве убитых или потерь - 375 (277/98), устрашение гибелью и страданиями от мороза - 47 (30/17), устрашение безнадежным положением - 36, устрашение перспективой открытия второго фронта - 36, устрашение калечением - 33, устрашение огромными людскими и материальными ресурсами Советского Союза - 19, устрашение мощью союзников - 10, мрачные цитаты из писем погибших - 10 (0/10), публикация фамилий погибших - 9 (0/9), устрашение гибелью семьи - 1, устрашение наказанием за убийство мирных жителей = 1 (0/1).

Подорвать авторитет руководителей государства противника - 542 темы (504/38), в т.ч. разоблачение лжи руководителей о перспективах войны и положении на фронте - 180, обвинение Гитлера в персональной ответственности за неудачи и поражения - 142 (108/34), сведения об обогащении руководителей от войны - 85, персональные нападки и оскорбления руководителей - 80 (78/2), сведения о разногласиях в правящей верхушке - 43, тема «руководители отсиживаются в тылу» - 21, живут в роскоши - 31 (29/2), развратничают - 19, берут взятки и воруют - 18, лгут о положении в стране - 8, спекулируют - 2, готовятся к бегству за

границу, покупают дома в других странах, переводят деньги в иностранный банк - 2, обжираются - 1.

Внушить пораженческие настроения имели цель 485 тем (333/152), в т.ч. информация о военных неудачах противника, оставлении городов - 460 (212/148), сведения о трудностях в экономике противника - 48, о бомбардировке городов - 28, поставках в СССР военной техники союзников - 23, информация о росте боевой мощи советских войск, успехах экономики СССР - 20, сведения о трудностях снабжения войск противника - 6 (2/4).

Побудить сдаваться в плен имели цель 415 призывов (263/152), в т.ч. призывы "Сдавайтесь в плен" - 320 (171/149), "Переходи на сторону Красной Армии" - 41, "Переходи в плен" - 20, "Следуй примеру сдавшихся" - 25 (23/2), "Иди в плен" - 2 (1/1), "Сдавайся советским партизанам" - 4, "Подыщи себе подходящее местечко" - 1, "Поднимайте руки вверх" - 1, "Не бойтесь плена" - 1.

Дискредитировать генералов и офицеров противника имела цель 301 тема (237/64), в т.ч. информация о сдаче офицеров в плен, бегство с поля боя - 105 (84/21), разоблачение лжи офицеров о положении на фронте - 3 (0/3), сведения о воровстве офицеров-тыловиков - 2, о взяточничестве офицеров - 1, о бегстве генералов с поля боя - 2 (1/1), информация о некомпетентности командиров - 7, сведения о том, что офицеры обогащаются, посылая награбленное домой - 1 (0/1).

Побудить к дезертирству имели цель 208 призывов (206/2), в т.ч. призывы: "Уходите домой" - 100, "Уходи из армии, дезертируй" - 97 (96/1), "Уходи с фронта" - 6, "Возвращайтесь к семьям" - 4, "Вступай в лесную: гвардию" - 1 (0/1).

Побудить к антивоенным действиям имели цель 207 призывов (207/0), в т.ч. "Кончайте войну" - 143, "Не стреляйте в русских солдат" - 1, "Создавайте солдатские комитеты борьбы за мир" - 65.

Целью 206 тем (206/0) являлось возбудить недовольство населения положением в стране, в т.ч. сведения о голоде, страданиях семей в тылу - 89, терроре в тылу - 59, информация об ухудшении условий жизни, разорении хозяйств в тылу - 32, сведения о росте числа заболеваний - 13, увеличении числа самоубийств - 9, сведения о проявлениях недовольства людей в тылу - 2, бунтах в тылу - 2.

Побудить к восстанию являлось целью 178 призывов, в т.ч. призывы "Свергайте Гитлера и его клику" - 139, "Поверните оружие против гитлеровских тиранов" - 29, "Бейте банду Гитлера насмерть и сразу получите мир и хлеб" - 1, "Низвергните ваших тиранов" - 1, "Расстреливайте офицеров и нацистских плутократов" - 1, "Боритесь за свободную, независимую Германию" - 1, "Требуйте возвращения на родину" - 1, "Берите дело мира в собственные руки" - 1, "Берите судьбу Германии в собственные руки" - 1, "Спасайте Германию от рук гитлеровских палачей" - 1.

Возбудить недоверие к сообщениям средств массовой информации противника являлось целью 105 тем листовок.

Возбудить недоверие немцев к союзникам являлось целью 102 тем (92/10), в т.ч. сведения о демонстрациях, проявлениях недовольства населения в завоеванных рейхом европейских странах - 50 (49/1), о диверсиях, саботаже в оккупированных странах - 39 (38/1), информация о предательстве союзников Германии по коалиции - 8 (0/8), о бунтах в частях войск союзников - 5.

Возбудить тревогу за судьбу родных, сентиментальные чувства имеют цель 86 тем (76/12), в т.ч. тема «жена останется вдовой, дети станут сиротами» - 67 (55/12), сведения о страданиях матерей после гибели сыновей на фронте - 21.

Побудить военнослужащих армий стран-сателлитов к борьбе с немцами является целью 37 призывов (37/0), в т.ч. призывы: "Отказывайтесь выполнять приказы немецкого командования" - 10, "Восставайте против немцев" - 6, "Бейте немцев в спину" - 5, "Организуйте партизанские отряды" - 5, "Мстите немцам" - 2, "Добивайся немедленного разрыва с Германией" - 1, "Довольно погибать за немцев" - 1, "Кончайте проливать свою кровь за немцев" - 1, "Уходите от немцев" - 1, "Разоблачайте немецких агентов" - 1, "Возглавляйте партизанские отряды" - 1.

Побудить к лояльности и содействию Красной Армии является целью 34 призывов, в т.ч. призывы: "Перешли по почте письмо пленного" - 28, "Помогайте (содействуйте) Красной Армии" - 4, "Обеспечьте работу предприятий и учреждений" - 1, "Соблюдайте спокойствие и порядок" - 1.

Целью 24 призывов является побудить военнослужащего противника обдумать информацию листовок, в т.ч. призывы: "Подумайте над этим" - И, "Откройте шире ваши глаза" - 2, "Поразмысли-ка" - 1, "Опомнись пока не поздно" - 1, "Сделай для себя выводы" - 1, "Не верьте обманщику Гитлеру" - 1, "Не верьте гитлеровскому командованию" - 1, "Поймите же, наконец, обман" - 1, "Кончай со слепым доверием" - 1, "Решай вопрос о своей судьбе" - 1, "Запомни, как спасти себя от смерти" - 1, "Не забывай об этом" - 1

Подорвать доверие населения стран-сателлитов к немцам являлось целью 16 тем, в т.ч. темы "немцы грабят вас", "хозяйничают как у себя дома" - 12, "в ваших страданиях виноваты немцы" - 4.

Целью 15 тем являлось возбудить неприязнь к войскам СС, в т.ч. сведения о хорошей жизни СС-овцев в тылу - 7, сведения о том, что СС-овцы спят с женами солдат в тылу - 3, сведения о привилегиях войск СС - 2.

Побудить неповиноваться офицерам имели цель 19 призывов, в т.ч. призывы: "Отказывайтесь выполнять приказы офицеров" - 15, "Отказывайтесь наступать" - 2, "Отказывайтесь повиноваться офицерам" - 1, "Сговаривайтесь" - 1, "Организовывайтесь" - 1.

Воздействовать на нравственность, совесть солдат имели цель 5 призывов, в т.ч. призывы: "Не позорь себя, свой народ и свою страну" - 1, "Не убивай" - 1, "Не поджигай" - 1, "Не разрушай русских городов" - 1, "Не уводи в рабство русских людей" - 1.

Воздействовать на чувство солидарности, представление о групповой, профессиональной принадлежности имели цель 3 призыва, в т.ч. призыв: "Стой, здесь страна рабочих и крестьян" - 1, "Помни, что ты сын трудового народа" - 1, "Не проливай свою кровь за интересы банкиров и плутократов" - 1.

Привлечь внимание к листовке имели цель 2 призыва: "Послушайте нас" - 1, "Береги эту листовку" - 1.

Приложение № 11

Среднесуточный тираж материалов (тыс. экз.)

	1941	1942	1943	1944	1945
Издано в Москве	2565	1626	472	335	245
Фронты, армии	573	1012	726	849	1332
Итого	3138	2638	1198	1184	1577

Приложение № 12

Распространение листовок фронтовой авиацией (тыс. экз. в сутки).

	1941	1942	1943	1944	1945
Западный (3-й Бело русский фронт)	353,0	243,83	130,38	114,97	171,08
Юго-Западный (3-й Украинский фронт)	-	122,18	120,16	101,54	204,1

Приложение № 13 Звукостанции на фронтах (только фабричного производства)

	1941		1942		1943		1944	1945
Всего	22.6	17.10	12.5	21.10	1.4	1.6	1.1	1.1
в т.ч. МГУ	9	16	69	179	343	331	464	427
ОГУ			11	27	33	22	51	51
				68	219	259	382	362

Приложение № 14

Звукопередачи в полосе фронта (в среднем за сутки)

	1941	1942	1943	1944	1945
Западный (3-й Белорусский фронт)	0,04	13,70	36,02	85,80	206,61
2-й Украинский Фронт		-	-	53,48х	46,06хх
Юго-Западный (3-й Украинский фронт)		-	21,87	42,89	25,93

Примечание: х. - за апрель-август, хх. - за январь-февраль.

Приложение № 15

Газеты для населения стран Восточной Европы

Принадлежность	Начало издания	Наименование	Язык издания
1-ый Белорусский фронт	15.8.1944	"Вольность"	Польский
2-ой Белорусский фронт	15.8.1944	"Вольна Польска"	Польский
1-ый Украинский фронт	15.8.1944	"Нове жице"	Польский
2-ой Украинский фронт	19.6.1944	"Грайул либер"	Румынский
3-ий Украинский фронт	8.9.1944	"Дружба"	Болгарский
	19.10.1944	"Хирадо"	Венгерский
	2.4.1945	"Эстеррейхише цайтунг" (для Австрии)	Немецкий
Советская военная администрация	2.5.1945	"Теглише рундшау"	Немецкий
Германии (СВАГ)	2.5.1945	"Берлинер цайтунг"	Немецкий

Приложение № 16

Тиражи изданий для зарубежного населения (тыс. экз.)

	Германия	Австрия	Польша	Венгрия	Румыния	Чехия
Газеты	32170	6200	30230	3900	4820	50
в т.ч. изданы в Москве	12350	-	1200	-	1100	50
Плакаты	142	-	1155	89,6	88,5	204,8
Брошюры	25	-	1244	330	403	691,7

Приложение № 17

Лекционная пропаганда домов дружбы

г. София г. Бухарест г. Берлин

У111.46-1X.47 111-1X.47 1У-1X.47

Число лекций	305	100	109
в т.ч. с выездом на предприятие	50	-	87
лекций в среднем за неделю	6	3	4

Приложение № 18

Основные цели психологического воздействия листовок (процентов)

Цели воздействия

Листовки Листовки фронтов,
Армий ГлавПУРККА

Создать благоприятное

представление о плене	40,0	18,3
Устрашить	22,6	17,8
Дискредитировать руководителей страны	3,2	12,5
Внушить пораженческие настроения	13,1	8,0
Побудить сдаваться в плен	13,1	6,5
Дискредитировать генералов, офицеров	5,5	5,8
Побудить к дезертирству	0,1	5,1
Побудить к антивоенным действиям	0	5,1
Возбудить недовольство положением в стране	0	5,1
Побудить к восстанию	0	4,4
Дискредитировать пропаганду врага	0	2,1
Возбудить недоверие к союзникам	0,8	2,2
Возбудить тревогу за родных	1,0	1,8
Побудить воевать против союзников	0	0,8
Побудить к лояльности Красной Армии	0	0,8
Побудить обдумать информацию	0	0,5
Побудить к неповиновению офицерам	0	0,4
Вызвать кедовольство населения стран-сателлитов немцами	0	0,3
Возбудить неприязнь к войскам СС	0	0,3
Апеллировать к совести	0	0,1
Воздействовать на чувство профессиональной солидарности	0	0,007
Привлечь внимание к листовке	0	0,004
Проанализировано листовок	401	1035

Всего тем и призывов	1153	4016
Среднее число тем в листовке	2,8	3,8

х/ Подробный анализ содержания листовок в приложении № 10.

Приложение № 19

Радиопередачи фронтов на иностранном языке.

Период	Расположение передатчиков	Принадлеж- ность фронту	Передач в сутки	Время передачи	Язык вещания
20.6-22.7.41	Днепропет- ровск	Южный фронт	3	30 мин	Немецкий Итальянский
23.7-3.8.41	Одесса	Южный фронт	3-4	25 мин	Румынский Молдавский
29.7-9.10.41	Сталино	Южный фронт	3	25 мин	Немецкий Румынский Венгерский
11.11.41 -5.7.42	Сталинград	Южный фронт	4	20 мин	Немецкий Румынский Итальянский
9.12.41- 5.7.42	Воронеж	Юго-Западный фронт	3	20 мин	Немецкий Украинский Польский
25.9.41- 15.1.43	Тбилиси	Закавказский фронт	3	25 мин	Немецкий
3.9.41- 1.9.44	Петрозаводск	Карельский фронт	5 7	30 мин (с 15.3.42)	Немецкий Финский
1.9.42- 1.9.44	Мурманск	Северный флот	1	30 мин	Немецкий
29.6.41- 1.9.44	Ленинград	Ленинградский фронт	5	30 мин	Немецкий Финский
1.2.45- 8.5.45	Ленинград	Ленинградский фронт	5	60 мин	Норвежский Немецкий
1.9.41- 8.8.45	Хабаровск	ДВО	3	30 мин	Китайский
10.9.45- 1.5.46	Харбин	Дальневосточный фронт	5	30 мин	Китайский

Приложение № 20

Количество сдавшихся в плен (тыс. чел.)

1941	1942	1943	1944	1945 (1-20.1.)	(1.2-1.6.)	(9.8.-2.9.)
9,1	10,6	216,8	760,9	67,7	2478,0	639,6

Приложение № 21

Лагерь Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД (на 1 января).

1941х	1942	1943	1944	1945	1947хх	1949ххх.	1950
3	5	43	48	158	582	368	242

Примечание, х- на 1.8.41 хх - на 1.4.47 ххх- на 1.5.49

Приложение № 22

Количество антифашистов лагеря военнопленных.

У11.1943 IX. 1943 111.1944 У11.1944

4,5% 22,6% 60,3% 96,6%

Приложение № 23

Подразделения обучения пленных

	1946	1947	1948	1449
Центральные антифашистские школы	2	2	3	3
(шестимесячный курс)				
Трехмесячные курсы	1	16	40	17
Одномесячные курсы	-	1	38	16
Политические кружки	-	1703	7855	9588

Приложение № 24

Номер лагеря	Число пленных	Немцы	Газет	Человек на 1 экз.	Румыны	Газет	Человек на 1 экз.
№ 95 Елабуга	968	741	40	18,5	173	10	17,3
№ 58 Темниковск	12.87	862	500	1,7	268	200	1,3
№ 99 Спасозаводск	3065	1600	500	3,2	961	400	2,4
№ 74 Оранки	958	806	300	2,6	30	100	0,3
№ 100 Суслонгер	443	6	10	0,6	425	400	1,06
Итого:	6721	4015	1350	2,9	1857	1100	1,6

Приложение № 25 Разовые тиражи газет для пленных (тыс.экз.)

	1942	1943	1944
На немецком языке	5	12,4	13,1
На итальянском языке	-	4,7	4,3
На румынском языке	5	8,2	10
На польском языке	-	0,47	-
На венгерском языке		3,1	3

Приложение № 26

Обучение пленных в политических кружках.

	1947	1948	1949
Количество кружков	1703	7856	9588
Число обучавшихся	38916	27621	288346

Приложение № 27

Обучение пленных в антифашистских школах
и на курсах.

	1942	1943	1944-45	1946	1947	1948	1949	Всего
ЦАФШ	885	1538	2500	1500	1553	3739	6720	7985
Курсы:								
трехмесячные -			-	3500	3300	9678	4580	21058
одномесячные -					700	10740	9512	20952
прочие	-	-	-		7107	-	19498	26605
Итого:	885	1538	2500	5000	12660	24157	39860	86600

Приложение № 28

Результаты анкетирования 2357 пленных в 1949 году. (процентов)

	Качество политработы	Условия содержания	Отношение к СССР	Отношение к СЕПГ х
Оценили положительно	98,5	95	97	90
Оценили отрицательно	0,5	2	1,2	4 хх
Воздержались от оценки	1	3	1,8	6

х. - СЕПТ - Социалистическая единая партия Германии.

хх. 2,5 % заявили о поддержке Христианско-демократического союза, 1,5 % - поддержали Либерально-демократическую партию.

Приложение № 29

Изменение политических взглядов пленных

офицерского лагеря № 95 в Елабуге (процентов)

	1X.1941	11.1942	X. 1947
Убежденных нацистов	11	10	15,2
Умеренных нацистов	52	50	-
Индиifferentных	35	23	52,5
Лояльных администрации	-	9	15,2
Антифашистский актив	-	0,7	16,8
Количество пленных	1700х	1100	327

х. в том числе унтер-офицеров и младших командиров.

Доктор исторических наук, профессор, действительный член
Академии педагогических и социальных наук, Академии
военных наук, Академии геополитических проблем
РЕПКО Сергей Иванович

ВОЙНА И ПРОПАГАНДА (XV-XX ВВ.)

Научная монография

Книга издана в авторской редакции

Книги автора смотрите на сайте repko.su

Подписано в набор 3.7.1999. Подписано в печать 5.10.1999.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Школьная». Усл. печ. л.28,0. Уч.-изд. л.28,2.
Зак. № 205. Тираж 100 экз.

Лицензия ЛР № 040676 от 1 марта 1999 г.
Издательство «Новости» 107082, Москва, ул. Большая Почтовая, 7
Тел. (095) 265-56-53